

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (21)
2023

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КРАСНОЙ АРМИИ
ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ
АВИАЦИЯ РОССИИ
ВОЕННО-МОРСКОЙ
ФЛОТ РОССИИ
ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА
РОССИЯ И КИТАЙ
ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ
ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ
И ВООРУЖЕННОЕ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОДПОЛЬЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ РОССИИ
ИСТОРИОГРАФИЯ
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА
ВАТИКАН ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ
РОССИИ
СПЕЦСЛУЖБЫ
РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (21)
2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БУРАВЧЕНКО Валерий Павлович – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

БУРНОСОВ Игорь Лаврентьевич – полковник, член Совета ветеранов военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А. М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович – генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ХИЛЬКО Борис Витальевич – полковник, кандидат исторических наук, ветеран военной разведки;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незабываемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

А.М. Василевский
Сталинградская битва 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Б.Л. Иоффе
Из истории атомного проекта
в СССР 25

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

А.Е. Голованов
Помощь югославским
партизанам 36

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Н.Г. Кузнецов
На южном фланге 55

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Гр. авторов
Криптографическая деятель-
ность в Гражданскую войну
в России 62

★ РОССИЯ И КИТАЙ

Ю.М. Галенович
Сыновья Мао Цзэдуна 73

★ ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

Г.А. Куманев
Встречи с Михаилом Георгие-
вичем Первухиным 88

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Ф.И. Ладыгин
Внутриполитическая
борьба 110

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

П.А. Судоплатов
Борьба с ОУН на Западной
Украине 116

★ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Н.Ф. Червов
Перекраивание союзов 125

★ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Кирилл Прокофьевич
Орловский 136

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Ю.А. Нерсесов
За восемь лет до НАТО 147

★ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Чем была Россия для всеиль-
ного «учителя» 165

★ ВАТИКАН ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Д.В. Веденеев
Иезуит пойдет на всё 174

Владислав Петрушко
Православие и католичество
на Западной Украине 184

★ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

А.А. Кошкин
Россия – традиционный
враг 193

К.П. Полутов
Управление государственной
безопасности
Маньчжоу-Го 204

★ РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

А.В. Окорочков
Непокорный южный сосед 209

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

Откровения Вальтера
Шелленберга 224

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей Эс
Речь И.В. Сталина на XX съез-
де КПСС. Фантастический
рассказ 238

Владимир Корнеев
Чтоб мирно жить 253

Ирина Самарина-Лабиринт
А волки гораздо добрее
людей 254

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ

К 80-й годовщине победы Советских войск в битве на Волге

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

▲ Сталинград февраль, 1943 г.

Летом 1942 года в Генштабе шла напряженная работа. Весенние неудачи советских войск на юге переживались нами тяжело. Мы сознавали и свою долю вины в этом, хотя в приказе Верховного Главнокомандующего о Генштабе ничего не говорилось. Просчеты при проведении весенних операций послужили для нас серьезным уроком. Оперативный состав внимательно анализировал события на фронте, особенно на юге и в излучине Дона. Перед работниками Генштаба вставали все новые зада-

чи, одна другой сложнее. Первейшая среди них — организация постоянного и прочного управления войсками, подчинение их действий единому замыслу Ставки.

Как ни тяжело было это сознавать, на повестку дня встал вопрос защиты Сталинграда. Его географическое и экономическое положение определяли и его стратегическое значение.

В 1943 году слово «Сталинград» вошло в словарный фонд всех языков мира и с той поры напоминает о битве, которая по размаху, напряжению и последствиям превзош-

ла все вооруженные столкновения прошлых времен. Сталинград долгое время был центром ожесточенных и кровопролитных боев, здесь неумолчно дни и ночи гремели взрывы бомб и снарядов, дымились развалины зданий, плавился асфальт площадей и улиц, бушевал огонь на самой реке, покрытой нефтью, хлынувшей из разрушенных хранилищ.

Вспоминая об обстановке, предшествовавшей Сталинградской битве, о намерениях противника на летнюю кампанию 1942 года, надо сказать следующее.

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ, советский государственный и военный деятель, выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального Штаба (1942-1948), главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке (1945), министр Вооруженных Сил (военный министр) СССР (1949-1953).

Обстановка того времени оставалась для нашей страны весьма трудной. Под пятой фашистских оккупантов находились Прибалтика и Белоруссия, Украина и Молдавия, западные и южные области Российской Федерации. Враг продолжал блокаду Ленинграда, держал крупные силы войск неподалеку от Москвы. Накопленные с большим напряжением стратегические резервы были израсходованы в боях под Москвой. Несмотря на то, что усилиями военно-политического руководства, всего советского народа к лету 1942 года были достигнуты немалые результаты в развитии народного хозяйства, оно пока что обеспечивало армию лишь минимально необходимыми средствами для организа-

ции отпора вражеским полчищам. Обстановку усугубил неудачный для наших войск исход боевых действий весной 1942 года под Ленинградом, Харьковом и в Крыму.

Рассчитывать на действенную помощь со стороны союзников по антигитлеровской коалиции не приходилось. Они все еще затягивали открытие второго фронта в Европе. Вместо развертывания боевых действий в Европе, их внимание было направлено на второстепенные, удаленные на огромные расстояния от Германии театры, которые не отвлекали на себя сколько-нибудь значительных сил фашистского блока. Напомним, что в Северной Африке против английской армии действовало в мае 1942 года всего лишь

восемь итальянских и три немецкие дивизии.

Совершенно очевидно, что такая политика американско-английских правящих кругов по отношению к Советскому Союзу позволила немецкому командованию привлечь для борьбы против Советского Союза значительные дополнительные силы. На 1 мая 1942 года на советско-германском фронте действовало 217 дивизий и 20 бригад противника, то есть около 80% всех сухопутных войск Германии и ее союзников, а также три из пяти немецких воздушных флотов.

План немецкого командования на лето 1942 года, как явствует из директивы № 41 от 5 апреля, заключался в том, чтобы «снова овладеть инициативой», утраченной в резуль-

▲ Василевский А.М. на рекогносцировке, сентябрь 1942 г., Юго-Восточный фронт

тате поражения под Москвой, «окончательно уничтожить живую силу, остающуюся еще в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества военно-экономических центров». Однако немецкое командование не могло в то время развернуть наступление на всех стратегических направлениях советско-германского фронта, как это было летом 1941 года. Возможностей для наступления на широком фронте уже не доставало. Поэтому реализовать намеченный план противник решил путем проведения последовательных наступательных операций в соответствии с имеющимися силами и складывающейся обстановкой. План предусматривал первоначально «сосредоточить все имеющиеся силы для проведения главной операции на южном участке фронта с целью уничтожить противника западнее Дона и в последующем захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет». С прорывом на Кавказ гитлеровская клика связывала вовлечение Турции, занимавшей далеко не добрососедскую позицию по отношению к Советскому Союзу, в войну на стороне Германии, а также подготовку к вторжению на Ближний Восток.

Итак, целью «главной операции» провозглашался Кавказ. Чтобы обезопасить левое крыло войск, предназначенных для достижения этой цели, оказать им содействие в быстром продвижении вперед, немецкое командование решило нанести удар на сталинградском направлении. В упомянутой директиве № 41 указывалось на необходимость «попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций». Таким образом, данному направлению в плане врага отводилась вспомогательная роль. Но вскоре это направление, вопреки расчетам и желанию нацистских стратегов, из вспомогательного превратилось в решающее направление борьбы на всем советско-германском фронте.

▲ Бой в центре Сталинграда

В связи с предстоящим наступлением немецкое командование 9 июля осуществило намеченное еще в апреле 1942 года разделение группы армий «Юг». Во вновь созданную группу армий «Б» вошли 2-я, 6-я и 4-я танковые немецкие армии и 2-я венгерская армия. В группу армий «А» вошли 11-я, 17-я и 1-я танковые немецкие армии.

Начало Сталинградской битвы, на отдельных этапах которой действовало с обеих сторон свыше 2 млн. человек, более 2 тыс. танков и столько же самолетов, 26 тыс. орудий и минометов, восходит к середине июля 1942 года. По характеру событий битва состояла из двух ярко выраженных периодов: оборонительного — на подступах к Сталинграду и в самом городе (с 17 июля по 18 ноября) и наступательного, завершившегося ликвидацией огромной группировки врага (с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года).

Первоначально задачу овладения Сталинградом фашистское командование возлагало на 6-ю и 4-ю танковые армии. Нацистские стратеги полагали, что советские войска, ослабленные в предыдущих боях, не ока-

жут на пути к Сталинграду серьезного сопротивления. Они настолько уверовали в это, что даже в середине июля повернули 4-ю танковую армию на юг для действий на Кавказе, включили в ее состав несколько соединений 6-й армии. Однако их надежды на легкую и скорую победу были развеяны еще в большой излучине Дона. Это сделали советские воины, отстаивавшие с непреклонной решимостью каждый метр родной земли.

Беспримерным мужеством, безмерной отвагой советские воины сорвали план немецкого командования — разгромить наши войска на правом берегу Дона и с ходу захватить Сталинград. В отражении вражеского натиска большую роль сыграло решение Ставки Верховного Главнокомандования о выдвигании из ее резерва для прикрытия сталинградского направления войск 63-й, 62-й и 64-й армий. Из них и из отошедшей за Дон 21-й армии и 8-й воздушной армии был создан Сталинградский фронт (командующий Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, с 23 июля генерал-лейтенант В. Н. Гордов).

Оборонительным действиям наших войск Генштаб и Ставка стремились придать характер стратегической обороны, чтобы тем самым сорвать новое «генеральное» наступление гитлеровской армии.

Оборонительные сражения на дальних подступах к Сталинграду начались еще 17 июля со столкновений нашей 62-й армии и войск 6-й немецкой армии на реке Чир. После упорного боя передовые части 62-й армии вынуждены были отойти на основной оборонительный рубеж, занятый главными силами армии. Все попытки немецких войск прорвать с ходу нашу оборону вплоть до 23 июля срывались. В то же время через фронт обороны 62-й армии отходили потерпевшие поражение в борьбе за Восточную Украину и Придонуэ разрозненные войска 38-й и 28-й армий. Ставка приняла решение на базе этих армий сформировать в рамках Сталинградского фронта 1-ю и 4-ю танковые армии смешанного состава.

Натолкнувшись на ожесточенное сопротивление советских войск, немецко-фашистское командование с первых дней операции по овладению Сталинградом стало усиливать свою 6-ю армию частями, перебрасываемыми с других участков фронта, главным образом из-под Воронежа. Уже к 23 июля враг имел против Сталинградского фронта 18 дивизий вместо 14, с которыми он начал операцию. Создав превосходство в силах и возобновив наступление, противник прорвал на правом фланге 62-й армии оборону и своими подвижными войсками вышел к Дону у Каменского, глубоко охватив с севера левый фланг этой армии. Продолжая развивать прорыв, он окружил возле Майоровского около трех советских стрелковых дивизий и танковую бригаду и выходом крупных сил к Верхне-Бузиновке и Сухановскому создал непосредственную угрозу не только переправам через Дон, но и всем войскам 62-й и 64-й армий, оборонявшимся в большой

излучине Дона. Для ликвидации этой серьезной опасности вновь потребовались немедленные меры.

Резервов у Ставки в районе Сталинграда, за исключением еще не готовых к действиям 1-й и 4-й танковых армий, не было. 1-я танковая армия генерал-майора К.С. Москаленко к тому времени получила лишь управление двух танковых корпусов, с ними 160 танков и одну стрелковую дивизию; 4-я танковая армия генерал-майора В.Д. Крюченкина имела один танковый корпус (80 танков) и одну стрелковую дивизию. Правда, во фронтовом резерве находилась 57-я армия генерал-майора Ф.И. Толбухина, но и она только начала получать пополнение. Ставка, передав фронту две формировавшиеся танковые армии, приказала восстановить утраченное положение. Одновременно из резервов Ставки в район Сталинграда перебрасывались шесть новых стрелковых дивизий.

23 июля в качестве представителя Ставки я прибыл на Сталинград-

▲ 62 армия, Родимцев, Гуров, Чуйков, Крылов

▲ Сталин И.В.

ский фронт. Изучение сложившейся на фронте обстановки показало, что единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая армия смогла сделать это только через двое суток. Поэтому пришлось пойти на немедленный удар 1-й танковой армии, а затем уж и 4-й.

Контрудар не привел к разгрому группировки врага, прорвавшейся к Дону, но, как показали последующие события, сорвал замысел противника окружить и уничтожить 62-ю

армию, сыгравшую в дальнейшем вместе с 64-й армией основную роль при обороне Сталинграда, и не позволил ему осуществить стремительный бросок для захвата Сталинграда с ходу.

В те же дни осложнилась обстановка на правом фланге 64-й армии. Фашисты потеснили растянутые на широком фронте советские соединения и овладели Нижне-Чирской. Возникла еще одна угроза — прорыва противника к Сталинграду с юго-запада.

28 июля в разгар оборонительных боев был подписан и немедленно отправлен в войска приказ № 227 народного комиссара обороны

И. В. Сталина. Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности.

Вот его некоторые положения.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население».

«Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке... Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны, территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция — наши отцы, матери, жены, братья, дети. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, — стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас уже сейчас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину».

«Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад!»

«Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

«Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все

больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, авиаэскадрильях. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину».

Приказ предлагал «железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток», что от такого отступления не будет якобы вреда. Предписывалось также снимать командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск. Те же меры предлагалось применять и к командирам и комиссарам полков и батальонов за оставление войсками без приказа боевых позиций. Этим приказом вводились штрафные батальоны.

Мы все сознавали, что жестокость и категоричность требований

приказа шла от имени Родины, народа, и важно было не то, какие будут введены меры наказания, хотя и это имело значение, а то, что он повышал сознание ответственности у воинов за судьбы своего социалистического Отечества.

В ходе последующих боев у 6-й немецкой армии сил оказалось недостаточно, и ее войска вынуждены были перейти к временной обороне. Чтобы завершить операцию, немецко-фашистское командование перенацеливает 4-ю танковую армию с северокавказского на сталинградское направление, с задачей нанести удар по городу с юга, вдоль железной дороги от Котельникова. Это наступление началось 31 июля. Несмотря на численное превосходство в силах, 4-я танковая армия понесла большие потери и осуществить замысел не смогла. Переход войск 6-й и 4-й танковой немецких армий к обороне заставил вражеское командование приступить к подготовке новой наступательной операции.

Несмотря на то, что советским войскам в результате упорной борьбы удалось вначале замедлить наступление немецких войск на дальних подступах к Сталинграду, а затем и остановить их продвижение перед внешним оборонительным обводом, положение на сталинградском направлении оставалось для нас в конце первой половины августа крайне напряженным. Протяженность Сталинградского фронта возросла до 800 км.

Ставка и Генеральный штаб с каждым днем все более и более убеждались в том, что командование этим фронтом явно не справляется с руководством и организацией боевых действий такого количества войск, вынужденных к тому же вести ожесточеннейшие бои на двух разобщенных направлениях. 5 августа Ставка приняла решение разделить Сталинградский фронт на два самостоятельных фронта — Сталинградский и Юго-Восточный. В состав Юго-Восточного фронта вошли войска

▲ Бомбежка города

▲ Сталинградский фронт, Еременко, Чуюнов, Кириченко, Хрущев, 1942 г.

левого крыла прежнего Сталинградского фронта — 64-я, 57-я и 51-я армии, 13-й танковый корпус, а также 8-я воздушная армия генерал-майора Т. Т. Хрюкина. Предназначалась для него и перебрасываемая на сталинградское направление из резерва Ставки 1-я гвардейская армия. Командующим Юго-Восточным фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко. В составе Сталинградского фронта остались 63-я, 21-я, 62-я и 4-я танковые армии, 28-й танковый корпус и часть авиации 8-й воздушной армии, на базе которой и авиации резерва Ставки в августе была сформирована 16-я воздушная армия генерал-майора авиации С. И. Руденко. Командующим войсками этого фронта оставался генерал-лейтенант В. Н. Гордов.

Начиная с первой половины июля Верховное Главнокомандование систематически усиливало войска сталинградского направления за счет стратегических резервов. В августе приток войск сюда из глубины страны еще более возрос. Так,

с 1 по 20 августа сюда было направлено 15 стрелковых дивизий и 3 танковых корпуса.

Меры, принятые Ставкой, ее представителями, командованием фронтов и армий, значительно укрепили положение войск, но эти меры, как показали последующие события, оказались далеко не достаточными, чтобы снять полностью угрозу, нависшую над Сталинградом.

Очередное наступление на Сталинград силами 6-й и 4-й танковой армий противник начал 19 августа. Разгорелись жаркие бои на ближних подступах к городу. В ходе этих боев сильной подвижной группе вражеских войск удалось прорвать оборону к северу от Калача и к 23 августа выйти к Волге севернее Сталинграда. Одновременно с прорывом нашей обороны немецкое командование предприняло 23 и 24 августа ожесточеннейшую бомбардировку города, для которой были привлечены все наличные силы его 4-го воздушного флота. Город по ночам он напоминал гигантский костер.

Для уничтожения прорвавшейся к Волге вражеской группировки Ставка выдвинула из резерва 24 и 66 армии, которые совместно с армиями Сталинградского фронта нанесли фланговые контрудары. Противник был остановлен на северо-западных окраинах города. Немецко-фашистское командование продолжает наращивать силы. К концу сентября в составе группы армий «Б», наступающей на Сталинград действовало более 80 дивизий противника. 12 сентября, когда противник вплотную подошел к городу также с запада и юго-запада, его дальнейшая оборона была возложена на 62 армию генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова и 64 армию генерал-майора М. С. Шумилова. В городе развернулись ожесточенные уличные бои. Большую помощь защитникам Сталинграда в этот период оказывали почти не прекращающиеся в течение сентября контрудары 1 гв., 24 и 66 армий севернее города. Значительные силы противника сковывали войска 57 и 51 армий, предпринявшие частную наступа-

▲ 64 армия, командарм М.С. Шумилов

тельную операцию южнее Сталинграда. 28 сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской, командующим был назначен генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский, а Юго-Восточный — в Сталинградский — командующий генерал-полковник А.И. Еременко. 15 октября немецко-фашистским войскам на узком участке удалось прорваться к Волге в районе Сталинградского тракторного завода. 11 ноября они предприняли последнюю попытку овладеть городом. Им удалось пробиться к Волге южнее завода «Баррикады». Но это был последний успех немецко-фашистских войск.

18 ноября 1942 года закончился оборонительный период Сталин-

градской битвы. В ходе его немецко-фашистские войска потеряли около 700 тыс. убитыми и ранеными, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. танков и штурмовых орудий и свыше 1,4 тыс. боевых и транспортных самолетов. План гитлеровского командования, рассчитанный на быстрое овладение Сталинградом, а также план всей летне-осенней кампании 1942 года были сорваны. Войска Красной Армии, проявив негибаемую волю и стойкость в обороне, высокое воинское мастерство и массовый героизм, измотали и обескровили главную группировку противника, действовавшую под Сталинградом, что создавало благоприятные условия для перехода в контр-

наступление. Ставке Верховного Главнокомандования было хорошо известно, что благодаря стойкости и упорству героев волжской твердыни 6-я и 4-я танковые немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками. Было также известно, что огромные потери, которые продолжал нести враг в надежде все же овладеть городом, и особенно то, что он не имел здесь сколько-нибудь внушительных резервов, еще более ограничивали его оборонительные возможности. Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между И.В. Сталиным, Г.К. Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северозападнее Сталинграда) и из дефиле озера Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы — 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии. До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города, с тем, чтобы на его развалинах максимально измотать и обескровить врага и ни в коем случае не допустить его продвижения вдоль Волги на север, в сторону Камышина.

Государственный Комитет Оборона и Ставка Верховного Главнокомандования решили считать подготовку и осуществление этого контрнаступления главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 года. Для его успешного проведения планировалось привлечь

▲ Командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин

основные силы и средства, имевшиеся в распоряжении Ставки. При этом Сталин ввел режим строжайшей секретности на всю начальную подготовку операции. Нам в категорической форме было предложено никому ничего не сообщать о ней, даже членам ГКО. Сталин предупредил, что, кому нужно, он сам скажет о подготовке операции. Мы с Г.К. Жуковым могли довести до командующих фронтами лишь то, что непосредственно касалось каждого из них, — и ни слова больше. Полагаю, что подобная мера осторожности в тех условиях была полностью оправдана.

После принятия предварительного решения на контрнаступление Г.К. Жукову и мне было предложено выехать под Сталинград, чтобы тщательно изучить направления наших будущих ударов по противнику и уточнить все необходимые детали в связи с этим. Г.К. Жуков отправился

на Сталинградский, я на Юго-Восточный фронт.

Эта работа была завершена в конце сентября. Тогда же, в сентябре, основные положения плана наступательной операции, получившей наименование «Уран», были одобрены Ставкой Верховного Главнокомандования и ГКО. Выполнение плана было решено возложить на войска вновь создаваемого Юго-Западного фронта (командующий Н.Ф. Ватутин, член военного совета А.С. Желтов и начальник штаба Г.Д. Стельмах, впоследствии С.П. Иванов), Донского фронта, бывшего Сталинградского (командующий К.К. Рокоссовский, член военного совета К.Ф. Телегин, начальник штаба М.С. Малинин) и Сталинградского фронта, бывшего Юго-Восточного (командующий А.И. Еременко, член военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба И.С. Варенников). Фронты непосредственно подчинялись Ставке.

В целях сохранения тайны официальное оформление решения о создании Юго-Западного фронта было отнесено на конец октября. Решающая роль в операции отводилась танковым и механизированным войскам. В связи с этим предусматривалось и считалось возможным передать из резервов Ставки в район Сталинграда к началу операции 4 танковых и 2 механизированных корпуса, доведя общее количество танков во фронтах сталинградского направления до 900. Решено было также значительно усилить эти фронты артиллерией и авиацией.

В результате такого быстрого наращивания сил и накопления стратегических резервов, а также с учетом серьезных потерь, которые наносили противнику наши войска в ходе стратегической обороны, на ряде участков сталинградского направления намечилось наше преимущество перед врагом. И хотя в целом по войскам сталинградских фронтов его не было, это позволяло советскому командованию умело маневрировать на направлениях главных ударов.

После этого детальная разработка плана была передана в Генеральный штаб. К ней мы привлекли командующих родами войск, начальника тыла А.В. Хрулева, начальника Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлева. В первых числах октября в работу включились командующие войсками и штабы фронтов; им было приказано подготовить предложения по использованию сил каждого фронта для совместной наступательной операции «Уран». Руководство подготовкой контрнаступления на местах Ставка возложила по Юго-Западному и Донскому фронтам на Г.К. Жукова, по Сталинградскому — на меня. К середине ноября подготовка к контрнаступлению была завершена. К началу контрнаступления на сталинградском направлении были развернуты войска Юго-Западного (1-я гв., 5-я танковая, 21-я и 17-я воздушная армии; командующий генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин), Донского (65-я, 24-я, 66-я и 16-я воздушная армии; командующий генерал-лейтенант К.К. Ро-

коссовский) и Сталинградского (62-я, 64-я, 57-я, 51-я, 28-я и 8-я воздушная армии; командующий генерал-полковник А. И. Еременко) фронтов — всего 1 106 тыс. человек, 15 500 орудий и минометов, 1 463 танка и САУ, 1 350 боевых самолетов. Войскам Красной Армии противостояли 3-я румынская, 6-я полевая и 4-я танковая немецкие и 4-я румынская армии группы армий «Б» (командующий генерал-фельдмаршал М. Вейхс), насчитывавшие более 1 011 тыс. человек, 10 290 орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий, 1 216 боевых самолетов. Наши войска превосходили противника в людях в 1,1, в орудиях и минометах в 1,5, в танках и САУ в 2,2, в боевых самолетах в 1,1 раза.

После обсуждения в Ставке ряда вопросов план и сроки операции были окончательно утверждены. Г. К. Жуков получил вслед за тем задание подготовить отвлекающую операцию на Калининском и Западном фронтах. На меня Ставка возложила координирование действий всех трех фронтов сталинградского направления при проведении контрнаступления. До начала одной из величайших по своему значению военных операций в истории человечества оставалось несколько суток...

Контрнаступление началось 19 ноября ударами войск Юго-Западного и 65-й армии Донского фронтов. Атаке пехоты и танков предшествовала артиллерийская подготовка Соединения 5-й танковой и 21-й армий Юго-Западного фронта, поддержанные огнем артиллерии, к 11 часам продвинулись на глубину 4-5 км. На этом рубеже для завершения прорыва в сражение были введены 1, 26 и 4-й танковые, а затем 3-й гв. и 8-й кавалерийские корпуса. К исходу дня войска Юго-Западного фронта продвинулись на 25-35 км. 65-я армия, встретив сильное сопротивление противника, продвинулась лишь на 3-5 км.

Войска Сталинградского фронта (57-я и 51-я армии и левофланговые соединения 64-й армии) начали наступление 20 ноября, в первый же

день прорвали оборону противника и обеспечили ввод в прорыв 13-го танкового, 4-го механизированного и 4-го кавалерийского корпусов. Действуя в оперативной глубине, танковые и механизированные корпуса двух фронтов стремительно продвигались навстречу друг другу в направлении Калач, Советский. Одновременно завершилось окружение в районе Распопинской крупной группировки румынских войск, а кавалерийские корпуса и стрелковые соединения 1-й гв., 5-й танковой и 51-й армий, развивая наступление в юго-западном и южном направлениях, создавали внешний фронт окружения всей сталинградской группировки противника. С улучшением погоды нашим войскам стала оказывать помощь авиация 17, 16, 8 и часть сил 2-й воздушных армий.

23 ноября подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калач, Советский, Мариновка и окружили 22 дивизии и более 160 отдельных частей 6-й и частично 4-й танковой немецких армий общей численностью 330 тыс. человек. В этот же день капитулировала распопинская группировка противника. С подходом стрелковых соединений

был создан сплошной внутренний фронт окружения. К исходу 23 ноября создать сплошной внешний фронт окружения нам не удалось. Его общая протяженность составляла более 450 км. Из них нашими войсками было прикрыто не более 265 км. Минимальное удаление от внутреннего фронта окружения на самых ответственных направлениях не превышало 15—20 км. Но и у гитлеровцев не имелось сплошной линии обороны против наших войск. Более того, нам стало известно, что в результате столь удачных и абсолютно неожиданных для врага действий советских войск за последние пять суток на таком важнейшем участке, как Лихая — Ростов, образовалась огромная брешь, не занятая фашистами. Отсутствие у противника в непосредственном оперативном тылу резервов усугубляло остроту его положения.

Обсудив с фронтовым командованием оперативную обстановку и наметив наиболее целесообразный план дальнейших действий, я доложил Верховному Главнокомандующему наши соображения и предложения. Они сводились к следующему. Гитлеровцы в самом срочном порядке, безусловно, примут все меры к тому, чтобы при максимальной

▲ Залпы гвардейских минометов

помощи извне выручить свои войска, окруженные под Сталинградом; поэтому важнейшей задачей для нас является скорейшая ликвидация окруженной группировки врага и освобождение своих сил, занятых этой операцией; до решения этой основной задачи нужно как можно надежнее изолировать окруженную группировку от подхода неприятельских войск; в этих целях необходимо быстро создать прочный внешний фронт и иметь за ним достаточные резервы из подвижных войск. Войска всех трех фронтов, находящиеся на внутреннем фронте окружения, с утра 24 ноября без какой-либо существенной перегруппировки и дополнительной подготовки продолжат решительные действия по ликвидации окруженного противника.

Верховный Главнокомандующий одобрил наши выводы и действия и предложил, исходя из благоприятной, сложившейся для нас на среднем течении Дона обстановки, наметить проведение новой (о ней уже шла речь в Ставке) наступательной операции силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, чтобы расширить фронт нашего наступления и нанести врагу допол-

нительный и по возможности как можно более чувствительный удар в общем направлении на Миллерово, Ростов. Предполагалось, что успех этой операции может создать условия для полного разгрома противника на южном крыле советско-германского фронта и вместе с тем, при наличии наших активных действий на тормосинском направлении, надежнее обеспечить с запада ход ликвидации окруженной группировки врага. Верховный Главнокомандующий приказал мне в ближайшие дни вместе с командующими Юго-Западным и Воронежским фронтами рассмотреть этот вопрос на месте и представить в Ставку соответствующие соображения.

В ночь на 24 ноября я дал командующим Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами директиву, в которой излагались их задачи по ликвидации окруженной группировки на ближайшее время (вечером они получили устные распоряжения о действиях на следующий день). К участию в боевых действиях, начавшихся с утра 24 ноября, для удара с запада на восток, привлекалась 21-я армия, усиленная 26-м и 4-м танковыми корпусами Юго-Запад-

ного фронта; с севера, от Клетской и Качалинской, вместе с уже наступавшими здесь 65-й и 24-й армиями должна была перейти в наступление от Дубовки 66-я армия Донского фронта; с востока — 62, 64 и 57-я армии Сталинградского фронта. Общим для ударных группировок всех трех фронтов являлось направление на Гумрак: с выходом в этот район наших войск окруженные войска противника будут расчленены на мелкие группировки и не смогут оказать дальнейшего сопротивления.

Для обеспечения операции со стороны внешнего фронта окружения предусматривалось, что Юго-Западный фронт силами 1-й гвардейской и 5-й танковой армий прочно закрепит за собой позиции по восточным берегам рек Кривая и Чир с севера на юг и далее по железной дороге на участке Обливская — Суворикино — Рычковский с запада на восток, чтобы не допустить контрудара противника с юго-запада. С юга же, по линии Громославка — Аксай — Уманцево, обеспечение операции возлагалось на 4-й кавкорпус и стрелковые дивизии 51-й армии Сталинградского фронта.

▲ Разведчики, окраина Сталинграда 1942 г.

С утра 24 ноября войска приступили к выполнению заданий. Но, к сожалению, ожидаемых результатов наступление не принесло. В наших исходных расчетах, на которых основывалось решение об уничтожении окруженного противника действиями с ходу, была допущена серьезная ошибка. По разведывательным данным из фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулус, определялась в то время в 85—90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 300 тыс. Значительно преуменьшенными были наши представления и о боевой технике, особенно артиллерии и танках, и вооружении, которыми располагали окруженные фашисты. Мы не учли тех пополнений, которые поступали в соединения 6-й полевой и 4-й танковой немецкой армий в процессе их наступления и обороны, и огромного количества частей и подразделений всякого рода специальных и вспомогательных войск, попавших в «котел». Между тем личный состав этих войск в большинстве своем был использован в дальнейшем для пополнения боевых частей. Так, мы совершенно не принимали в расчет попавшие в окружение дивизию ПВО, более десятка отдельных саперных батальонов, санитарные организации и подразделения, многочисленные строительные батальоны, инженерные отряды из бывшей организации Тодта (возглавленной после его смерти Шпеером), части полевой жандармерии, тайной военной полиции и т. д.

В эти дни мы вместе с командующим Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватутиным работали над замыслом будущей Северо-Донецкой операции.

Ближайшая цель операции — разгром 8-й итальянской армии и немецкой оперативной группы «Холлидт». Для этого на Юго-Западном фронте создать две ударные группировки: одну — на правом фланге 1-й гвардейской армии

▲ Огненный обстрел

(в составе 6 стрелковых дивизий, 3 танковых корпусов и необходимых средств усиления) для нанесения удара с плацдарма южнее Верхнего Мамона в южном направлении, на Миллерово; другую — в полосе 3-й гвардейской армии к востоку от Боковской (в составе 5 стрелковых дивизий и одного механизированного корпуса) для одновременного нанесения удара с востока на запад, также на Миллерово, чтобы замкнуть кольцо окружения. В дальнейшем, разгромив итальянцев, подвижные войска фронта выходят на Северский Донец и, захватив переправу в районе станции Лихая, создают благоприятную обстановку для развития дальнейшего наступления на Ростов.

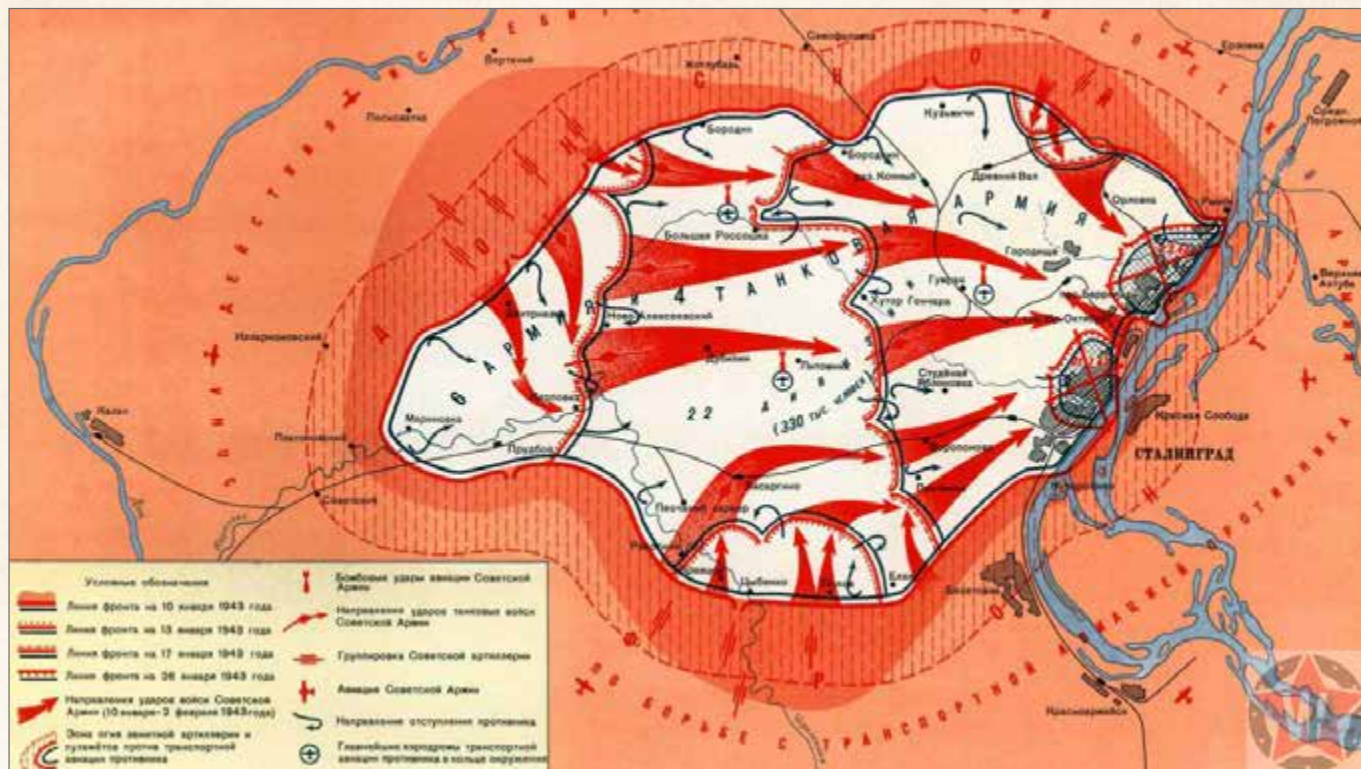
Для обеспечения операции с северо-запада и запада ударная группировка 6-й армии Воронежского фронта (в составе 5 стрелковых дивизий и одного танкового корпуса) должна будет нанести удар из района юго-западнее Верхнего Мамона на Кантемировку, Волошино. Готовность войск к выполнению операции — 10 декабря. Мы считали необходимым к этому времени дополнительно передать распоряжением Ставки в Юго-Западный фронт 5 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, один механизированный

корпус, 6 отдельных полков, а 6-й армии Воронежского фронта — три стрелковые дивизии, один танковый корпус, 7 артиллерийских и минометных полков.

5-й танковой армии предстояло в ближайшее время разгромить противника в районе Чернышевская, Морозовск, Тормосин с целью более прочной изоляции с юго-запада окруженной под Сталинградом группировки врага и развития в дальнейшем наступления на Тацинскую с выходом на рубеж реки Северский Донец. Успех операции означал бы приближение советских войск к Донбассу, начало освобождения Украины.

Верховный Главнокомандующий в основном одобрил наши предложения и обещал дополнительные войска и средства для фронтов. Мне он приказал обязать командующих Юго-Западным и Воронежским фронтами приступить к разработке детальных планов операции и представить в Ставку окончательные соображения по ней не позднее первых чисел декабря. Согласился Сталин и с моим предложением передать 21-ю армию Юго-Западного фронта, 26-й и 4-й танковые корпуса, действовавшие на внутреннем фронте кольца окружения у Сталинграда,

▲ Операция «Кольцо»

Донскому фронту. Таким образом, все внимание командования Юго-Западного фронта сосредоточивалось на внешней линии борьбы и подготовке операции, получившей кодовое наименование «Сатурн». Кстати, наименование «Сатурн» я впервые услышал от Сталина 24 ноября, когда мы по телефону обсуждали вопрос о проведении наступательной операции силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов в направлении Миллерово, Ростов. Цель наступления — создание нового кольца по отношению к окруженной под Сталинградом группировке противника. Сталин так и назвал ключительную операцию по уничтожению этой группировки «Кольцо». Точно так же названия и всем операциям давались лично Сталиным. В конце разговора И.В. Сталин указал, что в данное время самой важной и основной задачей является быстрейшая ликвидация окруженной группировки немцев. Это освободит занятые в ней наши войска для выполнения других заданий по окончательному разгрому врага на нашем Южном фронте.

— А потому,— заключил он разговор,— Ставка предлагает вам немедленно сосредоточиться на этом одном деле. Что касается операции «Сатурн», то ею пусть займутся Ватутин и Кузнецов, а Москва им будет помогать.

2 декабря Ставка без каких-либо особых изменений утвердила окончательный план операции «Сатурн». Представителем Ставки при Юго-Западном и Воронежском фронтах был назначен Н.Н. Воронов.

С 24 ноября наши войска вели ожесточенные бои с окруженными войсками Паулюса, оборонявшимися крайне упорно, переходившими зачастую в контратаки. В течение 28—30 ноября войска всех трех фронтов продолжали ожесточенную борьбу. Войскам 21-й, 65-й и 24-й армий Донского фронта удалось в ходе боев овладеть сильно укрепленными узлами в районе Песковатка, Вертячий, где враг оказывал особо упорное сопротивление. Даже беглый осмотр захваченных 65-й армией окопных сооружений противника, с массой хорошо оборудованных, защищенных и замаскированных пу-

леметных и артиллерийских огневых точек, с прочными и удобным укрытиями для личного состава, надежно прикрытых искусно созданными инженерными противопехотными и противотанковыми, с наличием надолб, заграждениями,— все это уже говорило о том, что фашисты, по-видимому, рассчитывали драться здесь серьезно и долго. Особенно тщательно и прочно были построены и оборудованы пункты наблюдения и управления. Так, блиндаж, принадлежавший, по показанию пленных, командиру одной из пехотных дивизий противника, был защищен сверху двенадцатью накатами солидных бревен.

Территория, которую они занимали, сократилась за это время почти вдвое. Однако от выполнения основной задачи — расчленения окруженной группировки и тем более окончательной ее ликвидации — мы были еще далеки. Враг (6-я немецкая армия в составе 17 дивизий и еще 5 дивизий 4-й танковой армии) создал плотную оборону к западу и юго-западу от Сталинграда на фронте Орловка — Дмитриевка — Цыбен-

ко — Купоросное общим протяжением около 170 км. Штаб Паулюса располагался в центре группировки, в поселке Гумрак. Как впоследствии стало известно, понимая безнадежность своего положения, командование окруженных войск еще вечером 23 ноября потребовало от Гитлера свободы действий с тем, чтобы пойти на прорыв и пробиться из кольца окружения. Гитлер ответил: «Войска 6-й армии временно окружены русскими... Личный состав армии может быть уверен, что я предприму все для того, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить ее из окружения...». Аналогичные заверения давал и Геринг, главнокомандующий военно-воздушными силами Германии.

Встречая упорное сопротивление окруженного противника, советские войска вынуждены были приостановить продвижение. Мы, не имея свободных резервов, вынуждены были укреплять внешний фронт, изолирующий окруженные войска, особенно

на юго-западном и южном направлениях, за счет войск, снимаемых с кольца окружения. Это было тем более необходимо, что к нам начали поступать данные о переброске противником на сталинградское направление дополнительных войск с других участков советско-германского фронта и из Западной Европы. В воздухе враг в последних числах ноября тоже значительно активизировал свои действия. Немецко-фашистское командование бросило сюда около 1070 боевых самолетов. Однако значительную часть своих истребителей оно было вынуждено использовать на прикрытие транспортной авиации, пытавшейся хоть как-то облегчить положение окруженных войск. Наибольшую активность вражеская бомбардировочная и истребительная авиация проявляла к концу ноября на южном и юго-западном фасах внешнего фронта.

Немалую заботу вызвала у советского командования организация надежной блокады окруженной

группировки с воздуха. Скажу прямо, что на первых порах, во всяком случае до декабря 1942 года, мы недооценивали серьезность этой задачи, и ее выполнение носило случайный, разрозненный характер: работа авиации с системой огня зенитной артиллерии не увязывалась, четкого управления и взаимодействия между ними установлено не было. А ведь в распоряжении противника имелось не менее 5 вполне пригодных аэродромов, принимавших одновременно значительное количество самолетов. Резко уменьшавшиеся с каждым днем запасы продовольствия, боеприпасов и горючего, необходимость эвакуировать огромное количество раненых и больных вынуждали гитлеровское командование привлекать к транспортным перевозкам максимум самолетов, использовать для этого даже бомбардировщики.

Только в первой половине декабря мы стали уделять более серьезное внимание блокированию окруженных войск с воздуха. Была разрабо-

▲ Полевой госпиталь

▲ Сталинград

тана достаточно стройная система использования авиации, а также артиллерии в борьбе с транспортной авиацией противника. Работа различных сил и средств, привлекавшихся для борьбы с транспортной авиацией противника, увязывалась единой системой наблюдения, оповещения и связи. Все это, вместе взятое, резко сократило поток грузов, доставлявшихся противником в «котел», и эвакуацию из него.

Выполняя указания Ставки, мы в первых числах декабря снова попытались расчленивать и уничтожить окруженную группировку. Однако и на этот раз сколько-нибудь значительных результатов не достигли. Противник, опираясь на сеть хорошо подготовленных инженерных оборонительных сооружений, яростно сопротивлялся, отвечая ожесточенными контратаками на каждую нашу попытку продвижения.

4 декабря я доложил Верховному Главнокомандующему о создавшейся здесь обстановке. Было принято решение: на Донской фронт в ка-

честве основной ударной силы для ликвидации окруженных войск направить из резерва Ставки 2-ю гвардейскую армию, а также ряд других частей и соединений.

Новым планом ликвидации окруженной 6-й армии Паулюса предусматривались расчленение и ликвидация окруженной группировки последовательно в три этапа: на первом этапе силами Донского фронта должны быть уничтожены четыре пехотные дивизии западнее реки Россошка; на втором этапе ударом Донского фронта, в основном 2-й гвардейской армии, в юго-восточном направлении на Воропоново и встречным ударом 64-й армии Сталинградского фронта через Песчанку также на Воропоново изолировать, а затем пленить вражеские войска в южной части окруженной группировки; наконец, на третьем этапе ударом всех действовавших на внутреннем фронте армий Донского и Сталинградского фронтов, в общем направлении на Гумрак, окончательно сломить сопротивление окружен-

ного противника и покончить с ним.

11 декабря Ставка в основном утвердила план, потребовав только, чтобы задачи, предусмотренные на первых двух этапах операции, были решены на первом этапе, цель которого — войскам обоих фронтов с выходом в район Басаргино — станция Воропоново изолировать, а затем ликвидировать западную и южную группировки врага не позднее 23 декабря. Начать операцию было приказано 18 декабря. Однако не замедлил внести свои коррективы противник.

По сведениям разведки, гитлеровское командование с целью деблокирования окруженной группировки и для восстановления в районе Сталинграда утраченного положения создавало на юго-восточном участке фронта группу армий «Дон» во главе с бывшим заместителем начальника германского генштаба генерал-фельдмаршалом Манштейном. Ему были подчинены оперативная группа «Холлидт», 3-я румынская армия, армейская группа «Гот», в которую входили 4-я немецкая танковая и 4-я румынская армии, а также окруженные в районе Сталинграда войска 6-й и частично 4-й танковой немецкой армий. Нам стало известно, что в составе группы «Гот» для осуществления операции по деблокированию создаются 2 ударные группировки: одна — в районе Котельникова, другая — в районе Тормосина.

По решению командующего Сталинградским фронтом были сделаны попытки захватить Котельниково. Хотя они и не увенчались успехом, но позволили установить, что туда прибывают крупные силы танковых войск врага, в частности 6-й танковой дивизии, которая в срочном порядке перебрасывалась из Франции. Таким образом, факты говорили о том, что немецко-фашистское командование, по-видимому, в ближайшие же дни попытается осуществить наступление на котельниковском направлении, чтобы деблокировать войска Паулюса.

В то же время на левом фланге Юго-Западного фронта 5-й танковой

армии, несмотря на все усилия, никак не удавалось выбить врага с плацдарма на левом берегу Дона, у Нижне-Чирской, а также ликвидировать его плацдарм на восточном берегу Чира. Нас продолжало это беспокоить, тем более что и здесь за последние дни тоже был установлен подход новых вражеских сил, а расстояние от Верхне-Чирского до противника, находившегося в окружении, не превышало 40 км.

Вражеская группа армий «Дон» занимала фронт от Вешенской до реки Маныч. В ее состав входило около 30 дивизий, не считая окруженных войск Паулюса. Из них 17 дивизий противостояли Юго-Западному фронту, а 13—5-й ударной и 51-й армиям Сталинградского фронта. Против 5-й ударной были нацелены одна пехотная, одна авиаполевая и одна танковая дивизии; кроме того, по показаниям пленных, в районе Тормосина предполагалась в резерве 17-я танковая дивизия. Перед 51-й армией насчитывалось до 10 дивизий (правда, из них 6 пехотных и кавалерийских дивизий румын, понесших в ноябре серьезные потери).

В наших войсках наиболее плотную группировку мы имели в полосе 5-й ударной армии. Укомплектованность соединений в 51-й армии была низкой. В целом обе эти армии, а также 7-й танковый корпус были недостаточно обеспечены материально; особенно это ощущалось в отношении боеприпасов и горючего.

12 декабря гитлеровцы перешли из района Котельникова в наступление. Как и предполагалось, в нем принимали участие дивизии 57-го немецкого танкового корпуса из армейской группы «Гот». Боевые порядки наступавших были усилены тяжелыми танками. На флангах действовали пехотные соединения румын. Удар врага отражали наши 3 довольно слабые стрелковые, 2 кавалерийские дивизии 4-го кавалерийского корпуса и одна танковая бригада. 6-я и 23-я танковые дивизии врага, обрушив удар в основном на 302-ю стрелковую дивизию и используя значительное превосходство в силах, при поддержке авиации прорвали фронт обороны и начали теснить нас на северо-восток.

К вечеру 12 декабря передовые

части 6-й танковой дивизии противника на отдельных участках уже подошли к южному берегу Аксая, а его 23-я танковая дивизия, наступая вдоль железной дороги, вышла в район, который 10—15 км южнее железнодорожного и шоссе-ного моста через Аксай у Круглякова. Соотношение сил на фронте 51-й армии было тогда примерно следующим: у нас — 34 тыс. человек, у противника — 76 тыс.; танков — 77 против 500; орудий и минометов (калибром от 76 мм и крупнее) — 147 против 340. Таким образом, наша 51-я армия оказалась в крайне трудном положении. Я связался с командующим Сталинградским фронтом, мы условились, что он немедленно позаботится об усилении 51-й армии и, кроме того, выделит часть сил для организации обороны по реке Мышкове. Связаться с Верховным Главнокомандующим мне сразу не удалось. Тогда я проинформировал об обстановке на юге командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского о том, что намерен просить Ставку по мере прибытия соединений 2-й гвардейской армии немедленно направлять

▲ Малиновский Р.Я. в центре, река Мышкова

▲ Завод Баррикады

их к югу от Сталинграда, навстречу наступавшим войскам Манштейна. Я предложил Малиновскому тотчас приступить к организации переброски уже готовых частей и соединений его армии форсированным маршем на реку Мышкову, чтобы, упредив противника, дать ему на рубеже Мышковы решительный отпор. Следует заметить, что к тому времени из 165 железнодорожных эшелонов, занятых перевозкой гвардейцев, в район к северо-западу от Сталинграда прибыли и разгрузились только 60. Связавшись с Верховным Главнокомандующим, я доложил о начавшемся крупном наступлении танковых войск противника со стороны Котельникова. Чтобы ликвидировать эту угрозу, немедленно начать переброску прибывающей 2-й гвардейской армии на Донской фронт, передать её Сталинградскому фронту и развернуть ее на реке Мышкове, чтобы остановить продвижение войск Манштейна, разгромить их, а операцию по ликвидации окруженных войск Паулюса временно отложить.

Это предложение вначале встре-

тило довольно резкие возражения со стороны И.В. Сталина. Он сказал, что вопрос о передаче 2-й гвардейской армии из Донского в Сталинградский фронт будет рассмотрен Государственным Комитетом Обороны.

14 декабря мы получили директиву Ставки — временно отложить осуществление операции «Кольцо», 2-ю гвардейскую армию двинуть на юг. Переброска прибывавших войск 2-й гвардейской армии на южное крыло Сталинградского фронта шла форсированным маршем. Несмотря на сильные морозы, совершались переходы по 40—50 км за сутки, благодаря тщательной, до мелочей продуманной организации марша. 13 декабря у реки Аксай — Есауловский развернулись ожесточенные бои с превосходящими силами противника. 14 декабря противник местами преодолел этот рубеж и занял поселок Верхне-Кумский. Утром 14 декабря перешла в наступление 5-я ударная армия, чтобы сковать гитлеровцев на нижне-чирском направлении и обеспечить правый фланг 51-й армии от удара с запада. До войск Паулюса передо-

вым отрядам Манштейна оставалось пройти 50 км. Наши войска, несмотря на большие потери, стойко сражались. С утра 17 декабря противник с еще большей настойчивостью возобновил наступление. 18 декабря 2 стрелковые дивизии 2-й гв. армии развернулись на реке Мышкове, а 2-й гв. мехкорпус сосредоточился у совхоза «Крепль». 19 декабря, введя в сражение свежие силы, противнику местами удалось выйти на северный берег реки. Но попытки расширить плацдарм успеха не имели. 20 декабря главные силы 2-й гвардейской армии заканчивали свое сосредоточение и развертывание по северному берегу Мышковы. В течение двух дней ни на минуту не стихали бои за каждую пядь степи. 23 декабря группировка Манштейна находилась от окруженных войск Паулюса всего в 35-40 км. Однако дальше продвинуться оказалась неспособной. 51-я армия вместе с войсками 2-й гвардейской армии при поддержке 8-й воздушной армии остановили врага. Создались благоприятные условия для перехода здесь наших

войск в наступление. К концу декабря войска левого крыла Воронежского, Юго-Западного и Сталинградского фронтов разгромили войска противника перед внешним фронтом окружения, отбросили остатки их на 150-200 км. Это создало благоприятные условия для ликвидации окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск. В результате блокады с воздуха в течение декабря была сорвана попытка снабжения их с помощью авиации и при этом уничтожено более 700 вражеских самолетов. К началу января 1943 года численность группировки противника сократилась до 250 тыс. человек, в её составе осталось до 300 танков, 4 130 орудий и минометов и 100 боевых самолетов. Ликвидация её была возложена на войска Донского фронта (66, 24, 21, 57, 64, 62 и 16-я воздушная армии), которые превосходили противника в артиллерии в 1,7, в самолетах в 3 раза, но уступали ему в людях и танках в 1,2 раза. После отклонения противником предложения о капитуляции 10 января войска фронта перешли в наступление, кото-

рому предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. В соответствии с замыслом операции главный удар с запада в направлении Сталинграда наносила 65-я армия. Артиллерия впервые в Великой Отечественной войне поддерживала атаку пехоты и танков огневым валом. К исходу 12 января наши войска вышли на реку Россошка, ко второй оборонительной полосе. Для её прорыва главные усилия были перенесены в полосу 21-й армии. Возобновив 15 января наступление, к 17 января соединения фронта достигли рубежа Воропаново, Большая Россошка, где вновь встретили сопротивление противника. В упорных боях с 22 по 25 января они сломали сопротивление немецко-фашистских войск на этом рубеже. Вечером 26 января войска 21-й армии соединились на северо-западном склоне Мамаева кургана с наступавшей навстречу им из Сталинграда 62-й армией. Вражеская группировка была рассечена на две части. 31 января прекратила сопротивление южная группа войск 6-й армии во главе с генерал-фель-

дмаршалом Паулюсом, а 2 февраля капитулировала северная. Войска Донского фронта с 10 января по 2 февраля взяли в плен 91 тыс. солдат и офицеров противника, около 140 тысяч было уничтожено в ходе наступления. Этим заключительным актом Сталинградской эпопеи, её победным финалом явилась наступательная операция Донского фронта в междуречье Волги и Дона. Она была подготовлена и успешно проведена под руководством командующего Донским фронтом К.К. Рокоссовского и представителя Ставки Н.Н. Воронова.

Победа под Сталинградом коренным образом изменила обстановку на всем советско-германском фронте. Наше Верховное Главнокомандование получило возможность развернуть стратегическое наступление на огромном участке фронта в целом и прежде всего на южном его крыле и воронежском направлении. Выдвижение войск Южного фронта на линию Зимовников в Сальские степи, с одновременным развитием наступления Юго-Западного фронта

▲ Встреча воинов 21 и 62 армий

▲ Донской фронт, допрос Паулюса. Рокоссовский, Воронов, Дятленко, Паулюс

на ворошиловградском направлении, создавало серьезную угрозу всей кавказской группировке врага. Чтобы показать, как Верховное Главнокомандование оценивало создавшуюся на Кавказе обстановку и куда оно стремилось направить дальнейшие усилия наших войск на этом участке фронта, сошлюсь на телеграмму Сталина, продиктованную им 4 января Генштабу для командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева. Привожу ее еще и потому, что нахожу ее полезной в смысле оценки Сталина как военного деятеля, как Верховного Главнокомандующего, руководившего грандиозной по масштабам борьбой Советских Вооруженных Сил. Подобных документов, исходивших непосредственно от Сталина и касавшихся решения самых важных оперативно-стратегических вопросов, было за время войны немало.

Вот его текст:

«Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы

ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайте в район Черноморской группы. Масленников может пустить в дело 58-ю армию, которая болтается у него в резерве и которая в обстановке нашего успешного наступления могла бы принести большую пользу. Первая задача Черноморской группы — выйти на Тихорецкую и помешать, таким образом, противнику вывезти свою технику на запад. В этом деле Вам будет помогать 51-я армия и, возможно, 28-я армия. Вторая и главная задача Ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять ее в плен или уничтожить. В этом деле Вам будет помогать левый фланг Южного фронта — Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова.

Третье. Прикажете Петрову, чтобы

он начал свое наступление в срок, не оттягивая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов. Петров все время оборонялся, и у него нет большого опыта по наступлению. Растолкуйте ему, что он должен дорожить каждым днем, каждым часом.

Четвертое. Немедленно выезжайте... в район Черноморской группы и обеспечьте выполнение настоящей директивы».

Каждому было понятно, что все это означало. Загородить немцам выход с Кавказа и отсечь их соединения, еще вчера нагло лезшие на юг, к Эльбурсу, в Грузию и Азербайджан.

Великолепно справились в Сталинградской битве со своими сложными задачами командующие войсками фронтов — Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко и К. К. Рокоссовский, их военные советы и штабы, проявив при этом возросшее искусство в управлении войсками. Вопросы использования в этой сложной операции крупных подвижных войск, тесное, четкое и своевременное взаимодействие всех родов войск и на всех стадиях операции, организация окружения, создания внешнего фронта, изолировавшего столь

крупную вражескую группировку от подходящих резервов, вопросы противовоздушной обороны и материального обеспечения войск были решены с большим знанием дела. Битва показала высокий уровень советского военного искусства и по существу стала достойным, поучительным уроком истории. В то же время победа под Сталинградом явилась и неопровержимым свидетельством огромной мощи, роста военного мастерства Советских Вооруженных Сил в целом. Она послужила отличным примером и толчком для проведения в 1943 году целой серии новых наступательных операций, важнейшим этапом на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне.

Деятельность командующих фронтами и армий неотделима от деятельности их штабов. Возглавляли штабы на Юго-Западном — С. П. Иванов, на Сталинградском — И. С. Варенников и на Донском — М. С. Малинин. Их организаторский талант и мастерство во многом способствовали успешному решению всех задач стратегического, оперативного, тактического и чисто организационного порядка на протяжении всей операции

и особенно в период ее подготовки.

Книжные магазины буржуазно-Запада продолжают наводняться самыми разномастными «исследованиями», в которых предвзятно, тенденциозно освещаются события, происходившие и на Волге и на других участках советско-германского фронта. Некоторые из авторов таких «исследований» договариваются до того, что Сталинградской битвы вообще не было, что битва на Волге — это всего-навсего пропагандистская выдумка коммунистов. Думается, что такие заявления могут сделать индивиды, страдающие психической неуравновешенностью. Давайте обратимся к тексту одного документа. Он хранится, среди других реликвий, в музее города-героя, именем которого названа битва на Волге. Это грамота президента США Франклина Рузвельта. Вот ее текст: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохнов-

лять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

Искать в «исследованиях», буржуазных фальсификаторов объективный анализ хода и исхода второй мировой войны, элементарную научную добросовестность — это все равно, что раздувать погасший пепел в надежде извлечь из него огонь. Ведь их авторы — это верные слуги международной реакции, избравшие своим ремеслом грязную клевету на советский народ и его Вооруженные Силы. Они лезут из кожи вон, чтобы принизить наши боевые успехи. Те самые успехи, которые во всех оккупированных гитлеровцами странах побуждали сотни тысяч людей переходить от пассивного сопротивления к активной борьбе. Те самые успехи, которые оказались роковыми для фашистской Германии.

Буржуазные фальсификаторы тщатся доказать, будто «решающие битвы» второй мировой войны происходили там, где действовали англо-американские войска. Называется, в частности, район Эль-Ала-

▲ Трупы фашистских захватчиков

мейна. Еще раз напомним: в октябре 1942 года на сталинградском направлении насчитывалось свыше 50 немецких дивизий, а в районе Эль-Аламейна всего лишь 12. Разница, как видим, весьма существенная. Напомним также, что в то время немецкое командование держало под Сталинградом основные силы танков и авиации. Далее. Буржуазные фальсификаторы, потеряв всякое чувство меры, ставят Сталинградскую битву в один ряд с высадкой американских войск на остров Гуадалканал. Но известно, что численность японского гарнизона, оборонявшего этот остров, не превышала 2 тыс. человек.

В «исследованиях», принадлежащих буржуазным фальсификаторам, ничего не говорится о достижениях советского военного искусства в Сталинградской битве. Зато на все лады перепевается утверждение нацистских генералов о якобы нашем подавляющем превосходстве в силах и средствах.

В военном деле принято различать два вида превосходства в силах и средствах: общее превосходство и превосходство на главных направлениях. Всегда, конечно, желательно иметь общее превосходство, являющееся важнейшим фактором достижения победы. Однако общего

превосходства у нас под Сталинградом не было. Вот как выглядело соотношение сил и средств к 19 ноября 1942 года. Советские войска: люди — 1 106,1 тыс., орудия и минометы — 15 501, танки и САУ — 1 463, боевые самолеты — 1 350. Войска противника — соответственно 1 011,5 тыс., 10 290, 675, 1 216. Стало быть, к началу контрнаступления мы располагали только незначительным превосходством в артиллерии и танках.

Суть дела в том, что советское командование при отсутствии общего превосходства в силах и средствах сумело искусно создать мощные ударные группировки на направлениях главных ударов. В качестве примера можно привести Юго-Западный фронт, ширина полосы которого составляла 170 км. На участке прорыва шириной в 22 км (около 9% общей протяженности фронта) было сосредоточено до 50% стрелковых дивизий, все танковые и кавалерийские корпуса, 85% артиллерии усиления. В интересах этой группировки действовала и вся авиация фронта. Аналогичным образом создавались ударные группировки на Донском и Сталинградском фронтах. Добавим к этому — правильный выбор направлений, выводивших ударные группировки в тыл врага; точное

определение момента перехода в контрнаступление; одновременное образование внешнего и внутреннего фронтов окружения; надежную организацию воздушной блокады войск противника, попавших в гигантский «котел».

Сколько бы ни усердствовали современные буржуазные фальсификаторы в злонамеренном искажении истории, им не удастся вытравить из сознания человечества величия Сталинградской победы. И для нашего и для будущих поколений навсегда остается и останется бесспорным то, что после поражения под Сталинградом гитлеровская клика, несмотря на все усилия, не смогла восстановить былую, боеспособность своей армии, очутилась в полосе глубокого военно-политического кризиса. Сталинградскую битву по праву определяют как крупнейшее военно-политическое событие всей второй мировой войны. Именно Сталинградская победа предопределила начало распада фашистского блока, увеличила размах освободительного движения в странах, подпавших под ярмо нацистской оккупации, воочию показала, что на страже социализма не только правда, но и жизненная сила, что фашизм обречен на неминуемую гибель. ■

Б.Л. ИОФФЕ

ИЗ ИСТОРИИ АТОМНОГО ПРОЕКТА В СССР

Иоффе Борис Лазаревич (1926-2022), советский физик-теоретик, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, Заслуженный работник атомной промышленности РФ. Родился в Москве в семье врача-уролога, участника Великой Отечественной войны, майора медицинской службы. В 1949 году окончил физический факультет МГУ. С 1943 года, после окончания третьего курса, ученик по теоретической физике Л. Ландау. С 1950 года работал в Институте теоретической и экспериментальной физики АН СССР. Участник советского атомного проекта. В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1960 — докторскую на тему «Вопросы теории элементарных частиц». В 1990 году избран членом-корреспондентом АН СССР (секция ядерной физики). В 2011 и 2016 годах выдвигался кандидатом в действительные члены РАН, но избран не был. Работал в Лаборатории №3, с 1957 года — Институт теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ АН СССР). Делал расчеты первой АЭС в Чехословакии и исследования тяжеловодных реакторов в СССР, Китае и Югославии. Автор науч-

ных работ в области физики элементарных частиц, физики высоких энергий, ядерной физики, теории ядерных реакторов. Занимался альпинизмом, поднимался на вершины до 6 000 метров в Гималаях, Альпах, Памире. Политические убеждения — ярый либерал-демократ. Ученые-атомщики не славянской (русской) крови, к которым принадлежал и Борис Иоффе, жили в каком-то предельно изолированном мире, где мало знали (возможно, и не желали знать) о событиях в стране, о жизни людей из других слоев общества, да и об истории страны, в которой и для которой они работали.

Уходит время, в живых уже не осталось никого из участников героического периода развития физики 40-х и 50-х годов — периода решения атомной проблемы и становления физики в нашей стране после вынужденного, связанного с войной перерыва. Хотя я никак не могу относить себя к главным участникам тех событий, я знаю кое-что из истории атомной проблемы, которая полностью не раскрыта

до сих пор. Я был знаком со многими действующими лицами и видел их в деле.

Когда человек выступает с воспоминаниями о великих людях, с которыми ему приходилось встречаться, такие воспоминания часто носят характер „я и великий человек“. То же относится и к великим событиям, они звучат как „моя роль в великом событии“. Обычно это вызывает улыбку у читателя или слушателя. Конечно,

живой свидетель событий, если он по-настоящему участвовал в них, всегда в какой-то степени субъективен. В этом слабость его, но и сила. Объективным может быть лишь далёкий историк, но у него уже не будет живого чувства реальности происшедшего. Здесь уместно сравнение с квантовой механикой. Прибор может влиять на наблюдаемое явление. Уберите его — явление изменится, вы получите явление „в чистом виде“,

▲ Курчатов И.В.

но с минимальной информацией о нём.

В нашей стране, по крайней мере, после революции, наука всегда была тесно связана с политикой. Особенно тесной эта связь оказалась в послевоенное время и теснее всего — в физике, поскольку физика была нацелена на решение основной задачи государства в то время — создание атомной (и водородной) бомбы. Это не преувеличение: основной задачей государства в конце 40-х и начале 50-х годов являлось не только послевоенное восстановление промышленности и сельского хозяйства, даже не усиление обычных вооружённых сил — они и так были достаточно сильны, — сколько создание атомного оружия (и, может быть, ракет).

Я хочу рассказать о двух крупных физиках, связанных с атомной проблемой, — И.В. Курчатове и А.И. Алиханове. Хотя Алиханова я знал намного лучше, начну с Курчатова, поскольку он более известен. Курчатов был человеком очень необычным: организатор высочайшего класса, я не знаю ни одного другого с такими блестящими организаторскими способностями. Прежде всего, он обладал колоссальнейшим влиянием. При этом у него не было соответствующего такому влиянию официального поста. Помимо должности директора Лаборатории N 2, переименованной в 1949 году в Лабораторию измерительных приборов (ЛИПАН), а затем в 1956 году в Институт атомной энергии (ИАЭ), он занимал лишь пост

председателя научно-технического совета при ПГУ в Минсредмаше, органа с рекомендательными функциями. Я не знаю, как Курчатов добился такого влияния и как сохранял его, но то, что это влияние сохранялось при всех властителях — и при Сталине, и при Хрущёве, — несомненно. Приведу один факт, которому сам был свидетелем. Я находился в кабинете у Курчатова, и ему по какому-то делу понадобилось позвонить Косыгину. Косыгин тогда ещё не был Председателем Совмина, но уже являлся очень важной фигурой в правительстве. Игорь Васильевич набрал номер (по вертушке — прямому правительственному телефону) и сказал: „Алексей Николаевич, это Курчатов. Нам нужно, чтобы было сделано то-то и то-то. И это должно быть сделано к такому-то сроку. Я прошу Вас принять меры, чтобы это было выполнено“. И как я понял, ответ с той стороны был: „Это будет сделано, Игорь Васильевич“. Вместе с тем этот человек понимал и любил науку (а не только себя в науке, как многие из сегодняшних её „организаторов“).

В этой связи приведу один эпизод. Дело происходило в 1955 году, когда встал вопрос о создании атомных электростанций и их экономической целесообразности. Для решения проблемы нужно было знать потребность в уране: как часто понадобится подпитывать станцию свежим ураном, то есть, какова допустимая степень выжигания урана в реакторе АЭС. Я проводил соответствующие вычисления. Сложность проблемы состояла в том, что результат сильно зависел от физических констант — параметров урана и плутония, которые были известны недостаточно хорошо. Поэтому я пошёл обходным путём и определил необходимую комбинацию констант исходя из данных о работе действующих реакторов по производству оружейного плутония. Результаты расчёта я сообщил Алиханову, а тот в свою очередь — Курчатову. С другой стороны, аналогичные расчёты выжигания урана в атомных электростанциях проводил С.М. Фейнберг в ЛИПАНе. В один прекрасный день меня вызывает секретарь Алиханова — его самого не было — и говорит, что

по вертушке звонит Курчатов и просит меня к телефону. (В то время я являлся лишь кандидатом наук, младшим научным сотрудником, так что дистанция между нами была огромная.) Курчатов говорит, что знает о моих расчётах, и просит изложить результаты. Когда я кратко их сообщаю, он замечает, что они сильно расходятся с расчётами Фейнберга, мои намного хуже, и поэтому ему нужны подробности. Беру секретную тетрадь, по телефону диктую Игорю Васильевичу цифры, которые, как я понимаю, он откладывает на миллиметровке и сравнивает с цифрами Фейнберга. Основное различие между моим расчётом и расчётом Фейнберга состояло в том, что при глубоком выгорании урана, которое, в отличие от военных реакторов, имеет место в атомных электростанциях, происходит накопление плутония-240, обладающего большим резонансным захватом. Этот захват Фейнберг не учитывал (или учёл, но недостаточно), так как непосредственных измерений его не было, а я определил эффективные параметры плутония-240 из анализа работы военных реакторов. Это всё я объяснил Курчатову. Разговор продолжался минут сорок, и в конце его Игорь Васильевич согласился с тем, что мои результаты правильны, хотя, очевидно, ему это было неприятно, поскольку приводило к заметному ухудшению параметров атомных электростанций.

Другой замечательной чертой Курчатова была его удивительная способность подбирать людей. Одним из примеров этого может служить тот же Фейнберг. Он возглавлял группу, проводившую физические расчёты реакторов в ЛИПАНе. В то же время он хорошо разбирался в вопросах конструкции реакторов и в теплотехнике. Сочетание этих качеств в одном лице крайне важно, поскольку физические и конструктивные требования к реактору обычно находятся в конфликте. В этом смысле ТТЛ (ИТЭФ) уступала ЛИПАНу (ИАЭ): у нас работали прекрасные физики-теоретики, рассчитывавшие реактор, и отличные инженеры, но это были разные люди, что, конечно, хуже. Попал на эту должность Савелий Моисеевич Фейнберг

только благодаря дару Курчатова оценивать людей с первой встречи. Както в разговоре с группой сотрудников Курчатов заявил, что ему нужен человек, который мог бы рассчитывать реакторы и понимать в инженерном деле. Один из участников разговора, Е.Л. Фейнберг, сказал, что у него есть подходящий кандидат — его двоюродный брат С.М. Фейнберг. По специальности он инженер-строитель, но это очень способный человек, и Евгений Львович не сомневается, что за короткий срок Савелий Моисеевич освоится и справится с новой профессией. После первой же встречи с С.М. Фейнбергом Игорь Васильевич взял его на работу, и тот оправдал все ожидания.

Важным достоинством Курчатова было то, что, являясь главой атомной программы и обладая колоссаль-

нейшей властью, он не стал полным монополистом и не стремился задавить конкурентов, как это сделал бы современный босс от науки. Примером такого поведения может служить программа сооружения ядерных реакторов для производства трития, о которой я говорил выше. Как глава всего атомного проекта, Курчатов мог легко забрать программу себе. Он этого не сделал, но предложил своему институту представить проект графитового реактора, а конкурирующей организации, ТТЛ, — проект тяжеловодного реактора для той же цели. Дальше происходило сопоставление обоих проектов. В итоге конкурирующая организация — ТТЛ — не была полностью задавлена, тяжеловодные реакторы строились. И это была, как мне думается, принципиальная позиция Игоря Васильевича: допускать

▲ Фейнберг С.М.

конкуренцию в некотором объёме — 10 — 20 процентов — и не давить её полностью. Он понимал: конкурент так же нужен, как волк-санитар в лесу для улучшения породы, наличие конкурента улучшает работу и его института.

Вместе с тем Курчатов оставался человеком своего времени. Это был жёсткий руководитель, это был деятель. Монополизм в науке идёт именно от него. Но Курчатов, если угодно, воплощал собою „просвещенный монополизм“, смягчаемый пониманием необходимости конкуренции, любовью и интересом к науке. (Любопытная деталь: Курчатов стал членом ВКП(б) только в августе 1948 года, будучи к тому времени уже более пяти лет руководителем атом-

ного проекта.) Одним из примеров его любви к науке, причём не только к той, которой занимался он сам, является организация в 1958 году, в эпоху лысенковщины и гонений на генетику, Радиологического отдела в ИАЭ, где проводились исследования по генетике и где кое-кто из генетиков нашёл себе убежище. У тех, кто приходил после него, эти положительные черты стирались, да и научный уровень был уже не тот, а стремление к монополизму сохранялось и даже усиливалось.

Есть известное высказывание: „Нет великого человека без великого события“. Верно и то, что, когда великое событие, породившее великого человека, кончается, великий человек уходит, и, как правило, уходит физи-

чески. Мне кажется, то же произошло и с Курчатовым: когда к 1960 году грандиозная задача создания атомного оружия была решена, для него уже не оставалось места, и он ушёл.

Теперь расскажу об Алиханове. Я отношусь и всегда относился к Абраму Исааковичу с большим уважением и симпатией. Считаю даже, что у меня было три учителя: Ландау, Померанчук и Алиханов, хотя Алиханов не был теоретиком и не мог учить меня по моей профессии — теоретической физике. Но он учил меня другому, не менее важному, — чувству ответственности, гражданскому мужеству. Именно благодаря ему, я стал значительно лучше понимать, что происходит в нашей стране.

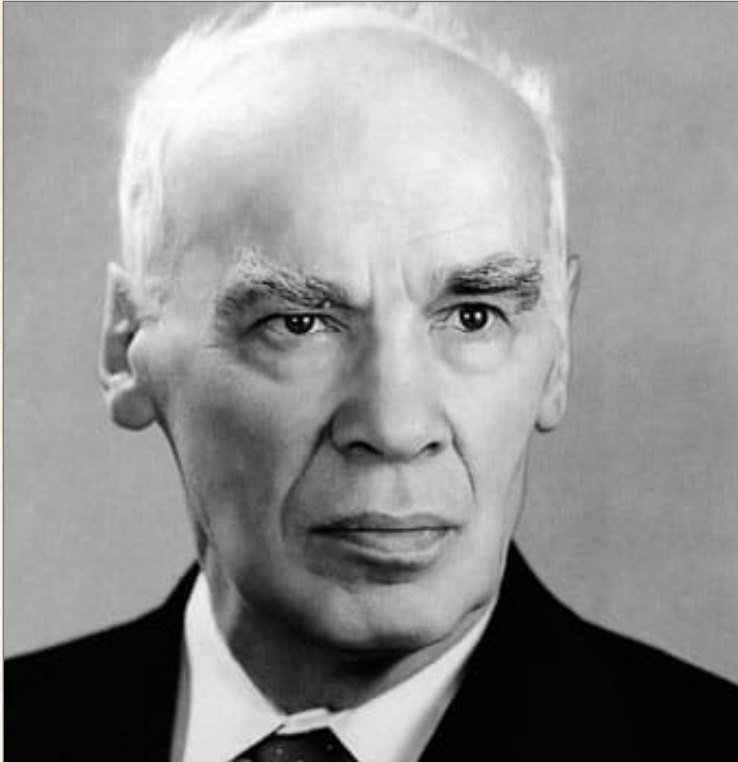
Алиханов и Курчатов являлись основателями ядерной физики в Советском Союзе. Именно эти две кандидатуры рассматривались при выборе главы ядерной программы — их рекомендовал А. Ф. Иоффе. Курчатов был на этот пост выдвинут не за его более высокие научные достижения (в то время Алиханов уже был членом-корреспондентом Академии наук, а Курчатов — нет), а поскольку произвёл лучшее впечатление сначала на Кафтанова, а затем на Молотова. На выборах в Академию наук в 1943 году, когда Алиханова и Курчатова избрали в академики, вначале выделено было одно место, которое досталось Алиханову, и лишь потом утвердили ещё одно и на него избрали Курчатова. Но в целом, надо прямо сказать, на роль главы программы Курчатов, конечно, подходил гораздо больше, чем Алиханов.

Алиханов явился создателем и первым директором Лаборатории №3 (ТТЛ, а затем ИТЭФ). С самого начала институт был весьма необычным. Директор и его заместитель по науке, В. В. Владимирский, — оба беспартийные, беспартийным было и подавляющее большинство начальников лабораторий. Благодаря Абраму Исааковичу состав института, его моральный и научный уровень сохранялись на высочайшем уровне. Как я уже говорил, институт был организован в декабре 1945 года с задачей сооружения тяжелых водных ядерных

▲ Алиханов А.И.

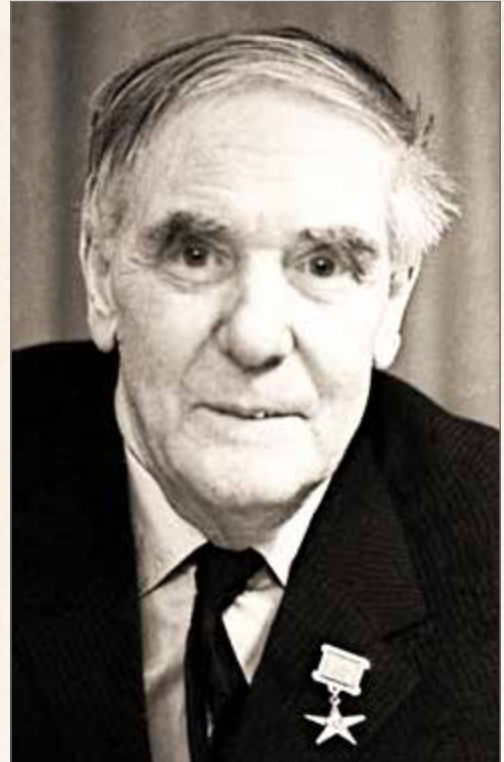

▲ Кикоин И.К.

реакторов. Но уже в первом постановлении правительства о создании Лаборатории №3 в качестве одной из её задач фигурировали физические исследования ядерных частиц большой энергии — основное направление работ сегодняшнего ИТЭФ. В этом сказались блестящее научное предвидение Алиханова. Поскольку реакторы были нужны, с существованием института мирились, хотя он всегда оставался бельмом на глазу у начальства.

В молодости личные отношения Курчатова и Алиханова были, по-видимому, совсем хорошими. В 1942 году, когда ни тот, ни другой не имели квартиры в Москве, Курчатов короткое время даже жил у Алиханова в коммуналке, в комнате, принадлежавшей его жене. Позднее, когда Курчатов стал видной фигурой, отношения несколько изменились. На совещаниях, которые вёл Курчатов, Абрам Исаакович садился куда-нибудь в угол и пускал оттуда критические замечания. Чувствовалось, что ему хотелось подковырнуть Курчатова и его несколько раздражало то, каким деятелем тот стал. Но далеко всё это

▲ Капица П.Л.

не заходило. В 1954 году, когда происходил запуск так называемой „первой в мире атомной электростанции“ в Обнинске, Курчатов, Алиханов и А.П. Александров провели целый месяц на этом объекте. На самом деле эту электростанцию никак нельзя назвать „первой“. Первым электроэнергию от атомного реактора, причём сразу на быстрых нейтронах, получил Э. Ферми ещё в 40-х годах. Получение электроэнергии от атомного реактора и создание специально атомной электростанции — разные вещи (редакция).

В том же году И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, И. К. Киконин и А. П. Виноградов написали статью, в которой анализировались возможные последствия атомной войны и делался вывод, „что над человечеством нависла огромная угроза прекращения всей жизни на земле“. До этого официальным утверждением советской пропаганды было, что новая мировая война означала бы конец капиталистической системы. Статью подписал также министр среднего машиностроения В. А. Малышев, и она была направлена Маленкову,

Хрущёву и Молотову. Маленков, по-видимому, разделял точку зрения авторов статьи, поскольку в одном из своих выступлений сказал, что новая мировая война приведёт к гибели мировой цивилизации. Однако Хрущёв в январе 1955 года осудил эти взгляды, назвав их „теоретически неправильными, ошибочными и политически вредными“. Партия вернулась к старой формуле, и статья опубликована не была.

Абрам Исаакович не любил советскую власть. Он ясно понимал ситуацию в стране и не питал каких-либо иллюзий. В этом отношении он был достаточно откровенен, во всяком случае, откровеннее других известных мне видных физиков. В 50-е годы он имел обыкновение раз или два в неделю заходить вечером в ту комнату, где сидели мы с Рудиком, и после обсуждения реакторных дел и вопроса: „Что нового в теории?“ — переводить разговор на общие, часто политические, вопросы. К этой общей характеристике политической позиции Абрама Исааковича можно добавить такой штрих. Он был единственным из крупных физиков,

который посещал П. Л. Капицу после того, как его по приказу Сталина отправили в «ссылку» на подмосковную дачу. И посещал до тех пор, пока его не вызвали в «инстанции» и не сказали, что если он не прекратит эти посещения, то сам отправится туда же, а может быть, и подальше. От Абрама Исааковича же я узнал, что Капицу сняли с работы и сослали потому, что он написал письмо Сталину, где говорилось, что Берия некомпетентен в ядерных вопросах и не может возглавлять атомный проект. Берия требовал куда более строгого наказания Капицы — ареста со всеми вытекающими отсюда последствиями, но в защиту Капицы выступили Маленков и Молотов, и Сталин смилостивился.

В институте Алиханов старался поддерживать такой порядок, чтобы всё служило на пользу науке, а всевозможные бюрократические и режимные ограничения сводились бы к минимуму. Это было непросто. В институте существовала должность Уполномоченного Комитета обороны (потом ЦК КПСС и Совмина). Её зани-

мал генерал-лейтенант МГБ Осетров. По некоторым вопросам Осетров мог действовать через голову Алиханова, но он был умным человеком и понимал, что в случае конфликта с директором одному из них придётся уйти, а кому — было не ясно. Поэтому он предпочитал не вмешиваться в дела без крайней на то необходимости (если не будет указания сверху). И Теплохимическая лаборатория продолжала оставаться островом свободы (относительной, конечно) и разумности.

В первую очередь это касалось режима секретности. Существовало официальное правило, по которому каждому исполнителю следовало знать только своё, порученное ему дело и не обсуждать его ни с кем, кроме своего начальника. В ТТЛ это правило полностью игнорировалось, и необходимые обсуждения свободно проводились не только среди теоретиков, но и с экспериментаторами, инженерами. Было правило, как писать секретные отчёты. Такие слова, как «уран», «торий», «нейтрон», и многие, многие другие нельзя было употре-

блять. Вместо них следовало пользоваться шифром — «уран» был «олово», «торий» — «селен», «нейтрон» — «нулевая точка» и т.д. Временами доходило до полного абсурда. Так, например, шифром для «бериллия» служил «алюминий», но был ведь и обыкновенный алюминий. Поэтому сплав бериллия с алюминием в отчете выглядел как сплав алюминия с алюминием. У нас в институте этот тарабарский язык, сильно затруднявший понимание (и бессмысленный с точки зрения сохранения секретности), не использовался, хотя в других институтах отчёты писались именно на нём, а иногда им пользовались даже в докладах и обсуждениях. В виде курьёза замечу, что в Обнинске, который принадлежал к другому ведомству, был свой тарабарский язык, основанный на астрономических терминах — названиях планет и т.д. (Скажем, «быстрые нейтроны» были «искровые метеориты».) Поэтому первым ощущением при чтении отчётов из Обнинска было чувство тошноты — начинала кружиться голова.

Осетров Николай Алексеевич (1905-1992) — сотрудник советских органов государственной безопасности, начальник ряда отделов и управлений контрразведки Смерш ряда военных округов и фронтов, генерал-лейтенант. В РККА с 1925 года. Окончил Томскую артиллерийскую школу, командовал взводом, батареей. В 1938 году окончил Артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского. Одновременно в 1937-1938 годах слушатель спецшколы НКВД СССР. После окончания учебы получает специальное звание майора государственной безопасности. В феврале 1939 года направлен в военную контрразведку НКВД СССР. До начала Великой Отечественной войны заместитель начальника управления особых отделов НКВД СССР. В войну начальник управления контрразведки Воронежского фронта (1941-1943), начальник управления Смерш по 1-му Украинскому фронту (1943-1945). В 1945-1946 годах начальник УКР Смерш по Киевскому военному округу, в 1946-1948 — начальник УКР МГБ по Киевскому ВО. С 1948 года работал в советском атомном проекте — уполномоченный Совета Министров СССР при Лаборатории №3 ПГУ при СМ СССР (технологическая лаборатория АН СССР).

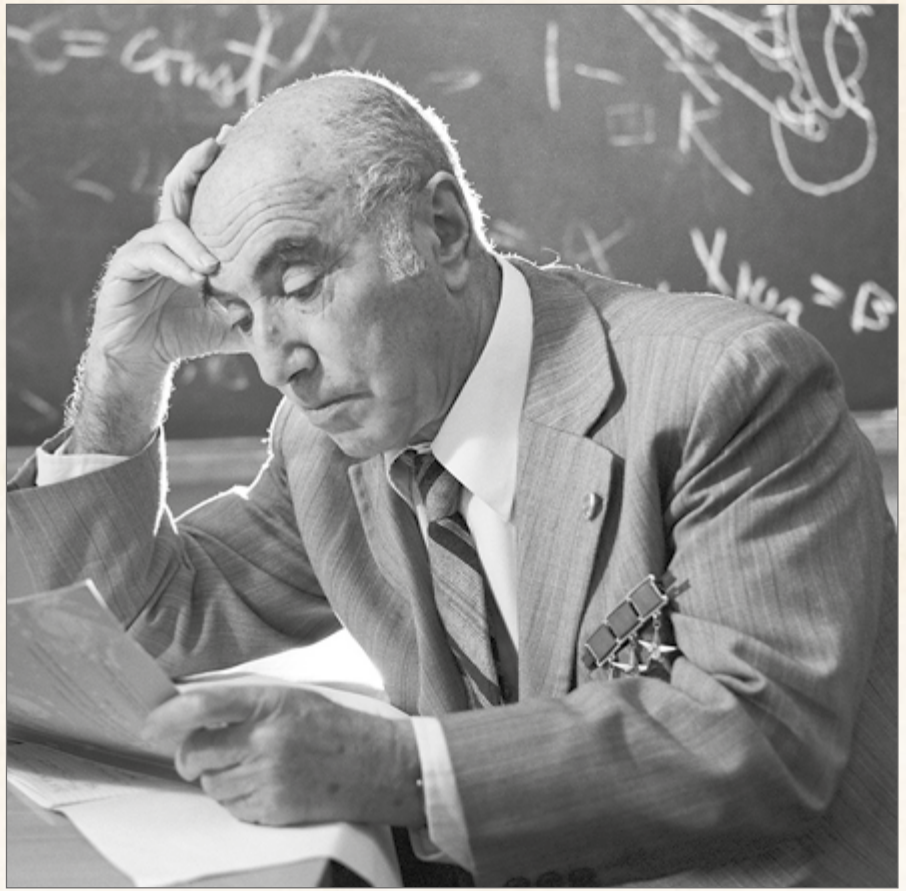
В 1953 году вернулся на службу в объединенный МВД СССР. За боевую деятельность в 1941-1945 годах был награжден девятью боевыми орденами (двумя орденами Ленина награжден в 1950-1951 гг. за работу в советском атомном проекте).

ТТЛ была уникальна также и по подбору кадров. Их Алиханов подбирал на основе только научной квалификации (и, конечно, порядочности — негодяев не брали). Анкетные данные — национальность, партийность — роли не играли. Конечно, здесь бывали трудности, но каждый раз Алиханову удавалось их преодолевать. И это относилось не только к известным учёным — известных учёных с плохими данными до поры до времени брали и в других местах, — но и к молодым людям, включая инженерно-технический персонал. И с каждым будущим новым сотрудником Алиханов предварительно беседовал сам. Мой случай является таким примером. Я был единственным евреем со всего курса физфака в 1949 году, который получил назначение в хорошее место. Все остальные либо не получили никакого назначения, долго искали работу и в конце концов устраивались не по специальности (например, экскурсоводом в Планетарии), либо направлялись работать на заводы вне Москвы. Я не сомневаюсь, что своим назначением обязан Абраму Исааковичу и, конечно, Померанчуку, который меня ему рекомендовал.

Наконец, административный и хозяйственный персонал ТТЛ, который был весьма невелик, подбирался и направлялся директором так, чтобы работать на науку, а не на самого себя, как это обычно происходит в наше время.

Большую часть своей жизни Алиханов положил на создание тяжелых реакторов. Первый тяжеловодный исследовательский реактор в СССР был пущен в ТТЛ в 1949 году, то есть через три года после организации ТТЛ. Если учесть ещё, что лаборатория создавалась на пустом месте и никакого опыта в создании тяжелых реакторов в стране не было (да и по части графитовых реакторов опыт был очень невелик), то это потрясающий результат. Менее чем через два года после этого под руководством Алиханова на базе вступил в строй промышленный тяжеловодный реактор по производству плутония и урана-233. Вместе с тем,

▲ Зельдович Я.Б.

опять-таки по инициативе Абрама Исааковича, в ТТЛ стали разрабатываться проекты тяжеловодных реакторов мирного назначения — для атомных электростанций. Одним из таких проектов (из числа первых реакторных расчётов, выполненных мной) был проект тяжеловодного реактора-размножителя на тепловых нейтронах, работающего на цикле торий — уран-233. (Замечу, что именно такой цикл, как наиболее перспективный для атомной энергетики — в сочетании с ускорителем, — вновь предложил недавно лауреат Нобелевской премии К. Руббиа.) Эта работа началась в 1950 году и в дальнейшем привела к сооружению в 1972 году первой атомной электростанции с реактором КС-150 в Чехословакии. (КС расшифровывается как «котел селеновый»: «селен» — это «торий», слово из тарбарского жаргона 50-х годов.)

Расскажу о том, как была организована охрана ведущих учёных, занятых в атомном проекте. Каждому

из них полагалось несколько человек, которые круглосуточно охраняли «объект». (На их языке он так официально и именовался.) Это были офицеры МГБ в чине майора или выше, в хорошей физической форме. Мы называли их «духи». У Алиханова одно время их было трое, потом двое. Днём они сопровождали «объект», куда бы он ни пошёл, а если он находился на заседании или в своём кабинете, сидели в приёмной. Поэтому, придя на какое-нибудь совещание, можно было сразу определить, сколько на нём «великих». Когда Алиханов жил в коттедже в Институте физических проблем, в передней его квартиры сидел «дух». В его коттедже на территории ИТЭФ была специальная комната для «духа». Наличие и количество «духов» у разных учёных со временем менялось. Это служило мерилем их престижа и положения. Когда одного очень крупного научного работника как-то лишили «духов», это его глубоко оскорбило. Другие же, Али-

ханов и Зельдович, тяготились такой „опекой“. Работа у „духов“ временами оказывалась довольно тяжёлой, даже опасной. Так, кое-кто из „объектов“ увлекался альпинизмом, и бедному „духу“ приходилось лезть в гору, чему его не обучали.

Я знал одного из „духов“ Алиханова довольно хорошо и часто с ним разговаривал. Это был приятный человек, „имевший отношение“ к русской интеллигенции — до Алиханова он являлся „духом“ А. Н. Толстого. Абрам Исаакович от своих духов — он называл их „мои секретари“ — получал немалую пользу. Периодически те собирались на Лубянке для инструктажа или чего-либо ещё. И, естественно, там шёл трёп. Именно отсюда Абрам Исаакович получал информацию, в частности очень важную, о том, кто наверху идёт ещё выше, а кто вниз. Но иногда эта информация бывала ложной, и Абрам Исаакович, ориентировавшийся на неё, делал промахи. Так, например, произошло с М. Г. Первухиным. В 1956 году Первухина назначили министром среднего машиностроения. Абрам Исаакович сразу же после его назначения (а может быть, и до) имел с ним беседу и получил поддержку. Но оказалось, что это назначение произошло на пути Первухина вниз — вскоре тот был смещён, и его поддержка мало что значила, а возможно, даже дала отрицательный эффект.

Второй основной заслугой Алиханова было создание в Советском Союзе жёсткофокусирующих ускорителей протонов высоких энергий. Как известно, эта идея пришла из США, но сразу же была подхвачена Владимирским в ТТЛ, где под его руководством создали сначала проект ускорителя на 7 Гэв, а затем большего ускорителя — на 50 — 70 Гэв. В разработке последнего большую роль сыграли Ю. Ф. Орлов и Д. Г. Кошкарёв, который придумал, как проходить критическую энергию. Абрам Исаакович загорелся идеей сооружения жёсткофокусирующих ускорителей и со свойственной ему энергией стал проводить её в жизнь. Он добился того, чтобы к ТТЛ присоединили прилегающую территорию, и на ней на-

чалось сооружение ускорителя на 7 Гэв. (Этот ускоритель работает и сейчас: при нём действует один из немногих в мире протонных пучков для лечения раковых больных.) Абрам Исаакович воодушевлял и организовывал все экспериментальные группы для работы на будущем ускорителе, форсировал проектные и строительные вопросы. Если против создания в ТТЛ ускорителя на 7 Гэв серьёзных аргументов не было, то идея сооружения ускорителя на 70 Гэв встретила большое сопротивление. Против него выступили те, кого в ТТЛ называли „4 Б“: Боголюбов, Блохинцев, Бурлаков (тогда ведущий работник отдела ЦК, курировавшего атомную проблему) и Борис Львович (Ванников). Алиханову при поддержке Курчатова уда-

лось преодолеть их сопротивление, и было принято решение о создании под Серглюховом ускорителя протонов на 70 Гэв по проекту ИТЭФ как его филиала. В дальнейшем группа Боголюбова изменила свою позицию, пытаясь захватить будущий ускоритель в свои руки, и преуспела в этом. Борясь с таким оборотом событий, Абрам Исаакович получил инсульт — прямо в кресле кабинета А. Петросьянца, председателя Комитета по атомной энергии.

Алиханов был снят с поста директора ИТЭФ в 1968 году за то, что отказался уволить начальника математического отдела А. С. Кронрода, подписавшего письма с просьбой выпустить из психушки известного математика и правозащитника А. С. Есенина-Вольпина.

▲ Мещеряков М. Г.

Гуревич Исай Израильевич (1914-1987) физик-теоретик, академик АН СССР, автор фундаментальных трудов по ядерной физике, астрофизике, теории ядерных реакторов.

Фомин Петр Фомич (1904-1976) военный деятель, испытатель ядерного оружия, начальник 6-го управления ВМФ. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн, вице-адмирал.

Та моральная атмосфера, тот высокий научный уровень, который был в ИТЭФ, — это, безусловно, заслуга Алиханова. Я считаю ИТЭФ уникальнейшим институтом в Советском Союзе, и если подобные институты ещё и были, то, может, один-два. И поэтому очень досадно, что в отличие от большинства других институтов, носящих имя своего основателя, ИТЭФ не носит имя А.И. Алиханова...

Несколько слов о проекте водородной бомбы. Разработка проекта в СССР началась с предложения, внесённого в 1945 году Гуревичем, Зельдовичем, Померанчуком и Харитоновым. Идея заключалась в следу-

ющем. (На жаргоне эта система называлась „труба“.) Длинный цилиндр наполнялся дейтерием. На одном конце трубы помещался тритиевый запал, который зажигался тем или иным способом и создавал очень высокую температуру. Далее по трубе распространялась взрывная волна реакции $D + D$. Такая система могла иметь любую сколь угодно большую длину и была дешёва, так как дейтерий дешёв, а тритий требовался только для запала. Мощность взрыва такой бомбы ограничивалась лишь возможностью её транспортировки. Обсуждалась, например, идея, что бомбу, замаскировав, доставят

на корабле к берегам Америки и там взорвут, уничтожив всё побережье. (Ср. приведённое в „Воспоминаниях“ Сахарова обсуждение сходной идеи, которое Сахаров вёл с контр-адмиралом Ф. Фоминым. Интересна ответная реплика Фомина. Смысл её был такой: „Мы, моряки, не воюем с мирным населением“.)

До недавнего времени я считал, что предложение Гуревича и других было оригинальным. В этом же был убеждён и сам Гуревич. Сейчас, однако, известно, что аналогичный проект разрабатывался в США — там он назывался „классический Супер“ (classical Super). Идею его ещё

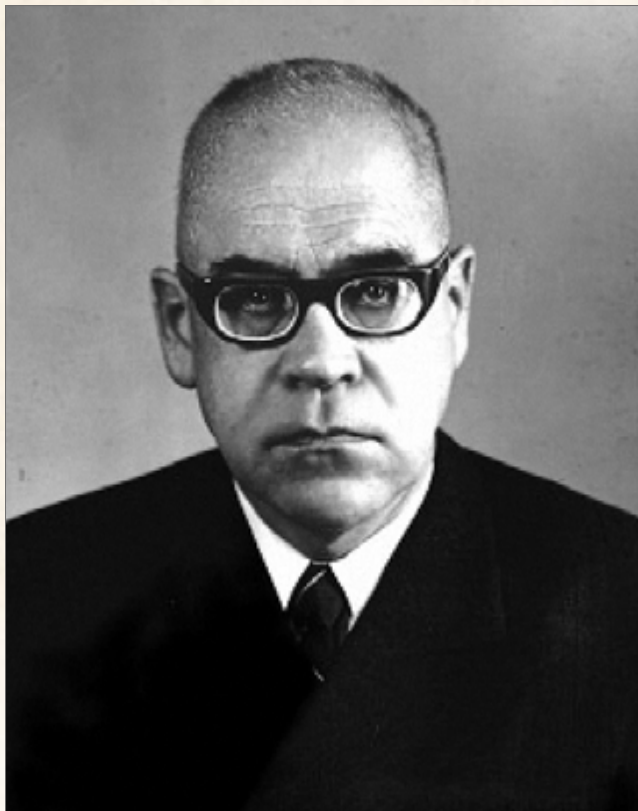

▲ Гуревич И.И.

▲ Фомин П.Ф.

▲ Галанин А.Д.

в 1941 году сформулировал Э. Ферми в разговоре с будущим „отцом американской водородной бомбы“ Э. Теллером. Теллер стал развивать эту идею и интенсивно работал над нею несколько лет. Весной 1945 года советская разведка представила первую информацию об американском проекте водородной бомбы, а в октябре 1945 года поступили более подробные сведения о нём. Предложение Гуревича и других было представлено 17 декабря 1945 года. Поэтому ныне я думаю, что идея советской „трубы“ родилась из разведанных. Но конкретная и детальная проработка про-

▲ Понкекорво Б.М.

екта, безусловно, была оригинальной. Я уверен в этом, поскольку хорошо знал двух авторов — Померанчука и Гуревича: присвоить чужие идеи они не могли. Почему же Гуревич считал, что всё в их предположении, включая основную идею, было оригинальным? Дело в том, что данные разведки сообщались очень узкому кругу лиц: из физиков — только Курчатову, Харитону и, может быть, Зельдовичу, а эти люди, излагая их другим, не могли ссылаться на источник, им приходилось выдавать американские идеи за свои. Поэтому Гуревич (и, по-видимому, Померанчук) искренне

думали, что все предложения от начала до конца есть творчество четырёх авторов.

Остановлюсь на эпизоде, относящемся к прибытию в СССР Б. Понтекорво. Как известно, в конце 40-х Понтекорво жил в Англии. Примерно в начале 1950 года он поехал с семьёй в Финляндию, якобы на отдых. Там их ждал советский пароход „Белоостров“, на котором они и прибыли в СССР. Операция по выезду из Финляндии была проведена нелегально, и лишь потом, когда Понтекорво исчез, западные спецслужбы определили, что исчез он именно таким образом.

Галанин Алексей Дмитриевич (1916-1999) советский физик-теоретик, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Сталинской премии. Награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции. Один из основоположников общей теории атомных реакторов. Автор монографий и учебных пособий. Участник Великой Отечественной войны (1941-1945), гвардии старший лейтенант. Воевал в отдельном артиллерийском дивизионе береговой обороны Балтийского флота. Награжден двумя орденами «Красная Звезда», двумя орденами «Отечественная война» 1 и 2 ст., медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

В нашей печати никаких сообщений о его приезде не было, и я, например, узнал об этом значительно позже из американского журнала „Science News Letters“. По прибытии в СССР Понтекорво жил и работал в Дубне. Выезд из Дубны ему был запрещён примерно до 1955 года, он пребывал там как бы в ссылке. Его фамилию упоминать запрещалось. Померанчук, который в то время часто ездил в Дубну, по возвращении оттуда неоднократно говорил, что обсуждал такой-то вопрос с „профессором“ или что „профессор“ сказал то-то. „Профессор“ — это был Понтекорво, но имени его Померанчук не произносил: табу сохранялось до 1954 года.

Где-то в 1950 году Галанина неожиданно вызвали в Кремль. Такой вызов был весьма необычным: вызывали в разные места, но в Кремль — никогда. Поскольку Галанин занимался реакторами, было очевидно, что вызов связан с реакторным делом. Обычно Галанин все реакторные проблемы обсуждал с Рудиком и мной: мы тоже вели расчёты реакто-

ров — иначе просто нельзя было бы работать. Но тут он вернулся из Кремля — и молчит.

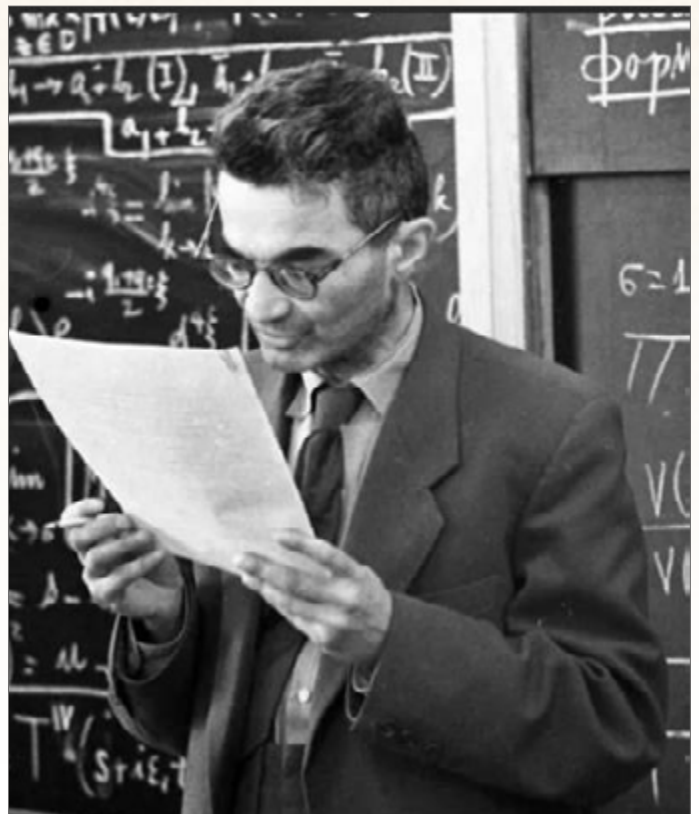
В то время у теоретиков ТТЛ действовал введенный Померанчуком принцип: не спрашивать. Как говорил Исаак Яковлевич, „кому нужно, я сам скажу“. Поэтому мы и не спрашивали. Молчал Галанин долго — несколько лет, но потом всё-таки разговорился. Оказывается, его вызывали в Кремль на допрос Понтекорво. Там собралась группа физиков, и им предложили задавать Понтекорво вопросы о том, что он знает по атомной проблеме. Но Понтекорво знал только общие принципы. Собравшихся же в основном интересовали технические детали — например, как изготавливаются урановые блоки реактора, какова технология того или иного процесса и т.д., а этого Понтекорво не знал и ничего полезного в разговоре не сообщил.

Контакты Понтекорво с физиками были сильно ограничены — например, он не мог общаться с Ландау, тот в Дубну не ездил. Понтекорво не мог

публиковать никаких научных статей — на пять лет его имя полностью исчезло из науки. Тем не менее, он не изменил своих коммунистических взглядов. Позже, в 1956 году, мы были вместе с ним на конференции по физике элементарных частиц в Ереване и жили в одном номере гостиницы. Понтекорво перед этим вернулся из поездки в Китай, куда ездил в составе советской делегации. Как-то вечером, уже лёжа в постели, он стал рассказывать мне о своих впечатлениях. Он был в восторге от того, что увидел: как хороши коммуны, с каким энтузиазмом народ строит коммунизм и т.д. Не выдержав, я заметил: „Бруно Максимович! Если смотреть на страну извне или быть в ней гостем короткое время, можно очень сильно ошибиться“. Бруно Максимович прервал разговор, сказав: „Давайте спать“. Он не простил мне этого замечания: наши отношения, которые до того были очень хорошими, больше уже никогда не восстановились. ■

▲ Боголюбов Н.Н.

▲ Померанчук И.Я.

А.Е. ГОЛОВАНОВ

ПОМОЩЬ ЮГОСЛАВСКИМ ПАРТИЗАНАМ

▲ Югославские партизаны

Не один раз обсуждался у Сталина вопрос о положении партизан в Югославии. Так, еще в конце 1941 года английское правительство через своего посла в Москве Криппса обратилось с просьбой, чтобы были даны «указания» югославским коммунистам прекратить самостоятельные действия против немецких оккупантов с тем, чтобы создать одно единое руководство под началом Д. Михайловича — главы четников в Югославии, приверженца короля Петра II.

Король бежал из страны и обосновался со своим правительством в Англии, где был принят как родственник английской королевской семьи.

— Видимо, серьезную силу представляют югославские партизаны, если англичане обращаются к нам за помощью! — сказал смеясь, Сталин.

С такой же просьбой обратилось к нам и правительство Югославии из Лондона. Как англичане, так и югославские эмигранты во всеулышание объявили Михайловича

национальным героем, борющимся за интересы югославского народа против Гитлера.

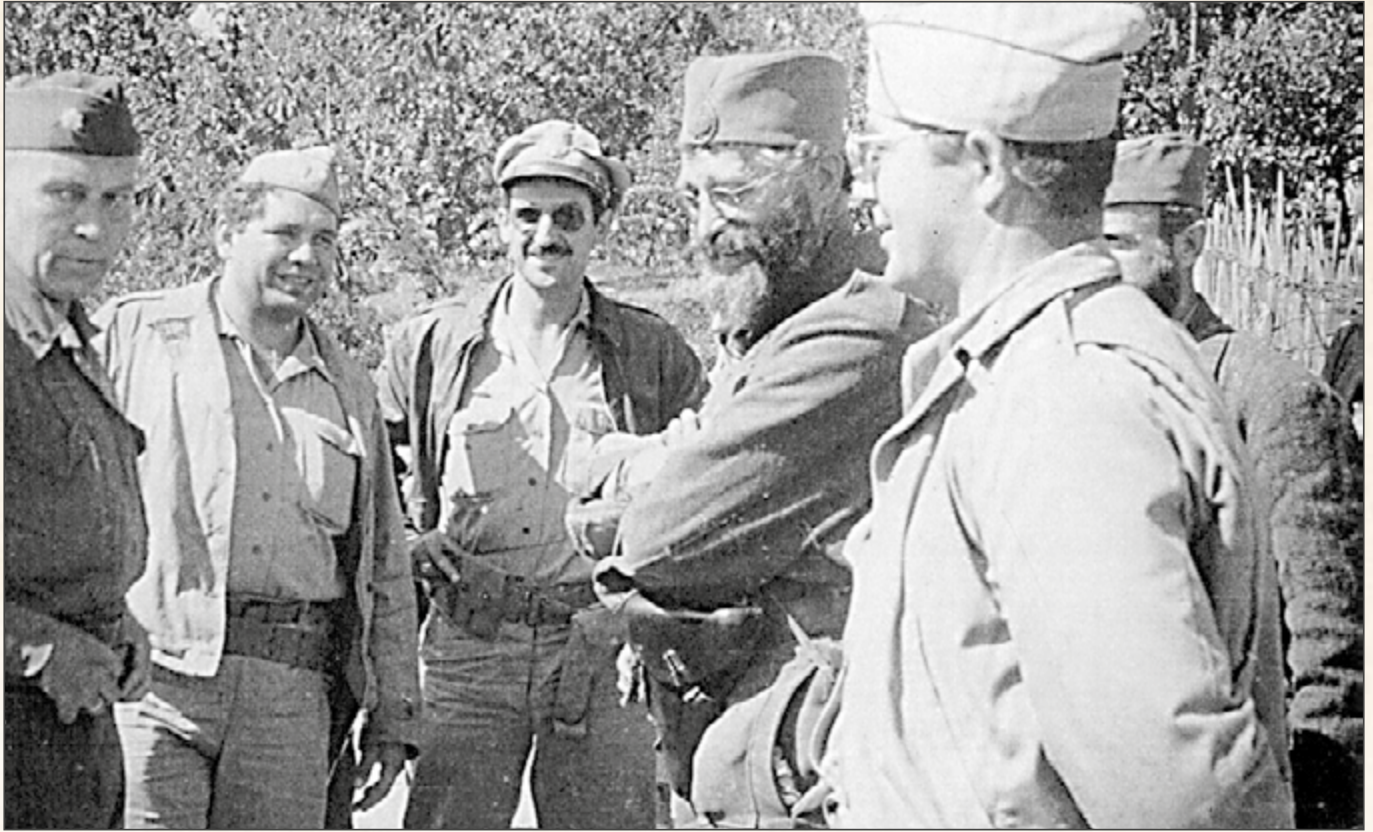
— Сами справиться с партизанским движением у себя в стране не могут, так хотят при нашей поддержке подчинить партизан Михайловичу, а потом их задушить. Все это шито белыми нитками. Хитрые, но детские уловки! — продолжал Сталин. — Жаль, что сейчас мы можем только сочувствовать югославским партизанам и не можем оказать им какой-либо реальной помощи.

Голованов Александр Евгеньевич (1904-1975)

видный советский военачальник, Главный маршал авиации. Родился 7 августа 1904 г. в Нижнем Новгороде в семье капитана буксирного парохода и дочери казненного народовольца Н. И. Кибальчича. Восьмилетним мальчиком был отдан на учебу в Александровский кадетский корпус. В октябре 1917 г. тринадцатилетний Голованов вступает в Красную Гвардию. С 1919 г. в Красной Армии. Воевал на Южном фронте, разведчик 59-го стрелкового полка, был контужен в бою, демобилизован в 1920, в октябре того же года вступил в ЧОН. В 1924-1933 работал в органах ОГПУ в особых отделах армии на оперативной работе. Принимал участие в задержании Бориса Савинкова. Дважды выезжал в Китай — провинция Синьцзян (1930, 1931). С 1929 г. член партии большевиков. В 1931 -1933 гг. прикомандирован в Народный комиссариат тяжелой промышленности, одновременно учился в аэроклубе, в 1932 окончил летную школу при ЦАГИ. С 1933 по 1941 гг. работал в Аэрофлоте пилотом, командиром отряда. В 1935 г. назначен начальником Восточно-Сибирского управления Гражданского Воздушного Флота (ГВФ) с центром в городе Иркутск. В 1937 г. исключен из партии, уехал в Москву «за правдой». Восстановлен в партии, был оставлен в Москве в Московском управлении ГВФ, шеф-пилотом эскадрильи особого назначения. Общий налет в 1938 г. составил более млн. км. С мая по октябрь 1939 г. находился в распоряжении штаба ВВС РККА. Участвовал в боевых действиях на реке Халхин-Гол и в советско-финляндской войне. В январе 1941 г. написал письмо И. В. Сталину о необходимости специальной подготовки летчиков дальней бомбардировочной авиации к полетам в плохую погоду, вне видимости земли. В феврале 1941 г. назначен командиром 212 полка дальнебомбардировочной авиации, с августа 1941 г. — командир 81-й авиационной дивизии дальнего действия. В декабре 1941 г. Постановлением ГКО СССР назначен командиром 3-й авиационной дивизии дальнего действия Ставки Верховного Главнокомандования. Лично участвовал в осуществлении дальних бомбардировочных рейдов (бомбардировка Берлина, Кёнигсберга, Данцига, Плоешти и др.). Обладая высокими летными качествами, несмотря на тяжелые условия, каждый раз при выполнении заданий достигал поставленной перед ним цели. В феврале 1942 г. — командующий авиацией дальнего действия (АДД). С этого времени и до конца войны командовал советской дальней авиацией. На этой должности особенно ярко проявились его качества авиационного военачальника. АДД успешно решала сложные боевые задачи. По общему мнению Голованов считался одним из способнейших генералов ВВС Красной Армии, имея долготелный опыт, как летчик ГВФ, он обладал большими летными данными и отличным организаторским талантом. С декабря 1944 г. Главный маршал авиации (звание присвоено 19.08.1944 г.) Голованов командующий 18-й воздушной армией, в которую была собрана вся дальнебомбардировочная авиация. Соединения армии наносили удары по глубокому тылу противника, а также поддерживали наземные войска в ходе Восточно-Прусской, Венской, Берлинской и др. операций, выполняли задачи по оказанию помощи советским партизанам и патриотам Югославии. Голованов пользовался симпатией и доверием Сталина. Он, в числе немногих, имел право на свободный доступ к вождю, который называл его по имени в знак своего особого доверия. С апреля 1946 г. Голованов — командующий дальней авиацией Советской Армии. В 1950 г. закончил Военную академию Генерального штаба. В 1953 г. после смерти Сталина, отправлен в запас. Автор книги воспоминаний «Дальняя бомбардировочная». Единственному из маршалов, Голованову хрущевским партийно-политическим руководством было отказано в публикации мемуаров. Награжден 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденом Красной Звезды, 7 боевыми медалями, 4 иностранными орденами.

▲ Михайлович (с бородой) — глава четников

Конечно, обращения английского посла и лондонского правительства Югославии остались без положительного ответа.

Чем сильнее развивалось партизанское движение в Югославии, тем большую помощь в борьбе с этим движением оказывали англичане Михайловичу. В марте 1942 года и США согласились поставлять военное снаряжение Михайловичу, было заключено соответствующее соглашение. Однако партизанское движение крепло и развивалось. Следовали новые обращения английского правительства к руководству нашего государства с предложениями объединить под тем или иным предлогом боевые действия партизан Югославии с действиями Михайловича, но, говоря военным языком, — успеха они не имели. Тем более не могло быть и речи о подчинении партизан Михайловичу, что об этом без всякой дипломатии заявил руководитель партизанского движения в Югославии Иосип Броз Тито.

Наконец, убедившись, что всякие попытки установить единую

власть в лице Михайловича, который в 1942 году получил чин генерала и был назначен в эмигрантском правительстве военным министром, ни к чему не приводят, английское правительство решило установить непосредственный контакт с Народно-освободительной армией Югославии (НОАЮ). В мае 1943 года туда прибыла английская военная миссия, а в июле английский посол в Москве передал, что его правительство решило теперь оказывать поддержку всем борющимся в Югославии, независимо от того, к какой партии они принадлежат. Однако ощутимой помощи НОАЮ от англичан не получала, причем эта помощь всякий раз резко сокращалась, когда руководство НОАЮ не желало принимать предложения англичан, заключавшиеся в основном в признании королевской власти на территории Югославии.

Много сил, энергии, изворотливости, присущих только ему, приложил Уинстон Черчилль, чтобы сохранить монархию в Югославии, но так ни-

чего и не добился. Чем больше получал от союзников военной помощи Михайлович, тем меньших успехов он добивался, тем большей признательностью и авторитетом пользовались партизаны во главе с маршалом Тито. И всякий раз, как только в Ставке по тому или иному поводу заходила речь о Югославии, всегда вставал вопрос: какую помощь можем мы оказать партизанам?

Огромное расстояние, разделявшее нас, не давало возможности оказать хотя бы сколько-нибудь значимой поддержки. Мы совершали в Югославию лишь отдельные полеты. Наконец, в ноябре 1943 года наши войска освободили Киев, что дало нам практическую возможность начать подготовку к регулярным полетам в Югославию. От Киева до баз югославских партизан было более 1300 километров по прямой, а это значило, что самолеты должны были преодолеть расстояние свыше 2600 километров для того, чтобы достичь цели (район выброски) и вернуться обратно, не считая времени

пребывания в воздухе, необходимо для отыскания этой цели, точного сброса доставленного, а также возможных отклонений по маршруту по тем или иным причинам. Получалось, что в лучшем случае, при всех условиях благоприятного полета, нужно вести расчет, как минимум, на преодоление самолетами расстояния в 3000 километров. Это по тому времени было пределом практической дальности наших самолетов. Начинать такие полеты значительным количеством самолетов казалось явным авантюризмом, но положение, в котором находились югославские партизаны, обязывало нас использовать малейшие возможности, а следовательно, и идти на определенный риск. И на такой риск мы пошли. Верховный принял решение организовать и начать регулярные полеты для обеспечения боевых действий партизан в Югославии несмотря ни на какие трудности.

В ходе Тегеранской конференции по инициативе нашей делегации было принято решение о максимальной возможной помощи югославским партизанам различным снабжением и материалами, что способствовало бы их активным действиям против гитлеровских захватчиков. Однако как англичане, так и американцы не отказались и от активной помощи четникам Михайловича.

Во время Тегеранской конференции была проведена сессия Антифашистского вече народного освобождения Югославии в городе Яйце (29–30 ноября 1943 года). На этой сессии эмигрантское югославское правительство за антинародную деятельность было лишено всех прав законной власти, а королю Петру II было запрещено возвращение в Югославию до конца войны. Высшим исполнительным и административным органом власти стал созданный решением вече Национальный комитет освобождения Югославии во главе с его председателем маршалом Тито.

По завершении Тегеранской конференции еще на бакинском аэродроме Сталин дал указание ускорить организацию плановых полетов

в Югославию. Непосредственную оперативную связь с нами по вопросам помощи югославским партизанам было поручено держать Д. Мануильскому.

Вот что он писал мне:

«По поручению Правительства прошу переправить для Народно-освободительной армии Югославии двадцать тонн груза и восемь человек. Учитывая важность данного ответственного задания, прошу для этой цели выделить самых лучших и опытных летчиков и экипажи. Пункт доставки — район Дрвар.

Сигналы: 16 или 12 огней (уточним сегодня) в виде римской цифры десять и сигнал по азбуке Морзе буква «П» лампочкой. Ожидают с 10 января...

Д. Мануильский.

10 января 1944 г.»

(Архив МО СССР, ф. 39, оп. 11493, д. 6, л. 1.)

А 14 января мы из Югославии получили следующую телеграмму:

«Находимся близ Дрвара. Имеем аэродром на Крбовском поле, в Лике близ Удбине.

Немцы успели 13 января прорвать наш фронт близ Мрконич-Града на коммуникации Мрконич-Град — Гламоч. В горном

массиве Млиниш-те организуем новый отпор. Если отбросим немцев, то самолеты могут спуститься и на Гламочском поле. Кроме этого, подготовляем аэродром у Босанского Петровца. Верховный штаб находится не в полной безопасности в связи с близостью фронта Мрконич — Гламоч №56.» (Архив МО СССР, ф. 39, оп. 11493, д. 6, л. 5).

Куда же нам доставлять груз, чтобы он попал по назначению и не оказался в руках врага? Фронт, если можно так выразиться, дышит. Да и фронта-то, как такового, который мы привыкли представлять себе, по сути дела, нет. А лететь туда нужно 1300 километров, доставить точно по адресу все находящееся на бортах самолетов, для чего нужно обязательно обнаружить адресата, не говоря уже о том, что почти весь путь предстоит пройти над территорией, занятой противником. Уточнив, какие пункты находятся твердо в руках партизан, 15 января отдается следующее распоряжение:

«Командиру группы майору товарищу Дудник:

1. Обстановка в районе цели: 13.1.44 г. немцы прорвали фронт близ Мрконич-Град на коммуникации Мрконич-Град — Гламоч.

▲ Сидят Шубашич, Черчилль, Тито

▲ летчики АДД. Герои Советского Союза, сражавшиеся в небе Югославии

2. В руках партизан находятся: Дрвар, Босанский Петровец (что севернее Дрвар 20 км) и Грахово (что южнее Дрвар 23 км).

3. Цель: людей и груз выбросить на площадке в районе Босанского Петровца, что 30 км севернее Дрвар (на Широком поле).

4. Сигналы прежние.

Зам. командующего АДД генерал Скрипко.

15 января 1944 года». (Архив МО СССР, ф. 39, оп. 11493, д. б, л. 8).

А вот месяцем позже мы уже получили следующее сообщение:

«Груз нужно сбрасывать у Прекай юго-восточнее Дрвар. Географическая широта 44 19, долгота 16 32.

Место у Босканского Петровца ненадежно. Немцы предприняли наступление от Бихача в направлении Петровца.

Бой идет на протяжении 70 км от Грахово до Бихача. Сигналы будут и на Петровом поле близ Травника. 14 февраля 1944 г. Вальтер» (так подписывался маршал Тито).

Так, в связи с боевыми действиями, исключались одни места доставки вооружения и боеприпасов и возникали другие. Партизаны находились в движении.

Для планомерного обеспечения югославских партизан была организована авиационная группа с базированием на Украине. Одними из первых, кто начал регулярные

полеты в Югославию, были экипажи Александра Давыдова со штурманом Василием Тузовым, Евгения Мухина со штурманом Иваном Лисовым, Константина Кудряшова со штурманом Федором Румянцевым, Никифора Рыбалко со штурманом Василием Улизко, Гоги Агамирова со штурманом Иваном Гвоздевым. Командиры кораблей были классными летчиками, налетавшими до войны огромное количество часов на трассах Гражданского воздушного флота и имевшими большое количество боевых вылетов во время Великой Отечественной войны. Их штурманы также имели значительное количество боевых вылетов.

Число экипажей, принимавших участие в полетах к партизанам Югославии, стремительно нарастало, и в скором времени на выполнение этой труднейшей, опаснейшей и важнейшей задачи была задействована целая дивизия 4-го гвардейского авиационного корпуса АДД. Этим корпусом командовал генерал-лейтенант авиации Георгий Семенович Счетчиков — высококультурный, грамотный, разносторонне развитый командир, который очень быстро продвинулся по командной лестнице и, будучи в начале организации АДД командиром полка и подполковником, в 1944 году уже командовал корпусом в звании генерал-лейтенанта авиации.

Почему работу экипажей, принимавших участие в полетах к югославским партизанам, я называю труднейшей, опаснейшей и важнейшей? Ведь всякая боевая работа на войне и трудна, и сложна, и опасна! Дело в том, что всякий раз, вылетая на выполнение полученного задания, экипаж отправлялся в неизвестность. Прежде всего ему не была известна погода по всему маршруту, за исключением того места, куда он летит, и то многочасовой давности, а местная погода, как мы знаем, меняется довольно часто. О получении прогнозов из районов боевых действий партизан не могло быть и речи. В первые месяцы никаких радиосредств, используя которые можно было бы прилететь хотя бы в район расположения места назначения или, как мы привыкли выражаться, в район цели, не было.

Следовательно, преодолев линию фронта и более чем тысячекилометровый маршрут, весьма нередко в сложных метеорологических условиях, при обледенении и вне видимости земных ориентиров, экипаж, естественно, не мог точно знать, пользуясь только расчетом времени, куда он фактически вышел, и, установив зрительную связь с земной поверхностью, должен был определить свое местонахождение, после чего приступить к отысканию цели, которая обычно обозначалась кострами определенной конфигурации.

Если в 1943 году партизаны имели бригады и партизанские отряды, то уже в 1944 году были сформированы корпуса, а численность партизан в НОАЮ доходила почти до 350 000 человек. В десятках различных мест находились эти соединения, и их-то и нужно было разыскивать вот по таким, например, данным: 9-й корпус — место Уланована, координаты — 13 48 00; 46 04 00. Сигналы латинское «П» из пяти костров; место Локуа, координаты — 13 47 00; 46 01 00. Сигналы те же. Или: 7-й корпус — место Пака, координаты — 15 04 20; 45 30 25. Сигналы «Е» из костров... 4-й корпус — место Кладуш, координаты — 15 14 20; 45 11 30. Сигналы — «Ш» из костров, и так далее, с указанием, с каких по какие числа месяца будут выкладываться те или иные опознавательные знаки. А кроме указанных корпусов существовали и другие, например 5, 8, 6, 1-й и другие, а также дивизии и отдельные группы, например группа Мораца, соединение Пеко... Подчас просто давались координаты даже без названия места, например: Сербия, координаты — 21 54 00; 43 24 08. Сигналы — треугольник из костров. В общем, получалось большое количество различных площадок со свои-

ми сигналами, найти которые на карте и то требуется время. Найти же указанные далекие пункты с самолета ночью, и подчас безлунною, не так-то просто. Длительный же поиск площадок мог привести к тому, что, летая на предельный радиус полета, экипаж рисковал остаться без топлива и в лучшем случае, потеряв самолет, мог рассчитывать попасть в тот или иной партизанский отряд, однако вероятность такого благополучного исхода, нужно сказать, была невелика. Сложность и опасность полетов в горной местности по розыску площадок и сбросу грузов с минимально возможной высоты, чтобы гарантировать попадание их в руки адресата, а не врага и избежания столкновения с горами, обязывали экипаж быть предельно внимательным. Я уже здесь не говорю о возможной встрече с истребителями, о преодолении других средств противовоздушной обороны противника, через районы которых из-за ограниченного количества топлива приходилось лететь напрямую. Вот почему мной выше были применены исключительные слова, подчеркивающие всю сложность выполнения поставленной задачи. Однако, несмотря ни на какие труд-

ности, все экипажи дивизии летали с большим желанием на выполнение этих задач, зная, что они делают это ради братской помощи югославским партизанам в их тяжелейшей борьбе.

Нередко, пробиваясь к целям в условиях плохой погоды, экипажам приходилось выходить на побережье Адриатики, определять свое местонахождение и только после этого приступать к отысканию определенных для них площадок. Бывали случаи, когда, находясь в сложных метеорологических условиях, экипаж не был в состоянии обнаружить заданной ему площадки и, затратив значительное время, а следовательно, и значительное количество топлива на ее обнаружение, вынужден был возвращаться на свою базу, не выполнив поставленной задачи. Нетрудно себе представить состояние экипажа, который, преодолев огромное расстояние, пришел в назначенный ему район, но вследствие указанных причин вынужден прекратить поиски и возвращаться на свою базу во избежание того, чтобы этот полет не стал последним его полетом... Огромное физическое и моральное напряжение, таким образом, оказывалось безрезультатным, хотя сил и энергии в данном полете было

▲ Немецкие десантники

▲ Партизаны перед операцией

затрачено куда больше, чем в любом другом успешном, но совершенном в нормальных метеорологических условиях. Однако отдельные неудачи, которые случались у нас и не только по условиям погоды, а, например, из-за отсутствия на месте назначенных условленных опознавательных знаков или наличия знаков, но другой конфигурации, нас не обескураживали. Полеты к партизанам в Югославию непрерывно продолжались.

В то же самое время наши союзники, овладев базами на побережье Италии еще осенью 1943 года, хотя и обязались помогать партизанам Югославии, с этой помощью не торопились, при этом четникам Михайловича нужно вооружение и материалы доставлялись. Нужно сказать, что в отношениях с Народно-освободительной армией Югославии искренности у союзников, в особенности у англичан, не было. Говорили одно, делали другое. Примеры тому были на каждом шагу. Скажем, отрекшись, в конце концов, в начале 1944 года в палате общин от Михайловича (другого выхода не было, он был

уличен не только в военных действиях против югославских партизан, но и в прямых контактах с гитлеровцами), а в скором времени и, отозвав от него свою военную миссию, Черчилль продолжал оказывать ему материальную помощь с баз в Италии, а также через военную миссию США, которая осталась у Михайловича. Надо прямо сказать, что отношение как Англии, так и Соединенных Штатов Америки к народно-освободительному движению в Югославии было враждебное, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И хотя официально, в особенности опять-таки англичане, они признавали наличие партизанского движения и обязались ему помогать, однако, как говорится, за спиной делали все возможное и невозможное, чтобы это движение задушить.

Приобретая все больший опыт и сноровку в полетах к партизанам, мы стали думать о мероприятиях, которые следовало провести для облегчения и упрощения организации и выполнения этих полетов.

Поначалу каждый экипаж само-

стоятельно выполнял свою задачу, приходя в заданный район и отыскивая свою цель. В связи с ограниченным количеством горючего маршрут, как правило, прокладывался напрямую: Киев — Суботица — цель. Экипажам приходилось пересекать районы, которые были насыщены средствами ПВО как на территории Румынии и Венгрии, так и на территории самой Югославии. Имея данные о наших полетах в Югославию, немцы установили зенитную артиллерию и в Карпатах, именно в тех районах, где пролегал маршрут самолетов. Таким образом, наши экипажи подвергались, как правило, воздействию средств ПВО как при перелете фронтовой полосы, так и в Карпатах, над опорными пунктами Сегед и Печ, а также в районе Суботицы, где в системе зенитной артиллерии ПВО имелись станции автоматической орудийной наводки. На территории Венгерской низменности были все условия для боевой работы истребительной авиации противника, имевшей радиолокационные средства обнаружения

и наведения. В Югославии средства ПВО действовали в районах Нови-Сад, Белград, Смедерево, Ниш и других. В районе Баня-Лука находился аэродром с действующим ночным стартом, в районе Сараево тоже был аэродром...

Прежде всего, было решено, что для надежности и уверенности выхода в район цели в сложных метеорологических условиях впереди группы самолетов, примерно за полчаса, вылетает лидер, который передает условия полета экипажам, следующим за ним. Полчаса, конечно, время небольшое, определялось оно опять-таки отсутствием возможности иметь большой запас топлива, но и этот, хотя и малый разрыв по времени давал ощутимые результаты. Вообще-то говоря, можно было, конечно, увеличить количество горючего, проведя некоторые доработки на самолете за счет сокращения перевозимого снаряжения, боеприпасов и других грузов. Но получалось так, что за счет увеличения времени возможного пребывания самолета в воздухе, а следовательно и большей безопасности полета, резко сокращалась полезная загрузка, и то, что доставлял партизанам один самолет, стали бы доставлять два. Арифметика про-

стая — в два раза сокращался объем перевозок. В сложившихся крайне тяжелых условиях боевых действий югославских партизан пойти на это мы не могли, предпочитая самим находиться в более сложном положении.

Разрыв в вылете, состоявший из тридцати минут, практически ничего особо ощутимого в процессе самого полета не давал, но этот разрыв оказывался весьма ценным по прибытии группы самолетов в район цели. Самолет-лидер за тридцать минут успевал определить свое местонахождение, найти цель, сообщить условия погоды, сбросить груз и перейти на работу на привод, как приводная станция. Остальные самолеты настраивались на привод лидера и сразу, без каких-либо поисков, зная условия погоды, смело выходили прямо в заданный пункт и начинали сброс доставленного. После прихода группы на цель, получив подтверждение от каждого, что он находится здесь, лидер отправлялся в обратный путь, сообщая остальным условия полета уже по дороге домой.

Каждая упаковка, каждый мешок, находившийся на том или ином самолете, имели маркировку, присво-

енную тому экипажу, который их доставлял. Задание считалось выполненным лишь тогда, когда с места назначения получалось подтверждение о получении всего, что значилось на борту этого корабля. Естественно, экипажи всякий раз с нетерпением ждали сообщения о результатах своей работы.

Позднее в район партизанских действий были заброшены приводные радиостанции, а для обеспечения более безопасного полета по маршруту был задействован полк ночных охотников, которым командовал гвардии подполковник Михаил Павлович Дедов-Дзядушинский. Задачей его полка являлась блокировка аэродромов противника при полетах наших экипажей к партизанам. Этот полк блокировал аэродромы противника в районах: Суботица, Сальнок, Печ, Петровград, Нови-Сад и других.

Так постепенно, от сложного к более простому, входила в повседневный быт АДД боевая работа по обеспечению югославских партизан. В это же самое время английская авиация, базируясь на аэродромах Южной Италии, в частности на аэродроме Бари, где у них имелась база снабжения и откуда, как говорится, рукой подать до мест расположения

▲ Авиабазы Бари, Южная Италия

▲ Н.В. Корнеев

партизан, почти бездействовала... Наши летчики и штурманы не раз занимались подсчетами, что бы могла сделать для партизан их дивизия, если бы ей представилась возможность работать с аэродрома Бари в Италии. Получалось, что производительность в доставке партизанам всего необходимого увеличилась бы не менее чем в десять раз!

В весенне-летний период нашим экипажам не хватало темного ночного времени, чтобы выполнить беспосадочный полет к партизанам и обратно, однако полеты продолжались. Проходя над территорией, занятой противником, в светлое время самолеты без прикрытия истребителей постоянно подвергались воздействию всех средств ПВО.

В январе я узнал от Верховного, что решено направить военную миссию в Югославию и АДД следует

выполнить эту задачу. Доставка миссии к маршалу Тито путем десанта, то есть выброски на парашютах, исключалась. Глава миссии генерал Н.В. Корнеев, раненный в ногу, ходил с тростью и прыгать с парашютом не мог.

Для выполнения этого задания нужно было подобрать соответствующий экипаж. Достаточно хорошо зная летный состав ГВФ, я дал указание его начальнику генералу Астахову представить мне кандидатов для выполнения данного полета. Из них остановился на командире корабля Александре Сергеевиче Шорникове. Остановился потому, что, будучи еще шеф-пилотом Гражданской авиации, мне довелось проверять летный состав, собранный из разных управлений, для определения возможности допуска этих летчиков к практическим полетам с пассажирами в слож-

ных условиях осенне-зимнего периода как днем, так и ночью. Чтобы получить такое право, летчики должны были пройти проверку в реальных условиях. Дело в том, что летчик и его способности определяются не только тем, как он пилотирует самолет, но также и тем, как он себя ведет и как себя чувствует в таком полете. Не один раз за свою летную жизнь мне приходилось быть свидетелем, когда человек, отлично пилотируя самолет под колпаком или под шторками, оказывался совершенно непригодным к полетам в действительно плохих условиях погоды. И, наоборот, летчик, лишь удовлетворительно летавший в искусственно созданных условиях тренировочного полета, в реальных условиях плохой погоды летал уверенно и спокойно, показывая хорошие результаты.

В летном деле бывает и так, что поведение человека на земле бывает совсем не похоже на его поведение в воздухе. Объясняется это психологией, моральным состоянием пилота. Нужна всего какая-то доля секунды для того, чтобы почувствовавший неуверенность в своих силах пилот превратился в человека, не отдающего себе отчета в своих действиях, теряющего контроль как за положением самолета и его приборами, так и над собой...

Приведу пример из далекого прошлого. С Центрального аэродрома Москвы осенью 1933 года вылетели два самолета. Один пилотировал летчик Дорфман — шеф-пилот Петра Ионовича Баранова, руководителя авиационной промышленности нашего государства, пришедшего возглавить эту работу с должности главкома ВВС. Другой самолет вел Лев Яницкий — линейный летчик Аэрофлота. Оба летели на юг по одной и той же трассе Москва — Харьков. Дорфман отлично летал вслепую в закрытой кабине, то есть в искусственно созданных условиях слепого полета. Яницкий нес свою службу на трассах ГВФ и, естественно, реально сталкивался с различными условиями полета, в том числе и с плохими. В день их вылета над Москвой проходил центр циклона с дождем,

мокрым снегом, сильной болтанкой. Вылетевший с пассажирами на самолете АНТ-9 Лев Яницкий благополучно прибыл в Харьков, а вылетевший вслед за ним Дорфман с П. И. Барановым, его женой и начальником Аэрофлота Гольцманом потерпел катастрофу пролетев всего несколько десятков километров от Москвы. Летел он тоже на самолете конструкции А. Н. Туполева.

Таких примеров имеется достаточно для того, чтобы с особой тщательностью подходить к проверке летного состава, который предназначается для перевозки пассажиров в любых условиях погоды, днем и ночью. Вот почему я лично придавал особо серьезное значение проверке выделенных для таких полетов летчиков и проводил эту проверку только в реальных, наиболее сложных условиях. Проверочные полеты проводились в условиях циклонической деятельности, в облачности, при дожде и снеге, при обледенении и сильной болтанке, восходящих и нисходящих потоках воздуха, ночью. В общем, я искал наиболее сложные метеорологические условия, после проверки в которых можно было надеяться на то, что проверяемый успешно справится с тем, что записано у него в пилотском свидетельстве.

Само собой разумеется, на проверку прибывали летчики, уже подготовленные к этому в своих территориальных управлениях, там, где они непосредственно несли службу и летали. Как правило, они уже имели разрешение летать в сложных метеорологических условиях с грузом и почтой. Естественно, что передо мной, как шеф-пилотом ГВФ, стояла задача не убедиться в том, умеет ли проверяемый летать вслепую в облаках, а определить — может ли он летать в сложных условиях погоды и возить при этом пассажиров. Поэтому в полете я больше обращал внимание на поведение проверяемого, чем на его технику пилотирования. И вот А. С. Шорников — пилот Закавказского управления ГВФ произвел на меня наиболее благоприятное впечатление. У каждого пилота своя манера, свой стиль полета, начиная с того,

как он сидит на своем пилотском сиденье во время полета, как реагирует на то или иное поведение своего летательного аппарата, как воспринимает различные неожиданные явления во время полета, например восходящие и нисходящие потоки, то есть броски самолета по вертикали, сильную болтанку и многое, многое другое. По этим признакам, а вернее по их сумме можно безошибочно, если, конечно, вы сами много летали, судить о способностях проверяемого. По тому, как сидел Шорников, было явно видно отсутствие какой-либо напряженности. По реагированию летчика на поведение самолета, когда рефлексы срабатывали раньше сознания, была видна натренированность, доведенная до рефлекторного восприятия, что дается только систематическими полетами на протяжении длительного времени. По восприятию Шорниковым неожиданностей в поведении самолета было видно, что они ему уже давно знакомы и не являются новостью. (Полеты в горах Закавказья, как видно, сделали свое дело.) Спокойствие, неторопливость в движениях и в то же время молниеносное рефлекторное реагирование на те или иные явления, эти качества

как бы завершали летную аттестацию Шорникова. Я даже вышел из кабины, чтобы со стороны посмотреть на действия и поведение пилота, тем самым подчеркивая мою удовлетворенность его мастерством. Уходил из кабины во время таких полетов я нечасто. Когда ты не знаешь летных данных того, с кем летишь, да еще несешь личную ответственность за успешное завершение такого полета, — прежде чем покинуть свое место на правом сиденье — не один раз подумаешь.

Мне кажется, что в любой профессии люди, достигшие определенного уровня и знающие, сколько труда, упорства и энергии пришлось вложить раньше, чем достичь этого, всегда будут отдавать должное тем, кто идет по тому же пути. О Шорникове у меня осталось впечатление, что его летные данные являются, если хотите, искусством.

Ни до этого полета, ни после него, работая в Гражданском воздушном флоте, встречаться с А. С. Шорниковым мне не приходилось. Однако, когда среди других была названа его фамилия для полета в Югославию и, уточнив, что именно он работал в Закавказском управлении ГВФ, я, не задумываясь, остановился на его кандидатуре.

▲ Руководство партизанской войны Югославии

▲ Сталин и Тито, Москва 1944 г.

После того как наша военная миссия была доставлена, как говорят, в целостности и сохранности в Бари (Южная Италия), а потом к партизанам в Югославию, наша работа пошла в основном через миссию. Интересная деталь — военная миссия, посланная нашим правительством к маршалу Тито, была аккредитована при Национальном комитете освобождения Югославии, в то время как англичане и американцы держали свои миссии при Верховном штабе Народно-освободительной армии, никак не желая признавать наличия там же нового правительства Югославии.

В районе расположения Верховного штаба НОАЮ и советской миссии была развернута и наша радиостанция с обслуживающим персоналом, которая служила как приводная и связная рация АДД.

Как-то мы получили данные о прибытии в Верховный штаб сына Черчилля Рандольфа, который появился там в личине военного корреспондента. Появление его у маршала Тито было не совсем обычным — он был сброшен туда на парашюте.

Когда я доложил о полученных сведениях Сталину, он, немного помолчал, сказал:

— Имейте в виду, сыновья премьеров так просто на парашютах

не прыгают и в чужих штабах без определенных целей не появляются.

Так оно и оказалось. Сын Черчилля активно действовал в определенном направлении как в своей, так и в американской миссии. Мы получали сведения и о том, что Рандольф совершает вояжи между Верховным штабом НОАЮ и Каиром. Английские офицеры называли Рандольфа толстым сыном великого отца...

Отношения между союзниками и партизанами становились все напряженнее. Максимально сократились поставки союзников НОАЮ, однако на большее они не решались. Дело в том, что, нанеся в феврале — марте 1944 года сокрушительный удар на Буге, наши войска в апреле вышли к границам Чехословакии и вступили на территорию Румынии. Идея Черчилля о высадке десанта из районов Средиземного моря и проникновении на Балканы окончательно проваливалась, в то время как нашим войскам оставалось преодолеть не такое уже большое расстояние, чтобы достичь границ Югославии. В связи с этим нашим союзникам, в особенности Англии, все время приходилось менять свою политику в отношении югославских партизан, хотя партизанское движение и было у них, как говорится, бельмом на глазу.

Утром 25 мая мной была получена радиограмма от начальника нашей расположенной в горах в районе Дрвара радиостанции (штат ее состоял из двух человек: старшины Владимира Щеглова и рядового Пушкина). В этой радиограмме сообщалось, что происходит высадка немецкого десанта на Дрвар, где идет бой.

Зная, что там находится маршал Тито и наша военная миссия, я сейчас же позвонил Сталину и доложил ему о содержании полученного донесения.

— Вам сообщили какие-либо подробности? — спросил он.

Получив отрицательный ответ, Сталин дал указание выяснить подробности и позвонить ему. Примерно через два часа пришло сообщение о том, что высажен крупный немецкий десант, захвачен город. Каких-либо подробностей сообщить не могут, так как связаться не с кем. Ввиду того, что немцы находятся в непосредственной близости, радиостанцию зарывают в землю, сами уходят в горы.

Об этом докладывал Сталину я уже лично, так как он звонил до этого неоднократно, справляясь, не получили ли мы каких-либо новых данных, и, наконец, дал указание по получении таковых приехать и доложить лично.

— Видимо, полученные вами сообщения правильные, и положение там серьезное, — немного помолчал, сказал Сталин. — Ни по одному каналу не могут связаться наши товарищи со штабом Тито. Это не может быть случайностью.

Походив немного, Сталин остановился и задумчиво, как бы про себя произнес:

— Чья же это работа, хотел бы я знать?.. Видимо, сынки зря время не тратят.

Длительное время не было известно, где находится маршал Тито и его штаб. Не один раз звонил Сталин и спрашивал, не вышли ли на связь наши люди. Когда же, в конце концов, обнаружился маршал Тито, Сталин дал указание принять все меры к тому, чтобы его вывезти. Это задание с честью выпол-

нил А. С. Шорников, находившийся в Бари и совершивший уже десятки вылетов к партизанам с посадкой у них. К слову сказать, он был первым летчиком, осуществившим посадку ночью на заснеженную площадку в высокогорном районе Боснии. В Бари никто из английских и американских летчиков не верил в такую возможность, они сочли рассказ об этом Шорникова просто шуткой, выдумкой. Отправляясь в следующий полет в Боснию, Александр Сергеевич накупил плетеных корзин, прилетев к партизанам, набил их снегом и, вернувшись в Бари, поставил эти корзины, не говоря ни слова, вдоль ряда английских самолетов! Последовало всеобщее изумление, однако профессиональное самолюбие было уязвлено, и некоторые английские и американские летчики последовали примеру Шорникова.

Полеты и посадки Шорникова на ограниченные площадки в горах, где ошибка не может повториться дважды, не были трюкачеством. Этого требовали обстоятельства. Однажды, преодолев плохую погоду и доставив очередную партию военного имущества, экипаж летел обратно, везя пятнадцать человек раненых, и поначалу не заметил, что все они не имеют обоих ног. Не было ни сто-

нов, ни жалоб, ни просьб о помощи... Увидев уже многое и за время Великой Отечественной войны, и за время полетов в Югославии, экипаж был поражен мужеством и стойкостью, которые проявляли раненые партизаны. Надо ли говорить о том, что весь экипаж старался как-то облегчить их состояние во время перелета. Надо ли говорить о том, что наши экипажи использовали малейшую возможность для полета к партизанам. Опыт, полученный в таких полетах, пригодился и не заставил себя долго ждать.

Длительное время у экипажа отсутствовала связь с нашей миссией, находившейся вместе с маршалом Тито. Наконец 3 июня радист экипажа старший лейтенант Н. С. Вердеревский по своей самолетной радиостанции принял радиogramму от генерала Н. В. Корнеева — прибыть в ночь на 4 июня в район Купрешко Поле, находящийся от Дрвара в ста километрах. Из этой радиogramмы Шорников понял, что миссии удалось вырваться и уйти от немцев. Понял он также и то, что его штурман П. Н. Якимов, видимо, находится там же. Якимов все время находился при миссии, обеспечивая прием самолета. Зная летно-тактические данные воздушного корабля,

а также возможности пилота, он руководил подготовкой площадок, определял пригодность их, обеспечивал правильную выкладку опознавательных знаков, определял возможность прилета по метеоусловиям и так далее. Имея своего человека на месте посадки, экипаж уверенно совершал полеты. Правда, летал он уже без штурмана.

Шорников дал указание экипажу быть готовым к вылету, однако сам он был вызван в штаб английского авиационного командования, где капитан Престон, который отлично говорил по-русски (его отец в свое время был на дипломатической работе в СССР), передал ему радиogramму, полученную от нашей военной миссии, где черным по белому было написано: «Прибыть в ночь на 5 июня», по тому же адресу. Ничего не сказав капитану, Александр Сергеевич сверил эту радиogramму с радиogramмой, которую получил он непосредственно. Сомнений быть не могло, в полученных указаниях были разные числа... В том, что нужно обязательно вылететь сегодня, Шорников не сомневался. Если бы было по-другому, то в повторно полученном распоряжении было бы обязательно указано, что первое отменяется. Однако таких указаний не было. Но вот вопрос — как вылететь? Самостоятельно, без получения разрешения на вылет от штаба английского командования вылететь он не мог, не имел права. Что же делать?! Некоторое время Шорников провел в размышлениях, а потом пришел в штаб и попросил разрешения вылететь в разведывательный полет в район, указанный в радиogramме — Купрешко Поле, чтобы уверенно на другой день, в ночь на 5 июня, вылететь уже для выполнения полученного задания. Такое разрешение он получил и в назначенное время вылетел.

Погода не благоприятствовала полету. В условиях грозовой деятельности и дождя пришлось пересекать Адриатическое море на малой высоте, во-первых, для того, чтобы не уклониться от проложенного маршрута, во-вторых, чтобы не попасть в грозные облака. Выйдя на остров

Герои Советского Союза и Народные Герои Югославии — три русских летчика, вывезшие из окружения Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии. Слева направо: Б. Т. Калинин, П. Н. Якимов, А. С. Шорников. 1944 г.

▲ Отражение нападения фашистов

Корчула и обойдя Сплит, где располагалась немецкая военно-морская база, прикрытая большим количеством зенитной артиллерии, экипаж стал набирать высоту, взяв курс на Купрес, в районе которого находилась самая высокая гора, служившая надежным ориентиром. Выйдя на эту гору и определив свое местонахождение, начали поиски условных огней и сигналов. Облачность не давала возможности как следует просматривать местность. Более получаса летал экипаж над незнакомой местностью, пока не обнаружил кодовые огни. Много труда было положено, чтобы зайти на посадку. Нужно было садиться наверняка для того, чтобы иметь возможность улететь. Наконец самолет произвел посадку на обозначенную площадку, которая была сильно изрезана горными ручьями и усыпана камнями...

Как и предполагал Шорников, встречал его штурман Якимов, который вместе с югославскими партизанами подготовил площадку и организовал встречу своего экипажа. Вид у Якимова был незавидный, голова забинтована — он был ранен осколком мины. Нелегко, видимо, пришлось выбираться из окружения, отбиваться от внезапно выброшенного немецкого парашютного десанта.

В скором времени к самолету подошли маршал Тито, генерал Корнеев, члены Политбюро Компартии Югославии, руководящий состав Верховного штаба, представители английской и американской военных миссий. После обмена мнениями о количестве людей, которых можно взять на борт (было решено взять 20 человек), началась посадка в самолет. Кроме маршала Тито, членов Политбюро, генерала Корнеева и Верховного штаба были также взяты на борт и представители англо-американской миссии.

Доставив всех благополучно в Бари, экипаж Шорникова совершил еще один полет на Купрешко Поле и вывез оттуда еще 20 человек. Конечно, генерал Корнеев никаких указаний о переносе вылета на 5-е число не давал. Это, так сказать, осталось на совести тех, кто дал указание вручить экипажу радиogramму с измененным числом даты вылета.

Между прочим, союзники в эту же ночь совершили тоже два полета на Купрешко Поле, но несколько запоздали. Оказывается, Верховный штаб обращался к ним с просьбой вывезти их, но союзники ответили, что по условиям погоды, а также по причине неизвестного состояния площадки полет на Купреш-

ко Поле является серьезным риском. Однако, узнав о прилете нашего экипажа, они направили туда и свои самолеты. Вскоре Купрешко Поле было занято гитлеровцами, а охранявшие Верховный штаб части с боями вырвались из окружения и ушли в другие районы.

Позднее мы узнали некоторые подробности. Немецкий десантный батальон с частями усиления имел задачу захватить Дрвар, где расположен Верховный штаб Народно-освободительной армии, и уничтожить его вместе с Верховным главнокомандующим маршалом Тито. Высадка десанта оказалась неожиданной. Каких-либо крупных частей или соединений, которые могли бы вступить в бой с гитлеровцами, в районе расположения штаба не было. Отдельные подразделения не могли вести длительной бой с хорошо вооруженным противником, имевшим в своем распоряжении даже артиллерию. Пришлось с боями отходить. Выйти из пещеры, где размещался штаб, было невозможно из-за кинжального огня. Тогда был взломан пол и находившиеся в пещере спустились по веревке к протекавшему внизу ручью, вышли в сад, а оттуда пробрались на гребень горы у долины Унаца. Так ушел маршал Тито со своими товарищами от немцев.

Все же капитан Рипке, командир десантного батальона гитлеровцев, которому не удалось схватить или уничтожить самого Тито, захватил трофей — парадную маршальскую форму. Так бесславно закончилась очередная, теперь уже диверсионная, попытка разделаться с руководством Народно-освободительной армии Югославии.

А вскоре после этого, 14 июня, на остров Вис прибыл собственной персоной премьер королевского правительства Шубашич, который без всяких проволочек подписал вместе с маршалом Тито соглашение о признании Национального комитета освобождения Югославии как выполняющего функции правительства. Шубашич и Тито договорились создать органы, координирующие деятельность как Национального

комитета, так и эмигрантского правительства в борьбе с немецкими захватчиками, в целях создания в дальнейшем единого правительства страны. Однако, как и следовало ожидать, этого не произошло. В августе уже сам Черчилль встретился в Италии с маршалом Тито и всячески настаивал на встрече Тито с королем и с Михайловичем. Попытка эта успеха не имела.

В то время как, сокращая помощь югославским партизанам, союзники безуспешно пытались добиться согласия Тито войти в контакт с королем, наше государство оказывало все возрастающую помощь Народно-освободительной армии Югославии. Мною было доложено Сталину о целесообразности и прямой необходимости организовать свою базу в Бари, что усилило бы обеспечение боевой деятельности партизан. По его указанию наши товарищи договорились с союзниками об организации в Бари авиационной базы, куда была перебросена группа транспортных самолетов с личным составом, которая в июле начала боевую работу на партизан. Эту авиагруппу особого назначения (АГОН) возглавил Герой Советского Союза полковник Василий Иванович Щелкунов. Туда же напрямую пришла эскадрилья истребителей, покрыв без посадки расстояние более 2000 километров над территорией, занятой противником, и над морем. Эта эскадрилья успешно прикрывала полеты самолетов особой авиагруппы к партизанам в дневных условиях. Таким образом, Авиация дальнего действия стала обеспечивать боевую работу НОАЮ как боевыми частями, находившимися на территории Советского Союза, так и транспортными самолетами с авиационной базы в Бари.

Авиагруппа провела огромную работу. В круг ее боевой деятельности входили: полеты ночью в партизанские районы со сбросом груза на парашютах; полеты со сбросом беспарашютных грузов с высоты не более 400 метров; полеты ночью с грузом и людьми с посадкой на полевых площадках в расположении

частей НОАЮ с вывозом оттуда раненых; полеты днем на сброс, а чаще с посадкой под прикрытием истребителей; полеты по спецзаданиям.

Полеты на сброс беспарашютных грузов и полеты с посадками ночью были особенно сложны и опасны. Дело в том, что партизаны, как правило, находились в горах и опознавательные знаки сброса выкладывали на склонах гор, в ущельях, что, естественно, крайне затрудняло маневр самолетов. Приходилось но-

чью снижаться ниже вершин окружающих гор, которые зачастую были плохо видны, и экипаж находился в постоянной опасности столкновения с ними. Подчас противник располагался вблизи точек сброса, и самолеты подвергались с его стороны пулеметно-ружейному обстрелу. Выполнив задание, машины нередко приходили домой с пробоинами. Однако точность сброса всегда была хорошей — за все время работы авиагруппы не было ни одно-

▲ Тито в пещере близ Дрвара

▲ Щелкунов В.И.

го случая, чтобы груз попал в руки противника. Случались и курьезы. Однажды в лунную ночь шесть самолетов с малых высот сбрасывали груз на одну из партизанских площадок. После того как четыре самолета выполнили свое задание, огни погасли. Не сбросившие свой груз два самолета пришлось перенацелить на другие точки. Впоследствии оказалось, что сброс был настолько интенсивным и точным, что команда, поддерживавшая огонь костров, разбежалась и костры погасли.

Посадки на площадках в горах в ночных условиях, да еще с превышением их над уровнем моря более чем на 1000 метров, были сложны и опасны. Как правило, площадки представляли собой прямоугольник шириной 50–150 метров и длиной в 650–1000 метров. На многие из них из-за окружающих гор приходилось заходить на посадку лишь с одной стороны, а взлетать с противоположной, поэтому посадки с боковыми и попутными ветрами не являлись редкостью. Если учесть при этом раз-

реженность воздуха в высокогорной местности, что увеличивало длину пробега самолета при его посадке и длину разбега при взлете, то становится ясным, что от летчиков требовалось высочайшее мастерство пилотирования и абсолютная точность расчета на посадку.

Несмотря на все сложности боевой деятельности, работа нашей авиагруппы в Бари проходила без происшествий и без потерь самолетов. Здесь нужно отдать должное и командиру этой авиагруппы Василию Ивановичу Щелкунову, который, сам летая на выполнение боевых заданий, а, следовательно, зная действительные условия полетов, организовал работу так, что максимально исключались предпосылки к летным происшествиям.

Экипажи авиагруппы совершали посадки более чем на двадцати площадках в различных районах Югославии, в большинстве своем в гористой местности.

Авиагруппа доставила партизанам огромное количество боеприпасов, оружия и другого военного снаряжения (вплоть до 45-миллиметровых противотанковых пушек), продовольствия и медикаментов. Только личного состава было перевезено более 5 000 человек, в том числе вывезено более 1 500 раненых. С авиабазы на аэродроме Бари для НОАЮ было доставлено самолетами около 3 000 тонн военных грузов.

На самолетах авиагруппы были доставлены в Бари четыре самолета По-2, которые были собраны, облетаны и переданы Народно-освободительной армии как самолеты связи. Наши же товарищи оттренировали и выпустили на них югославских летчиков.

Не один раз встречался Щелкунов с маршалом Тито, решая те или иные вопросы. Он же организовал его перелет с острова Вис на аэродром Крайова в Румынии, когда И.В. Сталин пригласил Тито в Москву (18–20 сентября 1944 года).

В разговорах с В.И. Щелкуновым маршал Тито особенно тепло отзывался о советских летчиках, кото-

рые, как он выразился, «заслужили то, чтобы после войны быть гостями в санаториях прекрасного Адриатического побережья Югославии».

Весну, лето и осень 1944-го личный состав АДД, выполнявший полеты в Югославию, вел напряженную работу. До мая полеты производились из района Киева, потом из района Винницы и, наконец, осенью — с территории Румынии. По неполным данным, с этих баз совершено около 2 000 боевых вылетов и доставлено огромное количество оружия, боеприпасов и другого военного имущества. Конечно, ни в какое сравнение эти полеты с полетами союзников идти не могли. Как уже упоминалось выше, летать с баз Южной Италии было куда ближе, а по метеорологическим условиям куда проще. А телеграммы от партизан все шли и шли, и речь в них была все время об одном... Оружие, боеприпасы... Боеприпасы, оружие. Вот, например, телеграмма за №55:

«Главный штаб Сербии очень просит в ночь на 13.9 на площадку

штаба сбросить возможно большее количество винтовок, автоматов, пулеметов, боеприпасов. Координаты: 21 31 00, 43 13 00 — площадка, что 8 км западнее Прокупле. Сигналы: квадрат из восьми костров, кодовый сигнал по таблице 183».

Через два дня получаем оттуда же телеграмму №279:

«Главному штабу Сербии необходимо оружие для вооружения 35 тысяч бойцов. Площадка Губетин закрывается. Принимаем груз на Добра Вода. Горшков». (Заместитель начальника нашей военной миссии.)

Хочу здесь привести один случай обмена письмами между нашим экипажем, доставлявшим по этим заявкам оружие, и партизанами. Старший лейтенант Иван Константинов вложил в один из мешков, доставляемых партизанам, письмо от себя и своего экипажа, где желал успехов тем, кто получит оружие и будет бить гитлеровцев и изменников. Сбросил он это письмо вместе с грузом 19 сентября, указав номер своего самолета. Вскоре был получен ответ, который

привожу полностью:

«Гвардейскому боевому экипажу №7/369, ст. лейтенанту Константинову.

Дорогие братья и боевые товарищи! Ваш драгоценный груз попал в наши руки. Оружие, которое вы нам сбросили, уже бьет фрицев и изменников. Приближается час нашей общей победы. Заверяем вас, что ни одна винтовка, полученная из ваших рук, не пощадит врага. Просим вас, товарищи, сбрасывать нам ваши газеты, журналы и книги.

Да здравствует СССР, вождь всех свободолюбивых народов в борьбе за уничтожение фашистского ига!

Да здравствует непобедимая героическая Красная Армия!

Да здравствует Народно-освободительная армия Югославии! Да здравствуют наши любимые вожди маршал Сталин и маршал Тито!

Да здравствует дружная семья славянских народов!

Да здравствует сталинское пле-

▲ Штаб Тито

▲ Арсо Йованович и Тито

мя крылатых!

Солдаты, подофицеры и офицеры 24-й сербской дивизии НОА Югославии.

24 сентября 1944 г. № 899». (Архив МО СССР, ф. ВДВ, оп. 11519, д. 1079, л. 56).

Такая переписка спланивала боевую дружбу югославских бойцов с нашими экипажами. А их летало в Югославию немало, и упомянуть их всех конечно, невозможно. Однако некоторых я все же назову. Прежде всего, полковника П.И. Кондратьева — командира дивизии, осуществлявшей полеты в Югославию; подполковника В.Д. Зенкова — командира полка, майора А.А. Баленко — в дальнейшем генерала, командира дивизии; майора В.П. Драгомирецкого — в будущем тоже генерала, командира корпуса. А также подполковника П.Ф. Бенусова, майоров А.А. Агibalова, И.Л. Сенагина, М.М. Кириллова, А.П. Дудника, К.М. Куликова, Д.Г. Нагорнова, П.А. Польшалова, С.В. Щербакова, Н.М. Рыбалко, В.А. Тузова, капитанов А.В. Мансветова (того самого, который прибыл из лагеря с Колымы), А.И. Махова, К.И. Антипова, В.М. Живодер, Н.Я. Заболотного, В.Н. Орлова, старших лейтенантов Е.И. Горелика, П.Ф. Дюжаева,

В.Т. Зинько, И.Д. Лещенко, А.П. Ляшева, М.К. Прошлякова, Н.Н. Свищевского, В.Ф. Тимченко, Г.Б. Трабуна, Н.Ф. Абрамова, лейтенантов П.Д. Петрова, Е.П. Новикова, А.Е. Рогаленко, В.В. Смирнова, П.А. Чижевского, Н.П. Гуртового, Ю.Н. Аганина, С.П. Матвеева, М.П. Гаврилова, А.Н. Гусева, П.Е. Кузьмина, И.И. Федорова, А.В. Тинякова, А.А. Куприенко, младших лейтенантов Л.П. Дербышева, И.В. Дементьева, И.Н. Сюткина, П.Т. Красникова, П.Д. Петрова, Д.С. Филатова, Л.Н. Рождественского, В.Г. Семенихина, старшин В.И. Елисеева, В.А. Лежебокова, А.К. Швардина, А.Н. Чуркина, В.Г. Болтручука, И.Д. Дерюжкова, Л.А. Интезарова, В.Д. Корнеева, В.Ф. Ткаченко.

Названные и многие другие авиаторы были награждены советскими и югославскими орденами. Я назвал несколько десятков фамилий просто на выбор, и это совершенно не значит, что другие не заслуживают быть упомянутыми.

Стали Героями Советского Союза и были награждены югославскими орденами «Партизанская Звезда» первой степени Гога Григорьевич Агамиров, Александр Алексеевич Баленко, Александр Дмитриевич Давыдов, Владимир Порфирьевич Дра-

гомирецкий, Константин Михайлович Кудряшев, Федор Селиверстович Румянцев.

Были удостоены звания Народных Героев Югославии Иван Антонович Булкин, Павел Игнатьевич Дмитриенко, Иван Никифорович Константинов (тот самый, который писал письмо и получил ответ от партизан), Александр Теопанович Моногадзе, Василий Антонович Улиско. Командир корпуса генерал Георгий Семенович Счетчиков был награжден орденом «Партизанская Звезда» первой степени.

Что касается экипажа, который вывез маршала Тито с его товарищами и Верховным штабом, то Указом Президиума Верховного Совета СССР Александру Сергеевичу Шорникову, его второму пилоту Б.Т. Калинин и штурману П.Н. Якимову было присвоено звание Героев Советского Союза, а бортовой техник И.Г. Галактионов и бортовой радист Н.С. Вердеревский награждены орденами Ленина. Югославское правительство А.С. Шорникову, Б.Т. Калинин и П.Н. Якимову присвоило звание Народных Героев Югославии, а И.Г. Галактионов и Н.С. Вердеревский были награждены орденами «Партизанская Звезда».

Также мне хотелось бы рассказать еще об одном участнике югославской эпопеи Александре Дмитриевиче Давыдове. Его экипаж был среди первых, начавших полеты в Югославию, и, естественно, на их долю пришлось самые сложные полеты, практически без какого-либо обеспечения. Именно поэтому большинство этих экипажей удостоены высших наград.

Александр Дмитриевич Давыдов до войны был, как и многие другие в АДД, пилотом гражданской авиации. Познакомиться мне с ним довелось, работая в Московском управлении ГВФ в 3-м транспортном отряде. Это были 1938–1939 годы. В этом отряде, после всяческих перипетий в Восточной Сибири, я работал рядовым пилотом на самолете «Сталь-3», а некоторое время спустя меня назначили инструктором. Летчиков в отряде насчитывалось мно-

го, поэтому и инструкторов было несколько. В обязанности инструктора входила проверка время от времени техники пилотирования закрепленных за ним пилотов, за что он нес прямую ответственность.

И вот однажды я был вызван командиром отряда и мне было предложено определить дальнейшую возможность полетов в отряде Александра Давыдова. Указанием командира отряда я был удивлен, так как Давыдов не входил в мою группу пилотов. Но командир сказал, что инструктор, проверявший Давыдова, не соглашается выпускать его лететь самостоятельно в рейс с пассажирами. «Дела у него с ориентировкой

неважные», — заключил командир. Инструктор Михаил Вагапов, который проверял Давыдова последним, сказал мне, что «возят» его давно, летает он хорошо, но с ориентировкой действительно дела обстоят так, что выпускать его на трассу в самостоятельный полет нельзя. Случай исключительный, и он меня просто заинтересовал. Обычно в таких ситуациях, как правило, идет речь о технике пилотирования, она нередко становится камнем преткновения.

На другой день мы с Александром Давыдовым отправились в рейс. Пилотировал самолет Давыдов. На самолете «Сталь-3» имелся только один штурвал с перекидывающимся

управлением (баранкой штурвала). Была редкая кучевая облачность и, дав указание идти сверху нее, я углубился в чтение газеты. В начале полета я еще поглядывал на приборы и землю, но, видя, что все идет нормально, увлекся чтением. Летели мы на линии Москва — Воронеж — Сталинград — Астрахань.

Прошло весьма значительное время, и когда я в разрывы облаков посмотрел на землю, то местность показалась мне незнакомой, а взглянув сразу на компас, увидел, что курс на нем совсем не соответствует маршруту полета. Пока я разглядывал местность и потом снова посмотрел на компас, тот уже показывал новый курс. Дело плохо! Изменение курса на компасе определенно говорило о том, что пилот потерял ориентировку. «Где мы находимся?» — спросил я у него. Он пожал плечами. Не беря на себя управление, я дал указание Давыдову взять курс полета, проложенный на карте, и точно его выдерживать, а сам стал пытаться восстановить ориентировку. Истекло время нашего прибытия в Воронеж, однако местность, похожая на окрестности этого города, не появлялась. Пролетели еще некоторое время. Так как запас топлива был ограничен, решил сесть около появившейся по курсу машинно-тракторной станции. Взяв управление на себя, произвел посадку. Оказалось, что мы в районе станции Касторной. Остаток горючего не гарантировал уверенного перелета в Воронеж. В пустой бак заправили керосин. Взлетели и набрали высоту на хорошем топливе, а потом переключились на бак с керосином. К удивлению, мотор продолжал работать без перебоев. Прилетели в аэропорт, где нас ждали уже с беспокойством. Налицо была «блуждежка», да еще с инструктором. Однако на лице Давыдова я видел лишь полнейшее безразличие ко всему происходящему...

Слив керосин и заправившись, пошли на вылет. Немного задержавшись и придя на самолет, я увидел Давыдова на правом сиденье.

— Займите свое место и продолжайте полет, — даю ему указание.

▲ Давыдов А.Д.

Давыдов был явно удивлен, но молча пересел на левое сиденье. Наш полет продолжался. Теперь я уже весьма внимательно следил за полетом и за действиями проверяемого, но никак это не проявляя. Следующая посадка должна быть в Урюпино. Давыдов начал постепенно отклоняться от трассы, но я не вмешивался. Вышли мы на траверз Урюпинской в стороне, примерно километрах в десяти, и только здесь я дал указание изменить курс на аэродром. В Сталинград мы прилетели уже без моего вмешательства. И вот здесь-то, наконец, и состоялся у нас откровенный разговор. Мои предположения, сложившиеся в процессе полета, оказались правильными. Давыдова, как говорят пилоты, «завозили». Он летал на левом сиденье, как командир корабля, но ему не давали возможности проводить полеты самостоятельно, постоянно вносили поправки в процессе полета, причем эти поправки каждый проверяющий делал по-своему, а затем рассказывал об этом новому проверяющему. Следующие товарищи, уже будучи предупрежденными о имеющихся якобы недостатках в ориентировке проверяемого, всякий раз давали те курсы полета, которые они находили нужными, а пилот оставался лишь исполнителем. Так мало-помалу Давыдов перестал лично заниматься детальной ориентировкой, то есть сверкой курса полета самолета с местностью, чем и породил у тех, кто его проверял, уверенность в том, что он не может ориентироваться в полете. А это значило — конец работы в качестве линейного летчика. После нашей вынужденной посадки до прилета в Воронеж Давыдов решил, что его служба в отряде завершилась.

В товарищеском разговоре я сказал Давыдову, что если он сам, без моего вмешательства, со-

вершит полет до Москвы, то я даю ему слово — на другой же день он уйдет в самостоятельный рейс без кого-либо на борту, за исключением его бортмеханика. И Давыдов успешно закончил полет, показав, что может летать так же, как и другие пилоты, если ему предоставят возможность.

На другой же день после прилета в Москву он, к удивлению ранее его проверявших, был назначен в самостоятельный рейс и отлично его выполнил. Затем продолжал летать на линиях Гражданского воздушного флота, стал пилотом первого класса. Во время Великой Отечественной войны — командир эскадрильи, совершил 321 боевой вылет, удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Заслужил двадцать наград, из них пять орденов Красного Знамени.

27 раз А. Д. Давыдов на тяжелом самолете производил посадки в тылу врага у партизан, доставляя им боеприпасы и вывозя от них раненых. 37 раз ходил лидером на выполнение специальных заданий в глубоком тылу противника. Десятки раз ходил осветителем. Многократно его самолет подвергался зенитному огню и атакам истребителей, и всегда Давыдов приводил поврежденный самолет на свои аэродромы. На счету экипажа имелись и сбитые истребители противника.

Вот так складываются судьбы человеческие, проследить за которыми помогает нам только время... И все-таки раньше, чем написать об одной из таких судеб, я спросил теперь уже не Александра, а Александра Дмитриевича Давыдова, имеющего уже внука, который учится в Суворовском училище, — не будет ли он возражать, если я напишу об одном из эпизодов его молодости, участниками которого мы с ним были, и, получив его согласие, привел здесь вышеизложенное.

В начале сентября 1944 года наши войска вышли на румыно-югославскую границу, а в конце месяца — на болгаро-югославскую и, вступив в Югославию, в скором времени встретились с воинами Народно-освободительной армии. Так начались непосредственные совместные боевые действия Красной Армии с бойцами НОАЮ, которые в тяжелейших условиях партизанской войны добились огромных успехов. Взаимодействуя с Красной Армией, ведущей боевые действия по освобождению северо-восточных районов Югославии, бойцы Народно-освободительной армии совместно с советскими воинами 20 октября освободили Белград.

Многие тысячи советских воинов остались на полях сражений, отдав свою жизнь за освобождение Югославии. Немало потерь понес и личный состав АДД...

Боевая работа на югославских партизан находилась под постоянным систематическим контролем Верховного Главнокомандующего. Так, были введены специальные донесения штаба АДД за подписью командующего, члена Военного совета и начальника штаба, посылавшиеся непосредственно на имя Сталина. В этих донесениях всякий раз подробно указывалось, откуда и сколько самолетов летало, куда и с какими результатами. Верховный Главнокомандующий не раз звонил или при личных встречах уточнял те или иные интересующие его данные по проведенным полетам. Связь с маршалом Тито у него была непосредственная, а в сентябре 1944 года, когда Тито прилетал в Москву, и мне довелось с ним встретиться у Сталина.

Боевая работа по обеспечению югославских партизан была одной из наиболее серьезных задач, выполнявшихся АДД во время Великой Отечественной войны. ■

Н.Г. КУЗНЕЦОВ

НА ЮЖНОМ ФЛАНГЕ

▲ Кузнецов Н.Г.

КУЗНЕЦОВ Николай Герасимович (1900-1974), Адмирал Флота Советского Союза советский военный и государственный деятель, полководец, Герой Советского Союза. Участник Гражданской войны (1918-1920). Нарком Военно-Морского Флота СССР (1939-1946), одновременно главнокомандующий Военно-Морским Флотом в Великую Отечественную войну. В 1951-1953 военно-морской министр, в 1953-1956 1-й заместитель министра обороны СССР — главнокомандующий Военно-морскими силами.

После налета немецкой авиации на Севастополь, на рассвете 22 июня. Черноморский флот в сравнительно спокойной обстановке развертывал силы и ставил минные заграждения.

После войны было высказано немало критических замечаний по этому поводу: мол, мы без особой нужды ставили мины у своих баз. Особенно большие сомнения вызвали минные постановки на Черном море. Вице-

адмирал И. Д. Елисеев писал мне: «Когда выяснилось, что нашим врагом на Черном море будут румыны и немцы, следовало воздержаться от постановки мин, поскольку большой угрозы с моря не было, а постановка их принесла нам много горя. Основными потребителями моря были мы сами».

Мнение это небезосновательно, но полностью согласиться с ним я не могу. Отсутствие минных полей около Севастополя позволило бы даже слабому противнику подходить к порту ночью и ставить мины.

Весь район моря возле Севастополя пришлось бы считать опасным и постоянно проводить контрольное траление. В то же время любой неприятельский эсминец ночью или в тумане мог подойти к этой важной базе нашего флота и обстрелять ее. И трудно сказать, что доставило бы нам больше беспокойства: свои мины, расположение которых мы отлично знали, или опасения, что враг может войти в не защищенные нашими минами воды.

Бесспорно одно: минировать нужно продуманно. Следует помнить, что мины — угроза не только противнику, но и своим кораблям, что рано или поздно их придется тралить, что штормы срывают их, и тогда они носятся по воле волн.

Я придерживаюсь мнения, что с оперативной точки зрения постановка оборонительных минных заграждений около своих баз не только на Черном море, но и на Дальнем Востоке была правильной. По идее, свои минные поля не могут представлять сколько-нибудь серьезной опасности для плавания и в то же время дают почти полную гарантию от появления в этих местах ночью или в тумане кораблей противника. Конечно, минные поля даже при точном знании своих фарватеров представляют некоторую опасность и создают неудобство для плавания боевых ко-

раблей и транспортов, но опасность эта была бы значительно большей, если бы вражеские надводные корабли или подводные лодки имели возможность набросать около наших баз свои мины. Неприятности, причиняемые своими минными полями, обуславливались главным образом недостатками в технике — мины всплывали, срывались с якорей и становились опасными. Постановка минных полей, конечно, требовала ходить строго по фарватерам.

Считать применение такого мощного оборонительного оружия, как мины, неправильным лишь из-за того, что оно прибавляло забот, — значило бы признать свое неумение обращаться с ним. Ведь плавают же корабли с опасным боеприпасом в своих погребах!

Командование Черноморского флота с первого дня войны взяло инициативу в свои руки. Флотская авиация наносила удары по важным объектам в Румынии. Дунайская фло-

тилия, отбив первое нападение с румынского берега, высадила на него десант. Подводные лодки вышли к румынским и болгарским берегам, чтобы искать и атаковать вражеские корабли.

Продвижение немецкой армии по всему фронту уже в начале июля вызвало опасения, что для приморских городов и военно-морских баз может возникнуть угроза с суши. То, что произошло на Балтике, могло повториться и на Черном море. Становилось очевидным, что для флота на первый план выдвигается борьба на флангах армий, упирившихся в море. При этом, как и на Балтике, многое обернулось не совсем так, как мы себе представляли до войны.

В бытность мою командиром корабля на Черном море высказывалось предположение, что наши вероятные противники попытаются повторить Крымскую кампанию прошлого века, высадив мощный десант где-нибудь на нашем побережье.

Позже над этой угрозой стала превалировать опасность нападения с воздуха и с суши. Помнится, как в 1941 году после захвата немцами острова Крит, когда они применили воздушный десант, мы дали себе ясный отчет в том, что подобная опасность не исключена и для Крыма. Крупных сухопутных сил там не было, было бы целесообразно оперативно подчинить все войска в Крыму Военному совету флота. Но о возможности появления армии врага в районе Перекопа не думалось.

Наш Черноморский флот развивался быстро и к началу Великой Отечественной войны состоял из линкора, 6 крейсеров, 17 лидеров и эскадренных миноносцев, 2 сторожевых кораблей, 47 подводных лодок, 84 торпедных катеров и ряда вспомогательных судов. Авиация насчитывала 625 самолетов. Флот готовили к тому, чтобы обеспечить наше господство на Черном море.

▲ Севастополь, 1941 год

▲ Лидер «Москва»

Как и на других морях, одной из важнейших задач флота считали обеспечение флангов армии. Чем ближе шло дело к войне, тем больше внимания уделялось взаимодействию флота с войсками приграничного Одесского военного округа. Именно отработке такого взаимодействия было посвящено и последнее, закончившееся в канун войны учение. Правда, на нем отработывались более активные задачи, поскольку предполагалось, что мы будем не только обороняться, но и наступать.

Результаты этого учения, проведенного в северо-западном районе моря, сказались в первые же месяцы войны. Конечно, оно могло бы принести значительно больше пользы, если бы мы учитывали возможность скорого начала войны и более трезво оценивали соотношение сил. Как и на Балтике, где мысль о потере Либавы, а тем более Риги казалась совершенно недопустимой, на Черном море не предполагали, что Одессу придется защищать от сухопутного противника. Хотя флот вернулся с учения за сутки до войны и в море оружие на кораблях находилось в полной боевой готовности, тема учения не соответствовала обстановке, которая могла возникнуть с началом военных действий. Наши взоры были обращены в сторону Босфора. Оттуда мы ждали появления крупных эскадр с десантными войсками. Предполагалось, что наши вероятные противники попытаются повторить Крымскую кампанию прошлого века, высадив десант на нашем побережье. При оперативных играх считали, что Румыния будет на стороне «противни-

ка», но ее флот не представлял реальной угрозы. В тридцатых годах, когда власть в Германии захватили фашисты и начали призывать к войне против Советского Союза, положение изменилось. В случае войны с Германией вероятность морского десанта уменьшилась, но зато возросла опасность нападения с воздуха и с суши.

Немецкая группа армий «юг», продвигаясь на восток, захватывала наши приморские города. Фашисты бахвалились, что советский Черноморский флот скоро «сам умрет сухопутной смертью», лишившись всех своих баз. Но флот сражался, с каждым днем наращивая силу ударов.

Королевская Румыния, как и предполагалось, выступила союзницей фашистской Германии. Наше

командование решило нанести удар по главной базе румынского флота — Констанце.

Уже в ночь на 23 июня 1941 года авиация Черноморского флота произвела первый налет на военные объекты Констанцы. 23 июня последовало еще пять налетов: три на Констанцу и два на Сулину.

Немного позднее были нанесены авиационные удары по Плоешти. Этому объекту Ставка придавала особое значение: речь шла о румынской нефти, которая была очень нужна фашистской Германии. Поэтому Плоешти бомбила и армейская, и флотская авиация. В июле и августе удалось уничтожить сотни тысяч тонн нефти, а добыча ее на какое-то время была сведена почти к нулю.

▲ Авиационные удары по Плоешти

▲ Постановка минных заграждений

Говоря о налетах советской авиации на Плоешти, следует подчеркнуть стратегическое значение этих ударов. Не случайно Гитлер в записке Браухичу от 22 августа 1941 года подчеркивал, что нужно скорее захватить Причерноморье и Крым с его аэродромами, а шахты они всегда захватят. Один удачный налет русской авиации на единственный наш источник нефти, указывалось далее, и трудно будет предугадать, каким окажется дальнейший ход войны.

Не случайно и то, что И. В. Сталин обращался к Гопкинсу с вопросом, не могут ли англичане (США тогда еще не воевали) бомбить Плоешти. Но этих ударов не последовало.

25 июня два лидера — «Москва» и «Харьков» — вышли в море, чтобы обстрелять Констанцу. Эту ударную группу прикрывали крейсер «Ворошилов» и два эсминца. Корабли совершили переход ночью и на рассвете внезапно появились перед Констанцей. В 5 часов утра оба лидера открыли огонь.

Это был смелый набег, что подтверждали и представители немецкого командования в Румынии.

Командир всего соединения контр-адмирал Т. А. Новиков и командир ударной группы лидеров капитан 2-го ранга М. Ф. Романов сделали все от них зависящее, чтобы выполнить задание. По намеченным объектам было выпущено 350 снарядов. На берегу вспыхнули большие пожары: горели нефтебаки.

Но этот успех достался нам дорогой ценой. Минная опасность оказалась значительно большей, чем мы ожидали.

Следует подчеркнуть, что новые электромагнитные мины, сконструированные гитлеровцами, действительно являлись грозным оружием на первом этапе войны. С помощью этих мин немцы отправили на дно не один английский корабль.

Мы тоже столкнулись с минной опасностью на всех морских театрах. На Балтийском флоте подорвался на минном заграждении, постав-

ленном фашистами еще до начала войны в устье Финского залива, крейсер «Максим Горький». На Черном море при выходе из Севастополя подорвался эсминец «Быстрый». Противник использовал как старые, так и новые электромагнитные мины различной кратности действия. Старые тралы для борьбы с последними оказались малоэффективными.

Наши моряки пытались разгадать секрет коварных новинок. Еще в июле 1941 года военный инженер 3-го ранга И. И. Иванов и капитан-лейтенант Власов разоружили первую такую мину на Черном море. Вторую мину, в Новороссийске, обезвредили Б. Т. Лишнеvский и С. И. Богачек. На Балтике донные мины разоружили Теплин, Туринов, Алюксутович и другие. Однако заплатить за это пришлось дорогой ценой: при разоружении мин погибли И. И. Иванов, С. И. Богачек, И. А. Ефременко, Б. Т. Лишнеvский и другие отважные флотские миныры.

Минно-торпедный институт ВМФ прилагал все усилия, чтобы скорее раскрыть секрет нового немецкого оружия, и внес свои предложения по борьбе с ним. Но кардинально помочь флоту могла только более квалифицированная научная сила.

Мы обратились за помощью в Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ). В августе 1941 года на Черноморский флот прибыла во главе с А. П. Александровым и И. В. Курчатовым группа сотрудников института: А. Р. Регель, П. Г. Степанов и К. К. Щерба. Ученые вместе с флотскими минерами часто с риском для жизни разбирали взрывные устройства немецких мин в поисках секретов нового оружия и выработки контрмер. Г. Охрименко, А. Малов, М. Иванов и Н. Квасов — вот фамилии черноморских минеров, которые ощупью, с замиранием сердца разбирались в неизвестных приборах, ища, как обезвредить коварную машину, гото-

вую в любую секунду взорваться при малейшей неосторожности. И вскоре задачу удалось решить. Тральщики были снабжены специальными новыми тралами, а крупные корабли постепенно оборудовались специальными противоманнитными обмотками. Помните, в первую очередь такой противоманнитной обработке подверглись подводные лодки типа «С».

Советские ученые внесли большой вклад в дело победы над врагом, и вклад этот был по заслугам оценен правительством. Многие ученые были награждены орденами и удостоены Государственной премии.

Позже, как-то встретившись со мной в Кремле, Игорь Васильевич Курчатов поинтересовался: «Как справляется наш флот с электромагнитными минами?» И я с удовлетворением подтвердил, что благодаря рекомендациям, сделанным им и его коллегами, флот неплохо выполняет задачи борьбы с вражескими минами.

Неправильно, однако, было бы думать, что кратковременное пребывание на Черном море группы Ленинградских ученых помогло решить до конца все вопросы борьбы с немецкими неконтактными минами. Борьба эта длилась в течение всей войны, и не последняя роль принадлежит здесь Минно-торпедному управлению ВМФ (начальник Н. И. Шибаетов) и некоторым специалистам-минерам, таким, как профессор О. Б. Брон и другие.

Для оборудования кораблей системой ЛФТИ требовалось огромное количество особого электрического кабеля. Предприятия Ленинграда, Кронштадта, Таллина, Севастополя, Архангельска, Мурманска, Владивостока отдали все запасы кабеля, годного для этой цели. Вскоре Техническое управление ВМФ передало Наркомату судостроительной промышленности на последние 35 километров кабеля.

▲ Регель А.Р., Лазуркин К.С., Курчатов И.В.
Севастополь 1941 г.

▲ Завод «Севкабель»

▲ Андреев Н.Н.

В середине августа я обратился в Государственный Комитет Обороны к Сталину и Вознесенскому с предложением возложить на заводы «Севкабель» и «Москабель» изготовление 350 километров кабеля, а 300 километров заказать за рубежом. Уже в первых числах сентября «Севкабель» начал поставлять кабель для Электромортреста, осуществлявшего оборудование кораблей противоманнитными системами.

Мы постоянно контролировали и направляли работу по размагничиванию кораблей. Больше всего этим занимался адмирал Л. М. Галлер. На местах эта задача решалась командованием флотов. Защитой кораблей от магнитных мин систематически интересовалась Ставка.

С развитием военных действий появились новые типы мин: акустические, магнитно-акустические и, наконец, гидродинамические. Про-

▲ Галлер Л.М.

тив них нужно было искать противоядие. Мы привлекли к этому делу самых опытных и высококвалифицированных ученых. Реальную помощь в тралении новых вражеских мин оказывала флоту специально созданная акустическая группа под руководством Н. Н. Андреева, ставшего впоследствии академиком.

Но вернемся к набегу на Констанцу в первые дни войны, когда мы еще не имели надежного средства борьбы с немецкими электромагнитными минами. Наши артиллеристы удачно накрыли цели. При отходе корабли развили большую скорость — 30 узлов — и пошли на зигзаге; в итоге потеряли параваны — приспособления для обезвреживания мин, и лидер «Москва» подорвался. Раздался оглушительный взрыв, корабль переломился и затонул. «Харьков» пытался помочь тонущим, но сам получил повреждения от огня береговых

батарей. Если бы из-за минной опасности корабли замедлили ход, они могли бы понести еще больший ущерб от огня береговой артиллерии. Видимо, давая задание провести операцию, командование флота должно было точно указать, как выполнять задачу, сообразуясь с обстановкой и не допуская неоправданного риска. Однако такого гибкого подхода в управлении у нас тогда еще не было. Действовать нередко приходилось по принципу «любой ценой».

Существовала ли возможность выполнить операцию удачнее и без потерь? Бывший командующий эскадрой контр-адмирал Л. А. Владимирский после войны говорил мне, что обстрел берега следовало вести не лидерам, имевшим меньшую дальность огня и слабые корпуса, а крейсеру. Это позволило бы обстреливать Констанцу с дистанции 180–190 кабельтовых, находясь

за пределами неприятельских минных полей. Однако боязнь рискнуть крупным кораблем привела, по словам того же Л. А. Владимирского, к другому решению. Между тем в мирное время мы готовили для подобных операций именно крейсера. Корректировка огня с самолета была отработана хорошо, и это позволяло крейсерам вести огонь на предельных дистанциях.

Мы учли урок набега на Констанцу. В ноябре 1942 года для обстрела базы вражеских кораблей в Сулине был послан крейсер «Ворошилов». Он выполнил задачу успешно и без потерь, хотя враг сопротивлялся сильнее, чем во время набега на Констанцу.

Судьбу личного состава «Москвы» удалось выяснить значительно позже. Многие погибли, в том числе и заместитель командира по политчасти Г. Т. Плющенко. Командир корабля А. Б. Тухов и 60 моряков были схвачены фашистами. Тухов,

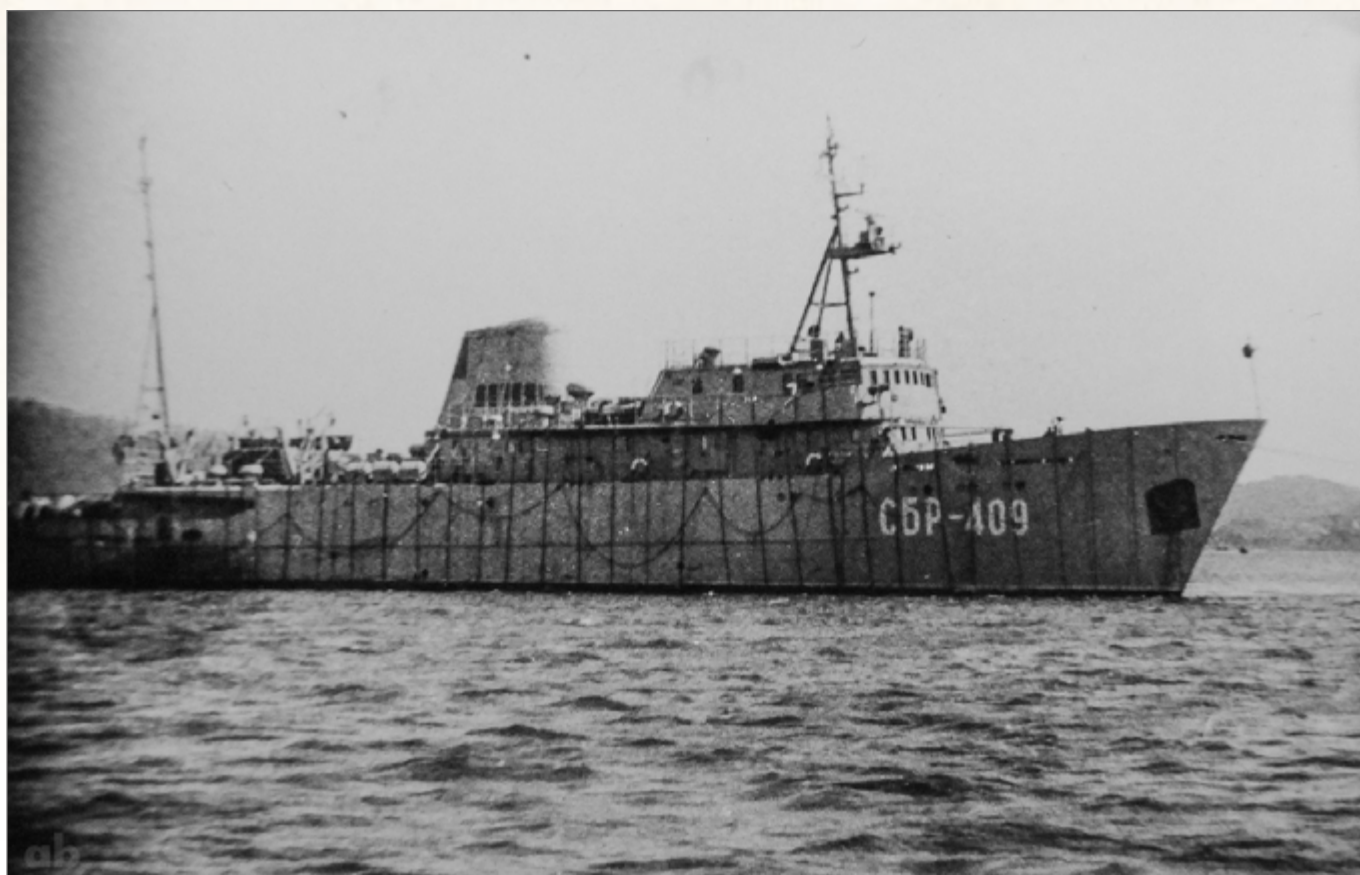
находившийся все время со своими матросами, организовал побег, дрался в составе партизанского отряда и погиб 5 марта 1944 года в бою под Головановском, недалеко от Одессы...

По мере уточнения обстановки на южном крыле фронта внимание командования Черноморского флота и Главного морского штаба с каждым днем все больше привлекали Дунай и Одесская военно-морская база.

Входившая в состав Черноморского флота и находившаяся на самой границе, Дунайская флотилия организовано и без промедления ответила огнем на огонь с румынского берега и высадила туда небольшие десанты. Казалось, она и дальше могла не менее успешно выполнять свои задачи. Но через две недели обстановка на фронте в Северной Молдавии ухудшилась. Флотилия получила приказ основные силы направить на совмест-

ные действия с 14-м стрелковым корпусом, а устье Дуная остались прикрывать только малочисленные части. В первой половине июля, когда шло отступление наших сухопутных войск, верхнедунайский отряд флотилии едва прорвался с боями в Измаил. Ее командующий Н. О. Абрамов потом рассказывал мне, какие огорчения доставила ему эвакуация Измаила после успешных действий флотилии в первые дни войны.

В последующие периоды войны вновь организованной Дунайской флотилии под командованием контр-адмиралов С. Г. Горшкова и Г. Н. Холостякова выпала честь самым активным образом взаимодействовать с сухопутными соединениями и продвигаться к Вене, участвуя в освобождении Румынии, Венгрии, Югославии и Австрии. ■

▲ Размагничивание корпуса судна, 1941 г.

Ю. И. ГОЛЬБЕВ, Д. А. ЛАРИН, К. Т. Н., А. Е. ТРИШИН, К. Ф. М. Н.,
Г. П. ШАНКИН, Д. Т. Н., ПРОФЕССОР

КРИПТОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ В РОССИИ

▲ Армейская связь

После Октябрьской революции 1917 года судьба России круто изменилась. Необходимость организации новой системы государственного управления потребовала коренной перестройки всех государственных служб и институтов. Не составила исключения и криптографическая служба России, которая в молодой Советской республике создавалась, фактически, заново.

Необходимость организации службы, которая осуществляла бы централизованное управление шифровально-дешифровальным делом, стала очевидной для руководителей государства в годы Гражданской войны. Опыт Гражданской и Первой мировой войн красноречиво свидетельствовал, что умение держать в тайне информацию о себе и получать таковую о противнике является одним

из важнейших факторов победы. В данной статье будут рассмотрены основные этапы развития связи в молодом Советском государстве в период Гражданской войны и описано противостояние обеих сторон конфликта в области шифрования, радиоперехвата и дешифрования.

Рассмотрим сначала особенности организации связи и криптографическую деятельность в белых армиях.

Белогвардейцы унаследовали от царской армии шифровальные и радиотехнические средства. Кадры опытных специалистов криптографической службы царской России в основном оказались на стороне белых. Организации радиосвязи уделялось серьезное внимание. Радиосвязь поддерживалась между армиями А. В. Колчака, Н. Н. Юденича, А. И. Деникина и внутри армий для управления войсками. Белые применяли радиосвязь и для переговоров со своими представителями за рубежом. Для обеспечения радиосвязи использовались многочисленные военные и гражданские радиостанции бывшей Российской Империи, среди которых имелись довольно мощные. Приобретались радиостанции и за рубежом. Так, во Владивостоке действовала радиостанция, переданная американцами, а в Омске работала станция французской постройки. Для управления войсками использовались стационарные и полевые радиостанции, которыми снабжались армии, корпуса, дивизии, конные отряды, военные корабли.

Передаваемая по радио информация в обязательном порядке шифровалась, но если краткие сообщения подвергались этой процедуре целиком, то в длинных иногда шифровались лишь отрывки, содержащие важные сведения. Такое «частичное» шифрование отрицательно сказывалось на стойкости.

При передаче сообщений часто возникали помехи, которые не позволяли адресатам расшифровать получаемые ими телеграммы. Помехи появлялись при передаче сообщений на большие расстояния из-за сравнительно малой мощности радиостанций и их слабой технической реализации, а также из-за невысокой квалификации шифровальщиков, которые нередко допускали ошибки. Это приводило к необходимости повторной передачи радиограмм. Типичными для 1919-1920 годов являются телеграммы о том, что какие-то слова или целые телеграммы не поддаются дешифрованию.

Благодаря тому, что большая часть шифровальщиков, криптографов и переводчиков царской России

перешла на сторону белых, шифровальное дело здесь было поставлено на более высоком уровне, чем в Красной Армии. Министерство иностранных дел колчаковского правительства включало цифирное отделение, сохранившее свое название, традиции и техническую базу царской шифровальной службы.

Белые широко использовали шифры и коды, разработанные еще до революции. Вместе с тем они создавали и новые шифры. Так, 2 февраля 1919 года управляющий цифирным отделением писал, обращаясь к начальству: «...ввиду скомпрометированности старых ключей Министерства иностранных дел, цифирное отделение приступило к составлению новых секретных ключей для телеграфных сношений заграничных представителей с центральными установлениями министерства и между собой». В феврале 1919 года цифирным отделением Министерства иностранных дел были изготовлены два «перешифровальных ключа» (№ 560 и № 570), введение которых в действие, по мнению изготовителей, «вполне обеспечивало бы

▲ Генералы Май-Маевский, Деникин, Романовский

▲ Расшифровка

сохранение тайны секретной корреспонденции министерства». В июле 1919 года цифирным отделением была завершена работа над изданием нового «секретного ключа» (кода), объемом 8000 словарных величин, а вскоре еще одного — новой буквенно-слоговой таблицы.

Изготовленные ключи издавались типографией военной газеты «Русская армия», где соблюдались соответствующие условия для сохранения тайны издания. Денег не хватало, поэтому типография определяла сметную стоимость издания. Эти данные сообщались типографией в цифирное отделение, и его управляющий составлял прошение об отпуске денег.

Для шифрования сообщений белогвардейцы использовали буквенно-слововые разнозначные таблицы замены. Срок действия таких шифров определялся в полгода. Как известно, их криптографическая стойкость невелика. Такие шифры раскрываются на материале в несколько десятков знаков. Кроме того, в белых армиях использовались коды объемом в несколько тысяч словарных величин. Коды были в основном алфавитные, редко использовались неалфавитные небольшого объема, в которых имелось некоторое число пустышек.

Даже при соблюдении всех правил использования такие коды не обладают высокой стойкостью и могут раскрываться на материале достаточного объема. При организации регулярного перехвата их раскрытие становилось сравнительно простой задачей для перехватчика. Эта задача облегчалась еще и тем, что часто шифровалась

не вся телеграмма целиком, а только отдельные ее отрывки, хотя еще в период Первой мировой войны это было категорически запрещено. В качестве агентурных шифров белые использовали лозунговые шифры вертикальной перестановки.

Определить виды использовавшихся шифров в значительной степени помогают ошибки в ведении секретного делопроизводства. В начальный период войны ошибки в работе с шифр-документами белыми почти не встречаются. Однако по мере ухудшения военной обстановки, в этом деле допускалось все больше небрежности.

В руках белогвардейцев оказалась значительная часть средств радиоперехвата. В белых армиях существовали специальные подразделения радиоразведки, которые перехватывали радиограммы, анализировали их, составляли ежедневные сводки и строили схемы радиосвязи советских военных частей. В частности, активную радиоразведку вели Западная и Уральская армии Колчака. Большое число радиостанций действовало в районах Уфы, Уральска, в Астрахани, Гурьеве, Красноводске и Баку. Против организованного в августе 1919 года Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе велась радиоразведка

▲ Фрунзе М.В.

в Гурьеве, форте Александровском. Перехваченные сообщения красных легко дешифровывались. Приведем несколько примеров.

Генерал-майор Дентервиль, командовавший экспедиционными войсками Антанты в Персии и Баку в 1918 году, в своих воспоминаниях писал, что благодаря использованию красными на Каспийском море старого царского кода, копия которого имела в его штабе, английским войскам удалось получить важную информацию о действиях Красной Армии. Эта информация существенно повлияла на ход боевых действий и позволила англичанам занять Баку и другие районы Кавказа.

Известно, что в период с 1918 по 1920 год почти все зашифрованные сообщения РККА и советской дипломатии успешно читались белогвардейцами, поляками, англичанами, шведами. Так, 2-й отдел польского

Генерального штаба только за август 1920 года дешифровал 410 секретных телеграмм, подписанных Троцким, Тухачевским, Гаем и Якиром. Белые тщательно следили за дипломатической деятельностью Советской России. Так, перехватывалась и дешифровывалась переписка советского правительства с делегацией на переговорах в Брест-Литовске. Тщательно отбиралась и анализировалась информация о деятельности ВЧК. Благодаря радиоперехвату и дешифрованию, руководители белого движения контролировали планировавшиеся Красной Армией операции на Восточном и Туркестанском фронтах, следили за связью командования этих фронтов с Москвой. Весной 1919 года адмирал Колчак писал русскому посланнику в Греции: «Единственным источником информации нам служат перехваченные большевистские радио». Системы шиф-

рования, применяемые войсками Буденного и Куйбышева в Средней Азии, иногда «раскалывались» даже басмачами. Слабая профессиональная подготовка кадровых работников шифрслужбы красных не могла обеспечить должного уровня защиты передаваемой информации. Допускалось множество нарушений, послаблений при шифровании. Также как и белые, для экономии времени красные зачастую шифровали только отдельные участки сообщения текста, а остальная его часть передавалась открыто.

Немалый урон советской шифрслужбе нанесли потери, хищения и многочисленные случаи предательства со стороны шифровальщиков Красной Армии. В 1919 году в руки противника попало 23 экземпляра шифров, в 1920 году — 30 экземпляров.

В 1919 году в самолете, летевшем из Германии в Россию и совершившем аварийную посадку в Латвии, местные пограничники обнаружили три зашифрованных сообщения. Не сумев их дешифровать, правительство Латвии передало эти сообщения американскому консулу в Риге, который, в свою очередь, переправил их в США. Там они были довольно быстро прочитаны. К дешифрованию привлекли знаменитого американского криптографа Герберта Ярдли, успешно вскрывавшего многие немецкие шифры во время Первой мировой войны. Оказалось, что сообщения послали в Москву немецкие коммунисты, которые применили для их засекречивания шифр вертикальной перестановки, а в качестве ключа использовали строки из стихотворения «Лорелея» Генриха Гейне. В шифровках содержалась просьба прислать побольше денег, обсуждался провал съезда коммунистов в Голландии и говорилось об аресте известной немецкой революционерки Клары Цеткин. Сам Ярдли в своей книге утверждает, что были также захвачены послания руководителя одной из советских разведывательных сетей в Западной Европе. Среди них оказался весьма любопытный документ под названием «Инструкция

▲ Герберт Ярдли

агентам, вербующим шпионов в дипломатических миссиях». Перевод этой инструкции на английский язык Ярдли приводит в своей книге. Также, по воспоминаниям Ярдли, в том же году шифр вертикальной перестановки использовался во время венгерской революции для связи между В. И. Лениным и видным венгерским коммунистом Б. Куном. Их сообщения также были перехвачены и дешифрованы американцами.

Теперь рассмотрим криптографическую деятельность молодой Советской республики. Руководители большевиков, в том числе и В. И. Ленин, уделяли особое внимание организации и обеспечению безопасности связи. С криптографией многие из них познакомились еще в ходе подпольной работы. Большую работу по организации связи большевики провели накануне октябрьского вооруженного восстания. Для руководства вооруженным восстанием Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов образовал Военно-революционный комитет (ВРК) под председательством Н. И. Подвойского. К 22 октября 1917 года была создана надежная система управления вооруженными отрядами, имевшимися в распоряжении большевиков. С началом восстания утром 25 октября большевики

овладели Центральной телеграфной станцией. Средства телефонной связи также оказались в руках ВРК. Телефоны Зимнего дворца, где находились члены Временного правительства, были отключены. В тот же день около полудня был занят военно-морской порт с радиостанцией «Новая Голландия». Таким образом, в руках большевиков сосредоточился практически весь арсенал средств связи Петрограда. Кроме сетей проводной и радиосвязи большевики широко использовали курьерскую связь на автомобилях и мотоциклах. Столь разветвленная сеть связи ВРК во многом и предопределила победу вооруженного восстания.

С победой революции Петроградский Совет стал главным исполнительным органом нового правительства. Изменилось и назначение средств связи: из средств управления вооруженным восстанием они превратились в средства управления государственным аппаратом. Связь Смольного стала, по существу, правительственной связью, так как она стала использоваться исключительно для обслуживания высших государственных органов власти. В систему этой связи вошли центральная телефонная станция Смольного, локальные станции, телеграф Смольного и Царскосельская радиостанция.

Председатель Совнаркома В. И. Ленин настаивал на том, чтобы правительственная связь действовала бесперебойно в любых ситуациях, была высокого качества и, самое главное, обеспечивала секретность переговоров. Для выполнения этих требований в основу организации связи были положены следующие принципы: обеспечение связи по проводам, специальный отбор обслуживающего персонала, установление строгого порядка пользования средствами связи, применение специальных шифров и условных сигналов.

После переезда Советского правительства из Петрограда в Москву в Кремле была организована специальная телефонная сеть. Во время Гражданской войны она постоянно расширялась и совершенствовалась.

Так как основная часть специалистов-криптографов после революции перешла на сторону противников советской власти, победителям приходилось применять шифры дореволюционной России или разработанные ранее подпольные шифры. И те, и другие были хорошо известны криптографам царской России, работавшим на белых.

Специалисты, которые перешли на сторону Советской власти, в большинстве своем оказались разбросанными по различным полевым штабам Красной Армии, возглавляя в них шифровальные группы. Однако в распоряжение Советской власти попали почти все шифрдокументы цифирных отделов царской России. Правда, эти документы были хорошо известны криптографам, оказавшимся во вражеском лагере, и поэтому, хотя и стали активно применяться, не могли служить действенным средством защиты оперативной информации.

Однако красным досталось не все. Многие ценнейшие материалы Временного правительства России, архивов командующих вооруженными силами белых армий, включающие и документы тайной переписки и шифров, были вывезены из России. То же самое следует сказать об архиве, включающем

▲ Радиостанция Коминтерна

документы царской охранки с 1895 по 1917 год. Они были переданы бывшим русским послом в Париже известному американскому разведчику и промышленнику Герберту Гуверу. В настоящее время все эти документы и архивы находятся в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии. Кстати сказать, ведущим экспертом этого института по «русскому вопросу» вплоть до самой своей смерти был А. Ф. Керенский.

Во время Гражданской войны в Советской республике активно развивалась военная связь. Был проведен ряд мер с целью обеспечения централизованного руководства военной связью и четкого взаимодействия органов военной связи с учреждениями Народного Комиссариата почт и телеграфов (Наркомпочтеля, НКПиТ). В мае 1918 года в состав НКТиП был введен отдел военной и военно-морской связи.

В сентябре того же года с целью улучшения руководства военной связью была введена должность Чрезвычайного комиссара почт и телеграфов при Главнокомандующем Вооруженными Силами республики. В это же время при штабах фронтов были созданы почтово-телеграфные отделы Наркомпочтеля, которые отвечали за обеспечение связи Главкома, штабов фронтов и армий. Военной связью в высшем звене занимались Центральное управление военных сообщений, НКПиТ и Главное военно-инженерное управление.

Месяцем позже Советом Народных Комиссаров был утвержден высший орган по руководству связью в стране — Верховная комиссия телеграфной связи (Верхкомтель). В 1918 году активно создавались радиомагистральи, которые связали Москву с крупнейшими административными центрами республики, а также со столицами Франции, Германии и Турции.

20 ноября 1919 года был издан приказ РВСР о создании Управления связи Красной Армии. На фронтах были сформированы управления связи фронтов, в армиях и дивизи-

▲ Гражданская война, Украина, 1919 г.

ях — отделы связи, введены должности начальников связи фронта и армии. Этот день считается датой создания войск связи РККА как самостоятельных войск.

К концу 1919 года в телефонной комнате Кремля появились телефонные аппараты прямой связи с фронтами. В феврале 1920 года сформирован специальный отряд связи Штаба Красной Армии, а в мае того же года — радиотелеграфный дивизион для обеспечения связи в высшем звене руководства фронтами и армиями.

Фельдъегерская связь оставалась самостоятельной службой, которая была представлена соответствующими органами при Главном штабе Красной Армии и Полевом штабе РВСР, а 23 ноября 1920 года по приказу РВСР был создан Фельдъегерский корпус при Управлении связи

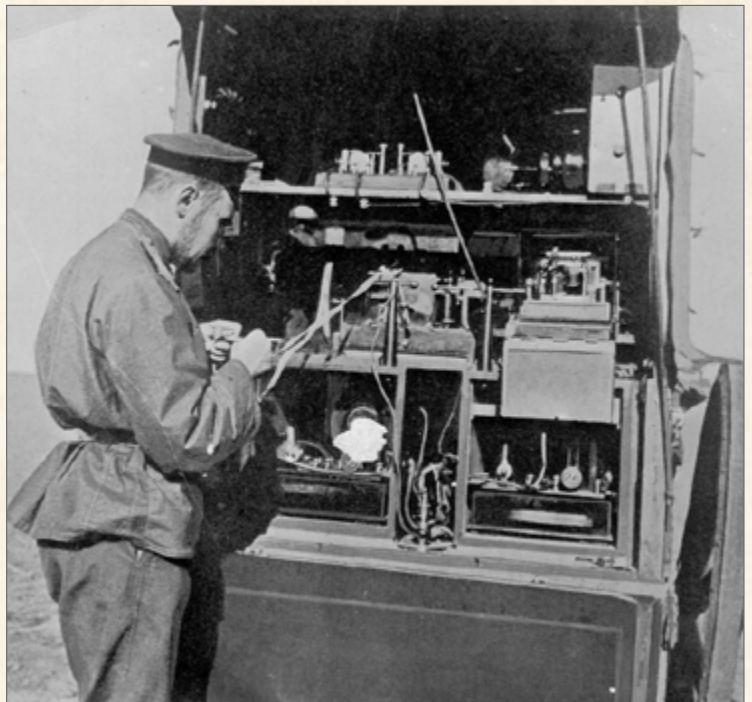
Красной Армии. К концу 1920 года для управления фронтами, армиями и укрепленными районами имелись: один специальный поезд связи, 13 отдельных батальонов связи, 18 отдельных телеграфно-телефонных дивизионов, 40 телеграфно-эксплуатационных рот, 75 телеграфно-телефонных рот, 13 отдельных рот связи, 3 радиобазы, 16 отдельных радиодивизионов, 38 отдельных радиостанций, 8 рот летучей почты, 21 склад связи, 25 мастерских связи, 26 дислокационных почтовых отделений.

Несмотря на значительное преимущество радиосвязи по сравнению с проводными средствами связи, для которых были необходимы постоянные воздушные линии большой протяженности, почти вся связь высшего военного руководства того времени базировалась на использовании воздушных линий связи и отдельных

▲ Локкарт Р. Б.

▲ Прием информации

проводов. Частичный отказ от радиосвязи был обусловлен тем, что красным стало известно об успехах белогвардейских служб радиоперехвата и дешифрования. Именно поэтому связь Штаба РВСР со штабами фронтов и армий осуществлялась по отдельным проводам через полевые телеграфные конторы, как правило, с использованием аппаратов Бодо, Юза и Уитстона. Телефонная связь применялась на небольшие расстояния, в основном, в оперативном звене.

Теперь рассмотрим шифры, применявшиеся на линиях связи молодой Советской республики. В основном это были шифры простой и пропорциональной замены. В период борьбы с Врангелем советской стороной применялся шифр «Республика», представлявший собой «шифр Виженера» с чередованием букв алфавита внутри квадрата в соответствии с ключом-лозунгом. Не менее широко применялись шифры «Москва» и «Секунда». Шифр «Москва» также представлял собой «шифр Виженера», где в качестве лозунга использовался тот же открытый текст, но сдвинутый на один шаг вправо, иначе процесс дешифрова-

ния был бы невозможен. При этом первая буква лозунга была заранее оговоренной и менялась в соответствии с расписанием. Шифр «Секунда» был обычным шифром замены на 9, 2, 13 колонок. В 1919-1920 годах были разработаны и применялись более стойкие шифры «Пулемет», «Агитатор», «Советский» и другие, лишь незначительно улучшившие неблагоприятную в целом ситуацию с обеспечением тайны шифрпереписки в Советской республике.

Крайне плохо обстояло дело с дешифрованием иностранной и военной переписки. В Красной Армии не было организованной дешифровальной службы, так как созданные при штабах шифр группы имели главной задачей создание шифров и защиту ими секретной переписки. Можно сказать, что дешифровальная служба практически отсутствовала. В тот период советская сторона не располагала силами и средствами для успешного проведения такой работы. Советы испытывали острый дефицит в радиоперехватывающих средствах и их оснастке, хотя войсковые соединения и перехватывали радиопереговоры, ведущиеся по линиям

связи фронтовых и дивизионных соединений белых армий.

Однако и советские радиоразведчики и криптоаналитики добились успехов. В конце 1917 года был обнаружен архив посольства Англии. В нем оказались действующие английские шифры. В результате был дешифрован ряд телеграмм английского посла в России Бьюкенена, а затем и сменившего его дипломатического агента Англии Локкарта. Это помогло ВЧК раскрыть заговор последнего, направленный против большевиков. В этом заговоре, целью которого была организация восстания в Москве и физическое устранение руководства молодой Советской республики, участвовали послы ряда западных стран. Среди задержанных по делу Локкарта оказался представитель ряда американских фирм в России Каламатиано. У него при обыске в полый трости был обнаружен шифр, которым пользовались заговорщики.

В дальнейшем Каламатиано продолжил свою шпионскую деятельность против Советской России. При аресте в 1918 году у него была обнаружена следующая инструкция: «В сообщении следует зашифровы-

вать особо важные сведения следующим образом: номера войск обозначаются как количество пудов сахара и патоки, а также цена на них. Дух войск — положение в сахарной промышленности. Номера артиллерийских частей — мануфактура и цены на нее. Дезертирство из Красной Армии — эмиграция из Украины».

Интересно отметить, что все подробности раскрытия заговора Локкарта стали известны белогвардейцам из перехваченных и дешифрованных советских радиопередач.

Аналогичным образом был обнаружен шифр румынского военного атташе. В результате был раскрыт план Корнилова сдачи Риги немцам и получены другие важные материалы.

В период Первой мировой войны на Балтийском флоте в составе службы наблюдения и связи (СНиС) была создана достаточно сильная и эффективная радиоразведывательная сеть. Она включала в себя центральную станцию радиоперехвата, 10 периферийных станций радиоперехвата и 10 радиопеленгаторных станций. 18 февраля 1918 года немецкие войска начали наступление на Петроград, оккупировав Эстонию и Латвию. Личный состав станций отходил вместе с войсками к Ревелю (ныне Таллинн). По мере продвижения войск противника на восток российские моряки вынуждены были свернуть Западный и Северо-Западный районы СНиС флота. В соответствии с указанием Советского правительства с целью спасения кораблей Балтийского флота 12 марта 1918 года начался знаменитый ледовый переход кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт. После этого перехода, стоившего больших потерь, службы наблюдения и связи, а вместе с ними и радиоразведка флота, прекратили свое существование. Однако уже осенью 1918 года Реввоенсовет Республики принял решение о создании четырех районов связи Балтийского флота: Кронштадтского, Петроградского, Шлиссельбургского и Онежского.

Функции этих районов были несколько сокращены. Шифрование передано специальному шифроваль-

ному отделению, радиоперехватом занималась только радиостанция «Новая Голландия», откуда все сведения поступали непосредственно в штаб или в Смольный. Также посты радиоразведки на некоторых кораблях эпизодически вели перехват радиogramм противника. Таким образом, в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции радиоразведывательная деятельность на Балтике велась не очень активно. Однако опыт радиоразведывательной деятельности Балтийского флота был использован на других фронтах Гражданской войны. При обработке материалов, полученных радиоразведкой, использовался криптоанализ, так как значительная часть передаваемой информации шифровалась.

Весьма активно велась радиоразведка на Волжско-Каспийской военной флотилии красных. Эпизодический перехват радиogramм противника велся радистами флотилии, которая начала создаваться с весны 1918 года из отдельных разрозненных отрядов вооруженных буксирных пароходов и барж, где команды состояли преимущественно из моряков Балтийского флота. Во второй половине октября 1918 года связисты флотилии перехватили несколько радиogramм противника об обстановке в районе Гальяны на Каме. Это дало возможность командованию флотилии успешно организовать поход на Гальяны в целях освобождения пленных красноармейцев, увезенных белыми на барже при отступлении из Сарапула.

Большую роль сыграла радиоразведка после выхода флотилии в Каспийское море. Как на восточном, так и на западном побережье Каспия практически отсутствовала проводная связь, и радиосвязь имела первостепенное значение, поэтому между белогвардейцами и силами Волжско-Каспийской флотилии развернулась настоящая война за захват и уничтожение радиостанций и добывание шифрматериалов.

Захваченные радиостанции изменялись для дезинформации противника. Одной из важнейших задач

во время боевых походов кораблей флотилии было уничтожение береговых радиостанций противника. Так, 30 декабря 1918 года начальник штаба Волжско-Каспийской флотилии Н. Третьяков доложил в штаб Каспийско-Кавказского фронта, что во время похода флотилии 9-12 ноября 1918 года к Брянской косе и набега на бухту Староречную был произведен обстрел радиостанции белых. Окончательно ее уничтожили 14 ноября 1918 года.

Яркой страницей в историю радиоразведки вошел случай захвата радиостанции форта Александровский и ее использования в радиоигре. 30 декабря 1919 года отряд кораблей флотилии подошел к полуострову Мангышлак и внезапным ударом после высадки десанта захватил форт Александровский.

Долгое время белогвардейцы не знали о захвате форта и продолжали передавать через транзитную радиостанцию радиogramмы, поступавшие из деникинских штабов, из Баку, Красноводска для передачи Колчаку в Гурьев. Радист с эсминца «Карл Либкнехт» Н. Чемруков, работавший на радиостанции форта, принял 5 мая 1919 года радиogramму о переходе из Петровска в Гурьев парового судна «Лейла» с военной миссией А. Деникина во главе с генералом А. Гришиным-Алмазовым. Радиотелеграфист К. Ровков перехватил переговоры между «Лейлой» и английским вспомогательным крейсером «Президент Крюгер». Вскоре после того, как крейсер разошелся с судном, оно было захвачено эсминцем «Карл Либкнехт». Генерал и его адъютант застрелились, а сопровождавшие генерала штабные офицеры попали в плен. Среди 29 пленных были английский и французский офицеры — военные советники белогвардейцев. В числе захваченных ценных документов были план совместного похода Деникина и Колчака на Москву, их личная переписка и многое другое.

Через радиостанцию форта Александровский проводилась активная дезинформация белых. Все белогвардейские радиogramмы немедленно

▲ Прием сигнала

передавались в штаб 11-й армии. Там в них вносились необходимые изменения, чтобы максимально запутать управление войсками противника, после чего радисты передавали их адресатам. Радиоперехватом занимались не только береговые, но и корабельные радиостанции. 5 апреля 1920 года радисты все того же эсминца «Карл Либкнехт» перехватили радиограмму, предписывающую генералу Толстову со штабом погрузить золото и серебро на корабль и ждать дальнейших приказаний. В штабе на основе добытых ранее данных был сделан вывод о подготовке белыми перехода в иранский порт Энзели. Вышедший к расположению белогвардейских частей «Карл Либкнехт» после успешного боя с двумя белогвардейскими крейсерами «Милютин» и «Опыт», подойдя к кораблю противника, предложил ему немедленно сдаться. Вскоре в Астрахань была передана радиограмма с эсминца: «Захватили в плен 2 генералов, 77 офицеров и 1088 казаков. Взяли 90 пудов серебра и другие трофеи».

С января 1919 года в Красной Армии и на флотах началось формирование пеленгаторных и приемно-информационных радиостанций — первых подразделений фронтовой радиоразведки, на которые возлагалась также задача по контролю своих радиостанций. В ноябре 1919 года радиоразведкой Красной Армии был раскрыт факт поставки военного имущества и продовольствия для уральской белой армии на судах «Астрахань», «Азия», «Европа», «Слава» и «Президент Крюгер», входивших в состав Каспийской флотилии белых. В сентябре 1919 года для разгрома войск Деникина был создан Юго-Восточный фронт. Радиоразведку в его интересах стали вести приемно-информационные радиостанции и связные радиостанции армии. Эти станции осуществляли слежение за полевыми радиостанциями противника в районе боевых действий уральской и деникинских армий, а также за судовыми радиостанциями на Каспийском море.

Летом 1919 года военным патрулем красных был задержан человек, вызывающий подозрения. При нем

не было обнаружено ни документов, ни писем. Однако было обращено внимание на его слишком длинные и грязные ногти. Под ними оказалось зашифрованное сообщение, которое с большим трудом удалось дешифровать. Это привело к аресту колчаковского агента Крашенинникова, а затем к раскрытию контрреволюционной организации «Национальный центр» и аресту его руководителей Алферова и Щепкина.

При обыске у Н. Н. Щепкина была обнаружена «жестяная коробка, содержащая зашифрованные и нешифрованные записки, шифр, рецепты проявления химических чернил...». Эти материалы оказали существенную помощь в расследовании деятельности организации.

Арестованный по этому делу П. М. Мартынов рассказал об используемом шифре следующее: «Возьмите русское евангелие от Луки, главу 11 (где «Отче наш») — текст пишется цифрами в два и три цифровых знака; справа всегда означает порядок буквы в стихе, а остальные цифры означают номер стиха. Так, например: 311, 26, 46, 41, 311, 54 означает,

первая буква в 31 стихе (Ц), шестая буква во 2 стихе (А) и т.д. Все слово означает «царица»...». Таким образом, использовалась одна из разновидностей книжного шифра.

В начале 1920 года на Черноморском флоте было принято решение о формировании службы наблюдения и связи в составе Одесского, Очаковского, Херсонского и Мариупольского районов, начальником которой назначается С. Касаткин. Главное управление СНиС вначале имело в своем составе командование, оперативный отдел с дежурством по связи, четырем шифровальщиками и двумя переводчиками. Наличие переводчиков говорит о том, что посты занимались перехватом иностранного радиообмена.

Радиоразведка Юго-Западного фронта вела перехват сообщений радиостанции белых в Севастополе, отправлявшихся в Париж, Варшаву, Константинополь, Будапешт и Афины. В 1920 году с ее помощью были обнаружены корабли интервентов на Черном море у берегов Крыма и подвоз на судах боеприпасов, продовольствия и снаряжения для войск Врангеля в Крыму, было установлено наличие радиосвязи между штабом Врангеля и странами Антанты. С началом наступления войск Южного фронта 28 октября 1920 года при помощи радиоразведки была вскрыта передислокация штабов белогвардейцев, добыты сведения о боевой деятельности войск, о движении боевых кораблей и транспортов противника. Осенью 1920 года советским дешифровальщикам удалось прочесть переписку врангелевской контрразведки, из которой были получены важные сведения.

В 1920 году при разгроме армии Врангеля в Крыму был захвачен начальник станции радиоперехвата Ямченко. Он дал согласие сотрудничать с новой властью и рассказал о практически полном дешифровании белыми перехваченных сообщений. С этими сведениями был ознакомлен М.В. Фрунзе. Вот какую оценку состояния дел в области криптографической защиты информации в молодой советской республике он дает:

«...Из предоставленного мне бывшим начальником врангелевской радиостанции Ямченко доклада устанавливается, что решительно все наши шифры вследствие их несложности читаются нашими врагами. Вся наша радиосвязь является великолепнейшим средством ориентирования противника. Благодаря тесной связи с шифровальным отделением морфлота Врангеля, Ямченко имел возможность лично читать целый ряд наших шифровок самого секретного военно-оперативного и дипломатического характера; в частности, секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительство в Европе и в Ташкенте слово в слово известна англичанам, специально организовавших для подслушивания наших радио целую сеть станций особого назначения. К шифрам, не поддававшимся немедленному взлому, присылались ключи из Лондона, где во главе шифровального отдела поставлен англичанами русскоподданный Феттерлейн, ведавший прежде этим делом в России. Общий вывод такой, что все наши враги, в частности Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы...».

Иногда знание шифровального дела сильно помогало внедрению агента. Во время Гражданской войны в России в белую армию добровольно вступил П.В. Макаров, который на самом деле был агентом разведки красных. Чтобы проверить лояльность добровольцев, белые посылали всех вновь прибывших на передовую и только после реального активного участия в боевых действиях допускали к работе в штабах. Макаров неплохо знал шифровальное дело, о чем и сообщил белогвардейцам. Так как шифровальщиков не хватало, то в виде исключения он сразу был направлен в штаб Добровольческой армии. Карьера Макарова быстро продвигалась, и вскоре он стал личным адъютантом одного из руководителей Добровольческой армии генерал-лейтенанта В. Май-Маевского. Эта должность открывала Макарову доступ к самой секретной информации. К тому же, пользуясь

своим служебным положением, Макаров устроил телеграфистом в штаб Добровольческой армии своего брата, что дало дополнительные возможности добывать полезную информацию. П. Макаров послужил прототипом главного героя известного кинофильма «Адъютант его превосходительства».

В январе 1921 года В.И. Ленин был ознакомлен с некоторыми материалами о результатах работы радиоразведки в годы Первой мировой и Гражданской войн и отметил большую важность этой работы, поручив Реввоенсовету и ВЧК заняться организацией специальной радиоразведки. Как отмечалось выше, еще будучи в подполье, Ленин уделял большое внимание шифровальному делу. Став руководителем советского государства, он продолжал держать в поле зрения вопросы защиты информации криптографическими методами и добывания информации при помощи радиоразведки и криптоанализа. Ленин несколько раз лично давал рекомендации по совершенствованию системы пользования шифрами, повышению шифрдисциплины, излагал свое мнение о принципах построения шифровальной службы. Приведем цитату по этому поводу. В 1922 году он писал: «Сообщают об английском изобретении в области радиотелеграфии, передающем радиотелеграммы тайно. Если бы удалось купить это изобретение, то радиотелеграфная и радиотелефонная связь получила бы еще более громадное значение для военного дела».

В Советской России началось критическое осмысление состояния безопасности отечественных линий связи и определение организационных форм будущей шифровальной службы страны. В результате был создан Специальный отдел при ВЧК как единый центр криптографической службы страны. А еще в сентябре 1920 года Политбюро рассмотрело «предложение т. Ленина принять меры к усложнению шифров и к более строгой охране шифрованных сообщений». Политбюро постановило поручить наркому по военным

▲ Передающий центр

и морским делам Л. Д. Троцкому, «организовать комиссию из представителей Наркомвоен, Наркоминдел, ЦК РКП и Наркомпочтеля».

Ленин, изучив досконально вопрос, зная мнение МИД и других заинтересованных ведомств, поручает изыскать пути наведения порядка в шифровальном деле руководству ВЧК, хотя шифровальные службы по традиции сохранялись и в МИД, и в Военном наркомате. Возможно, на выбор базового ведомства повлияла сложность обстановки, а также то обстоятельство, что главной функцией ВЧК уже в тот период было обеспечение государственной безопасности в целом. Именно на обеспечение государственной безопасности направлена и деятельность криптографической службы.

Во второй декаде января 1921 года Коллегия ВЧК принимает

решение о созыве совещания представителей заинтересованных ведомств для подготовки соответствующих предложений по воссозданию криптографической службы. В обсуждении вопроса принимали участие представители ЦК РКП(б), ВЧК и наркоматов. 12 апреля на заседании Малого Совнаркома был заслушан проект создания специального отдела при ВЧК. В проекте говорилось о том, что в республике отсутствует центр, объединяющий и направляющий деятельность шифровальных органов различных ведомств, в связи с чем постановка шифровального дела бессистемна и случайна, а следовательно, у «врагов рабоче-крестьянского государства» существует возможность проникнуть в его тайны. Далее в проекте предлагалось создать при ВЧК специальный отдел, задачами которого в числе прочих

являлись бы «постановка шифровального дела в РСФСР.. и подготовка кадров необходимых специалистов». 5 мая 1921 года постановлением Малого Совнаркома при ВЧК был создан Специальный отдел, начальником его и одновременно членом коллегии ВЧК назначен Г. И. Бокий.

Тяжелые годы Гражданской войны и послевоенной разрухи стали серьезной помехой на пути существенного усиления защиты передаваемой информации. После окончания Гражданской войны Советское правительство приложило значительные усилия для становления и развития шифровальной службы как отдельной структуры во всех ведомствах и звеньях государства. ■

Ю.М. ГАЛЕНОВИЧ

СЫНОВЬЯ МАО ЦЗЭДУНА

Первая часть имени каждого из сыновей Мао Цзэдуна была одинаковой. Она свидетельствовала о принадлежности человека 21-му поколению семьи Мао. Это был значащий корнеслог «ань» — «берег». Возможно, Мао Цзэдун полагал, что его сыновья должны стремиться к «новым берегам». Вообще мысли о воде, реке, ее берегах, ее голубизне или зеленоватом свечении постоянно присутствовали в размышлениях Мао Цзэдуна.

Своего первенца Мао Цзэдун назвал Аньцином — «Героем того или иного берега», подчеркнув тем самым «героическое начало», какое он, очевидно, хотел бы видеть в характере своего старшего сына и наследника.

Второго сына он назвал Аньцином — «Голубым берегом», желая, чтобы его имя символизировало «молодость», «первую зелень», «голубизну и синь горизонта».

Третий из сыновей был назван Аньлуном — «Драконом на своем берегу». «Лун» по-китайски означает «дракон». Это и один из символов Китая и императорской власти.

Четвертый сын (уже от Хэ Цзычжэнь — третьей жены Мао Цзэдуна) получил имя Аньхун — «Красный берег». По-китайски «хун» означает «красный». Это также символ успеха и популярности, а кроме того, радости и праздника. Так была подчеркнута желанная для Мао Цзэдуна краска в характере и будущей деятельности этого его сына.

После того как 14 ноября 1930 г. Ян Кайхой (вторая жена Мао), была казнена в Чанша, всех трех сыновей Мао Цзэдуна удалось переправить в Шанхай. На всякий случай бабушка изменила их имена. Старшему из братьев было тогда восемь лет, среднему — шесть, а младшему — всего три года. В то

▲ Ян Кайхуэй с детьми, на руках Аньцин

время Мао Цзэминь, младший брат Мао Цзэдуна, вел подпольную работу в Шанхае. С его помощью детей устроили в детский сад, находившийся под патронажем подпольной организации. Однако там мальчики пробыли недолго. В апреле 1931 г. шанхайское коммунистическое подполье было разгромлено. Детский сад закрыли. С этой поры никто не заботился о сыновьях Мао Цзэ-

дуна. Младший из детей так и потерялся. Двое старших почти шесть лет, с 1931 по 1936 г., бродяжничали на улицах Шанхая.

Некоторые исследователи утверждали, что именно в эти годы Мао Аньцин получил удар металлическим прутом по голове, от последствий которого так и не смог избавиться.

Только в 1936 г. подпольщики разыскали мальчиков. Сыновей Мао

Галенович Юрий Михайлович родился в 1932 году в Москве, китаевед, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, профессор. Основные направления научной деятельности: история российско-китайских отношений, лидеры Китая в XX веке, американско-китайские отношения. Окончил китайское отделение Московского института востоковедения в 1954 году, в 1959 – аспирантуру МГИМО МИД СССР, защитил кандидатскую диссертацию по филологии. Владеет китайским, английским и французским языками. С 1954 по 1956 годы работал на Советской выставке в Китае, которая экспонировалась в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Ухане. Был переводчиком Микояна А.И. во время его поездки в Ухань. С 1960 по 1967 годы работал в советских загранучреждениях в Китае. В посольстве СССР в КНР занимался связями в области культуры и образования. В 1965 году переводчик на встрече А.Н. Косыгина с Мао Цзэдуном. Эксперт и советник Советской правительственной делегации

на переговорах по пограничным вопросам в Пекине (1964, 1969-1970). Занимался анализом отношений с Китаем и событий в политической жизни КНР («культурная революция», «дело Линь Бяо»). За эту работу награжден орденом «Знак Почета». С 1978 по 1988 годы директор Отдела внешних связей Секретариата ООН. Руководил всеми информационными центрами ООН в мире и связями ООН с неправительственными организациями. Исследовал, находясь в США, состояние и перспективы американско-китайских отношений. С начала 1970-х годов заместитель директора Института Африки. Изучал отношения КНР с африканскими странами. Затем был зам. директора Института Дальнего Востока Академии наук СССР. Преподавал на кафедре истории Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. Читал лекции по истории взаимоотношений России и Китая в Пекинском институте международных отношений. Являлся заместителем председателя Общества российско-китайской дружбы, членом совета Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, был первым вице-президентом Ассоциации китаеведов РАН. Автор более 200 научных публикаций, в том числе 33 монографий.

Цзэдуну удалось пристроить в группу людей, сопровождавших командующего добровольческой армией Северо-Восточного Китая генерала Ли Ду в его поездке в страны Западной Европы. Благодаря этому Мао Аньин и Мао Аньцин в 1937 г. попали в Советский Союз.

Там с ведома Сталина и Мао Цзэдуна их поместили в интернациональный детский дом в городе Иваново, предназначенный для детей функционеров зарубежных компартий. Мао Аньин жил там под именем Ян Юнфу; по-русски его звали тогда Сережа. Мао Аньцин жил там под именем Ян Юншу; по-русски его звали Коля.

В начале 1938 г. Мао Цзэдуну доставили из СССР фотографии его сыновей. В марте того же года он написал им письмо. В дальнейшем Мао

Цзэдун и Мао Аньин (который в отличие от своего брата умел писать по-китайски) изредка обменивались письмами. Мао Цзэдун давал советы упорно овладевать знаниями, особенно в области естественных наук, проявлять самостоятельность, читать китайские книги, пересылаемые им через представителей КПК в Коминтерне.

К началу Великой Отечественной войны Мао Аньину шел уже девятнадцатый год. Он продолжал учиться в школе и жить в ивановском интернациональном детском доме, где был секретарем комсомольской организации, а также членом Ленинского райкома ВЛКСМ города Иваново.

Мао Аньин внимательно следил за событиями на фронтах Второй мировой войны, переживал неудачи советской Красной Армии.

В конце зимы 1941/42 г. ЦК ВКП(б) предложил всем иностранцам старше 16 лет, находившимся в то время в Советском Союзе, стать гражданами СССР. В ивановском интернациональном детском доме это преподнесли как великую честь. Мао Аньин в ответ на такое предложение отрицательно покачал головой, сказав: «Я — китаец. Я люблю свою родину и буду обязан сразу же вернуться домой, служить своему народу, как только родина меня позовет. Если же я стану гражданином СССР, то окажусь в неловком положении».

В то же время Мао Аньин считал, что хотя он и китаец, но ему необходимо участвовать в борьбе советского народа за свободу и независимость и внести свой вклад в победу в войне против фашизма.

В этой связи в 1942 г. Мао Аньин написал письмо Сталину:

«Ставка Верховного Главнокомандующего. Дорогой товарищ Сталин!

Я простой молодой китаец. В течение пяти лет я учился в Советском Союзе, которым Вы руководите. Я люблю СССР точно так же, как я люблю Китай. Я не могу сложа руки наблюдать, как сапог германского фашизма топчет Вашу землю. Я хочу отомстить за миллионы погибших советских людей. Со всей решительностью я прошу отправить меня на фронт. Прошу Вас дать согласие на мою просьбу!

*С революционным приветом!
Май 1942 года, г. Иваново.*

(Мао Аньин — сын Мао Цзэдуна)».

Спустя десять дней Мао Аньин, не дождавшись ответа, написал второе письмо, затем третье.

Вскоре в Иваново приехал представитель ВКП(б) в Коминтерне, секретарь ИККИ Д. З. Мануильский. Мао Аньин и раньше встречался с ним. При этой встрече Д. З. Мануильский сообщил Мао Аньину о принятом решении. Г. М. Димитров послал Мао Цзэдуну письмо с предложением направить Мао Аньина на учебу в военно-политическую академию, это

даст юноше возможность получить военные знания и политическую подготовку. Сталин через Г. М. Димитрова согласовал с Мао Цзэдуном вопрос о судьбе его сына.

Мао Аньин был зачислен на курсы ускоренного обучения в военное училище, а затем переведен в московскую Военно-политическую академию и в Военную академию имени М. В. Фрунзе. В январе 1943 года, будучи слушателем военной академии, Мао Аньин стал членом ВКП(б). (В 1946 г. по возвращении в Китай Мао Аньин тут же был принят в члены КПК.)

Мао Аньин был выпущен из академии в звании лейтенанта и назначен политруком танковой роты. В форме офицера-танкиста на советском танке Мао Аньин успел поучаствовать в войне. В составе своей роты он прошел Польшу и Чехословакию.

По окончании Великой Отечественной войны он был направлен на учебу в Московский институт востоковедения, учился на китайском отделении. Там он был известен как Сергей и запомнился однокурсникам высоким симпатичным, даже щеголеватым молодым человеком, свободно владевшим русским языком и равнодушным к прекрасному полу.

В 1946 г. Мао Цзэдун решил, что все члены его семьи должны возвратиться на родину. Сталин содействовал этому. Первым вернулся Мао Аньин. Перед его отъездом из Москвы он был принят Сталиным, который подарил Мао Аньину пистолет на память о пребывании в СССР, в рядах ВКП(б), об участии в Великой Отечественной войне и об этой встрече.

И. В. Сталин придавал встрече с сыном Мао Цзэдуна большое значение. Тем самым он как бы устанавливал возможный личный канал связи с Мао Цзэдуном. Скорее всего он рассчитывал на то, что Мао Аньин будет занимать в КПК высокое положение, а может быть, когда-нибудь заменит на посту Мао Цзэдуна. Во всяком случае И. В. Сталин хотел, чтобы Мао Аньин вернулся в Китай человеком, который «встречался со Сталиным»; стремился извлечь максимальную выгоду из факта возвращения Мао Аньина на родину. Судя по тому, как развивались события дальше, И. В. Сталин оказал Мао Аньину медвежью услугу. Хотя, с другой стороны, положение было в определенном смысле безвыходным, так как И. В. Сталин должен был подчеркнуть, что сын Мао Цзэдуна всегда во время пребывания в СССР

▲ Мао и Сталин

▲ Аньин и Аньцин. Иваново

▲ Мао Аньин — офицер Красной Армии, 1945 год

▲ Мао Аньин, 2-й Белорусский фронт, 1945 год

находился под его личной опекой. Если бы И. В. Сталин не принял сына Мао Цзэдуна перед его отъездом из СССР в Яньань, то это было бы истолковано и Мао Цзэдуном, и другими руководителями КПК как недоброжелательное отношение к Китаю. Тем более что за год до этого И. В. Сталин встречался с сыном Чан Кайши.

В январе 1946 г. Мао Аньин вместе с советскими врачами Орловым и Мельниковым вылетел из Москвы и через Синьцзян прибыл в Яньань.

Мао Цзэдун увидел старшего сына после 19 лет разлуки и почти 10 лет пребывания за пределами Китая. Собственно говоря, Мао Цзэдун последний раз видел Мао Аньина в 1927 г., пятилетним ребенком. Отцу и сыну практически предстояло впервые познакомиться и узнать друг друга.

Перед Мао Цзэдуном стоял 24-летний плотный молодой мужчина выше отца ростом в сапогах и суконном пальто. За его плечами был опыт самостоятельной жизни

в Советском Союзе, служба в советской Красной Армии, в том числе на фронтах Великой Отечественной войны. В общем, это был не мальчик, а сформировавшийся мужчина с фамильным упорством и своими взглядами на жизнь. С точки зрения Мао Цзэдуна, к нему вернулся «иностранный сын», которого следовало перевоспитать и переварить в яньаньском котле. Мао Цзэдун стоял перед трудной задачей найти с сыном общий язык. В личном плане отец и сын не очень-то сошлись характерами. Конечно, Мао Аньин любил и уважал отца, однако он был в достаточной степени самостоятелен: боевой офицер, прошедший войну против Германии...

Мао Цзэдун сказал сыну, что ему теперь необходимо пройти курс воспитания в таком вузе, каких не было раньше в Китае, и каких нет в зарубежных странах, а именно «трудовой университет». Мао Аньин был тут же отправлен в деревню на трудовой фронт, заниматься обычным тяжелым

физическим трудом простого китайского крестьянина.

Отцу оказались не нужны знания Мао Аньина о Советском Союзе. Он не интересовался представлением Мао Аньина о народе Советского Союза, о войне с Германией и ее союзниками. Мао Цзэдун не желал ни в малейшей степени допускать ситуации, когда кто бы то ни было, что бы то ни было ему объяснял. С другой стороны, Мао Цзэдун и в глазах собственного сына создавал стереотип поведения официальных представителей КПК по отношению к тем, кто возвращался из-за границы, в частности из СССР. Все, что они поняли, познали, увидели там, следовало забыть и выбросить из головы. Мао Цзэдун считал, что достаточно того, что он один решает все вопросы в отношениях с И. В. Сталиным, с ВКП(б) и с СССР.

В Москве могли полагать, что Мао Аньин по направлению и степени своей подготовки мог по возвращении на родину заниматься военными

или, во всяком случае, политическими вопросами.

Хотя Мао Цзэдун и видел, что все вокруг в Яньани смотрели на Мао Аньина как на «сына Мао Цзэдуна», однако это вовсе не открывало перед Мао Аньином путь к работе на ответственных или руководящих постах. Если бы Мао Цзэдун допустил такое развитие событий, то он тем самым, как ему представлялось, открыл бы некий новый источник появления внутри КПК слоя людей, которые были твердо убеждены, что союз между Москвой и Пекином отвечает национальным интересам Китая.

Кроме того, Мао Цзэдун решил обезопасить себя, отвести какие бы то ни было возможные подозрения или обвинения со стороны своих коллег в проявлении «слабости» к своим родственникам и тем более к старшему сыну, естественному наследнику. Этим шагом он еще более закреплял свой авторитет политиче-

ского руководителя. При этом Мао Цзэдун положил начало подобному же отношению в партии ко всем сыновьям и дочерям руководителей Компартии Китая.

Впрочем, Мао Цзэдун оставил Мао Аньина поблизости, под своим постоянным присмотром, но не как близкого родственника, а как одного из сотрудников, причем рядовых сотрудников аппарата ЦК партии, выполняющих техническую работу. Мао Аньин жил неподалеку от Мао Цзэдуна, но фактически почти не виделся с отцом.

Когда в начале 1949 г. Китай посетил А. И. Микоян, Мао Аньин «был показан» советскому руководителю, он был выделен для работы в качестве переводчика, но не по политическим вопросам (на переговоры и беседы политического характера его не приглашали), а для перевода разговоров на бытовые темы. Мао Цзэдун демонстрировал И. В. Сталину,

какое место он отвел в Китае своему сыну, получившему воспитание в Советском Союзе. Для И. В. Сталина это было лишним подтверждением того, с каким недоверием и подозрением Мао Цзэдун относился к нашей стране. Мао Аньин оказался по возвращении в Китай игрушкой и жертвой политики Мао Цзэдуна.

Между тем по возвращении из СССР Мао Аньина стали обуревать заботы и чувства, вполне естественные для молодого человека. Он влюблялся и хотел жениться.

Но и тут он натолкнулся на «фильтр» в лице Мао Цзэдуна. Первая попытка, при которой сводней выступила Цзян Цин, закончилась неудачей. И сам Мао Аньин, и Цзян Цин при этом переоценили роль отцовских чувств Мао Цзэдуна и недостаточно продуманно, с его же точки зрения, подошли к решению столь важного, даже политического, вопроса. По сути дела, оказалось,

▲ Мао Цзэдун и Цзян Цин

▲ Мао и его вторая жена Ян Кайхуэй

что и здесь все будет решать сам Мао Цзэдун. Именно он будет выбирать невест для своих сыновей — из тех, кого он сочтет возможным допускать в свой «ближний круг».

На словах Мао Цзэдун исходил из того, что надо устраивать брак однажды и на всю жизнь. Как отец, он, быть может, не хотел, чтобы Мао Аньин пережил трудности, с которыми ему пришлось столкнуться в жизни самому, зачастую и по своей вине. Главным же, конечно, для Мао Цзэдуна было то, чтобы в партии его репутация не оказалась подмоченной в связи с обстоятельствами личной жизни его сына.

Цзян Цин надеялась наладить родственные отношения с вдруг появившимся взрослым пасынком, а также угодить Мао Цзэдуну, устроив судьбу его старшего сына. В то же время она желала, чтобы и будущая невестка была ей лично обязана своим счастьем. Ей также очень хотелось выступить в роли матери семейства Мао Цзэдуна, оказаться в его глазах хорошей женой, проявляющей за-

боту обо всех его детях, в том числе и от других браков. Цзян Цин попыталась склотить своего рода союз фракций Ян Кайхуэй и Цзян Цин внутри семьи или клана Мао Цзэдуна.

Цзян Цин предприняла попытку женить Мао Аньина на очень красивой девушке из тех «столичных штучек» (какой в известной степени была и она сама), которые как мотыльки слетались в Яньань, надеясь удачно выскочить замуж за высокопоставленного руководителя или его перспективного отпрыска. Надо упомянуть о том, что в то время в Яньани одна женщина приходилась в среднем на 15—16 мужчин.

Цзян Цин устроила у себя обед и встречу Мао Аньина с «перспективной» невестой. И девица была согласна, и сам Мао Аньин был не прочь, но воспротивился Мао Цзэдун, проявивший и в данном случае обычную для себя недоверчивость и подозрительность. Знакомство рассыпалось. Девица через некоторое время, не достигнув намеченной цели, вернулась в большие

города и даже выступила со статьей в газете, обрушившись с критикой на яньаньские порядки.

Через год, в августе 1947 г., Мао Аньин пришел к отцу с девушкой, которую представил в качестве своей невесты. Мао Цзэдун отказал молодым людям в праве сочетаться законным браком (кстати сказать, это делалось по решению партийной организации), напомнив, что существует правило, согласно которому невесте должно быть полных 18 лет, следовательно, надо подождать, пока Лю Сыци (так звали невесту) не достигнет совершеннолетия, а это должно было произойти через год.

Мао Аньин был человеком взрывного темперамента. К тому же и вся жизненная ситуация, в которой он оказался, и желание иметь семью, близкого человека, и мысли о том, что ему уже достаточно лет, а он все еще не женат, все это толкало на импульсивные действия.

Спустя несколько дней Мао Аньин снова обратился к отцу все с той же просьбой. И тогда Мао Цзэдун показал сыну свой норв. Он ответил, что Мао Аньин всегда должен помнить о том, что он — сын Мао Цзэдуна, и правила внутривнутрипартийной жизни писаны в первую очередь для него. После разговора с отцом Мао Аньин даже потерял сознание, с ним случилась истерика. Но Мао Цзэдун остался тверд и не изменил своего решения. Более того, Мао Цзэдун велел передать сыну, что тот вообще сможет увидеться с ним только в том случае, если примет решение покаяться в своем поведении.

Так Мао Цзэдун «слома» старшего сына. Мао Аньин, смирившись с решением отца, сообщил Мао Цзэдуну, что они с Лю Сыци решили подождать со свадьбой до ее восемнадцатилетия.

15 октября 1949 г. молодые люди поженились. Это событие было отмечено лишь скромной трапезой в павильоне Фэнцзюань в Чжуннаньхае, в доме, где жил Мао Цзэдун.

Мао Цзэдун собственноручно написал приглашения на эту свадьбу нескольким своим старым товарищам. Это были, в частности, Се Тели,

Се Цзюецзай. К ним Мао Цзэдун относился как к старейшинам, своим учителям. Во время свадебного пира он сам подкладывал им в пиалы перченое мясо и перченую рыбу. Он говорил также, что эта свадьба не потребовала от него никаких особых хлопот, что это простой семейный ужин, после которого молодые отправятся к себе и начнут совместную жизнь.

Мао Цзэдун подарил Мао Аньину и Лю Сыци свое поношенное пальто, сказав при этом, что Мао Аньин сможет носить его в холодное время года, а по ночам молодые будут укрываться этим же пальто поверх одеяла и таким образом каждому из них достанется часть тепла от его свадебного подарка.

После свадебной трапезы молодые, а Мао Аньин работал тогда техническим секретарем в одном из учреждений ЦК партии, пошли в общежитие для сотрудников аппарата ЦК КПК, размещавшееся, правда, тоже в резиденции руководства КПК и КНР (в Чжуннаньхае), им была выделена одна самая простая комната с деревянной кроватью, на которой лежали два одеяла. Причем одно из этих одеял было приданым невесты. Мао Аньин и Лю Сыци имели лишь самые необходимые вещи, жили очень скромно, но были, наконец, счастливы вдвоем.

Счастье это, увы, оказалось коротким. Снова вмешалась политика и личные замыслы Мао Цзэдуна. Не прошло и года, как началась корейская война, и Мао Цзэдун решил, что его сын должен отправиться на фронт. Опять-таки решение Мао Цзэдуна было продиктовано заботой о своей репутации. Мао Цзэдун чувствовал личную ответственность за эту войну, решение о начале которой было принято Ким Ир Сенем только после согласия с этим Мао Цзэдуна (Сталин сумел и предпочел остаться в стороне). Он также желал снова продемонстрировать и КПК, и И. В. Сталину, да и Чан Кайши, что своего сына он отправил на фронт войны против американского империализма. Отправка Мао Аньина на войну вовсе не была абсолютно

необходимой. В Корее воевали части армии КНР, которые формально именовались добровольческими. Это не была отечественная война китайского народа. Это была локальная война с ограниченными политическими целями. Правда о ней скрывалась. Мао Цзэдун так и не позволил опубликовать цифры китайских потерь в этой войне. Одним словом, отправка Мао Аньина на фронт в Корее была чисто политическим шагом, предпринятым лично Мао Цзэдуном, решение это зависело только от него. Его единственный полноценный здоровый сын и тут оказался пешкой в политической игре. Желание выглядеть безупречно в глазах своих коллег по руководству партией сыграло главную роль.

А дело было так. Осенью 1950 г. Мао Аньин работал заместителем секретаря парторганизации Пекинского центрального механического завода. Когда началась корейская война, он, естественно, как и многие в партии, в порядке развернутой тогда кампании подал заявление с просьбой направить его в армию добровольцев. Парторганизация отказала. Тогда Мао Аньин обратился непосредственно к отцу. Мао Цзэдун был рад поступку

сына. Он тут же передал его в распоряжение командующего армией добровольцев маршала Пэн Дэхуая, который формировал штаб армии в Северо-Восточном Китае и по делам находился в этот момент в Пекине.

Мао Аньин выехал с Пэн Дэхуаем на северо-восток, принял участие в подготовке к вводу войск в Корею. Накануне выступления через границу Мао Аньин также сопровождал Пэн Дэхуая и побывал в Пекине, где Мао Цзэдуна был представлен доклад о ходе дел. Когда все эти вопросы были решены и Мао Аньин распрощался с отцом, было уже около 6 часов вечера. Мао Аньин покатил на велосипеде на завод и попрощался с товарищами по парткому. Затем он отправился в больницу навестить жену. Лю Сыци перенесла операцию и находилась на излечении.

Молодые были женаты всего год. Они любили друг друга, хотя детей у них еще не было. Все это время Мао Аньин дневал и ночевал на заводе. Мало того, он ездил в командировку в Хунань, в другие места. Супругам редко выпадал случай побыть вместе.

Предстоявшая поездка Мао Аньина в Корею была военной тайной,

▲ Мао Аньин с женой Лю Сыци

▲ Мао провожает Аньина в Корею, 1950 год

которую он не имел права разглашать. В больничной палате Мао Аньин сел на стул у кровати жены, достал платок, вытер пот и сказал:

– Завтра мне нужно будет выехать очень-очень далеко в командировку. Вот пришлось так впопыхах приехать, чтобы сказать тебе об этом. Оттуда будет неудобно писать письма. Если какое-то время почты от меня не будет, ты ни о чем не беспокойся!

Жена, что вполне естественно, разволновалась и спросила:

– А куда это ты едешь?

– Лучше не спрашивай... А кстати, тебе известно, где находится Корейский полуостров? Там сейчас бесчинствуют американские агрессоры. Мы этого так оставить не можем!

– Что? Так ты... — Лю Сыци заплакала. Она хотела услышать от мужа правду.

Но Мао Аньин не мог прямо сказать ей об этом. Он замотал головой и попытался перевести разговор на другую тему:

– Да нет, нет. Я просто забочусь о твоём политическом воспитании. Тут ничего особенного нет!

Он смущенно улыбнулся. Все это вышло у него как-то по-детски. Посмотрел на часы. Пора было уходить. Он все никак не хотел подниматься со стула. Потом встал и сказал:

– Ну, я пошел. Когда выйдешь из больницы, по субботам приходи в Чжуннаньхай, навещай папу. Не думай, что раз меня тут нет, то и ходить не надо. Заботься как следует об Аньцине. Ну, договорились?

Лю Сыци кивнула. Закусила губу. Мао Аньин сказал:

– А то ведь Цзян Цин, так та думает только о себе. Она об Аньцине совсем не заботится. Она не любит и моего папу. Я с ней ругался. Я ей говорил: если ты не любишь моего папу, так ушла бы и все. Чего тут болтаться? А тебе надо быть поосторожнее. Она злопамятна и мстительна...

Сказал, простился и уехал.

В армии китайских добровольцев в Корею Мао Аньин, который, конечно, сразу же оказался в чине дивизионного комиссара, служил при штабе Пэн Дэхуая, был переводчиком русского языка. Он переводил беседы Пэн Дэхуая с советским послом

и с Ким Ир Сенем. Когда не было переводческих занятий, Мао Аньин работал с секретной документацией.

25 ноября 1950 г. американские самолеты бомбили штаб добровольческой армии. В налете участвовали до десятка самолетов. Цель им была хорошо известна. Они летели очень низко. Не сделав даже круга, самолеты сбросили бомбы прямо на тот дом, где размещался Пэн Дэхуай. Несколько напалмовых бомб попали в дом, он вспыхнул весь сразу, как солома. Огнем опалило все вокруг.

Пэн Дэхуай по делам отлучился и спасся только благодаря этой случайности. Мао Аньин и еще один работник штаба Гао Жуйсинь не успели выбежать из дома и погибли.

Мао Аньин погиб спустя всего месяц и шесть дней после прибытия в Корею.

Узнав о его смерти, Пэн Дэхуай долго сидел в одиночестве и молчал. Ему было очень больно. Он бормотал: «Ну почему именно Мао Аньина убило при этом налете?» Мао Цзэдун передал в его руки своего единствен-

ного здорового сына, и вот теперь он погиб и надо было отчитываться.

Вечером того же дня Пэн Дэхуай отправил в Пекин телеграмму: «Сегодня штаб добровольческой армии подвергся бомбардировке. К несчастью, товарищ Мао Аньин погиб».

Пэн Дэхуай приказал немедленно отправить эту телеграмму и доложить о ее содержании Мао Цзэдуну, ЦК партии.

Спустя месяц, 27 декабря 1950 г., Пэн Дэхуай прилетел по делам в Пекин и рассказал Мао Цзэдуну об обстановке. При этом Пэн Дэхуай, естественно, полагал, что его телеграмма о гибели Мао Аньина была своевременно доложена Мао Цзэдуну. В конце своего сообщения Пэн Дэхуай сказал: «Председатель, Мао Аньин — прекрасный молодой человек. Он погиб вместе с товарищем Гао Жуйсином».

Реакция Мао Цзэдуна на эти слова показалась Пэн Дэхуаю такой, как если бы тот впервые услышал о случившемся с его сыном. Мао Цзэдун разволновался и долго никак не мог зажечь сигарету. Руки его дрожали.

Пэн Дэхуай добавил: «Председатель, я не сумел сохранить его. В ре-

зультате товарищ Мао Аньин погиб. Я виноват. Прошу наказать меня!»

Мао Цзэдун закурил, долго молчал, потом сказал: «Речь идет о революционной войне. Тут всегда приходится платить какую-то цену! Во имя дела международного коммунизма, с той целью, чтобы дать отпор агрессорам, армия народных добровольцев, наши героические сыновья и дочери выступили на фронт, сменяют там друг друга, погибли тысячи и тысячи лучших бойцов. Мао Аньин — один из этих тысяч и тысяч героев, павших во имя революции. Он — рядовой боец. Не следует из-за того, что он мой сын, раздувать большое дело. Не надо из-за того, что он мой сын, сын председателя партии, считать, что не нужно приносить жертвы во имя общего дела народов двух стран — Китая и Кореи. Разве тут применима другая логика?!..»

Выйдя от Мао Цзэдуна, Пэн Дэхуай выяснил обстоятельства дела. Оказалось, телеграмму Пэн Дэхуая о смерти Мао Аньина в аппарате ЦК КПК передали Е Цзылуну, секретарю Мао Цзэдуна по вопросам быта. Все открещивались от этой телеграммы,

боялись докладывать Мао Цзэдуну о печальной новости, не желая оказаться в роли гонца, приносящего весть о несчастье. Конечно, Е Цзылун не мог сам решить, что делать с телеграммой. Он запросил указаний у Чжоу Эньлая. Тот и предложил попридержать телеграмму, не докладывать Мао Цзэдуну о смерти сына, а подождать, пока приедет с фронта «виноватый», то есть сам Пэн Дэхуай, и таким образом возложить на него самого тяжелую миссию уведомить Мао Цзэдуна о гибели Мао Аньина. При этом Чжоу Эньлай не поставил Пэн Дэхуая в известность о своих соображениях и фактически скрыл тот факт, что телеграмма Пэн Дэхуая была положена под сукно, где и пролежала более месяца. В результате Пэн Дэхуай оказался в первый момент перед Мао Цзэдуну в роли человека, который принес плохую весть, да к тому же еще и долго скрывал это известие. (Существует и иная версия, согласно которой не сразу, а некоторое время спустя Цзян Цин и Е Цзылун сообщили Мао Цзэдуну о гибели Мао Аньина.)

Пэн Дэхуай испытывал в этой связи крайне противоречивые чувства.

▲ В центре Ким Ирсен и Пэн Дэхуай Корея 1950 год

▲ Мао, Анцин, Лю Сыци, Аньин

▲ Чан Кайши с сыном Цзян Цзинго

Он глубоко переживал случившееся, ощущая свою ответственность за судьбу Мао Аньина. Скорее всего именно тогда в отношениях Мао Цзэдуна и Пэн Дэхуая появилась своего рода трещина. Мао Цзэдуну после гибели сына стал, очевидно, неприятен такой живой свидетель трагической кончины его сына в числе руководителей партии, с которыми Мао Цзэдуну приходилось постоянно общаться, тем более что Пэн Дэхуай неоднократно спасал жизнь самому Мао Цзэдуну.

Дочь Мао Цзэдуна Цзяоцзяо позже писала, что Пэн Дэхуая поразило, что он первым сообщил Мао Цзэдуну о гибели его сына; Пэн Дэхуай в гневе даже затопал ногами: «Почему меня не предупредили, что председатель не знает о гибели сына? Я тогда бы должным образом подготовил его».

А Мао Цзэдун мог отныне извлекать политический капитал из факта гибели Мао Аньина. Теперь уже никто не мог попрекнуть Мао Цзэдуна сыном, воспитанным в Советском Союзе. Такая гибель Мао Аньина позволяла Мао Цзэдуну еще прочнее утверждаться в образе отца, который собственного сына не по-

жалел ради интересов Коммунистической партии Китая, ради помощи братскому корейскому народу, ради вооруженной интернациональной борьбы Мао Цзэдуна и его партии против американского империализма. Тут оказывалось возможным выглядеть с неким преимуществом и перед И. В. Сталиным, сын которого погиб не на фронте, а попал в плен. Гибель Мао Аньина сразу решала для Мао Цзэдуна множество проблем, сняла головную боль. Кстати сказать, тут проявилась разница между Мао Цзэдуну и Чан Кайши в их отношениях со своими семьями, со своими близкими; собственно говоря, само выступление в качестве семьянина, ощущение естественности такого состояния или вообще не было присуще Мао Цзэдуну, или проявлялось у него эпизодически, в минимальной степени. В противоположность Мао Цзэдуну Чан Кайши не только сохранил своего сына, тоже содержавшегося И. В. Сталиным в Советском Союзе в качестве фактического заложника более 10 лет, где он, как и Мао Аньин, тоже стал членом ВКП(б), но и при благоприятных обстоятельствах содействовал его вызволению из СССР, использо-

вал знание сыном советских реалий на пользу стране и себе, в частности при поддержании связей с И. В. Сталиным, а впоследствии вывел сына на политическую арену, и, как оказалось, вполне по уму и заслугам. Сын Чан Кайши Цзян Цзинго (именовавшийся в СССР Николаем Владимировичем Елизаровым) в конечном счете стал преемником отца на посту президента Китайской Республики и начинателем реформ на Тайване.

И в то же время боль утраты глубоко тревожила Мао Цзэдуна, особенно в последние годы его жизни. Он очень сильно переживал все это; ему было жаль сына, жаль себя, потерявшего наследника, и эта жалость преобразовалась в теплые чувства к молодой вдове Мао Аньина, к своей снохе и приемной дочери Лю Сыци.

Гибель Мао Аньина долго замалчивалась. Только во время «культурной революции» довольно широкое хождение получила информация о том, что шестеро родственников Мао Цзэдуна пали жертвами в борьбе за дело революции; одним из них назывался Мао Аньин. Да и в 1959 г. на Лушаньском совещании Мао Цзэдун счел нужным сказать о себе как о «зачинателе, которого Небо лиша-

▲ Надгробье могилы Мао Аньина

ет наследников», хотел сочувствия к себе. Весьма характерно, что речь шла тогда об осуждении Пэн Дэуая... Мао Цзэдун прямо сказал тогда руководителям партии, что один сын у него погиб, а другой сошел с ума. В политической борьбе против Пэн Дэуая Мао Цзэдун эксплуатировал свою семейную драму.

Не сразу решили, где должна быть могила Мао Аньина. В конце концов, Мао Цзэдун счел целесообразным, чтобы останки сына покоились на месте его гибели, на земле Кореи. И в этом случае возобладали политические соображения. Мао Цзэдун не вернул прах своего сына на землю предков и сам не побывал на его могиле, а предпочел, используя ситуацию, еще теснее связать себя и свое государство с государством Ким Ир Сена. В 1954 г. Пэн Дэуай внес предложение о сооружении памятника на месте захоронения Мао Аньина. Это простое надгробье примерно метровой высоты с надписью: «Могила товарища Мао Аньина». Мао Цзэдун не сделал традиционной собственноручной надписи на могиле сына.

* * *

Жена Мао Аньина Лю Сыци родилась в 1930 г. в Шанхае в семье

функционеров Компартии Китая. Ее отец Лю Цзяньчу был казнен в 1931 г. по приказу шаньдунского милитариста Фу Ханьцзюя. Перед казнью он содержался в тюрьме и не знал о рождении дочери. Мать Лю Сыци Чжан

Вэньцю также находилась в тюремном заключении, и только по беременности ее выпустили на свободу.

Имена родителей Лю Сыци, как старых членов партии, были известны Мао Цзэдуну. Из потомков погибших коммунистов партия в организованном порядке стремилась воспитывать свою элиту. Сама Лю Сыци познакомилась с Мао Цзэдуну в 1938 г. Тогда, в начале весны, в актовом зале партшколы в Яньани шел спектакль по пьесе «Осиротевшая дочь». В зрительном зале находился и Мао Цзэдун. Когда на сцене враги арестовали родителей-революционеров, маленькая девочка, игравшая роль дочери, с большой искренностью закричала: «Мама! Мама!» Театральные спектакли иной раз вызывали у Мао Цзэдуна большие эмоции. Он мог расстрогаться и даже пустить слезу. После спектакля Мао Цзэдун велел привести девочку и поинтересовался, как ее зовут и кто ее родители. Ему объяснили, что это дочь погибшего секретаря парткома провинции Шань-дун Лю Цзяньчу и находившейся тогда в Яньани Чжан Вэньцю.

▲ Мао Цзэдун сыном Анцином и невесткой

▲ Мао с сыном Анцином, 1946 год

Мао Цзэдун расчувствовался и назвал себя приемным отцом Лю Сыци, а ее — своей приемной дочерью. Таким образом, задолго до того, как Лю Сыци познакомилась с Мао Аньином и стала снохой Мао Цзэдуна, она уже была его приемной дочерью. Впрочем, на практике это иногда ни к чему не обязывало ни приемных родителей, ни приемных детей.

Затем на протяжении нескольких лет Лю Сыци жила в Синьцзяне. Только в 1946 г. шестнадцатилетней девушкой она снова вернулась в Яньань. Мао Цзэдун послал за ней на следующий же день после ее приезда в Яньань.

К тому времени Мао Аньин уже с полгода как вернулся из СССР. Молодые люди познакомились в доме Мао Цзэдуна.

Лю Сыци была привлекательной молодой девушкой. Носила обычный френч «ленинского покроя», как его называли в Яньани. Мао Аньин и Лю Сыци сразу стали симпатизировать друг другу. Возможно, рассказы Мао Аньина о Советском Союзе и побудили Лю Сыци выбрать свою будущую профессию — русскую филологию.

Затем Лю Сыци тяжело заболела и снова попала в дом Мао Цзэду-

на, возобновила знакомство с Мао Аньином уже только в 1948 г. Тут молодые люди объяснились и обратились к Мао Цзэдуну за разрешением на брак.

Мао Цзэдун, как уже упоминалось, разрешив им дружить, не согласился на брак, утверждая, что Лю Сыци слишком молода, и что ей нужно учиться.

Свадьба была отложена. В марте 1949 г. Лю Сыци вместе со всеми учениками школы при учреждениях ЦК партии, именованной «Ляньчжун», переехала в Бэйпин, где вскоре перешла на учебу в среднюю школу при Пекинском педагогическом университете.

15 октября 1949 г. Мао Аньин и Лю Сыци стали мужем и женой.

После гибели Мао Аньина 20-летняя Лю Сыци осталась молодой вдовой, причем на протяжении почти трех лет ей не сообщали о смерти мужа. При этом Мао Цзэдун установил порядок, в соответствии с которым Лю Сыци навещала его раз в неделю. Мао Цзэдун не рассказывал ей о гибели Мао Аньина. Он делал вид, что ничего не случилось, и успокаивал Лю Сыци, которая не получала, естественно, никаких писем или вестей от мужа. Это была типичная ситуация в свое время

и в нашей стране. Родные могли не знать о судьбе близкого человека годами и не решались даже спросить у власти имущих о том, что же произошло. Начиналось все это, видимо, с самого верха и было порождено Мао Цзэдун и И. В. Сталиным и созданными под их руководством политическими режимами.

Только в 1953 г., когда война в Корее закончилась, Мао Цзэдун сообщил Лю Сыци о гибели Мао Аньина. Сначала, при предварительном разговоре, он поведал ей о героях, которые погибли за дело революции в его семье. Он назвал имена: Ян Кайхой, Мао Цзэминь, Мао Цзэтань, Мао Цзэцзянь, Мао Чусюн. При этой встрече он больше ничего не сказал, но Лю Сыци задумалась, у нее почти не осталось надежды. К тому времени уже было подписано соглашение о прекращении огня в Корее, а от Аньина не было весточки.

Затем, когда она снова навестила Мао Цзэдуна, он, наконец, сообщил ей о смерти Мао Аньина. Лю Сыци зарыдала. Она была безутешна. Мао Цзэдун сидел одеревенев. Лицо его стало белым. Он снова впал в прострацию, как бы отключился от окружающих.

При этом разговоре присутствовал Чжоу Эньлай. Он посоветовал Лю Сыци прилечь, что она и сделала.

Тогда Чжоу Эньлай пощупал пульс у Мао Цзэдуна и сказал Лю Сыци, что у ее «папы» руки совсем холодные. Тут уже Лю Сыци начала успокаивать Мао Цзэдуна.

Мао Цзэдун, чтобы утешить Лю Сыци, сказал, что отныне он считает ее своей старшей дочерью, то есть старшей по отношению к Ли Минь и Ли Нэ. Он стал ласково называть ее «Сыци-эр».

Она же одно время добивалась того, чтобы тело Мао Аньина вернули и похоронили в Китае. Мао Цзэдун отговорил ее, упирая на то, что Мао Аньин — только один из тысяч и тысяч китайцев, погибших в Корее.

В 1959 г. Лю Сыци в сопровождении своей младшей сестры Чжан Шаоуа на деньги, выделенные Мао Цзэдун, съездила в КНДР, побывала на могиле мужа. Они совершили эту поездку под большим секретом и под чужими

именами; Мао Цзэдун полагал, что не следует причинять лишних неудобств и хлопот властям КНДР. Они прибыли в КНДР под видом рядовых граждан КНР, родственниц погибших китайских добровольцев, и на несколько дней остановились в посольстве КНР в Пхеньяне. Сестры побывали на одном из кладбищ китайских добровольцев, где похоронены 134 человека. Они поклонились могиле Мао Аньина, которая расположена в первом ряду в самой середине кладбища. Затем вернулись на родину.

В свое время Цзян Цин сыграла зловещую роль в судьбе Лю Сыци. Сначала Цзян Цин без умолку твердила, что Мао Аньин «вместо отца», «фактически представляя отца», отправился в Корею. Вероятно, она делала это, подыгрывая политическим настроениям Мао Цзэдуна. Однако затем, после гибели Мао Аньина, она начала сеять слухи, порочившие Лю Сыци, намекая на то, что между свекром и снохой возникли недопустимые отношения; при этом Цзян Цин вину за это, вполне естественно, возлагала на Лю Сыци. Очевидно, Цзян Цин добивалась, чтобы Мао Цзэдун отказал Лю Сыци от дома, чтобы одной родственницей «со стороны Ян Кайхуэй» у него стало меньше. Лю Сыци пожаловалась на это в письме Мао Цзэдуну. В ответном письме он ее успокаивал, уговаривая не обращать внимания на клевету.

Затем Лю Сыци посоветовали, очевидно по партийной линии и явно с одобрения Мао Цзэдуна, поехать на учебу в Советский Союз, так сказать, сменить обстановку и отвлечься. Это к тому же отвечало профессиональным интересам Лю Сыци.

Во время учебы в Москве Лю Сыци состояла в переписке с Мао Цзэдуну, который подписывал свои письма псевдонимом «Дэшэн».

Когда же Лю Сыци возвратилась в КНР после окончания учебы в Советском Союзе, Цзян Цин тут же распорядилась отобрать у нее пропуск в Чжуннаньхай, заявив, что «Лю Сыци не является членом нашей семьи». Так Лю Сыци была лишена возможности навещать «папу».

Однако они продолжали переписку. В 1959 г. Мао Цзэдун, в частности, писал Лю Сыци:

«...Надо уметь постоять за себя. Надо бороться, делая это ради тех, кто отдал свою жизнь, ради отца, ради народа. Надо уметь постоять за тех людей, которых презирают и ненавидят. У меня все в порядке; беспокоят только мысли о тебе. Живи спокойно.

Отец. 15 января».

Мао Цзэдун писал Лю Сыци и из поездок по стране. В одном из таких писем он обращался к ней так:

«Дитяtko... Получше ли себя чувствуешь? Поступила ли в вуз младшая сестренка (Мао Цзэдун имел в виду Чжан Шаохуа. — Ю. Г.)? Я чувствую себя получше, чем дома. Когда одолевает тоска, почитай что-нибудь из классической литературы, почитай стихи. Это развеивает грустные мысли. Давно не виделись, и я соскучился.

Папа. 6 августа».

К 1961 г. прошло уже десять лет со времени гибели Мао Аньина. Лю Сыци, которой было уже за тридцать, по-прежнему жила одна. Мао Цзэдун много раз советовал ей выйти замуж.

Он писал:

«...Послушайся совета. Прими решение и выходи замуж. Пора...

13 июня».

Мао Цзэдун начал советовать Лю Сыци выйти замуж еще в 1957 г. после ее возвращения из СССР. Он также просил своих дочерей поговорить об этом с Лю Сыци. Она же отнекивалась: «Да где же найти подходящего человека?» «Да хоть вслепую, вот просто на улице», — отвечали Ли Минь и Ли Нэ. Лю Сыци шутила в ответ: «А если он окажется рябым?»

Так Лю Сыци долго не желала выходить замуж, хотя Мао Цзэдун и сам рекомендовал ей двух женихов.

Мао Цзэдун просил и других людей подобрать мужа для Лю Сыци. Предложения к нему поступали. Но он браковал все кандидатуры.

Наконец заместитель командующего ВВС НОАК и начальник военно-воздушной академии Лю Чжэнь рассказал Мао Цзэдуну о преподава-

теле этой академии Ян Маочжи, который так же, как и Лю Сыци, побывал на учебе в СССР. Мао Цзэдун изучил представленные ему соображения и дал согласие на «следующий ход», то есть на знакомство Лю Сыци и Ян Маочжи.

Ян Маочжи был человеком примерно того же возраста, что и Лю Сыци. Это был высокий, физически крепкий парень, чем-то похожий на Мао Аньина. Он происходил из политически благонадежной рыбацкой семьи. Познакомившись с ним, Лю Сыци через некоторое время кивнула в знак согласия на брак.

В 1961 г. Лю Сыци окончила институт и была распределена на работу переводчицей русского языка в бюро технической информации управления исследований инженерных войск НОАК. В феврале 1961 г. они с Ян Маочжи поженились. Свадьба состоялась в доме Лю Сыци, расположенном в пекинском районе Наньчизы.

Мао Цзэдун в качестве подарка молодым преподнес им собственноручно переписанное свое же стихотворение «О море пою». Он также послал Лю Сыци 300 юаней, наказав: «Я на улице не бываю и не знаю, что бы вам такое хорошее купить. Вы уж сами купите себе на эти деньги подарок».

Отец Ян Маочжи в этот момент был в море и не смог быть на свадьбе. Среди приглашенных преобладали друзья и родственники Лю Сыци. В общей сложности собралось более ста гостей. Мао Аньцин находился на лечении в Даляне и не приехал на свадьбу. Зато присутствовала его будущая жена, младшая сестра Лю Сыци Чжан Шаохуа.

Мао Цзэдун даже не поставил в известность Цзян Цин о свадьбе Лю Сыци. Цзян Цин не было на этой церемонии.

Через несколько месяцев после свадьбы Лю Сыци, которая с момента выхода замуж во второй раз приняла новое имя — Лю Сунлинь, вместе с мужем навестила Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун побеседовал с Ян Маочжи и остался доволен новым мужем Лю Сунлинь.

▲ Мао Цзэдун с семьей

Цзян Цин и на сей раз не было в доме Мао Цзэдуна. Лю Сунлинь знала, что с 1959 г. Мао Цзэдун и Цзян Цин жили раздельно.

Во время «культурной революции» Цзян Цин жестоко преследовала семью Лю Сунлинь, клеветнически утверждая, что мать Лю Сунлинь Чжан Вэньцю была «предателем», то есть гоминьдановским агентом внутри КПК. В этой связи над Лю Сунлинь нависла серьезная опасность. Попасть к Мао Цзэдуну в Чжуннаньхай она не могла, так как Цзян Цин запретила пускать ее в резиденцию Мао Цзэдуна.

Ян Маочжи служил тогда далеко от Пекина в городе Яньчэн в 4-й воздушной армии. Лю Сунлинь написала ему письмо, спрашивая совета, как поступить. Ян Маочжи понимал, что его жена является объектом политических преследований и что ей грозят репрессии, а следовательно, и он не мог считать себя в безопасности, и тем не менее он ответил на письмо жены так: «Приезжай с детьми ко мне». К тому времени у них было трое детей.

Лю Сунлинь с детьми поехала к мужу.

Ян Маочжи узнал о том, что в его парторганизацию уже пришли документы из центра, в которых содержалось утверждение о том, что его теща является «предателем». Он понимал, что следовало быть предельно внимательным. Он и был весьма осторожным человеком. Кто бы мог подумать, что он сам даст следователям зацепку, ниточку, позволит им, как говорят в КНР, «ухватить себя за косичку»?

В обстановке того времени в 4-й воздушной армии конечно же нашлись люди, которые «разрабатывали» Ян Маочжи и провоцировали его. Его также допрашивали, требуя, чтобы он «внес ясность в обстоятельства», связанные с делами его тещи и жены. Ян Маочжи не выдержал допросов и выдал то, что ему говорила дома его жена. А Лю Сунлинь, да и Чжан Шаоуха, говорили, что в ответ на их беспокорство относительно возможности того, что Цзян Цин может стать преемником Мао Цзэдуна, сам Мао Цзэдун сказал следующее: «Это невозможно. Она не сможет стать преемником! Она не способна выполнять эту работу, потому что ей присуще двурушничество».

Вполне естественно, что в те вре-

мена за такие слова приходилось жестоко расплачиваться. Ян Маочжи и Лю Сунлинь взяли под стражу, перевезли в Шанхай и бросили в тюремные камеры. Лю Сунлинь не знала, куда именно ее поместили, однако ей довелось услышать, что в ту самую камеру, где до нее держали известных всем китайцам киноартистов Чжао Даня и Цинь И.

Лю Сунлинь и Ян Маочжи с момента ареста не виделись друг с другом и ничего не знали друг о друге. Их не ставили в известность и о показаниях, которые они давали.

В камере с Лю Сунлинь находились две надзирательницы, не спускавшие с нее глаз. Без их разрешения она не имела даже права подняться, встать на ноги с кровати. В тюрьмах КНР заключенному на протяжении длительного времени не разрешают вставать, двигаться, изменять положение тела; человека заставляют очень долго лежать, не шевелиться. Окно камеры было наглухо заклеено газетами, нельзя было понять, день или ночь за окном. В камере постоянно горела электрическая лампа в 100 свечей. Лю Сунлинь запрещалось

иметь наручные часы. Во время сна ей также не разрешалось укрываться одеялом с головой, а можно было натягивать одеяло только до подмышек. Считалось, что благодаря этим мерам можно не допустить самоубийства заключенного. За дверями камеры дежурили надсмотрщики в ботинках с утяжеленной подошвой. Каждый их шаг больно отдавался в голове арестанта.

Лю Сунлинь всегда неожиданно вытаскивали на допросы. Иной раз их провожал Ван Хунвэнь, которого Мао Цзэдун из вожаков «бунтарей» (или цзаофаней) Шанхая сделал своим заместителем по партии. Основываясь на том, в чем проговорился простодушный Ян Маочжи, Ван Хунвэнь стучал кулаком по столу и орал на Лю Сунлинь: «Ты осмелилась возводить клевету на товарища Цзян Цин, а это значит, что ты клеветешь и на председателя Мао. Ты — контрреволюционерка на все сто процентов!»

Лю Сунлинь только что родила четвертого ребенка. Она очень ослабла. С трудом глотала пищу, ее мучила бессонница, она страдала физически и нравственно. Быстро и страшно похудела. Именно тогда она приобрела на всю жизнь ревматизм суставов. Ее ребенку не исполнилось и месяца, а Лю Сунлинь уже заставили ежедневно стирать детские пеленки в ледяной воде. Суставы на руках покраснели и распухли.

Лю Сунлинь заявила тюремщикам, что она хотела бы написать письмо своей матери. Ей разрешили сделать это. Когда она увидела бумагу, у нее из глаз полились слезы и на почтовой бумаге навсегда остались следы слез.

В том письме Лю Сунлинь откровенно высказала мучившие ее мысли: ну почему получается так, что Ян Кайхуэй вместе с Мао Аньином бросили в тюрьму, почему мать Лю Сунлинь тоже бросили в тюрьму тогда, когда она была беременна ею, и, наконец, почему теперь ее саму бросили в тюрьму; что же это за заколдованный круг такой, из которого нет выхода?

Естественно, что письмо не попало в руки матери Лю Сунлинь, а было приобщено к ее собственному делу.

Тюремщики стали орать: «Ах ты, мать твою, ты что же это, осмеливаешься нас сравнивать с гоминьдановцами?»

Так прошло еще четыре месяца. Лю Сунлинь стало совсем невмоготу. Она не видела выхода и решила написать письмо Мао Цзэдуну. Это письмо она адресовала непосредственно Ван Хунвэню для передачи Мао Цзэдуну. Ван Хунвэнь не решился скрыть такое письмо, и оно, в конце концов, дошло до Мао Цзэдуна.

В результате Лю Сунлинь выпустили из тюрьмы. Однако положение ее существенно не улучшилось. Она попала в другой круг все того же ада. Ее оставили по-прежнему «под надзором» Ван Хунвэня. Изменения состояли только в том, что из тюрьмы ее перевели на «курсы критики Линь Бяо». Дело было в 1972 г. Ее больше не допрашивали, но вынуждали писать бесконечные саморазоблачения и покаяния. Когда терпению ее пришел конец, Лю Сунлинь прямо поставила вопрос перед руководительницей этих курсов: «В чем меня, в конце-то концов, обвиняют?» Ответ был с намеком. Руководительница курсов, очевидно сочувствуя Лю Сунлинь, прямо сказала ей: «А ведь знаешь, фактически против тебя ничего и нет».

Лю Сунлинь, поняв намек, тут же написала докладную записку, в которой сослалась на нездоровье и попросила разрешить ей выехать в Пекин на лечение. Через некоторое время при содействии маршала Е Цзяньина, который ведал повседневной работой в армии, а Лю Сунлинь числилась за НОАК, ее просьба была удовлетворена, и она получила относительную свободу.

Ян Маочжи выпустили из тюрьмы только в 1973 г., тут же отправив в «школу имени 7 мая» на «трудовое перевоспитание». В дальнейшем его переводили из одной части в другую, и только в 1983 г. Ян Маочжи снова оказался в 4-й воздушной армии в должности заместителя начальника отдела исследований. Хотя в отношениях супругов и имелись сложности, но они живут одной семьей. Четверо их детей уже стали взрослыми.

Цзян Цин приложила руку к аресту Лю Сунлинь и заставила ее страдать вместе с мужем и детьми. Когда же после смерти Мао Цзэдуна под арестом оказалась уже Цзян Цин, Лю Сунлинь взяла своего рода реванш, публично заявив о том, что Цзян Цин сама вступила в брак с Мао Цзэдуном с той целью, чтобы «погубить» его. ■

▲ Мао, дочь Ли Нэ, Аньин, Лю Сыци

Г.А. КУМАНЕВ

ВСТРЕЧИ С МИХАИЛОМ ГЕОРГИЕВИЧЕМ ПЕРВУХИНЫМ

▲ Первухин М.Г.

Михаил Георгиевич Первухин принадлежал к тому поколению советских людей, чья молодость прошла в трудовых буднях первых пятилеток.

Получив высшее образование и квалификацию инженера-электрика, он стал работать по специальности на ряде электростанций. Глубокий ум, широта знаний, эрудиция, простота и доступность в общении с трудящимися, богатый практический опыт, смелый, творческий подход к делу и несомненный организаторский талант способствовали его быстрому выдвижению по службе и росту в качестве одного из руководителей отечественной энергетики.

Перечислим только основные должности, которые он последовательно занимал во второй половине 30-х годов: директор Каширской ГЭС, исполняющий обязанности начальника «Мосэнерго», начальник Главного управления энергетического хозяйства Наркомата тяжелой промышленности СССР, заместитель и первый заместитель наркома тяжелой промышленности СССР..

В январе 1939 г. после разукрупнения Наркомтяжпрома Михаил Георгиевич, которому совсем недавно исполнилось 34 года, становится наркомом электростанций и электропромышленности СССР, проработав на этом посту до 17 апреля 1940 г.

Довоенное формирование его как видного партийного и государственного деятеля на этом не закончилось: в марте 1939 г. на XVIII съезде

КУМАНЕВ Георгий Александрович (1931–2018), советский, российский историк, доктор исторических наук, профессор, академик РАН по Отделению историко-философских наук. Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра военной истории России.

ВКП(б) Первухин избирается членом ЦК партии, а в апреле 1940 г. последовало назначение заместителем Председателя Совнаркома СССР.

В годы Великой Отечественной войны его производственные, общественные и государственные нагрузки не только не уменьшились, а, напротив, добавились новые должности: заместитель председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, Уполномоченный ГКО по управлению военно-химической защиты Красной Армии. 26 февраля 1942 г. последовало утверждение народным комиссаром химической промышленности СССР, и в этом же году Первухин как заместитель Председателя СНК ССР и нарком химической промышленности привлекается Государственным Комитетом Обороны к работам по атомной энергетике. Его участие в атомном проекте было отмечено Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Высокое звание присваивается ему в 1949 г. «за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания...»

Весной 1971 г., когда мы вели подготовку Всесоюзной научной сессии «Советский тыл в Великой Отечественной войне», намеченной на 7 мая, я позвонил М.Г. Первухину и по поручению Оргкомитета пригласил его принять участие в ее работе. (Необходимое содействие в установлении связи с ним оказала дочь Михаила Георгиевича — Кира Михайловна, с которой мы работали тогда в Институте истории СССР АН СССР.)

Михаил Георгиевич с благодарностью принял приглашение и дал согласие выступить на нашем научном мероприятии по теме, связанной с перебазированием советской промышленности в 1941–1942 гг. Но, к сожалению, накануне конференции

он заболел, и ее участникам был зачитан текст его выступления, который позднее лег в основу статьи, опубликованной во второй книге материалов Всесоюзной научной сессии.

Наша творческая связь с М.Г. Первухиным на этом не закончилась. В последующие годы Михаил Георгиевич консультировал подготовку в секторе истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР трехтомного труда «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945», любезно предоставив ряд материалов для 1-го тома, дважды выступал с интересными докладами перед сотрудниками сектора и членами Ученого совета института по памятным датам истории войны, а 4 мая 1975 г. состоялась его беседа со мной, записанная на магнитофонную ленту.

Беседа профессора Г.А. Куманева с заместителем Председателя Совнаркома СССР и наркомом химической промышленности СССР военных лет, Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом инженерно-технической службы М.Г. Первухиным

(Из магнитофонной записи)

4 мая 1975 г.

Институт истории СССР АН СССР, г. Москва.

Г.А. Куманев: Сегодня, накануне большого праздничного юбилейного события — 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, — разрешите сердечно приветствовать Вас, дорогой Михаил Георгиевич, как одного из видных руководителей советского государст-

ва военных лет и горячо поздравить с этой славной и радостной датой. Позвольте пожелать Вам прекрасного здоровья, счастья, новых успехов и выразить глубокую признательность за согласие приехать к нам в Институт истории СССР АН СССР и ответить на ряд интересующих меня вопросов.

М.Г. Первухин: Спасибо, Георгий Александрович, за Ваши поздравления, за добрые слова и за приглашение приехать к Вам. Примите и мои горячие поздравления, и наилучшие пожелания с 30-летием Великой Победы над фашизмом. Я рассматриваю нашу сегодняшнюю встречу как продолжение наших творческих связей, установившихся в последние годы в процессе подготовки двухтомного сборника статей «Советский тыл в Великой Отечественной войне», в котором увидели свет и мои воспоминания о перебазировании советской промышленности в 1941–1942 гг.

Г.А. Куманев: За Вашими плечами большой жизненный путь верного служения Родине, насыщенный многими важными свершениями и событиями. Не смогли бы Вы немного рассказать о себе, хотя бы об основных этапах Вашей деятельности в предвоенные и военные годы?

М.Г. Первухин: Охотно вкратце отвечу. Родился я 14 октября 1904 г. в поселке Юрюзань Златоустовского уезда Уфимской губернии (ныне это г. Юрюзань Челябинской области) в семье рабочего. В 1919 г. вступил в ряды РКП (б) в Златоустье. В этом городе в 1921–1922 гг. я был секретарем редакции газеты «Пролетарская мысль», принимал непосредственное участие в работе городского и уездного комитетов комсомола. Затем был направлен на учебу в Москву, где в 1929 г. окончил электропромышленный факультет Московского института народного хозяйства

▲ И.В. Сталин

▲ Курчатов И.В. Первухин М.Г. на отдыхе

и после защиты дипломного проекта получил квалификацию инженера-электрика.

В электроэнергетике я начал работать сначала в Московском объединении электростанций, потом инженером, начальником цеха и директором Каширской ГЭС, далее — в Мосэнерго и Главэнерго. С 1938 г. стал заместителем, а потом и первым заместителем наркома тяжелой промышленности СССР. В 1939 г. после разделения Наркомтяжпрома на несколько наркоматов был назначен наркомом только что созданного Наркомата электростанций и электропромышленности СССР. На этом посту проработал до 1940 г., когда был выдвинут заместителем Председателя Совнаркома СССР и одновременно руководителем Бюро СНК по топливу и электроэнергетике.

С началом Великой Отечественной войны круг моих должностей и обязанностей расширился. Так, 24 июня 1941 г. я был назначен заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, 2 августа того же года — уполномоченным Го-

сударственного Комитета Оборона по Управлению военно-химической защиты Красной Армии, а в феврале 1942 г. — дополнительно утвержден наркомом химической промышленности СССР.

Фактически с осени 1942 г. как заместитель Председателя СНК СССР и народный комиссар химической промышленности СССР я оказался привлеченным к работам по атомной энергетике. В 1943 г. мне было поручено вместе с уполномоченным ГКО по науке и председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Сергеем Васильевичем Кафтановым осуществлять повседневное наблюдение за исследованиями по урановой проблеме и оказывать необходимую помощь Лаборатории №2, которой руководил Игорь Васильевич Курчатов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1949 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда за выполнение специального задания по созданию отечественной атомной промышленности.

Ну, еще добавлю, что 7 ноября 1944 г. мне было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта инженерно-технической службы, и до настоящего времени я состою в этом звании и числюсь в составе Советской Армии.

Вот, пожалуй, коротко и все из моей биографии довоенных и военных лет.

Г.А. Куманев: Как Вы оцениваете деятельность наших центральных руководящих органов накануне войны? Насколько она была успешной, отвечала сложной предвоенной обстановке и соответствовала задачам, встававшим перед страной?

М.Г. Первухин: Скажу вполне объективно, хотя сам принадлежал тогда к числу высших руководящих работников, что эта деятельность была весьма многогранной, оперативной и плодотворной. Во многом ее обеспечивал И.В. Сталин как главный дирижер-руководитель с его необычайной работоспособностью, уникальной памятью, обширными и глубокими знаниями, опытом и выдающимися организаторскими

способностями. Приведу несколько примеров.

Следует подчеркнуть, что ЦК нашей партии так или иначе предвидел неизбежность столкновения Советского Союза с фашистской Германией, стремившейся к мировому господству, к уничтожению Советского социалистического государства. Поэтому Центральный Комитет партии и Советское правительство, особенно начиная с 1939 г., стали осуществлять большие мероприятия по укреплению Красной Армии, по перевооружению ее современными средствами обороны на основе развития военной промышленности.

Помнится, в начале 1941 г. на заседании Совнаркома СССР с участием Сталина обсуждался проект народнохозяйственного плана на этот год. Председатель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский, докладывая содержание проекта плана, поставил такой вопрос. Для того чтобы выполнить намечаемые Госпланом задания по производству

военной техники и изделий машиностроения, требуется гораздо больше проката черных и цветных металлов, чем имеет страна. И если мы не сумеем найти дополнительные источники, придется сокращать важные оборонные задания на текущий год. Сталин тут же спросил: «А сколько у нас есть в Госмоблрезерве запасов необходимого нам проката черных и цветных металлов?» Ему дали справку. Тогда он говорит: «Давайте программу не сокращать, а возьмем из госрезервов, из моблзапасов недостающие нам материалы».

Такое решение правительства могло быть принято только в преддверии военных испытаний и с учетом их. Уже один этот пример показывает, что наша страна действительно готовилась к достойной обороне, если враг посмеет развязать против нас войну.

Г. А. Куманев: Об этом, мне кажется, столь же убедительно свидетельствует разработка в предвоенные годы нашим высшим руководством,

высшими органами военно-мобилизационного плана в случае агрессии против СССР.

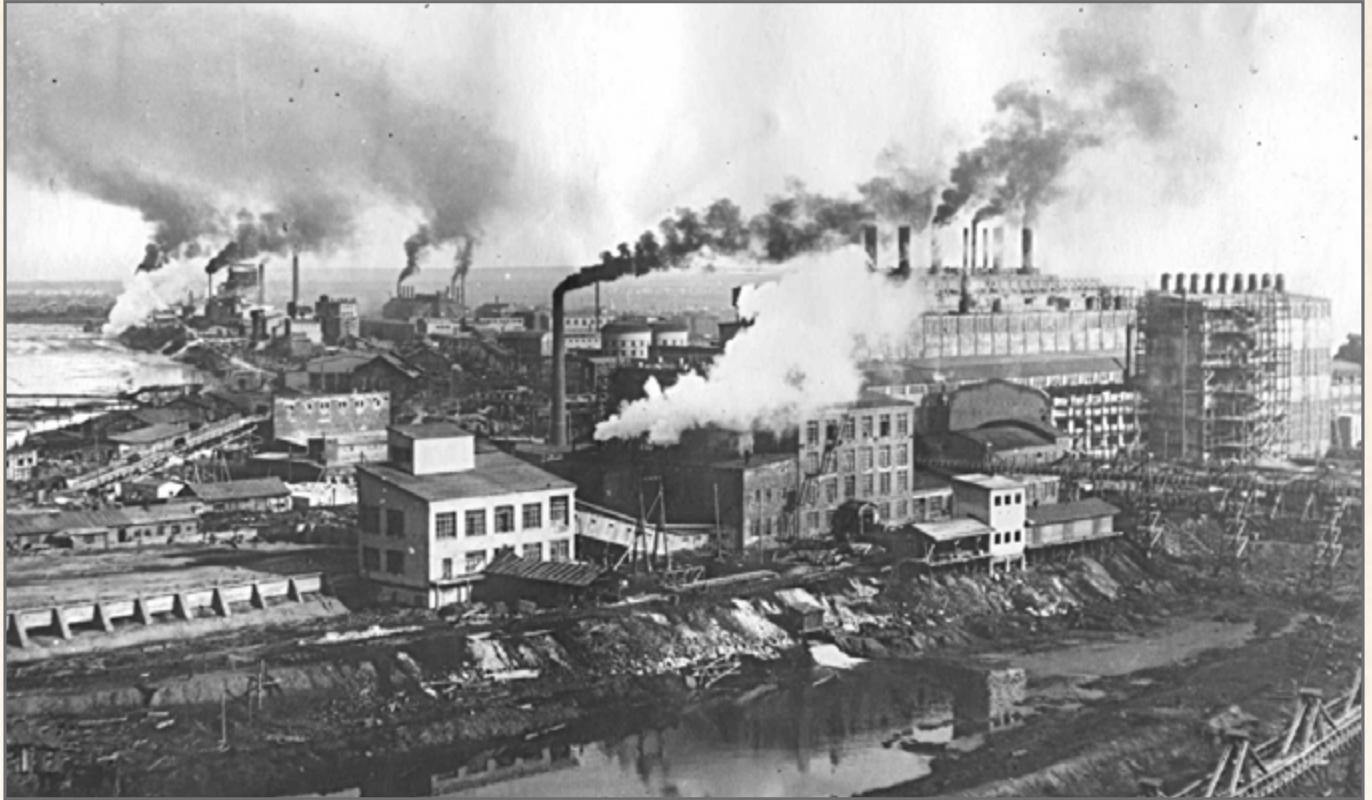
М. Г. Первухин: Совершенно правильно. План этот, в частности, включал в себя оперативный перевод промышленности на военные рельсы, если на нас будет совершено вооруженное нападение. Такая работа проводилась в стране уже в 1937–1938 гг., а затем в 1939 г. и почти до самого начала Великой Отечественной войны. Например, по каждому предприятию Наркомата машиностроения (он был потом разделен), кроме гражданской продукции, записывалось, что же оно, это предприятие, будет производить во время войны.

Я хорошо знаю электротехнические заводы, поскольку они входили в ведение Наркомата электростанций и электропромышленности, который мне довелось возглавлять с января 1939 г. Так вот, на электротехнических заводах было выделено специальное оборудование, часть из которого ис-

▲ Эвакуация заводов на восток

▲ Азотно-туковый завод Кемерово

пользовалась в мирной обстановке, а часть находилась в резерве. Предусматривалась продуманная система, как это оборудование переставить с тем, чтобы поточно начать выпускать военную продукцию. Во время войны электротехнические заводы давали фронту снаряды, мины, производили и отдельные детали вооружения.

Таким образом, вся промышленность, все ее мощности были довольно четко расписаны, — что они должны делать во время войны.

Если взять тракторостроительные заводы (к примеру, Сталинградский или Харьковский), то у них была мобилизационная программа по производству танков. По технологии производство сходное. Выпускали они в мирное время трактора на гусеничном ходу, а в условиях войны должны были сразу же переключиться на выпуск танков. Правда, эти танки — и харьковские и сталинградские — были легкие. Более тяжелые танки были задействованы для выпуска на Урале.

Если обратиться к химической промышленности, то, конечно,

на нужды войны предусматривалось переключение заводов минеральных удобрений, азотных заводов. Они выпускали азотную кислоту и аммиачную селитру. В мирное время аммиачная селитра идет как удобрение, а в военное время смесь селитры с органическими материалами (древесным порошком, торфяным порошком и др.) представляет собой взрывчатку, которой начинались противотанковые и иные средства.

Возьмем заводы, производившие фосфорные удобрения. Там в качестве сырья имеется серная кислота. Она была в виде крепкой серной кислоты, так называемая олеум, которая необходима для производства порохов. Заводы пластических масс (практически все) имели программу изготовления различных деталей для боеприпасов (взрывателей, корпусов и др.).

Если взять стекольную промышленность, то для остекления кабин самолетов использовали бронестекло. Оно состояло из очень закаленного силикатного стекла и нескольких слоев органического стекла.

Так вот, эти стекольные заводы, вернее — часть из них, еще в мирные годы освоили производство бронестекла для того, чтобы в военных условиях обеспечивать им авиационную промышленность.

Даже такие, казалось, сугубо «гражданские» заводы, как лакокрасочные, в военное время обязаны были выпускать эмали и смолы, необходимые при строительстве самолетов. Ведь их изготавливали в основном из дерева, алюминий же шел на производство бомбардировщиков.

Итак, все отрасли промышленности в той или иной степени имели план производства продукции, которая будет необходима в случае войны. И, конечно, если бы такого плана у нас не было, то так быстро мы не смогли бы справиться с выпуском в военных условиях столь громадного количества вооружения, боеприпасов, военной техники. Только благодаря мобилизации всей нашей промышленности, причем заранее продуманной мобилизации, удалось все это быстро организовать. Правда, в первый период войны, как извест-

но, мы временно лишились большой территории Западно-Европейской части СССР, где размещалась мощная индустриальная база.

Хочу еще раз подчеркнуть: мобилизационный план сыграл огромную роль в перестройке на военный лад не только промышленности, но и всей экономики страны. Плановое военное хозяйство СССР в конечном итоге обеспечило Красную Армию всем необходимым, чтобы остановить врага, а затем и разгромить его.

Г. А. Куманев: Благодарю Вас, Михаил Георгиевич, за такой подробный и обстоятельный ответ. Вы упомянули о Государственном мобилизационном резерве, создание которого тоже убедительно подтверждает нашу активную подготовку к защите социалистического Отечества. Нельзя ли об этом чуть подробнее?

М. Г. Первухин: В довоенные годы в Советском Союзе была заблаговременно выработана и осуществлена система накопления запасов матери-

альных средств, или государственных мобилизационных резервов. Они предназначались для удовлетворения материальных потребностей Вооруженных Сил и народного хозяйства в мирное и особенно в военное время. В течение последних полутора лет до фашистского нападения государственные мобилизационные резервы СССР почти удвоились. Речь шла в первую очередь о накоплении запасов цветных и специальных черных металлов, топлива, продовольствия, сырья. Другими словами, еще в мирных условиях какая-то доля стратегических материалов, получаемая для гражданских целей, откладывалась на предприятиях в качестве мобилизационного запаса. Создавались и мобилизационные резервы горючего для самолетов, для танков, автомобильного транспорта. Надо сказать, что за этим видом стратегических запасов очень строго следило Политбюро ЦК и лично Сталин.

Мне вспоминается такой случай. Это было в начале 41-го или в конце 40-го года. Было поручено Анаста-

су Ивановичу Микояну и мне подготовить план закладки горючего, необходимого для военных целей, в государственный запас, чтобы его не распределять. Мы такой план составили, представили его. На заседании Политбюро наш план Сталин и ряд его членов резко раскритиковали. Почему? Потому что мы большую часть запаса отвели под мазут, т.е. под топливо, которое нужно для промышленности. А задание давалось заложить резерв для авиации, для танков и автомобилей.

Нам пришлось этот план переделывать и емкости, которые мы думали занимать мазутом, теперь отвели для светлого горючего, необходимого для военной техники. Соответственно требовалось перестроить работу нефтеперерабатывающих заводов, чтобы они больше выпускали светлых продуктов горючего.

Расскажу еще об одном очень важном правительственном решении, принятом по инициативе Сталина. Как известно, до войны было развернуто строительство Куйбы-

▲ Саратовский авиационный завод

шевской ГЭС. На ее сооружении работало примерно 100 тыс. человек. И вот где-то в середине 1940 г. Сталин вызвал Андрея Андреевича Андреева — секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам, наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия и меня. (Я тогда уже был заместителем Председателя Совнаркома СССР) Сталин неожиданно для нас предложил: «Давайте, мы пока свернем строительство Куйбышевской гидроэлектростанции и всю эту мощнейшую организацию направим на создание авиационных заводов в районе Куйбышева». Это решение впоследствии, в начале войны, сыграло громадную роль в обеспечении производства боевых самолетов. В октябре 1941 г. по поручению Государственного Комитета Обороны я летал в Куйбышев для того, чтобы проверить, как подготовлены там необходимые здания для дипломатического корпуса, который был туда эвакуирован из Москвы, а также здания для размещения

правительственных органов. Побывал и на строительстве одного Куйбышевского авиационного завода. И что я обнаружил: большая часть корпусов уже готова и там устанавливается оборудование, станки, агрегаты прибывших с западной части страны авиационных заводов. Трудно поверить, но факт остается фактом: в конце 1941 г. куйбышевские авиазаводы уже наладили массовый выпуск самолетов. Так что названное мною решение, принятое за полгода до начала войны, оказалось весьма своевременным и дальновидным.

Хочу указать, наконец, и на такой факт, свидетельствующий о подготовке страны к военным испытаниям. Это создание дублеров оборонных предприятий и научно-исследовательских институтов на Востоке страны. Решение об этом было принято незадолго до Великой Отечественной войны и нашло отражение в материалах XVIII съезда ВКП(б) и XVIII партийной конференции. На Урале

и за Уралом стали создавать и развертывать новую угольно-металлургическую базу СССР. Закладывались заводы-дублеры тех предприятий, которые имелись в Западно-Европейской части СССР, а также соответствующие институты: и авиационные, и по вооружению, и по боеприпасам...

Таких примеров и фактов можно привести немало.

Г. А. Куманев: У меня еще один вопрос, связанный с государственной деятельностью Сталина. Проводились ли накануне Великой Отечественной войны и в военные годы официальные, с заранее объявленной повесткой дня заседания Совета Народных Комиссаров СССР и председательствовал ли на них новый глава Советского правительства?

М. Г. Первухин: Как известно, Иосиф Виссарионович Сталин был назначен председателем Совнаркома СССР незадолго до войны — 6 мая 1941 г. Насколько я помню, два или

▲ Андреев А.А.

▲ Берия Л.П.

▲ М.Г. Первухин

▲ Молотов В.М.

три раза до гитлеровского нападения на Советский Союз он вел заседания правительства. Особенно, когда рассматривались крупные государственные и политические вопросы.

Но в годы Великой Отечественной войны Сталин председательствовал преимущественно на заседаниях Государственного Комитета Оборона и Политбюро ЦК ВКП(б). Постановления и некоторые распоряжения частного характера иногда выпускались от имени Советского правительства, но они обязательно обсуждались на Государственном Комитете Оборона и Политбюро ЦК партии.

Что касается больших официальных заседаний Совета Народных Комиссаров Союза ССР во время войны с широкой повесткой дня, то таких я просто не помню.

Г. А. Куманев: Что изменилось в Вашей работе с началом войны? Какие новые поручения получили Вы от Сталина как Председателя Государственного Комитета Оборона и Совнаркома СССР? Мне также очень хотелось бы узнать Ваше мне-

ние, Михаил Георгиевич, о том, какая была его роль в перестройке народного хозяйства СССР на военный лад, в создании военной экономики страны и насколько Сталин был компетентен в военно-экономических вопросах?

М. Г. Первухин: В первые же дни фашистской агрессии каждый из руководящих членов Советского правительства получил лично от Сталина конкретные указания и поручения, связанные с военно-мобилизационными делами, с перестройкой всей нашей работы на военный лад. Ну, например, Вячеслав Михайлович Молотов получил задание следить за выпуском танков, Николай Алексеевич Вознесенский — осуществлять контроль за производством вооружения и боеприпасов. Николай Александрович Булганин был назначен членом Военного совета Западного фронта и Западного направления. Вячеслав Александрович Малышев вскоре возглавил новый Наркомат танковой промышленности СССР, созданный на базе Наркомата среднего машиностроения СССР. Все они

были заместителями Председателя СНК СССР.

Как я уже говорил, 24 июня 1941 г. меня назначили заместителем Председателя Совета по эвакуации при Совнарком СССР, а 2 августа состоялось мое назначение уполномоченным ГКО по Управлению военно-химической защиты Красной Армии. Стал вроде комиссара при начальнике этого управления. Вместе с ним (управление тогда возглавлял генерал-майор Мельников) мы разрабатывали мероприятия по оснащению наших Вооруженных Сил средствами химической защиты, занимались также формированием химических батальонов. Возможность использования врагом отравляющих средств, химического оружия была тогда велика. О всех мероприятиях мы периодически докладывали непосредственно Председателю ГКО и Верховному Главнокомандующему Сталину.

При этом вспоминается такой случай. По полученным Генеральным штабом сведениям, немцы начали подтягивать к фронтовым районам

химические боеприпасы, авиационные химические бомбы. Учитывая своевременность подготовки к отражению возможного химического нападения, Управление военно-химической защиты Красной Армии подготовило план снаряжения химических боеприпасов. Естественно, предпочтение было отдано снарядам крупных калибров. Ну, это и понятно: чем больше калибр, тем больше отравляющих веществ.

Ознакомившись с нашими предложениями, Сталин спросил: «Известно ли вам наличие в армии орудий такого крупного калибра?» Мы, конечно, не могли ответить. А он говорит: «Такое количество снарядов, которое вы собираетесь подготовить, требует большого числа орудий самого крупного калибра. А у нас в Вооруженных Силах таких пушек почти нет».

Присутствовавший в кабинете вождя начальник Главного артиллерийского управления Наркомата обороны генерал Николай Дмитриевич Яковлев это подтвердил.

Таким образом, наше предложение оказалось нереальным, и Сталин сам лично, своей рукой сделал соответствующие поправки на нашем плане.

Вспоминая этот эпизод, я хочу лишний раз подчеркнуть, что Сталин повседневно и конкретно занимался в мирное время вопросами обороны страны, а в годы войны осуществлял как Верховный Главнокомандующий руководство боевыми действиями Красной Армии. Он находил время следить и за ее техническим оснащением. Во время войны мне приходилось не раз бывать у него. Всегда на большом столе были разложены географические карты с отметками, где линия фронта, где и какие наши части и части противника там находятся. И он постоянно информировался, как протекают военные действия, как осуществляется та или иная операция. В случае необходимости Сталин связывался не только с командующими фронтами и армиями, но и с командирами корпусов, дивизий и даже бригад.

Поэтому версия, пущенная в свое время безответственными людьми

ми и в первую очередь Хрущевым, о том, что Сталин командовал войсками по глобусу, является просто грубой и гнусной ложью.

Теперь относительно роли Сталина в создании советской военной экономики и его компетентности в военно-экономических вопросах.

Задачам создания и развития военного производства, военной экономики Сталин уделял чрезвычайно важное внимание. Если говорить о годах войны, то у него на письменном столе постоянно находились график и оперативная сводка ежедневного выпуска военной продукции: по танкам, самолетам, пушкам, стрелковому вооружению, боеприпасам. Он очень тщательно следил за ходом производства, работой оборонной промышленности. И в случае отставания с выпуском той или иной военной продукции тут же звонил в соответствующий наркомат, чтобы принять действенные меры. Иной раз связывался с уполномоченными ГКО на местах, парторгами ЦК или даже с директорами отдельных предприятий, интересовался причинами отставания, спрашивал, какая нужна помощь и требовал обеспечить безусловное выполнение графика. Вот помню случай — Уралмаш за-

держался с выпуском танков. (Я в это время находился у Сталина.) Он тут же позвонил директору: «В чем дело? Почему, какие причины повлияли на снижение производства? Имеются ли внешние причины?» Немедленно были даны распоряжения и приняты меры по оказанию конкретной помощи заводу.

И до войны, и тем более во время войны Сталин был знаком почти со всеми военными конструкторами. Причем знал их не только по фамилии, но и по имени, отчеству, знал лично, и они много раз бывали у него. Готовился новый тип самолета — он встречался с его создателями, рассматривал образец этой машины, выслушивал мнения специалистов, испытателей, не упуская ни одной мелочи. Новый тип танка — то же самое. Новая подводная лодка — тоже в центре его внимания. Новое стрелковое оружие — то же самое.

Сталин был в курсе дела всего военного производства: состояние, нужды, в чем затруднения, какие требуются меры, чтобы ускорить и увеличить выпуск того или иного образца военной продукции. Все эти и другие сведения он получал не только из Госплана и наркоматов, но и от кон-

▲ Минометный завод

структуров и руководителей военных заводов. И все это откладывалось у него в памяти. (А память у нашего вождя, как я уже говорил, была просто потрясающая.) По итогам почти каждого телефонного разговора или встречи привлекались смежные отрасли, все, что нужно для выполнения того или иного задания.

Следует иметь в виду, что во время Великой Отечественной войны, да и в другие годы, Сталин следил за развитием не только военного производства. Предметом его особого внимания было положение дел в черной и цветной металлургии, а также топливной промышленности. Если он замечал по ежедневным сводкам, что возникли какие-то перебои, например, с углем, то сразу же связывался с наркомом и спрашивал: «В чем дело?» Или поручал Бюро Совнаркома СССР, куда входили пять членов Политбюро ЦК партии (они же были заместителями главы правительства), разобраться с создавшимся положением и доложить.

Словом, Сталин в период войны, как и в мирные годы, постоянно и строго наблюдал за состоянием нашего народного хозяйства. И его компетенция в военно-экономических делах была достаточно высокой. Кстати, и после войны наш высший руководитель не ослаблял своего внимания к оборонным вопросам. Свидетельствую в данном случае и как человек, имевший отношение к созданию у нас атомной бомбы.

Г. А. Куманев: Если возможно, нельзя ли заодно немного подробнее об этом, Михаил Георгиевич?

М. Г. Первухин: Вначале у нас велись такие работы физиками и предполагалось, что возможно, если будет энергия, получить атомную бомбу. Но это было все в теории. Никаких конкретных решений не было. Когда же советское руководство узнало, что подобные работы интенсивно ведутся в США, тогда мне вместе с Кафтановым поручили подобрать наших физиков, которые знали это дело (Курчатова, Алиханова, Кикоина и других), посоветоваться с ними и выработать предложения, как эти работы нам организовать. Мы это

▲ Справа Первухин М.Г., Курчатов И.В., Харитон Ю.Б. после уборки картофеля

сделали, на меня потом возложили контроль за их работой.

Сталин лично следил за этим делом. Несколько раз мы, в том числе Курчатов и главный конструктор, докладывали ему, как обстоит дело. Причем Сталин весьма критически, придирчиво и строго относился к ходу работы, постоянно спрашивал: «А выйдет у вас, что задумали? Может, пшик у вас выйдет? Может, время и средства только тратите?»

Вот и такой я факт помню. Как-то раз мы ему докладывали, что теперь то у нас есть, другое есть... Я Сталину сообщил (поскольку это связано с химией) о производстве тяжелой воды. Вот, говорю, наш завод начал ее уже выпускать. А он мне замечает: «Воды простой налил и здесь показываешь... А как ее отличишь?» Отвечаю: «Конечно, это не так просто, товарищ Сталин, но я могу Вам показать, продемонстрировать физические отличия простой воды от тяжелой».

Это все, разумеется, было в порядке шутки, но Сталин, повторяю, заслушивал все доклады чрезвычайно внимательно и придирчиво. И он имел очень четкое представление, как у нас продвигаются дела в этой области.

А когда Трумэн на Потсдамской конференции похвастал об успешном испытании американцами атомной бомбы, Сталин сделал вид, что не обратил на это серьезного внимания. Почему? Он знал, что у нас уже на ходу эти работы и что мы тоже довольно близки к цели. Мы действительно затратили немало времени и усилий на развитие атомной промышленности и на создание атомной бомбы, но примерно такое же время, как и американцы. Два с половиной года.

Г. А. Куманев: А какова Ваша оценка советской системы управления во время Великой Отечественной войны? Насколько целесообразным было создание Государственного Комитета Обороны, сосредоточение в его руках всей полноты власти в стране?

М. Г. Первухин: Наша система управления в изменившихся экстремальных военных условиях, по моему мнению, в целом была достаточно продуманной и соответствовала новым исключительно сложным задачам, вставшим перед Советским государством. Причем перестройка ее работы в интересах фронта, как учил нас Ленин, проводилась в основном

при опоре на уже существовавшие и действовавшие государственные органы путем их всемерного совершенствования, а не путем поспешной организации новых. Только в исключительных случаях партия и правительство шли на создание каких-то чрезвычайных органов. Им как раз и явился Государственный Комитет Оборона (ГКО), призванный усилить централизацию руководства, обеспечить единство фронта и тыла, оперативно принимать наиважнейшие решения и добиваться их быстрого и безусловного проведения в жизнь. Его создание полностью себя оправдало. Он занимался не только военными, но и всеми гражданскими делами. К примеру, как только наша армия стала наступать и очищать от врага временно захваченные им районы, сразу же ГКО занялся проблемами восстановления народного хозяйства, в том числе промышленности.

Буквально вслед за передовыми отрядами советских войск шли отряды наших инженеров, техников, рабочих, которые обследовали состояние предприятий, разрабатывали на месте меры и предложения, как восстановить разрушенные промышленные объекты и пустить их в эксплуатацию. И надо отметить: в очень короткие сроки, зачастую в паразитически короткие сроки, многие заводы и фабрики, а также шахты, рудники, электростанции, железные дороги были вновь введены в действие. И это, несмотря на то, что многие из них были страшно разрушены. Весь этот процесс возрождения находился под неослабным вниманием Государственного Комитета Оборона. Одних его решений и распоряжений по проблемам возрождения нашей экономики, пострадавшей от фашистского нашествия, насчитывается около двух сотен и что особенно важно — все они были практически реализованы.

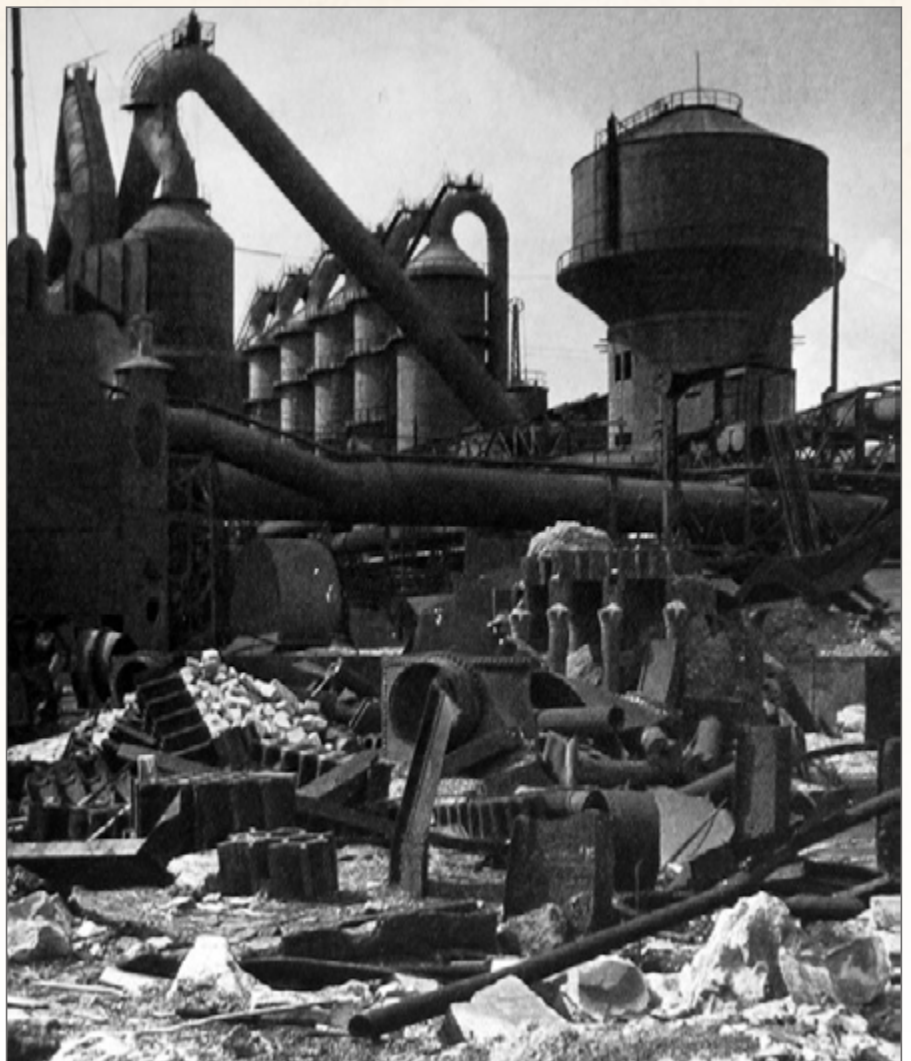
Следует отдать должное и нашим специалистам, если говорить только о промышленности. Они трудились, не покладая рук, просто героически, как настоящие патриоты. И в первых рядах восстановителей всегда находились коммунисты. Нередко

восстановительные работы проводились еще при вражеских обстрелах и бомбежках. Но наши инженеры, техники, рабочие, пренебрегая опасностью, решали сложнейшие производственные задачи, имея перед собой только одну цель — поскорее возродить отечественную индустрию, приумножить тем самым военно-экономический потенциал сражавшейся страны и ускорить завоевание долгожданной Победы. Специалисты знают, например, как напряженно работает паровая турбина. До 2 тыс. оборотов в минуту вращается вал (нередко 50-тонный). И вот на одной из электростанций отступавшие гитлеровцы искорежили почти всю 50-тонную турбину. Разрезали вал, разрезали корпус. Она

неизбежно должна была лопнуть. Но инженеры-восстановители, опираясь на поддержку ГКО, правительства, местных партийных и советских органов, разработали оригинальную технологию, сварили корпус, сварили три части вала и турбина заработала. Только лет 5–7 назад она была заменена. А так — все время действовала!

И ведь не случайно уже в первые годы восстановления темпы прироста промышленных мощностей были у нас не 5 и не 7%, как сейчас, а 20 и 30%. Во всем этом немалая заслуга принадлежит центральным руководящим органам страны и прежде всего ГКО.

Г.А. Куманев: А как взаимодействовали в ходе войны Государствен-

▲ Енакиевский металлургический завод

▲ Тевосян И.Ф.

ный Комитет Обороны, Совнарком СССР и наркоматы, осуществляя руководство экономикой Советского государства?

М. Г. Первухин: С полной ответственностью утверждаю, что в той суровой военной обстановке высшие государственные органы в целом функционировали довольно четко и слаженно. Это хорошо видно при рассмотрении деятельности народных комиссариатов. Если в довоенное время (что наблюдается у нас и сейчас) один из руководителей наркомата ссылался на другого («я, мол, тебе сделать не могу, мне трудно, у меня нет мощностей, обратись в другой наркомат» и т.п.), то в годы войны такого практически не было. Ставился, например, вопрос: моему наркомату нужен такой-то металл, такой-то прокат. Так каждый наркомат старался, как эту задачу решить. А уж особенно, если выходило постановление Государственного Комитета Обороны, правительства. В этом случае все делалось, чтобы выполнить его даже с превышением, точно в срок, нередко и досрочно. Это, безусловно, положительный факт в деятельности нашего высшего руководства, нашей промышленности в такой тяжелый период.

Вот еще один эпизод, хотя он имел место уже в самом конце войны. Для современных бомбардировщиков с ракетными двигателями нужна была жаропрочная сталь. И вот эту сталь поручили плавить заводу «Электросталь» под Москвой. И ничего там поначалу не получалось, один брак. Тогда Сталин вызвал Ивана Федоровича Тевосяна (тот был наркомом черной металлургии СССР) и сказал ему: «Товарищ Тевосян, Ваш завод с важным поручением не справляется, а Вы, между прочим, специалист по спецсталим (Тевосян раньше работал начальником управления спецстали). Надо бы срочно поправить дело. Справитесь?»

Тевосян ответил: «Поеду на завод, разберусь и Вам доложу, товарищ Сталин». И действительно разобрался. Собрал на заводе всех нужных специалистов, опытных рабочих, посоветовался, проследил весь режим, и в течение очень короткого времени коллектив освоил выплавку этой стали. Сам нарком сидел там на рабочем месте как инженер, и ответственное задание было выполнено.

Такой пример весьма характерен для военных лет.

Г. А. Куманев: У нас в различных изданиях о Великой Отечественной войне утверждается, что в то время функции и права СНК СССР расширились. Непонятно, правда, за счет каких органов? Тем более что с образованием такого высшего чрезвычайного органа страны как Государственный Комитет Обороны как раз к нему и перешли важнейшие государственные и правительственные функции. Каково Ваше мнение на этот счет, Михаил Георгиевич? Можно ли утверждать о расширении властных функций правительства в те годы?

М. Г. Первухин: Я думаю, что нет. Наоборот, вся власть была сосредоточена в руках Государственного Комитета Обороны: и военная, и гражданская.

Г. А. Куманев: Но ведь было постановление о расширении прав наркомов?

М. Г. Первухин: Да, оно было, потому что нужда заставила, чтобы наркомы на месте решали ряд неот-

ложных оперативных вопросов.

Г. А. Куманев: Возможно, они решали эти вопросы уже как уполномоченные ГКО?

М. Г. Первухин: Нет, нет. Они решали их официально именно как наркомы. Им предоставлялось право, например, начать какую-то стройку. В мирное время, если надо было организовать какое-то строительство выше определенной стоимости, требовалось решение Совнаркома. Теперь это делалось более самостоятельно, хотя докладывалось правительству о таком решении наркома.

Так что права Совнаркома СССР официально не были расширены, но наркомам, повторяю, было дано право принимать самостоятельные решения во исполнение тех общих директив, которые они получали сверху. Например, спускалось задание — организовать там-то производство танков в таком-то количестве, и Вячеслав Александрович Малышев как нарком танковой промышленности СССР сам решал, где это делать, как делать и т.п. Ему такое право было дано. Как и другим наркомам.

Г. А. Куманев: А в отношении республиканских народных комиссариатов? Их права все-таки как-то расширились? Или они только выполняли директивы сверху?

М. Г. Первухин: Я думаю, они сами эти права взяли себе, несколько расширили. Вот перебазировался завод. Отсюда, из Москвы, разве можно было по пути его следования все предусмотреть? Конечно, нет. Поэтому многие вопросы, связанные с размещением эвакуационных заводов, их обеспечением местным сырьем, топливом и ряд других проблем решали республиканские наркоматы. Что же касается официального предоставления им расширенных прав, — такого решения я не помню. Наркоматы и наркомы многие вопросы решали самостоятельно, не дожидаясь каких-то особых указаний и директив. Если это, конечно, не противоречило общей задаче. Откровенно говоря, местничество в военное время было гораздо меньше, чем сейчас.

Г.А. Куманев: Как был создан Наркомат химической промышленности СССР и когда конкретно состоялось Ваше назначение его наркомом? И еще один вопрос: что стало с Вашим предшественником на этом посту Михаилом Федоровичем Денисовым?

М.Г. Первухин: Начну свой ответ с небольшой истории создания Наркомхимпрома СССР. В годы довоенных пятилеток в результате капитального строительства индустриализация СССР достигла такого уровня, что управлять многоотраслевой промышленностью из одного Наркомата тяжелой промышленности стало просто невозможно. Именно поэтому в январе 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР этот «громоздкий» наркомат был разделен на шесть самостоятельных наркоматов. В соответствии с этим указом был организован и Народный комиссариат химической

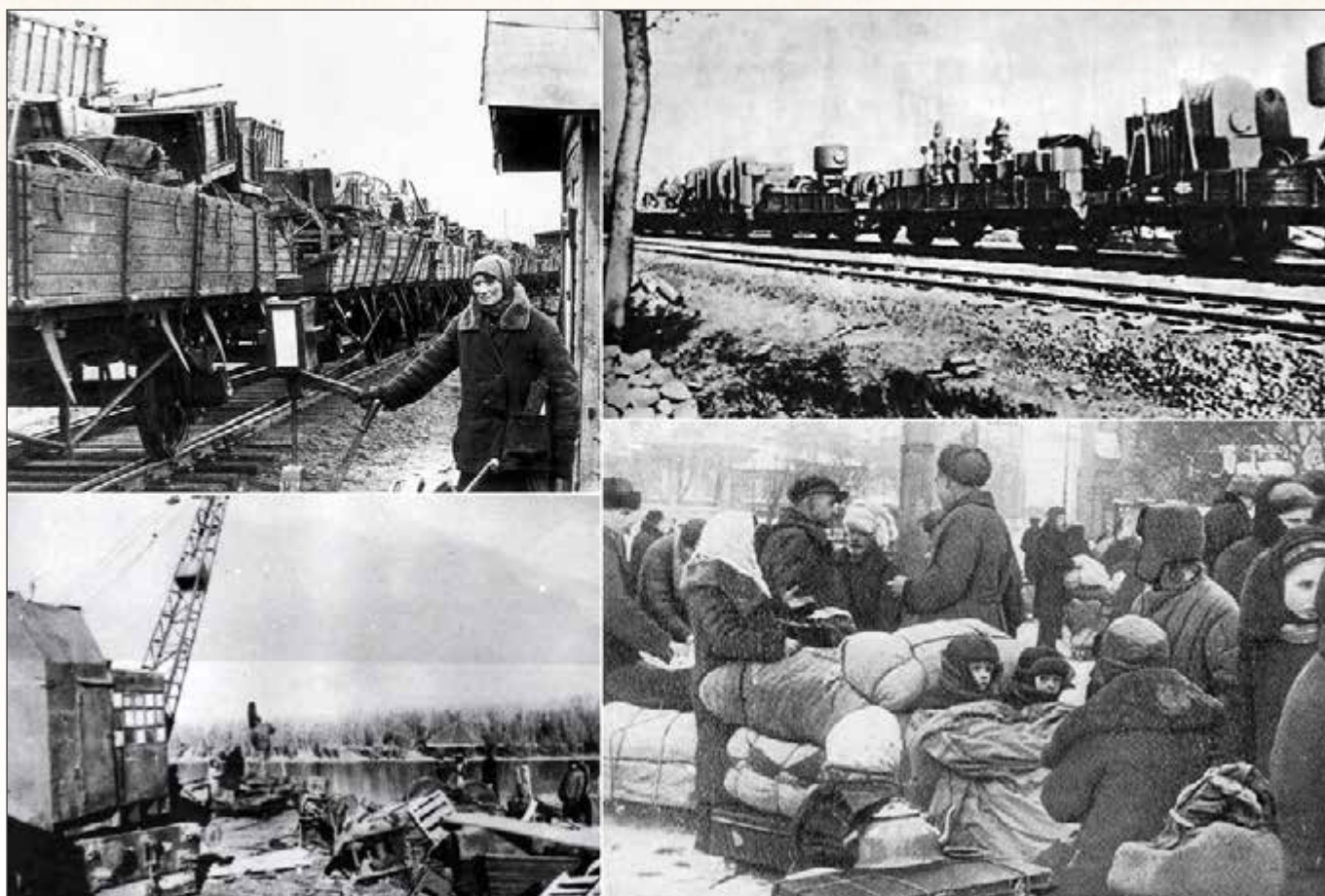
промышленности СССР. Его первым наркомом назначили совершенно молодого инженера, военного химика Михаила Денисова. Другой подходящей кандидатуры на этот пост тогда не было. Может быть, она и была, но, как говорится, на глаза не попала. Когда было мирное время, Михаил Федорович Денисов со своей должностью в целом справлялся, и все шло более или менее нормально. Когда же началась Великая Отечественная война и наша химическая промышленность основательно пострадала, он растерялся. Денисов просто не имел необходимого опыта, не был, так сказать, заводским человеком...

И вот мне не по своей воле пришлось вплотную заняться химической промышленностью. Я хорошо помню ночь с 25 на 26 февраля 1942 г. Поздно ночью, как тогда было принято, я продолжал работать в своем кабинете, в Кремле. Вдруг

раздался телефонный звонок. Это был Александр Николаевич Поскребышев. Он сказал: «Позвоните товарищу Сталину». Я набрал нужный номер, поздоровался и в ответ услышал спокойный, хорошо знакомый голос вождя: «Политбюро ЦК решило назначить Вас, товарищ Первухин, по совместительству наркомом химической промышленности».

Выслушав это неожиданное для меня сообщение, я ответил: «Как инженер-электрик, товарищ Сталин, я слабо знаю химию и, откровенно говоря, не очень-то ее люблю». (Вот такое было несколько наивное заявление.)

В ответ Сталин заявил: «Вы знаете, какое тяжелое положение сложилось в химической промышленности в связи с разрушением и эвакуацией большинства южных химических заводов. Необходимо поставить Вас во главе этой отрасли, чтобы поскорее выправить создавшееся по-

▲ Эвакуация заводов на восток

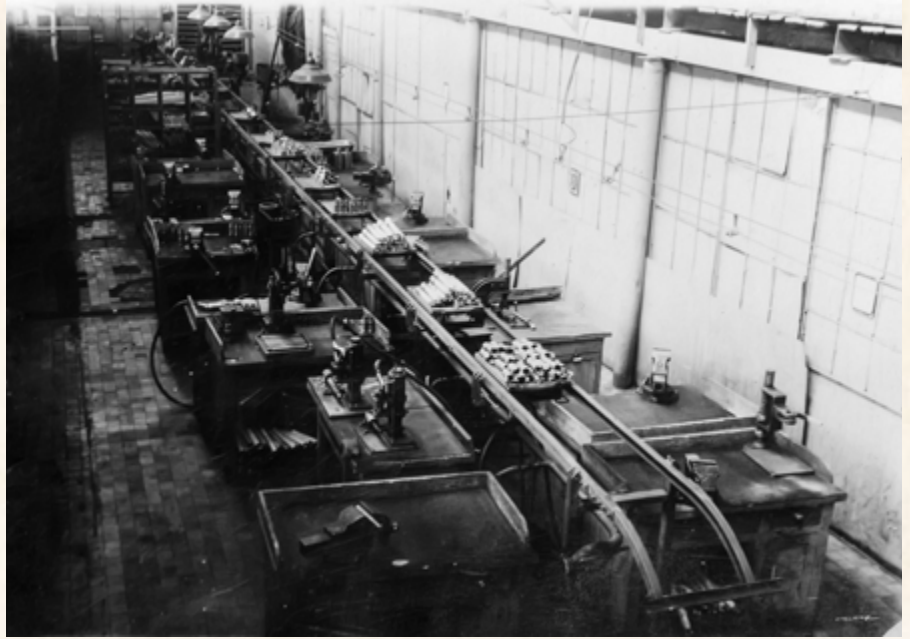

ложение. Что же касается нелюбви к химии, то настоящий большевик-коммунист скоро изучит и полюбит порученное ему партией дело».

Мне оставалось только поблагодарить Центральный Комитет за высокое доверие и обещать оправдать его.

Сталин спросил: «А что делать с Денисовым?» Отвечаю: «Оставьте, пожалуйста, моим заместителем». (Я ведь Михаила Федоровича неплохо знал, человек он был добросовестный и честный.) Председатель ГКО с этим согласился. И в ту же ночь на проходившем в Кремле заседании (Сталин звонил мне оттуда) моя кандидатура была одобрена, а затем сразу же вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении наркомом. Я тут же поехал в Наркомат химической промышленности СССР, собрал коллегия, руководящий состав, объявил им обо всем. И мы условились, по каким направлениям нам следует срочно разработать действенные меры, чтобы поскорее поднять разрушенную отрасль нашей индустрии.

А положение в химической промышленности к этому времени, т. е. к концу февраля 1942 г. было действительно весьма тяжелым. Захват противником важнейших промышленных районов страны привел к потере и крупных производственных мощностей химической индустрии, к резкому сокращению выпуска химических продуктов и материалов. В первый год Отечественной войны мы потеряли до 80% мощностей по производству серной кислоты, около половины — по производству аммиака, более 83% — кальцинированной соды, свыше 60% — красителей. У нас осталось только 30, максимум 40% мощностей химических заводов, которые вырабатывали необходимое сырье для производства порохов и боеприпасов. То есть производство порохов и боеприпасов было поставлено под удар. И если бы Государственный Комитет Оборона не принял эффективных мер к тому, чтобы на востоке страны быстро расширить за счет перебазированных предприятий действующие заводы, нашей армии было бы несравнимо

▲ Пороховой завод № 22

тяжелее воевать. К счастью, работники химической промышленности с полной ответственностью к призыву Государственного Комитета Оборона, нашей партии и в течение 1942 г. (хотя летом и осенью пришлось снова заниматься эвакуацией) мы не только достигли довоенного уровня производства южных химических заводов, но и превзошли его.

Что касается дальнейшей судьбы Михаила Федоровича Денисова, то он до 1950 г., т. е. до моего ухода с поста наркома (тогда уже министра) работал моим заместителем и работал неплохо. Потом он возглавлял главк, затем ушел на пенсию. Скончался два года назад.

Г. А. Куманев: Каким же путем, Михаил Георгиевич, выходили во время войны из положения с порохами?

М. Г. Первухин: Прежде всего, запасы пороха имелись в моблрезерве. И на первое время этого было достаточно. Кроме южных заводов мы имели большой завод в Горьковской области и большой завод в Молотове (Перми). Так что на этом мы вначале держались.

Положение было бы несравнимо лучше, если бы мы успели реализовать принятое буквально накануне войны правительственное

постановление о развертывании в Советском Союзе пороховой промышленности во втором полугодии 1941 г. и в 1942 г. Насколько помню, в нем намечалось до конца 1942 г. построить ряд предприятий этой важной оборонной отрасли, включая 10 заводов по производству баллистических порохов. Но из-за начавшейся фашистской агрессии эти планы не были тогда осуществлены. Но все же во время войны удалось ввести в эксплуатацию три завода по выпуску баллистических порохов и один — пироксилиновых порохов. Это позволило увеличить производственную мощность нашей пороховой промышленности в течение военных лет в 1,5 раза, особенно по пироксилиновым и баллистическим порохам.

Г. А. Куманев: Много ли мы получили порохов по ленд-лизу? Кое-где я встречал утверждение, что эти военно-экономические поставки из США, Великобритании и Канады тоже во многом решили в нашу пользу исход вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

М. Г. Первухин: Подобные оценки — большое преувеличение. Об этом говорят, например, такие данные: за военные годы в СССР было изготовлено около 400 тыс.

тонн порохов всех типов. Импортных же порохов мы получили чуть больше 86 тыс. тонн, или около 17% от нашего производства. Это были в основном так называемые «кордитные пороха ОД», которые благодаря смекалке наших ученых изобретателей нашли широкое применение в зарядах к нашим 120-мм полковым минометам.

Так что и за эту помощь западных союзников СССР мы им, конечно, благодарны.

Г. А. Куманев: А не удалось ли эвакуировать из г. Шостки завод по производству пороха?

М. Г. Первухин: Своим вопросом Вы напомнили, Георгий Александрович, что был еще пороховой завод в Шостке, который сильно пострадал в начале войны. Оборудование оттуда сумели вывезти и за счет его расширили мощности родственного завода в Молотове.

Г. А. Куманев: Следующий к Вам вопрос, Михаил Георгиевич, сколько новых предприятий химической промышленности вступило в строй действующих в годы Великой Отечественной войны?

М. Г. Первухин: С самого начала войны перед отечественной химической индустрией встала задача первостепенного значения — создать

в восточных районах СССР новые мощности по выпуску химической продукции, необходимой для нужд фронта. Для этого требовалось в самые сжатые сроки не только обеспечить расширение уже существовавших объектов, но и развернуть в глубоком тылу новое капитальное строительство химических предприятий. Очень важную роль в этом деле сыграло форсированное размещение и восстановление на новых местах оборудования родственных заводов и фабрик, переброшенных сюда из западных районов, которым угрожал наступающий противник. Благодаря широкому перемещению эвакуированного оборудования, а также с учетом продолжавшейся интенсивной военной перестройки нашего народного хозяйства нам удалось уже в 1942 г. восстановить довоенные мощности по производству большей части химических продуктов: аммиачной селитры, олеума, концентрированной соды, крепкой азотной кислоты, формалина, пластических масс и изделий из них.

Всего же за годы войны, насколько я помню, в системе двух родственных наркоматов: химической и резиновой промышленности — было введено в эксплуатацию около 50 новых предприятий.

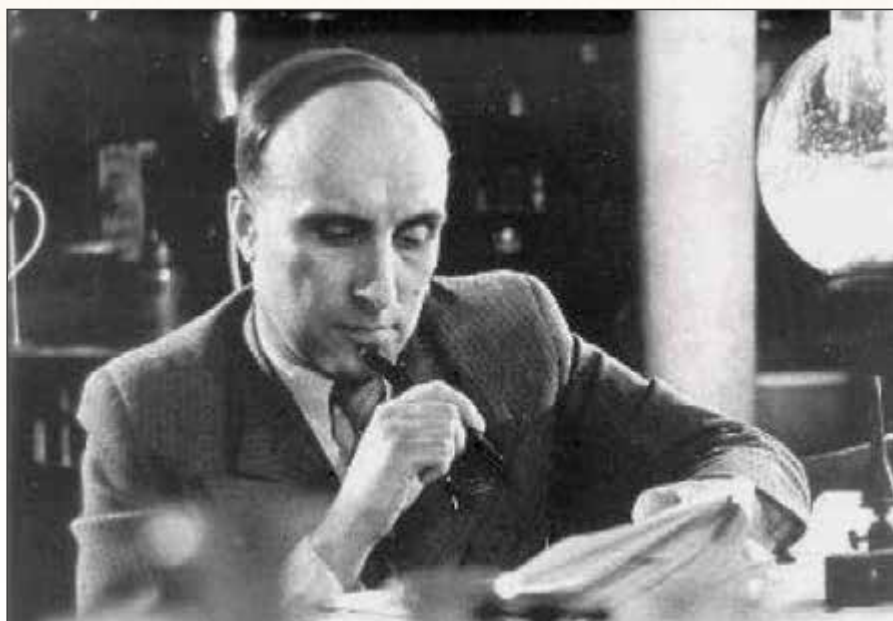
Г. А. Куманев: А как обстояло дело в военный период с синтетическим каучуком? Нас, школьников той поры, не раз посылали в расположенные рядом колхозы и совхозы Горьковской области на прополку кок-сагыза.

М. Г. Первухин: Синтетический каучук и сейчас не полностью заменяет натуральный каучук во всех изделиях. Например, маска противогаза изготавливается только из натурального каучука. Маски из синтетического каучука трескаются. Некоторые лаки, резиновый клей тоже производятся из натурального каучука. У нас натурального каучука нет. Кое-что мы закупали в восточных странах. Накануне и особенно во время войны стали внедрять производство каучука из кок-сагыза и тау-сагыза. Но, к сожалению, промышленного производства этого каучука не получилось. Он получался очень такой засоренный, его весьма трудно было очистить. И если натуральный каучук всегда желтый, то этот черный. Мы его (т.е. ненатуральный каучук) всегда использовали только для самых неотвратимых дел.

А после войны, когда стало возможным покупать натуральный каучук из восточных стран (например, из Индонезии, Цейлона), то решено было совсем прикрыть эти посевы кок-сагыза и тау-сагыза, а освобожденные почвы использовать для других культур, в частности, для сахарной свеклы.

Г. А. Куманев: Кого Вы могли бы выделить среди руководителей химической промышленности и ученых-химиков 1941–1945 гг.?

М. Г. Первухин: О Михаиле Федоровиче Денисове я уже говорил. По памяти могу отметить Александра Яковлевича Рябенко. Сейчас он заместитель председателя Госплана СССР. Он был у меня начальником главка. Во время войны работал вначале на Кемеровском заводе главным инженером, а потом в конце войны, кажется, был у меня заместителем. Заместителем наркома являлся и Сергей Михайлович Тихомиров. Он вложил много труда в развитие органической химии.

▲ Несмеянов А.Н.

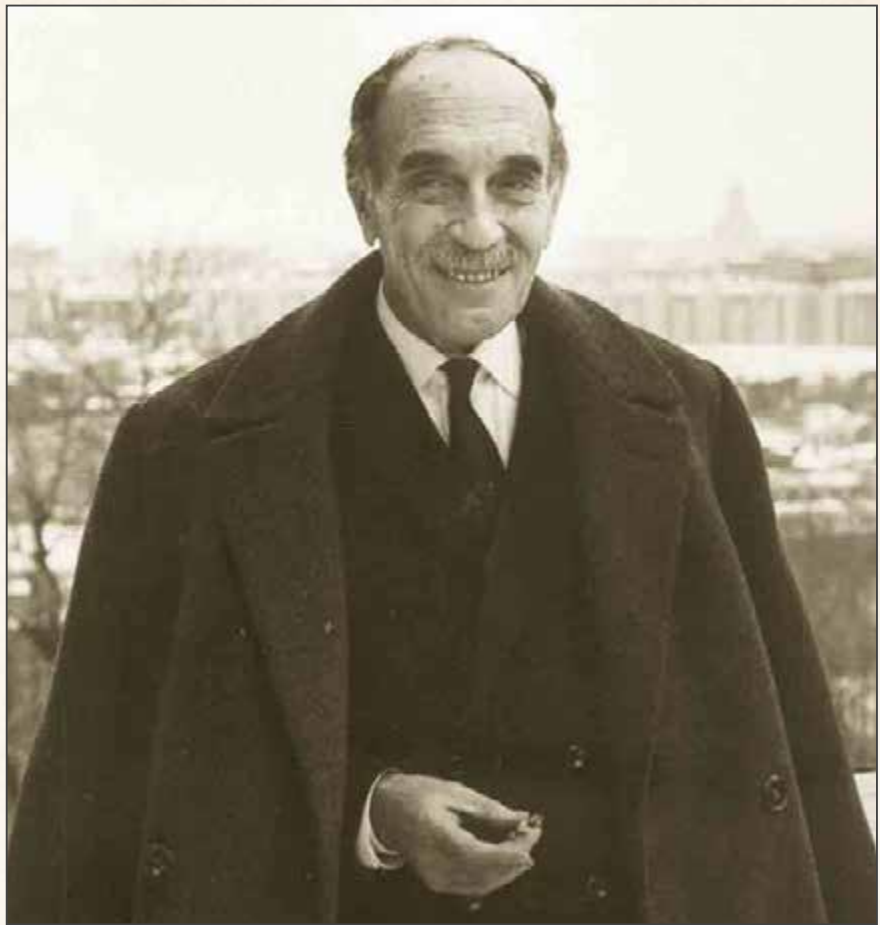
К сожалению, среди руководителей химической промышленности СССР военных лет немало уже тех, кого нет в живых.

Если обратиться к ученым-химикам, которые особенно плодотворно трудились в период Великой Отечественной войны, то я сразу могу назвать Семена Исааковича Вольфовича. Он проявлял тогда большую активность, академиком еще не был, но являлся директором НИИ удобрений и ядохимикатов. Там были созданы воспламеняющиеся смеси против танков — так называемая «жидкость КС». (Растворенный фосфор — как ударишь, сразу воспламеняется.) Очень много танков повредили и уничтожили этой смесью, залитой в бутылки. Это было весьма действенное оружие. Наш Чернореченский азотно-туковый завод имел фосфорные печи, плавил в них фосфор, получал жидкость КС и заряжал ею бутылки. Вся продукция шла на фронт.

Занимались многими важными оборонными вопросами наши известные ученые-химики академики Сергей Семенович Наметкин, Александр Николаевич Несмеянов, Николай Николаевич Семенов, профессора Александр Дмитриевич Петров, Юсуф Гейдарович Мамедалиев (будущий президент Академии наук Азербайджанской ССР) и большая армия других исследователей. (Правда, Семенов немного дальше от химической промышленности стоял в отличие, скажем, от Вольфовича или Несмеянова.)

Поскольку я занимался чисто тактичными оперативными делами, поэтому сталкивался чаще с такими учеными, которые нужны мне были на практике. А как была у них построена система работы, тут больше и конкретнее знает Сергей Васильевич Кафтанов.

Г.А. Куманев: Один из последних вопросов к Вам, дорогой Михаил Георгиевич. Меня интересует Ваша оценка той производственной операции, которая была осуществлена в Советском Союзе в 1941–1942 гг. Мы сегодня этого немного касались. Речь идет об эвакуации или перебазировании производительных сил СССР в первый, наиболее тяжелый период Великой Отечественной

▲ Семенов Н.Н.

войны. Вы с самого ее начала стали заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, и Вам есть о чем вспомнить и что сказать об этих героических и драматических страницах истории битвы с фашизмом.

М.Г. Первухин: Эвакуация, проведенная в Советском Союзе в первые месяцы войны, является одним из самых выдающихся подвигов, которые совершил советский народ в Великой Отечественной войне. Эта эпопея, без всякого преувеличения, не знает аналогов в мировой истории, в истории войн.

Причем исключительная сложность ее проведения заключалась в том, что в таких масштабах и в такие короткие сроки эвакуация не предусматривалась и никогда не планировалась. Ведь никто не предполагал, что столь трагическим и с такими громадными потерями и разрушениями окажется для нашего народа,

для Красной Армии начало войны в результате вероломного вторжения немецко-фашистских войск на территорию СССР. Что, отступая под натиском превосходящих сил агрессора, нам придется заниматься спасением производительных сил, расположенных в европейской части СССР. А без спасения нашей западной военно-промышленной базы просто невозможно было рассчитывать на достойный отпор врагу и тем более на его последующий сокрушительный разгром.

И каков же итог этого подвига: всего за несколько военных месяцев 1941–1942 гг., нередко под огнем противника, удалось за сотни километров перебросить в тыловые районы страны миллионы наших граждан, оборудование тысяч предприятий, сельскохозяйственные и транспортные ресурсы, стратегические запасы сырья, топлива и другие материальные и культурные ценности.

И не только перебросить, но и планомерно разместить весь этот огромный потенциал на новых местах и в кратчайшие сроки подключить его на удовлетворение нужд фронта.

Сейчас, вспоминая о днях эвакуации, можно только восхищаться, как нам удалось в целом весьма успешно решить такую грандиозную, я бы сказал, невероятно трудную задачу.

Как Вы знаете, Георгий Александрович, данной теме посвящена моя статья, которая опубликована в двухтомнике Института истории СССР «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Поэтому, по-видимому, нет необходимости ее пересказывать. Хочу из истории эвакуации остановиться только на некоторых моментах. Итак, для руководства эвакуацией уже 24 июня Политбюро ЦК партии решило учредить Совет по эвакуации во главе с Лазарем Моисеевичем Кагановичем. 16 июля произошла реорганизация Совета, и его председателем был утвержден Николай Михайлович Шверник, а заместителями председателя Алексей Николаевич Косыгин и я. Мне была поручена подготовка вместе с наркоматами предложений по перебазированию в тыл предприятий тяжелой промышленности, поскольку я как заместитель Председателя СНК СССР курировал их. В тот же день Политбюро ЦК рассмотрело и одобрило вопрос о немедленном перемещении в тыл предприятий авиационной промышленности. 28 июля было принято решение об организации на Урале и в Сибири новой базы по производству танков. Затем 16 августа состоялось постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О Военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». В этом плане предусматривалось развертывание военно-промышленной базы на Востоке страны, как за счет местных предприятий, так и за счет оборонных предприятий, эвакуируемых из угрожаемых районов страны.

Мне пришлось участвовать в работе правительственной комиссии,

▲ Шверник Н.М.

которая подвела итоги выполнения того, что содержалось в указанном плане. У меня сохранились следующие интересные данные из материалов той комиссии. Хотя наше военное производство в целом еще не удовлетворяло потребности фронта, в первом полугодии 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. мы выпустили больше танков на 6,4 тыс. штук, орудий — на 23,4 тыс., минометов — на 80,5 тыс., пулеметов — на 2,5 тыс. штук. Особенно много было выпущено пистолетов-пулеметов — на 445,7 тыс. больше. За это же время производство боеприпасов (снарядов, бомб и мин) возросло почти на 3 млн. штук.

Несмотря на весьма значительные результаты, достигнутые при перебазировании производительных сил страны с запада на восток, не все удалось нам спасти от врага. В первые недели и месяцы войны

он продвигался довольно быстро и поэтому невозможно было на все сто процентов подготовиться к эвакуации. Приходилось тогда согласно директиве партии и правительства уничтожать на месте очень ценное оборудование, сырье и другие материальные и культурные ценности.

В связи с потерями в области промышленности я хотел бы напомнить о таком факте, как вывод из строя Днепровской гидроэлектростанции. Построенная до войны она считалась жемчужиной советской энергетики.

И вот при приближении немецких частей к Днепру Верховное Главнокомандование вынесло решение немедленно взорвать часть плотины и мостовой переход через нее, чтобы вражеские войска не могли с ходу перейти на левый берег и таким образом продолжить свое наступление.

Мне было поручено организовать это дело и проследить, чтобы взрыв

был произведен во время. Как не тяжело мне, энергетику, было принять такое решение, военная обстановка требовала сделать это без колебаний.

Вместе с руководителями наркомата мы наметили, как осуществить намеченное. Прежде всего, требовалось помешать противнику перейти на левый берег Днепра. Для этого достаточно было взорвать только верхнюю часть плотины, на что опирается мостовой переход, а все ее остальное тело сохранить, имея в виду, что после разгрома врага мы вернемся и быстро восстановим Днепровскую ГЭС.

Поэтому в верхнем туннеле заложили взрывчатку, обеспечив мешками с песком направленный взрыв. Все было готово. От командующего войсками Юго-Западного фронта маршала Семена Михайловича Буденного прибыл специальный представитель, уточнивший, когда надо произвести взрыв. Причем меня предупредили: его надо сделать во время, когда основные части Красной Армии перейдут на левый

берег Днепра, но никак не допустить, чтобы проскочили немецкие танки...

В течение суток через каждый час, максимум через два я связывался с управляющим Днепровской станцией и секретарем Запорожского обкома партии, которые следили за обстановкой и информировали меня, как обстоит дело.

Наступило 18 августа 1941 г. Мы были наготове. Несколько раз я звонил утром и в обед. Никаких немцев нет. Наши части постепенно отходили.

Вечером появились вражеские танки. И тогда без звонка в Москву был произведен взрыв. Хлынула огромная масса воды, смыв немецкие войска и всю их технику. Ниже Днепрогэса оказались разрушенными противником переправы для форсирования реки.

Я позвонил в Москву и доложил Молотову, что взрыв произведен, хотя его исполнители мне лично об этом не сообщили. Он меня стал критиковать. Мол, как же так: Вам поручили такое важное дело, а Вы

упустили руководство из рук. Мне было неприятно, ибо получалось, что я вроде не справился со своим заданием.

Вечером, когда я уже находился в Ставке Верховного Главнокомандования, Сталин подошел ко мне и спросил:

– Ну, как, взорвали плотину?

– Взорвали, товарищ Сталин, — ответил я со вздохом.

– Ну, и хорошо. Правильно сделали. Иначе немцы могли бы проскочить со своими танками. А то, что на правом берегу наши какие-то мелкие части остались, ждать их, когда они придут было уже нельзя».

Следует заметить, что этот взрыв помог нам эвакуировать заводы Запорожья: Запорожский завод ферросплавов, «Запорожсталь», «Днепроспецсталь», Запорожский алюминиевый завод и ряд других предприятий. В течение примерно более месяца мы имели возможность все первоочередное демонтировать, причем демонтировали ценное оборудование практически вручную, ибо многих кранов и меха-

▲ Подрыв плотины ДнепроГЭСа 1941 г.

▲ Восстановление ДнепроГЭСа

низмом не было. Работа по демон- тажу и погрузке эвакогрузов велась преимущественно ночью, т. к. противник интенсивно обстреливал левый берег Днепра.

Вот на такие жертвы нам приходилось идти во время войны. Все, что доводилось уничтожать или разрушать при отступлении, мы, естественно, относили на счет агрессора. Ну а когда в 1943 г. из Приднестровья отступали гитлеровцы, они нанесли нам здесь громадный урон: взорвали тело плотины, сильно повредили здание машинного зала и затопили его. Поэтому нашему народу и руководству пришлось приложить огромные усилия, вложить огромные средства, чтобы восстановить Днепрогэс, которая носит имя В. И. Ленина.

Возрожденная станция давно уже в строю, достойно работает, мне известно, что сейчас сооружается ее вторая часть и предусмотрено удвоить мощность ГЭС.

Г.А. Куманев: Как функционировал Совет по эвакуации, велись ли на его заседаниях протоколы, которые пока я так и не обнаружил ни в одном из архивов? Или все его дела оформлялись только в виде ре-

шений и распоряжений, как это делалось на заседаниях Государственного Комитета Обороны, даже без зараннее объявленной повестки дня?

М.Г. Первухин: Работа Совета по эвакуации проходила оперативно, каких-то продолжительных заседаний не было. Повестка дня подготавливалась Секретариатом Совета по эвакуации во главе с Лаврентием Ивановичем Погребным, который пришел в Совет вместе с Николаем Михайловичем Шверником из ВЦСПС. Он вел протоколы, но я их не читал. Можно у него поинтересоваться. Лаврентий Иванович жив и здоров, насколько я знаю.

Вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях, готовились заранее. Их имел Шверник. Рассматривали поступавшие предложения о срочном перебазировании в тыловые районы промышленных объектов, сельскохозяйственных ресурсов, различных учреждений культуры и науки, но, конечно, в первую очередь и прежде всего людских контингентов... На места следования и в конечные пункты прибытия транспортов с эвакогрузами Совет по эвакуации направлял своих уполномоченных.

Чаще всего из числа заместителей наркома того или иного народного комиссариата. Каждый из уполномоченных по возвращении из командировки докладывал на заседании Совета по эвакуации, что ему удалось сделать, а что не удалось, и по какой причине. Иногда по ходу дела в Совет вызывались уполномоченные по тем или иным регионам, если там обстановка с перемещением производительных сил складывалась неблагоприятной. В таких случаях вместе с ними и представителями наркоматов мы разрабатывали конкретные предложения, проекты постановлений ГКО или Совнаркома СССР (в зависимости от предприятия или района) и вносили их на утверждение.

Хочу заметить, что с Николаем Михайловичем Шверником было легко и просто работать. Всегда спокойный, рассудительный, по-товарищески простой он располагал к себе. Умел разобраться в сложной или запутанной ситуации, которая зачастую возникала во время перебазирования. В самые тяжелые первые месяцы войны Николай Михайлович никогда не терял духа и уверенности,

что все трудности будут преодолены и победа обязательно придет.

Г.А. Куманев: Очень хотелось бы узнать Ваше мнение, Михаил Георгиевич, относительно цифровых данных по итогам эвакуации промышленности, введенных в научный оборот и используемых в ряде изданий по истории Великой Отечественной войны. Сейчас, например, официально считается, что из угрожаемых районов в тыловые районы было перебазировано 1523 предприятия. Эти сведения впервые обнародованы во 2-м томе шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945».

Но ведь это очень сильно заниженные цифры и вот почему. Необходимо иметь в виду, что до войны на территории СССР, временно оккупированной противником в 1941–1942 гг., находилось, по данным известной книги Вознесенского, 31850 заводов, фабрик и других промыш-

ленных предприятий, не считая мелких предприятий и мастерских. И если советским людям из этого числа промышленных объектов удалось эвакуировать лишь 1523, то куда подевались более 30,3 тыс. предприятий? Оставили врагу или взорвали, разрушили? Вообще возможно ли было в таком случае, именно при таких размерах потерь осуществить успешную военную перестройку нашей индустрии и развернуть на Востоке страны вторую оборонную базу по массовому производству продукции, необходимой для фронта?

Для того чтобы разобраться во всем этом, видимо следует предпринять дополнительные поиски и новые подсчеты.

М.Г. Первухин: Безусловно.

Г.А. Куманев: Лично мне думается, что большая неточность в подсчетах эвакуированных предприятий связана с наличием при перебазировании производительных сил огромного количества так называ-

емых бездокументных грузов. Ведь значительное число промышленных объектов действовало, как говорится, до последнего часа, давая продукцию, так необходимую фронту, действующей армии.

Поэтому распоряжения об их срочном перемещении в тыл давались зачастую из центра по ВЧ или даже местными органами в устном плане. В таких условиях просто невозможно было производить описи эвакуоборудования и материальных ценностей, составлять акты объектов, подлежащих вывозу на Восток, скреплять эти документы подписями, печатями и т.п. Вот почему считаю, что к итоговым данным по эвакуации промышленного оборудования следует относиться достаточно критически, ибо они так или иначе не учитывают перемещений в восточные районы огромного количества бездокументных грузов и таким образом принижают этот выдающийся трудовой подвиг советского народа.

▲ Первухин М.Г. и Александров А.П.

М. Г. Первухин: Ваши замечания о слишком заниженном официальной статистикой общем количестве перебазированных предприятий мне представляются интересными, заслуживающими внимания. Действительно, бездокументные грузы во время эвакуации составляли большой процент. И учесть их при подведении ее итогов было крайне сложной задачей. А сейчас, почти через четверть века, сделать это еще труднее. Ведь фактически никаких сопроводительных документов они не имели. Но все же надо попытаться все эти цифры уточнить. Мне кажется, в первую очередь необходимо тщательно изучить и использовать в местных архивах, включая архивы промышленных предприятий, статистику, документы военных лет по интересующему нас вопросу (если, конечно, они сохранились) и определить, какое же конкретно оборудование, в каком количестве поступило в тыловые районы из западной зоны и где оно, в каком количестве, на каких родственных заводах и фабриках было размещено и установлено во время войны.

Г. А. Куманев: А из каких регионов страны, по Вашему мнению, эвакуация прошла менее успешно. Имеется, к примеру, сообщение наркома черной металлургии СССР товарища Тевосяна на имя И. В. Сталина, направленное в октябре 1941 г., в котором говорится, что эвакуация предприятий черной металлургии из Донбасса фактически оказалась сорванной.

М. Г. Первухин: Мне кажется, мы мало вывезли в результате быстрого наступления врага и из Белоруссии, хотя там промышленных предприятий не так уж много и было. То же случилось и на Правобережной Украине, где все-таки не успели многое подготовить и вывезти. С Левобережной Украины перебросили на Восток гораздо больше промышленного оборудования и других материальных ценностей, в том числе очень важных. Например, на заводе «Запорожсталь» был первый в Советском Союзе прокатный стан холодного листа. Его пустили в действие за 2–3 года до войны. Этот лист

идет для производства автомобилей, минометов, гильз снарядов. И вот такой уникальный стан нам удалось вывезти вместе с электропечами.

Г. А. Куманев: А насколько успешной была эвакуация химических предприятий.

М. Г. Первухин: Большую часть химических объектов мы вывезли. Всего в 1941–1942 г. мы перебазиро-

вали в тыл 34 крупных предприятия химической индустрии. Среди них могу назвать такие заводы, как Днепродзержинский, Лисичанский, Горловский. Это азотно-туковые заводы, затем Донецкий и Славянский содовые заводы, Рубежанский химический комбинат, Константиновский химический завод и многие другие.

▲ Могила М. Г. Первухина на Новодевичьем кладбище в Москве

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. Постановление Государственного Комитета Обороны от 12 февраля 1942 г.

«1. В частичное изменение постановления ГКО от 4 февраля 1942 г. поручить:

т. Вознесенскому Н. А. Контроль за выполнением решений ГКО по производству черных и цветных металлов, нефти, угля и химикатов и подготовку соответствующих вопросов.

т. Берия Л. П. Контроль за выполнением решений ГКО по производству вооружения и боеприпасов и подготовку соответствующих вопросов.

2. Утвердить заместителем члена ГКО т. Вознесенского Н. А. по химической и топливной промышленности т. Первухина М. Г.».

Председатель ГКО И. Сталин

2. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 15 мая 1942 г. «Об обеспечении производства органического стекла по качеству не хуже, чем на самолетах «Томагаук»

«1. Обязать НКХимпром (т. Первухина) восстановить технологический режим и рецептуру органического стекла 1940 г., обеспечив с 20 мая 42 г. выпуск листового органического стекла.

2. Обязать НКХимпром (т. Первухина) произвести лабораторные исследования качеств стекла, применяемого на самолетах «Томагаук», установить рецептуру его и провести в период до 25 июня 42 г. опытно-исследовательские работы в направлении дальнейшего улучшения качеств отечественного органического стекла с тем, чтобы последнее было не хуже стекла, применяемого на самолетах «Томагаук».

Установить премию в размере 100 тыс. руб. за разработку технологии производства органического стекла, отвечающей показателям стекла, применяемого на самолетах «Томагаук».

3. Заводу №148 НКХП выпустить в июне 73 т органического листового стекла и 1020 комплектов бронезырьков...».

Председатель ГКО И. СТАЛИН

3. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 6 июня 1942 г. «О строительстве на Дорогомилловском химическом заводе им. Фрунзе Наркомхимпрома цеха производства резорцина»

«1. Обязать НКХимпром (т. Первухина):

а) Организовать производство резорцина на Дорогомилловском заводе им. Фрунзе (г. Москва) мощностью 25 тонн в год;

б) закончить строительство и монтаж оборудования цеха производства резорцина к 1 сентября 42 г.».

Председатель ГКО И. СТАЛИН

4. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 8 мая 1943 г. «О плане производства важнейших химикатов для боеприпасов и народного хозяйства на май 1943 года».

«...2. Обязать НКХП (т. Первухина) поставить НКБ в мае 1943 г. для производства боеприпасов (в тоннах):

Аммиак 1 700. Деметиланимин 100. Азотная кислота крепкая 19 000. Централит 70. Аммиачная селитра (в т. ч. за счет остатков на заводах НКХП) 3 000. Дибутилфталет 40. Калиевая селитра 600. Нашатырь 300. Натриевая селитра 70. Бертолетова соль 250. Дифениламин 75. Пикриновая кислота 150. Динитронафталин 340.

...4. Обязать НКХП (т. Первухина) и НКЛес (т. Салтыкова) поставить в мае 1943 г. НКБ 150 тонн уротропина, из них НКХП — 100 тонн, НКЛес СССР — 50 тонн».

Председатель ГКО И. СТАЛИН

Ф.И. ЛАДЫГИН

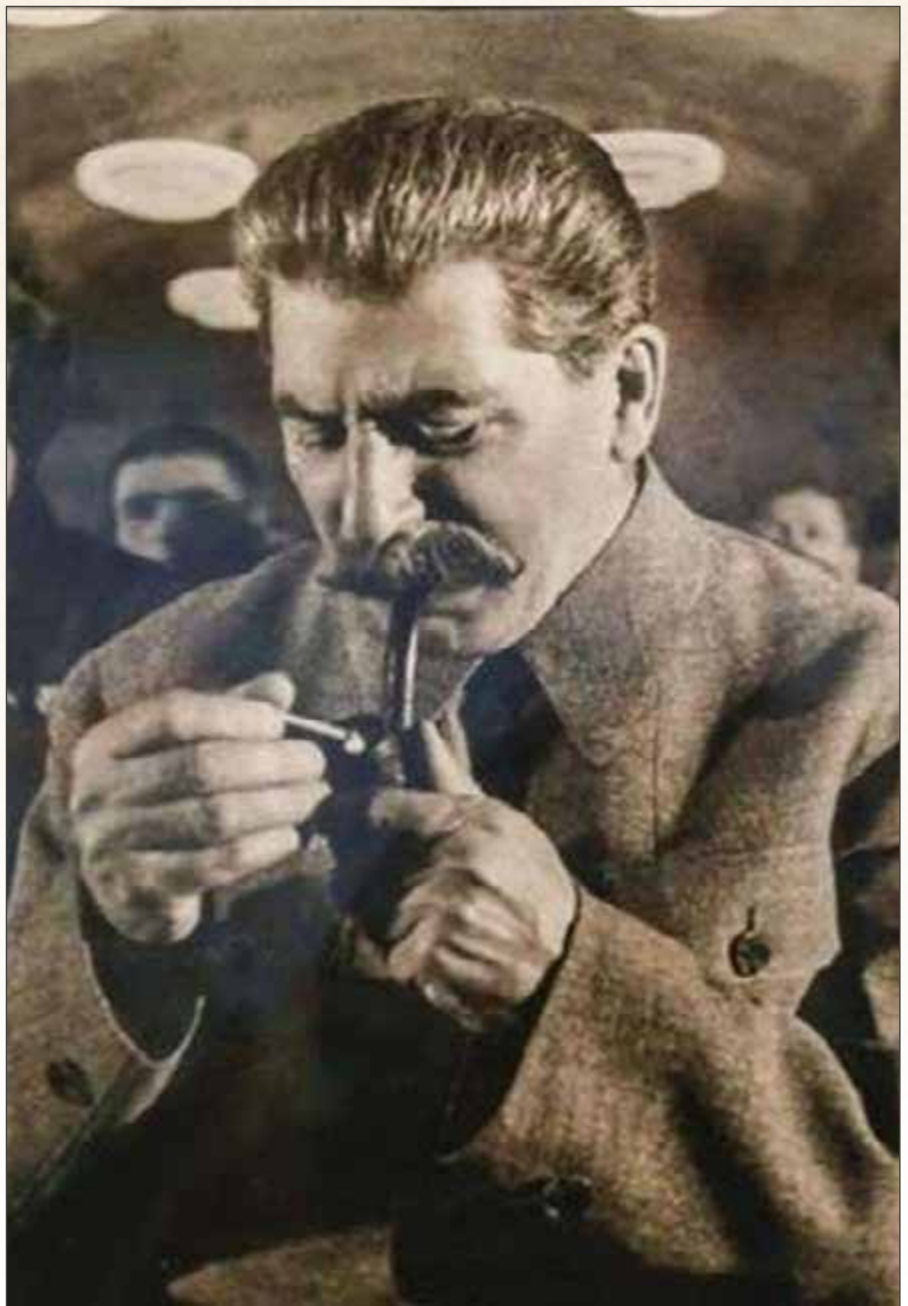
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА 1930-х ГОДОВ

В последние годы не только не утихает, а периодически усиливается охаивание всего того, что было сделано руководством СССР в 1930-е годы.

Помимо коллективизации и индустриализации, в 1936 году был принят Основной закон СССР — Конституция Союза Советских Социалистических Республик. Как бы её ни критиковали нынешние антисоветчики-русофобы, даже называя её «ширмой для проведения репрессий», тем не менее — и это признавали ранее и не могут не признать здравомыслящие люди ныне — это была по своему содержанию и смыслу самая демократичная конституция в мире. Она давала право советским людям на свободу, труд и отдых, бесплатное образование и медицинское обеспечение, свободное волеизъявление, религию. Она предоставляла людям (автор это знает по себе и всем своим знакомым) уверенность в светлом будущем, позволяла рассчитывать на то, что их личные человеческие надежды на всё хорошее сбудутся; и молодые люди смело шли на неизведанную жизненную дорогу.

Критикуемый ныне людьми различных политических взглядов, но особенно злобно русофобами И. В. Сталин впервые предпринял большие усилия закрепить в Конституции право на альтернативные свободные выборы органов советской власти, против чего ополчилась местная партийная элита (что в очередной раз повторилось в 1952 году).

Важно особо подчеркнуть, что с принятием этой конституции

▲ И.В. Сталин

И. В. Сталин как бы подвёл черту под «марксовской» теорией мировой революции. Его борьба с апологетом «мирового революционного пожара» Троцким и его пособниками (внутри страны и за её пределами) продолжалась на поприще укрепления государства российского в форме Союза ССР. Это уже государство, а не только пролетарская революция; государство — наследие Великой России, находящееся во враждебном окружении. Великая страна великого народа, которую необходимо укреплять и быть готовым надёжно защищать от вечных врагов — особенно с запада, да и с востока тоже.

Враждебное внешнее окружение крайне негативно вклинилось и повлияло на острейшую внутреннюю борьбу и в высших эшелонах ВКП(б), и среди военного руководства. Ведь, нередко принципиально расходились мнения о том, как строить не «мост», а совершенно новое государство, причём в такой огромной стране!

В острейшей борьбе, по существу в схватках, тем более на фоне происходящих случайных (или нет?) убийств типа убийства С. Кирова, ближайшего и в течение многих лет самого верного соратника И. Сталина, обстановка нагнетается до такой степени, когда действия обеих сторон становятся мало контролируруемыми. К тому же масла в огонь подливают не в меру угодливые мало интеллектуальные люди, облачённые властью (типа Ягоды, Ежова, партийных бонз — Хрущева, Кагановича и иже с ними).

Помимо острой политической борьбы между различными группировками весьма негативную роль, надо полагать, сыграл и скоропалительный приём в партии. Новых членов по так называемому «ленинскому призыву», после смерти В. И. Ленина. Всего за один год — с апреля 1924 г. по май 1925 г. — численность РКП(б) увеличилась более чем вдвое — с 386 тыс. до 780 тыс. членов. Конечно, среди них было немало большевиков — настоящих борцов за светлое будущее, чей

Ф.И. ЛАДЫГИН (1937-2021), генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (1992-1997), Почётный академик Академии военных наук, ветеран военной разведки.

обобщающий образ создан знаменитым актером Е. Урбанским в кинофильме «Коммунист». Но среди «призванных», как свидетельствуют многие исследователи-историки, было большое количество в идеологическом отношении недостаточно выдержанных, «политнеграмотных» и попросту безграмотных людей, легко поддающихся различным влияниям. В этом призыве не могли оказаться и те, кто в первые, послереволюционные годы поддался наваянному «Марсельезой» неиз-

менному лозунгу «грабь награбленное», что не сочетается с понятием борца за светлое будущее.

В 30-е годы такое качество партийных рядов, набранных по «призыву», не могло не сказаться на масштабах и качестве «чистки партии», сопровождавшейся необоснованными репрессиями в отношении и самих «призывников», но особенно в отношении так называемой старой дореволюционной «ленинской гвардии» (что является условным понятием, поскольку в эту гвардию

▲ Троцкий Л.Д.

▲ Каганович Л.М.

включают лидеров различных оппозиционных группировок).

Несомненно, беззаконие, прикрывавшееся судилищами троек, гибель десятков, сотен тысяч людей не могут быть оправданы. Но и жонглировать человеческими смертями безвинно убиенных людей в угоду своим личным политическим амбициям — не меньше кощунство над их памятью, чем оправдание совершённых преступлений.

Ведь нынешние злобствующие антисталинисты-антисоветчики доводят число жертв репрессий только 1930-х годов до десятков миллионов. При этом умышленно умалчиваются (русофобствующих антисталинистов не устраивают!) официально зафиксированные комиссией А. Н. Яковлева (не меньшего антисоветчика-антисталиниста), созданной в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 декабря 1992 года № 1509 сле-

дующие данные: всего «...в период с 1921 по 1953 год за так называемые контрреволюционные преступления было арестовано 5 951 364 человека, из них осуждено судебными и внесудебными («тройками», «двойками», «особыми совещаниями») органами к различным наказаниям 4 060 306 человек, в том числе к смертной казни 799 455 человек».

Продолжает (со злым для народа нашей страны умыслом) муссироваться вопрос о «расправе» над беспричинно репрессированными крупными советскими военачальниками во главе с маршалом Тухачевским, с которыми «Сталин быстро расправился». Ярые антисталинисты ранее утверждали, что военачальники якобы оговорили себя в подготовке заговора, т.к. их показания якобы были получены под пытками в застенках НКВД. Сторонники Сталина утверждали

и продолжают утверждать, что никакого физического воздействия против арестованных военачальников не было, о чём свидетельствуют все материалы следствия и судебных заседаний. В настоящее время антисталинисты также согласны с тем, что, судя по материалам следствия, к обвиняемым пытки не применялись, и они действительно давали показания о готовившемся ими заговоре против Сталина.

Причиной для заговора будто бы были имеющиеся у заговорщиков данные о том, что Сталин якобы был в своё время тайным агентом царской охранки; для совершения заговора Тухачевскому нужно было получить согласие наркома обороны или привлечь его на свою сторону. Подтверждающие документы о «Джугашвили — тайном агенте царской охранки были уничтожены Сталиным» при раскрытии заговора. «Подтверждающие» сведения

об этом поступили в 1950-х годах от брата, сбежавшего в конце 1930-х годов на запад сотрудника иностранного отдела НКВД.

Столь длинный текст помещен здесь только для того, чтобы подтвердить абсолютно очевидные выводы: 1) заговор военачальников (Тухачевский и Ко) был, о чём арестованные без всякого воздействия на них сознались, т.к. отрицать очевидное было бессмысленно; 2) известно, что Тухачевский считал себя по интеллекту выше Сталина и продолжал оставаться тайным приверженцем Троцкого, поэтому Сталина нужно было убрать, чтобы он не мешал маршалу — «генеральному стратегу» (закончившему только пехотное училище); 3) заговор был, «тайный агент царской охранки», если и «был», то как сфабрикованный компромат.

Следует ли возмущаться тем, что И. Сталин поступил так решительно

и жестко с заговорщиками, решившими физически убрать руководителя страны и партии. Особенно если иметь в виду, что время того требовало, ибо на «благоскловенном» Западе сгустились коричневые грозовые тучи.

Следствием этого заговора была и многочисленная чистка армии и флота, выразившаяся в аресте 40 тысяч командиров разных уровней. В этом русофобы — уже не столько антисталинисты, сколько отпетые русофобы — усматривают объяснение тяжелым потерям в первые месяцы войны. Да полноте! Они, видимо, не читают и не хотят читать тех, кто говорит, что более половины из этого числа вскоре вернулись в армейский строй, блестяще воевали, некоторые стали полководцами, маршалами.

Многие критиканы Советского Союза того времени говорят, что они многосторонне размышляли

о тех событиях, но всегда приходят к одному выводу — виноват И. Сталин с его авторитарном, чуть ли не узурпаторством. Не будучи способными доказать недоказуемое, некоторые из них, не являясь психиатрами, ничтоже сумняшеся, заявляют, что Сталин — параноик («это мол, по портрету видно»).

Ни в какой мере не оправдывая репрессии, тем более в отношении безвинных жертв, но касательно заговорщиков (Тухачевский и Ко) выскажу абсолютно личное. Антисталинистам, вероятно, никогда в голову не приходила следующая простая мысль. Иосиф Джугашвили — Сталин всю свою жизнь положил на алтарь служения неизвестному «светлому будущему». Под его руководством неизведанными путями, методом проб и ошибок было создано Советское государство в отдельно взятой стране победившей пролетарской революции. Ему

▲ Ягода и Ежов

мешают, он при поддержке своих соратников борется с противниками первоначально мирными средствами (в том числе путём высылки из страны — Троцкий и др.), но потом, когда видит, что противники переходят к физическому уничтожению негодных им сподвижников лидера (убийство Кирова), он соглашается с предложенным ему переходом к более жестким мерам, главным образом, путём содержания в «местах не столь отделенных».

Враждебное внешнее окружение объективно диктует верховному строителю принципиально нового в социальном отношении государства необходимость отхода от идеи мировой революции в интересах сосредоточения усилий на упрочении государственной структуры и строя, что закрепляется «сталинской» Конституцией 1936 года, и завершением перехода преимущественно от аграрного уклада хозяйства к индустриальному.

Казалось бы, цель, к которой стремился он сам и всё «прогрессивное» население страны, близка. И вдруг на самой вершине этого пути возникает угроза государственного переворота с безусловным физическим уничтожением лидера. Осознание всего этого, осознание того, что вся его жизнь, всё, что он делал (не для себя — это хорошо известно даже любому антисталинисту), а во имя «светлого будущего народа и своей страны», которое станет для всего человечества «светочем мира», ошеломляет уже вождя. И кто же заговорщики? Хорошо знакомые ему военачальники, которым по его собственной инициативе всероссийский староста присваивал высшие воинские звания, с кем вчера поднимал бокалы с вином?! Реакция, естественно, была незамедлительной с самыми решительными мерами, тем более что сами заговорщики без физического воздействия на них признали предъявленные им обвинения в подготовке заговора о государственном перевороте.

А далее размышляет «ретроспективный» Сталин: не может быть, что-

▲ Хрущев Н.С.

бы относительно небольшая группа высокопоставленных военачальников рассчитывала только на свои силы? У них должны быть сообщники в армии и на флоте. Чекисты, среди которых были не только добропорядочные служители закона, но и упивавшиеся своей властью над людьми, тем более над находившимися на высоких постах, схватили десятки тысяч военачальников высокого и среднего ранга, но вскоре половина из них была признана невиновной. Многие из тех, кому вина была сфабрикована, в последующем честно служили Родине в смертельной схватке с пришедшими с Запада многонациональными полчищами злостных врагов человечества.

Изложенная попытка некой реконструкции поведения руководителя страны, строящей в 1930-е годы социализм в России, — ни в коей мере не стремление оправдания имевших в то время преступных деяний, совершенных не только и не столько И. Сталиным (не меньшие личные преступления Хрущев скрыл в 1956 году под видом «разоблачения культа личности Сталина»). Это попытка понять, почему и как происходили события того времени, чтобы не допускать их повторения в настоящем и будущем.

В частности, к числу жертв репрессий против «ленинской гвардии» могли быть отнесены и те из «старых большевиков», кто про-

должал оставаться апологетами «мировой революции» и кого выдвигенцы скоропалительного партийного призыва 1924 года, особенно попавшие в «карательные органы», представляли в качестве старых троцкистов, что с пониманием воспринималось «вождем».

И ещё об одном нужно и важно напомнить: о так называемой «пятой колонне». Из электронных СМИ и из печатных стенаний мы сейчас слышим представителей идей псевдолиберализма, русофобства, якобы «защитников свободы слова» о грядущей угрозе борьбы государства с «пятой колонной». Вы боитесь этой угрозы? Я — нет. Но она, эта «пятая колонна», была и, к сожалению, не только есть и сейчас в нашей стране, но становится всё более агрессивной.

Вряд ли подлежит хоть какому-либо порицанию то, что высшее руководство накануне войны изолировало (разными способами)

«пятую колонну» от возможного её пособничества врагу.

Да, во второй половине 1930-х годов, накануне Великой Отечественной войны, были репрессии против невинных людей, что, безусловно, подлежит осуждению и не может быть оправдано. Но были же, были... и не единичные, причем не тысячи, а десятки, если не сотни тысяч тех, кто составлял «пятую колонну». Невозможно себе представить, как развивались бы и без того драматические события 1941-1942 годов на просторах нашей страны, сохранилась эта «пятая колонна». (Хорошо известно, что в 1940 году стало с «могучей, Францией, находившейся за «непреступной» линией Мажино, где не нищенствовали и «до», и «после» 44-дневного марша гитлеровцев по «гордой» Франции их доморощенные коллаборационисты.)

В канун готовившейся на Западе войны против СССР Сталин различными методами, в том чи-

сле и жёсткими, оградил наш народ от этой опасности. Подтверждение тому — свидетельство Джозефа Дэвиса, бывшего посла США в СССР, в интервью газете «Санди экспресс» в 1941 году после нападения Германии на СССР. На вопрос: «А что Вы скажете относительно членов «пятой колонны» в России?» посол ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». И продолжил: «Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы 1935-1938 гг. являются возмутительными примерами варварства, неблагоприятности и проявления истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

▲ Дэвис Джозеф посол США, И.В. Сталин, В.М. Молотов

П.А. СУДОПЛАТОВ

БОРЬБА С ОУН НА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

▲ Судоплатов П.А.

Зарождение “холодной войны” тесно увязано с поддержкой Западом вооруженных националистических выступлений в странах Прибалтики и в Западной Украине. В основном борьбу с ними вели местные органы безопасности, но Москва держала эти операции под своим контролем, выделяя в помощь местным властям оружие и советников. Я оказался вовлеченным в водоворот событий в Западной Украине — учитывался мой опыт работы по борьбе с украинскими националистами.

Как-то летом 1946 года меня вызвали вместе с Абакумовым в Центральный комитет партии на Старой площади. Там в кабинете секретаря ЦК Кузнецова, державшегося, несмо-

тря на наше формальное знакомство, на редкость официально, я увидел Хрущева, первого секретаря компартии Украины. Кузнецов информировал меня о том, что Центральный комитет согласился с предложением Кагановича и Хрущева тайно ликвидировать руководителя украинских националистов Шумского. По сведениям МГБ Украины Шумский установил контакты с эмигрантскими кругами на Западе, вел закулисные интриги, с тем чтобы войти в состав формируемого в эмиграции временного правительства — Украинскую Головную Вызвольную Раду. Было известно также, что в разговоре со своими друзьями он проявлял неуважение по отношению к Сталину, позволял оспаривать мнение Стали-

на о себе и выдвигал свою версию обсуждения со Сталиным вопроса о составе украинского правительства в конце 20-х — начале 30-х годов. Шумский пользовался известностью в националистических кругах как человек, подвергшийся еще в начале 30-х годов репрессиям в ходе внутривластной борьбы. Его имя предавалось анафеме на всех партийных съездах в республике, а на свободе он оказался лишь потому, что был частично парализован и его пришлось по состоянию здоровья выпустить из тюрьмы.

Шумский имел глупость, находясь в ссылке в Саратове, вступить в контакт с украинскими деятелями культуры в Киеве и за рубежом. По словам Кузнецова, он явно переоценил свой авторитет среди украинских эмигрантов и обратился с дерзким письмом к Сталину, угрожая покончить с собой, если ему не разрешат вернуться на Украину. Хрущев, со своей стороны, добавил, что, по имеющимся у него сведениям, Шумский уже купил билет на поезд и намерен вернуться на Украину, чтобы организовать вооруженное националистическое движение или бежать за границу и войти в состав украинского правительства в эмиграции.

На это Абакумов заметил, что, поскольку я являюсь специалистом по украинским делам, мне следует проследить связи Шумского с националистическим подпольем и украинскими эмигрантами. Абакумов также сказал, что направит в Саратов спецгруппу, чтобы ликвидировать Шумского, а в мою задачу входит устроить так, чтобы его сторонники не догадались, что его ликвидировали. Майроновский, в то время начальник токсикологической лаборатории МГБ,

П.А. СУДОПЛАТОВ, генерал-лейтенант, в 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время войны начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ, после Победы возглавлял особую группу МГБ, был заместителем начальника Первого (разведывательного) главного управления МГБ.

был срочно вызван в Саратов, где в больнице лежал Шумский. Яд из его лаборатории сделал свое дело: официально считалось, что Шумский умер от сердечной недостаточности. Кстати, установить его зарубежные связи нам так и не удалось. В Москве этой операции придали небывалое значение. В Саратов выезжали заместитель министра МГБ Огольцов, которому подчинялся Майрановский, и лично знавший Шумского Каганович.

Наши заверения Рузвельту накануне Ялты в том, что советские граждане пользуются свободой вероисповедания, вовсе не означали конца проти-

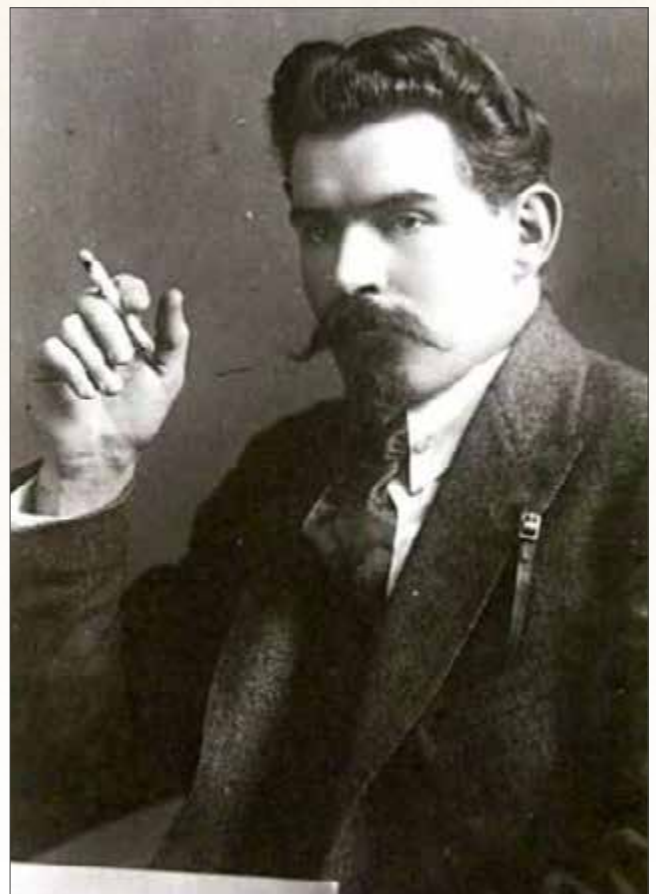
воборства с украинскими католиками, или униатами. Григулевич, наш агент в Риме, получивший костариканское гражданство и ставший после войны послом Коста-Рики в Ватикане и Югославии, информировал нас о том, что Ватикан намерен занять твердую позицию по отношению к Москве из-за преследований украинской католической церкви.

Что касается самой униатской церкви, то она находилась в весьма своеобразном положении: подчиняясь Ватикану, униаты проводили богослужение на украинском языке. Возглавлял церковь митрополит

Андрей Шептицкий, польский граф и бывший офицер австрийской армии. Главой украинских униатов он был назначен папой еще перед первой мировой войной и ради церкви пожертвовал военной карьерой. Во время первой мировой войны он сотрудничал с австрийской разведкой, был арестован царской военной контрразведкой и сослан, а в 1917 году освобожден Временным правительством и вернулся во Львов, где была создана украинская военная националистическая организация во главе с полковником Коновальцем.

▲ Митрополит А. Шептицкий

▲ Шумский А.Я.

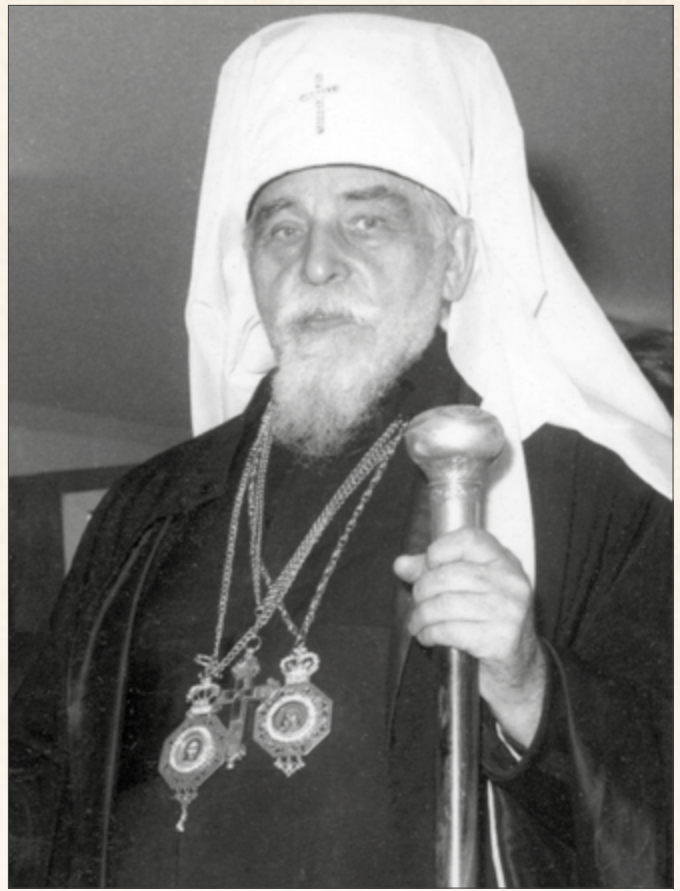

▲ Григулевич И.Р.

В 1941 году, когда началась война, и Львов оккупировали немцы, Шептицкий послал поздравления от униатской церкви Гитлеру, надеясь на освобождение Украины от большевиков. Он зашел так далеко, что даже благословил созданную в ноябре 1943 года дивизию СС "Галичина", специальное украинское формирование, находившееся под командованием офицеров немецкого гестапо. Дивизия присягнула на верность Гитлеру и использовалась для карательных акций против мирного населения и евреев, которых уничтожали на Украине, в Словакии и Югославии. Капелланом дивизии Шептицкий назначил архиепископа Иосифа Слипого.

Отдельные подразделения этой дивизии попали в плен к англичанам в Италии и Австрии, а в мае 1947 года командиры этих подразделений были посланы в Англию. В 1951 году "Интеллидженс сервис" использовала их как агентов-дивер-

▲ Иосиф Слипый

сантов и забросила в Западную Украину на парашютах, где они должны были возглавить движение сопротивления.

В 1944 году Шептицкий был уже стар и находился при смерти. Заботясь о судьбе украинской униатской церкви, он, проявив мудрость, направил миссию в Москву, включавшую его младшего брата, архиепископа Иосифа Слипого и архиепископа Гавриила Костельника. Они через Президиум Верховного Совета попросили принять их Патриарха Русской православной церкви, которая никогда не была в хороших отношениях с униатами. Президиум Верховного Совета, однако, направил делегацию в НКВД, чтобы прояснить вопрос о сотрудничестве руководства униатской церкви с немцами. Мне и генералу Мамулову, начальнику секретариата НКВД, было приказано принять украинскую церковную делегацию. К их удивлению, я на западно-украинском диалекте изложил им

данные о сотрудничестве руководства униатской церкви с немцами и, как мне было приказано, заверил их, что, если они раскаются и выяснится, что иерархи церкви сами лично не совершили военных преступлений, преследовать их не будут.

Последующие события развивались трагически. После смерти митрополита Александра Шептицкого, в 1945 году среди униатских священнослужителей разгорелся ожесточенный конфликт. Дело в том, что внутри униатской церкви давно существовало сильное движение за объединение с православной церковью. Те священники в окружении Александра Шептицкого, которые противостояли такому союзу, оказались серьезно скомпрометированными своим сотрудничеством с немцами. Архиепископ Гавриил Костельник, высказавшийся на протяжении почти трех десятилетий за объединение с православной церковью, стал во главе этого движения. Приходилось часто

слышать, будто он является агентом НКВД, но это утверждение не имеет под собой никаких оснований. В действительности двое его сыновей были вовлечены в движение бандеровцев и оба погибли в боях с частями НКВД. В 1946 году Костельник собрал конгрегацию униатских священнослужителей, проголосовавших за воссоединение с православной церковью. Архиепископ Гавриил Слипый был арестован и сослан. Воссоединение нанесло решающий удар по украинскому партизанскому националистическому движению под руководством Бандеры — ведь большинство их командиров было из семей униатских священников.

Из всех сил стремясь сохранить националистическое движение, Бандера прибегнул к террору, ставшему повседневным явлением в жизни Западной Украины. Местные власти, по существу, потеряли контроль над сельской местностью. Вожаки-националисты запрещали молодежи идти на призывные пункты для службы в Красной Армии; люди Бандеры вырезали семьи призывников и сжигали их дома, пытаясь установить власть ОУН над сельскими территориями. Убийство Костельника

на ступенях Львовского собора, когда он выходил после службы, стало кульминацией кампании террора. Убийца был окружен толпой верующих и застрелился; его опознали — им оказался член террористической группы, руководимой заместителем Бандеры Шухевичем, семь лет возглавлявшим украинское подполье. Во время войны Шухевич имел чин гаупт-штурмфюрера и был одним из командиров карательного батальона "Nachtigal". Командовали батальоном в основном немцы, а состоял он из бандеровцев. После массового расстрела в июле 1941 года во Львове евреев и многих представителей польской интеллигенции бандеровцы провозгласили создание правительства независимой Украины во главе с Стецко.

Однако немецкие власти немедленно разогнали это правительство. Ряд политических деятелей ОУН были интернированы, в том числе и Бандера. Гитлер рассматривал оуновское движение лишь как полицейскую силу в установлении германского господства на славянской территории. Немцы поддерживали украинский национализм только в создании местных органов управ-

ления под своим контролем и вплоть до 1944 года категорически не признавали ОУН как политическую силу.

Позднее, в 1945 году, часть батальона "Nachtigal" волилась в элитное карательное подразделение вооруженных сил фашистской Германии — дивизию "Галичина".

Полученная нами в 1947 году информация из-за рубежа о том, что Ватикан ищет поддержки американских и английских властей для оказания помощи униатской церкви и тесно связанным с ней бандеровским формированиям, была передана не только Сталину и Молотову, но и Хрущеву, первому секретарю ЦК компартии Украины. Хрущев обратился к Сталину с просьбой разрешить ему тайно ликвидировать всю униатскую церковную верхушку в бывшем венгерском городе Ужгороде. В письме, направленном в два адреса — Сталину и Абакумову, — Хрущев и Савченко, министр госбезопасности Украины, утверждали, что архиепископ украинской униатской церкви Ромжа активно сотрудничает с главарями бандеровского движения и поддерживает связь с тайными эмиссарами Ватикана, которые ведут активную борьбу с советской влас-

▲ Хрущев Н.С.

▲ Ромжа Теодор

▲ Савченко С.Р.

▲ Майрановский Г.М.

тью и оказывают всяческое содействие бандеровцам. Они писали также, что Ромжа и его группа представляют серьезную угрозу для политической стабильности в регионе, недавно вошедшем в состав Советского Союза.

Кроме того, Хрущев знал, что Ромжа располагает информацией о положении в руководящих кругах Украины и планировавшихся мероприятиях по подавлению украинского националистического движения. Сведения поступали от монашеского унияток, находившихся в тесном контакте с женой Туреницы, первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома. Оба поста он занимал одновременно и пользовался большим уважением и любовью населения. На лозунгах и транспарантах, развешанных в Ужгороде к ноябрьским праздникам, было написано: "Да здравствует 30-я годовщина Октябрьской революции и Иван Иванович Туреница!"

Информация об обстановке в украинском руководстве через Ромжу просачивалась за границу, а оттуда бумерангом в Москву. Все

это создавало реальную опасность для Хрущева. Не справившись с ситуацией, Хрущев выступил инициатором тайной физической расправы с Ромжей.

Министр госбезопасности СССР Абакумов показал мне письмо Хрущева и Савченко и предупредил: не оказывать украинским органам госбезопасности никакого содействия в этой акции до получения прямого указания Сталина.

Сталин согласился с предложением Хрущева, что настало время уничтожить "террористическое гнездо" Ватикана в Ужгороде.

Однако нападение на Ромжу было подготовлено плохо: в результате автомобильной аварии, организованной Савченко и его людьми, Ромжа был только ранен и доставлен в одну из больниц Ужгорода. Хрущев запаниковал и снова обратился за помощью к Сталину. Он утверждал, что Ромжа готовился к встрече с высокопоставленными связными из Ватикана.

Я выехал в Ужгород со своей группой, чтобы выявить связи и кон-

такты Ромжи, потому что лично знал все руководство украинских националистов с того времени, когда был внедрен в штаб-квартиру ОУН.

В Ужгороде я провел почти две недели. В это время мне позвонил Абакумов и сказал, что через неделю в Ужгород приезжают Савченко и Майрановский, начальник токсикологической лаборатории, с приказом ликвидировать Ромжу. Савченко и Майрановский рассказали мне, что в Киеве на вокзале, в своем железнодорожном вагоне, их принял Хрущев, дал четкие указания и пожелал успеха. Два дня спустя Савченко доложил Хрущеву по телефону, что к выполнению операции все готово, и Хрущев отдал приказание о проведении акции. Майрановский передал ампулу с ядом кураре агенту местных органов безопасности — это была медсестра в больнице, где лежал Ромжа. Она-то и сделала смертельный укол.

В результате этой операции Савченко получил повышение, через год его перевели в Москву и назначили заместителем Молотова в Комитете информации...

▲ Селивановский Н.Н.

В ноябре 1949 года украинский писатель Ярослав Галан, который яростно разоблачал связи украинских иерархов униатской церкви с гитлеровцами и Ватиканом, был зарублен гуцульским топориком в своей квартире во Львове.

После ликвидации Ромжи, примерно год, у меня не было никаких контактов с Абакумовым, но однажды около четырех часов утра раздался телефонный звонок.

— В десять будьте готовы для выполнения срочного задания. Вылет из Внукова.

В аэропорт я прибыл вместе с Эйтингоном, который провожал меня. Здесь уже ждал генерал-лейтенант Селивановский, заместитель Абакумова. Лишь когда мы подлетали к Киеву, он сказал: конечная цель нашего пути — Львов. Однако густой туман помешал самолету приземлиться во Львове, и он вернулся в Киев, откуда мы уже поездом выехали во Львов. По дороге Селивановский рассказал о злодейском убийстве Галана бандеровцами. Товарищ Сталин, по его словам, крайне неудовлетворен работой органов безопасности по борьбе

с бандитизмом в Западной Украине. В этой связи мне приказано сосредоточиться на розыске главарей бандеровского подполья и их ликвидации. Это было сказано непререкаемым тоном. Мне стало ясно: мое будущее ставилось в зависимость от выполнения этого задания.

Во Львове мы сразу же попали на партактив, который проводил Хрущев, специально прибывший из Киева, чтобы взять под личный контроль розыск убийц Галана. На совещании у меня с Хрущевым возник спор. Он был явно не в духе: над ним висела угроза сталинской опалы из-за того, что не удалось положить конец разгулу бандитизма в Западной Украине. Я еще больше вывел его из себя, когда возразил против предложения ввести для жителей Западной Украины специальные паспорта. Хрущев также предложил мобилизовать молодежь на работу в Донбасс и на учебу в фабрично-заводские училища Восточной Украины и таким своеобразным методом лишить бандеровские формирования пополнения. Я твердо заявил, что введение особых паспортов и фактическое переселение молодежи, с тем, чтобы оборвать всякую связь с националистически настроенными родителями и друзьями, — явная дискриминация; это может еще больше ожесточить местное население. Что касается молодежи, то, уклоняясь от насильственной высылки, она наверняка уйдет в леса и вольется в ряды вооруженных бандитских формирований. Хрущев раздраженно сказал, что это не мое дело, поскольку моя задача сводится к одному — обезглавить руководство вооруженного подполья, а другие вопросы будут решать те, кому положено.

Мое вмешательство, однако, оказалось весьма своевременным, и идея насчет специальных паспортов была похоронена, а планы мобилизации молодежи осуществились частично — только на учебу в ФЗУ. Объявленная вскоре амнистия распространялась на тех, кто соглашался добровольно сдать оружие в отделение милиции или в местные органы безопасности: этот шаг оказался особенно эффективным, и уже в первую неделю нового,

▲ Шухевич

1950 года оружие сдали восемь тысяч человек. В подавляющем большинстве их действительно не преследовали. Кстати, как нам удалось выяснить, из этих восьми тысяч примерно пять составляли молодые люди от пятнадцати до двадцати лет, которые бежали из дома в банды после того, как прослышали насчет принудительного труда на шахтах Донбасса

По нашим сведениям, вооруженное сопротивление координировалось также Шухевичем. С 1943 по 1950-й год он возглавлял бандеровское подполье на Украине. Этот человек обладал незаурядной храбростью и имел опыт конспиративной работы, что позволило ему еще и через семь лет после ухода немцев заниматься активной подрывной деятельностью. В то время как мы разыскивали его в окрестностях Львова, он находился в кардиологическом санатории на берегу Черного моря под Одессой. Потом, как нам стало известно, он объявился во Львове, где встретился с несколькими видными деятелями культуры и даже послал венок от своего имени на похороны одного из них. Его рискованный жест вызвал разговоры в городе, и наш агент, бывшая актриса театра "Березиль" в Харькове, писавшая для "Известий", подтвердила присутствие Шу-

▲ Туреница И.И.

хевича в районе Львова. Нам, в свою очередь, удалось установить личность четырех его телохранителей-женщин, которые одновременно были и его любовницами.

В то время вооруженное сопротивление советской власти пользовалось поддержкой населения, проживавшего в районе Львова. Вместе с Лебедем, в прошлом крупным деятелем ОУН, мы отправились в глухую деревню на Львовщине. Там разыскали родственников Лебеда — двое его племянников руководили местной бандитской группой. Ранее двоюродный брат Лебеда был застрелен бандеровцами за то, что согласился стать председателем колхоза, хотя им было прекрасно известно, что его дочь и двое сыновей — активные участники антисоветского подполья. Лебедь хотел убедить их отказаться от вооруженной борьбы. Дочь застреленного председателя колхоза, несмотря на потрясение, считала гибель отца возмездием за то, что он пошел на сотрудничество с советской властью.

Во Львове я оставался полгода — развязка хоть и была неизбежной, но, как это часто бывает, все равно оказалась неожиданной. Шухевич слишком уж полагался на свои старые связи военного времени и ослабил бдитель-

ность. Между тем мы вышли на семью Горбового, адвоката и влиятельного участника бандеровского движения. Как оказалось, Горбовой и его семья хотели идти на компромисс с советской властью и не желали лично участвовать в убийствах. Я сумел найти подход к Горбовому и его друзьям и предложил от имени советского руководства: войну нужно как можно скорее закончить и вернуть людей к нормальной жизни. Я обещал хлопотать об освобождении племянницы Горбового из лагеря в России, куда ее отправили только за то, что она была его родственницей. Свое обещание я сдержал — после моего звонка лично Абакумову племянницу Горбового тут же освободили и на самолете доставили во Львов.

В ответ Горбовой указал нам места, где мог скрываться Шухевич. К тому времени нам удалось перетянуть на свою сторону и связного Шухевича, игрока местной футбольной команды "Динамо". Горбовой и его единомышленник академик Крилякевич, сын которого активно участвовал в бандеровском движении, раскаялись и публично заявили об ошибочности своих политических взглядов; они не были репрессированы.

Шухевич между тем совершил еще одну роковую ошибку. Когда в доме,

где он жил с одной из своих телохранительниц, Дарьей Гусяк, появился милиционер для обычной проверки документов, нервы его сдали. Шухевич застрелил милиционера, и все трое — он сам, Дарья и ее мать — бежали. Наши поиски привели в глухую деревушку, где мы нашли только мать Дарьи. Шухевича там не было, но присутствие этой женщины указывало, что далеко уйти он не мог. Позднее, когда Дарья была арестована, она показала, что умалила Шухевича не убивать мать: у нее был деревянный протез, и он боялся, что с ней будет трудно бежать. Тогда-то они и оставили ее в деревне.

Наша группа по захвату Шухевича расположилась в доме, где жила мать Дарьи. Довольно скоро там появилась молодая симпатичная студентка-медичка из Львова, племянница Дарьи. Она приехала повидаться с родными и выступить, как она сказала, по поручению институтского комитета комсомола с беседами о вреде национализма. Во время нашего дружеского разговора (я представился новым заместителем председателя райисполкома), отвечая на мой осторожный вопрос, где находится сейчас ее тетя, девушка ответила, что она живет в общежитии ее института и время от времени навещается в Лесную академию, куда собирается вскоре поступать.

Группа наружного наблюдения быстро установила, в какую «академию» ходит Дарья: она совершала регулярные поездки в деревню под Львовом, где часами оставалась в кооперативной лавке. Это заставило нас предположить, что там в это время бывает Шухевич. К несчастью, молодые офицеры, проводившие слежку в марте 1950 года, были малоопытными и для прикрытия пытались за ней ухаживать. Когда лейтенант Ревенко протянул Дарье руку и сказал по-украински, что хотел бы поближе познакомиться с такой очаровательной женщиной, она почувствовала ловушку и, недолго думая, в упор застрелила его. Ее тут же схватили, но не мои люди, а местные жители, ставшие свидетелями совершенного на их глазах убийства.

Моим людям удалось отбить ее от толпы и отвести в местное отделение МГБ. Через полчаса старший группы, мой ближайший помощник, был уже там, он немедленно приказал распустить на базаре слух, что женщина убила лейтенанта и застрелилась на любовной почве. Дарья была надежно изолирована, а я, генерал Дроздов и двадцать оперативников окружили сельпо, чтобы блокировать возможные пути бегства Шухевича. Дроздов потребовал от Шухевича сложить оружие — в этом случае ему гарантировали жизнь.

В ответ прозвучала автоматная очередь. Шухевич, пытаясь прорвать кольцо окружения, бросил из укрытия две ручные гранаты. Завязалась перестрелка, в результате которой Шухевич был убит.

После смерти Шухевича движение сопротивления в Западной Украине пошло на убыль и вскоре затихло. Нам удалось выяснить, что Шухевич создал весьма опасную агентурную сеть. За полгода до описываемых событий, в июне 1949 года, Дарья, как оказалось, две недели жила в Москве в гостинице «Метрополь» по паспорту на чужое имя. У нее в номере хранились взрывные устройства. В течение этих двух недель она неоднократно посещала Красную площадь в поисках подходящей «мишени». Предполагалось, что этот взрыв произведет впечатление на Западе и ОУН получит финансовую поддержку.

Архивные материалы бандеровского движения были тайно вывезены националистами из Львова в Ленинград и спрятаны в отделе редких рукописей Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Крах украинской «эпопеи» наступил через год. Чекистским органам и лично Хамазюку, оперативнику из моей группы, удалось заслать агента в сохранившийся еще отряд бандеровцев, перебравшийся к тому времени с Украины в Чехословакию, а оттуда в Германию. Британская разведка, выйдя на этих людей, перевезла их в Англию для обучения подрывной деятельности. Наш человек был представлен бандеровцам как один из близких к Шухевичу активистов.

▲ Матвиейко

Находясь в Мюнхене, он поддерживал с нами контакты, но как только группа перебралась в Англию, мы решили пока не рисковать и не выходить с ним на связь. Оуновские вожаки за рубежом сильно тревожились из-за отсутствия радиосвязи с Шухевичем. Они, поддерживаемые англичанами, решили направить на Украину начальника оуновской службы безопасности Матвиейко. Ему поручалось узнать о судьбе молчавшего Шухевича и активизировать подпольное движение. Мы дали указание нашему агенту отправить зашифрованную открытку в Германию по указанному адресу с сообщением о маршруте группы Матвиейко. Предполагалось, что эмиссары Бандеры высадутся в районе города Ровно. Наша служба противовоздушной обороны получила указание не сбивать британский самолет, который и должен был, взяв группу Матвиейко, лететь с Мальты, а затем сбросить всех на парашютах под Ровно. Это было сделано не только с целью защиты нашего агента, находившегося в составе группы диверсантов, но и потому, что мы намеревались захвалить всех живыми.

Членов группы тепло встретили на явочной квартире люди Райхмана, заместителя начальника контрразведки, искусно сыгравшие роль подпольщиков, которых рассчитывал застать там Матвиейко. После выпивки — в спиртное было подмешано снотворное — “гости” мирно уснули и проснулись уже во внутренней тюрьме областного управления МГБ.

Все это происходило в мае 1951 года. В три часа ночи в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил секретарь Абакумова: мне надлежало срочно явиться в кабинет министра. У Абакумова шел допрос Матвиейко, который проводили сам министр и его заместитель Питовранов. Вначале я выступил в роли переводчика поскольку Матвиейко говорил только на западно-украинском диалекте. Допрос продолжился два часа. Затем Абакумов приказал мне самому заняться Матвиейко. Я работал с ним примерно месяц. Это были не допросы, а беседа, то есть протоколы не велись. Наши беседы проходили в кабинете начальника внутренней тюрьмы Миронова, где Матвиейко имел возможность даже смотреть телевизор. Помню, как его поразила опера “Богдан Хмельницкий” на украинском языке. Этот спектакль шел в рамках декады украинского искусства в Москве. Ни в Польше, ни в Западной Украине Матвиейко никогда не бывал на оперных спектаклях, исполнявшихся на его родном языке. Ему это казалось невероятным, и чтобы убедить его окончательно в подлинности увиденного, я взял Матвиейко с собой в театр на украинскую декаду, правда, в сопровождении “эскорта”.

После бесед со мной он убедился: кроме, быть может, фамилий нескольких второстепенных агентов, нам, по существу, было известно все об украинской эмигрантской организации и бандеровском движении. Он был потрясен, когда я стал излагать биографии всех известных ему руководителей украинских националистов, приводить подробности их личной жизни, рассказывать об их взаимных расправах. Заверив Матвией-

ко, что не собираюсь его вербовать, я объяснил: самое главное для нас — прекратить вооруженную борьбу в Западной Украине. С разрешения Абакумова я позвонил Мельникову, первому секретарю компартии Украины, сменившему на этом посту Хрущева, и попросил принять Матвиейко в Киеве и показать ему, что Украина, и в частности Западная Украина, — это не оккупированная русскими территория, а свободные земли, где живут свободные люди.

С Матвиейко я больше не встречался. В Киеве его поместили на конспиративной квартире под домашний арест, при этом дали возможность свободно передвигаться по городу. Затем его перевели во Львов, где он жил в особняке. Оттуда он и сбежал. Какой тут поднялся переполох в Киеве и Москве! Был объявлен всесоюзный розыск. Министр госбезопасности Украины немедленно приказал арестовать всех, кто отвечал за охрану Матвиейко. Оказалось, что ушел он весьма просто: вышел из ворот особняка, попрощался с охранником, который за прошедшие десять дней привык к тому, что Матвиейко свободно приходит и уходит (правда, в сопровождении офицеров госбезопасности), и не остановил его, хотя никакого сопровождения на сей раз не было.

Эти дни он жил на квартире своего старого знакомого, не связанного с бандеровцами. Матвиейко сказал ему, что приехал из Москвы по делам и поживет у него недолго. За это время он обошел бандеровские явки и проверил Львовские связи, о которых не дал никаких показаний в Москве. К своему ужасу, он обнаружил, что их агентурная сеть не существует: два адреса оказались неверными, а люди, связанные с подпольем, были вымышленными. Все это было фантазии составителей отчетов о дутых успехах бандеровского движения, посыпавшихся в штаб-квартиры ОУН в Лондоне и Мюнхене. Матвиейко был достаточно опытным разведчиком, чтобы понять: оставшиеся явки наверняка находятся под наблюдением советской контрразведки, их сохранили

только для того, чтобы использовать в качестве ловушек для незадачливых визитеров из-за рубежа.

Через три дня Матвиейко сам сдался органам безопасности во Львове. На пресс-конференции, устроенной украинским руководством, он выступил с осуждением бандеровского движения. Используя свой авторитет, Матвиейко призвал эмиграцию и оуновцев, сражавшихся в бандитских отрядах, к примирению. Впоследствии он начал новую жизнь — работал бухгалтером, женился, вырастил троих детей и мирно скончался в 1974 году.

История с Матвиейко приобретает новое звучание в свете провозглашения украинской независимости. На Западе никогда не отдавали себе отчета в том, что после революции 1917 года Украина впервые в своей истории обрела государственность в составе Советского Союза. Подлинный расцвет наступил в национальном искусстве, литературе, системе образования на родном языке, что совершенно невозможно было представить ни при царизме, ни при австрийском и польском господстве в Галиции.

Украинских партийных руководителей в отличие от их коллег из других союзных республик в Москве всегда встречали с особым почетом, и они оказывали существенное влияние на формирование внутренней и внешней политики кремлевского руководства. Украина была постоянным резервом выдвижения кадров на руководящую работу в Москве. Украинская компартия имела свое политбюро, чего не было ни в одной республике, состояла членом Организации Объединенных Наций. Да, до 1992 года Украина не являлась полностью независимым государством, но я по-прежнему считаю себя украинцем — одним из тех, кто в какой-то мере способствовал созданию того положения, какое она приобрела в рамках Советского Союза. Вес, который имела Украина, укрепление ее престижа в СССР и за рубежом стали прелюдией к обретению ею совершенно нового статуса независимого государства после распада Советского Союза. ■

Н.Ф. ЧЕРВОВ

ПЕРЕКРАИВАНИЕ СОЮЗОВ

▲ Иден Э., Майский И.М.

Довоенная Европа была тяжело больна тоталитаризмом и перенаселена диктаторами. Зараза тоталитаризма, неравномерность экономического и политического развития капиталистических государств, обострение непримиримых противоречий между ними, их борьба за новый передел мира и сфер влияния явились основными причинами возникновения Второй мировой войны. Хотя зачинщиками ее были агрессивные государства (Германия, Италия, Япония), но ответственность за подготовку и развязывание этого вселенского военного пожара ложится также и на руководящие круги США, Англии и Франции. Они вскормили и породили агрессоров.

Подготовка и развязывание войны резко ускорились с установлением в январе 1933 г. фашистской диктатуры в Германии, подписанием в 1936 г. антикоминтерновского пакта, к которому в 1937 г. присоединилась Япония. Этот реакционнейший сговор был направлен прежде всего против СССР.

В этой обстановке Советский Союз был единственным государством в мире, заявившим со всей прямотой и точностью: «Гитлер — это война». Учитывая нарастающую военную угрозу, Советское правительство 12 декабря 1938 г. приняло решение о разворачивании борьбы за коллективную безопасность, как единственное практическое сред-

ство предотвращения войны. Конкретным шагом в этой области было предложение о заключении Восточного пакта о взаимной помощи государств, которые стремились противодействовать агрессии фашистской Германии. Предполагалось, что члены пакта должны были оказывать всяческую помощь, включая военную, тому из них, кто подвергнется нападению.

Советские руководители прилагали максимум усилий, чтобы убедить англичан и французов выступить единым фронтом и преградить путь немецко-фашистской агрессии. В качестве примера приведу на этот счет беседу Сталина с Иденом 29 марта 1935 г.

Н.Ф. ЧЕРВОВ (1922-2013), генерал-полковник, участник Великой Отечественной войны с ноября 1941 по май 1945 г. Прошел путь от командира стрелкового отделения до командира стрелкового батальона. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба. С 1969 по 1990 г. проходил службу в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР. С 1979 г. начальник Договорно-правового управления Генерального штаба. Участвовал в разработке позиций по вопросам ограничения и сокращения вооружений, обеспечения безопасности. Кандидат военных наук, доцент. Автор трудов по истории военного искусства, истории международных отношений и др.

▲ Н.Ф. Червов

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ И. В. СТАЛИНА И В. М. МОЛОТОВА С ЛОРДОМ — ХРАНИТЕЛЕМ ПЕЧАТИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИДЕНОМ

*Беседа записана
И. М. Майским. Публикуется
впервые.
29 марта 1935 г.*

«Визит происходил в Кремле, в кабинете т. Молотова. Присутствовали: тт. Сталин, Молотов, Литвинов, Майский, а со стороны Англии — Иден, английский посол

Чилстон и начальник секции Лиги Наций в британском министерстве иностранных дел Стрэнг. Вся беседа продолжалась около часа с четвертью.

После первых приветствий беседа начал Иден. Сказал он примерно следующее:

Иден. От имени британского правительства считаю своим долгом выразить благодарность за то, что мне предоставлена возможность сегодня встретиться с руководителями Советского государства. Я полагаю, что такой личный контакт между представителями британского и Советского правительств будет способствовать лучшему взаимному пониманию между ними, а также делу улучшения

англо-советских отношений и укрепления всеобщего мира. Политика британского правительства есть политика мира. Она тесно связана с Лигой Наций и базируется на принципах Лиги Наций. Британское правительство верит, что и СССР ведет политику мира. Кроме того, он является также членом Лиги Наций. Это создает предпосылки для сотрудничества между обеими странами в области внешнеполитической. Я пользуюсь также случаем рассеять одно недоразумение, которое, по-видимому, имеет широкое хождение в СССР. Многие в вашей стране думают, будто бы британское правительство занимается какими-то интригами против СССР и натравливанием на СССР других стран. От имени британского правительства я должен со всей решительностью заявить, что данное подозрение ни на чем не основано. Британское правительство хочет только мира. Оно понимает, что всякая серьезная война в нынешних условиях не может быть изолированной, локализованной. Поэтому британское правительство полагает, что целостность, неприкосновенность и преуспевание СССР являются одним из важнейших элементов сохранения всеобщего мира. Я надеюсь, что и Советское правительство стоит на той же точке зрения в отношении целостности, неприкосновенности и преуспевания Британской империи.

Сталин. Если это не комплимент, то это хорошо.

Иден. Г-н Литвинов знает меня достаточно хорошо по Женеве и может заверить, что в таких случаях я не склонен говорить комплименты.

Молотов. Я могу заверить г. лорда-хранителя печати, что поли-

тика Советского правительства есть последовательная политика мира. СССР не желает ни новых территорий, ни каких-либо завоеваний. Он занят мирной строительной работой внутри страны и стремится поддерживать наилучшие отношения со всеми государствами. Советскому правительству чужды какие-либо агрессивные замыслы в отношении Британской империи. Оно со своей стороны также признает, что целостность и неприкосновенность Британской империи являются важным элементом всеобщего мира.

Иден. Я не считаю необходимым здесь подробно излагать содержание берлинских переговоров, ибо я полагаю, что г. Литвинов вероятно уже информировал гг. Сталина и Молотова о содержании тех бесед, которые между нами происходили. Для меня было бы, однако, чрезвычайно важно и ценно услышать их мнение о нынешней европейской ситуации и о средствах к ее урегулированию.

Сталин. Прежде всего, я хотел бы задать г. Идену вопрос: как он оценивает нынешнее международное положение? Считает ли он его очень опасным или не очень опасным?

Иден. Я считаю нынешнее международное положение вызываю-

щим беспокойство, но не безнадежным. Я думаю так потому, что хотя нынешние трудности велики, однако у европейских народов еще имеется некоторое количество времени для преодоления этих трудностей.

Сталин. Ну, а если положение сравнить с 1913 г., как оно сейчас: лучше или хуже?

Иден. Я думаю, лучше.

Сталин. Почему вы так думаете?

Иден. Я думаю так по двум причинам. Во-первых, сейчас существует Лига Наций, которой не было в 1913 г.

Возможности Лиги Наций ограничены, но все-таки заинтересованные государства имеют возможность в Женеве хотя бы обсудить вопрос о возникающих опасностях. Во-вторых, в 1913 г. широкие массы населения в Европе вообще не думали о войне, они даже не подозревали, что военная опасность так близка. Война упала им как снег на голову. Сейчас положение иное. Общественное мнение всего мира ясно понимает опасность войны, думает об этой опасности и борется с ней. Настроение широких народных масс сейчас очень пацифистское. А как думаете вы?

Сталин. Я думаю, что положение сейчас хуже, чем в 1913 г.

Иден. Почему?

Сталин. Потому, что в 1913 г. был только один очаг военной опасности — Германия, а сейчас имеются два очага военной опасности — Германия и Япония.

Иден. Но ведь у вас как будто в последнее время отношения с Японией налаживаются? Благодаря мудрой политике вашего правительства военная опасность в этой части света несколько ослабела.

Сталин. Речь идет не только о безопасности границ СССР. Вопрос стоит значительно шире: каковы дальнейшие намерения Японии? Что она собирается делать вообще? С этой точки зрения положение на Дальнем Востоке вызывает большую тревогу. То известное улучшение положения, на которое вы указали, является лишь временным. Это пауза, которая будет продолжаться лишь до тех пор, пока Япония не переварит Маньчжурию. Как только это случится, можно ожидать дальнейшего развития тех тенденций, которые Япония обнаруживала на протяжении последних 3—4 лет.

Иден. Вы вполне уверены в агрессивных устремлениях Японии?

Сталин. Пока нет никаких фактов, которые противоречили бы этому заключению. В то же время име-

▲ Лига Наций 1934 г.

▲ Литвинов М.М.

ются факты, которые заставляют нас опасаться худшего на Дальнем Востоке. В самом деле, Япония вышла из Лиги Наций и открыто издевается над принципами Лиги Наций; Япония на глазах у всех разрывает международные договоры, под которыми стоят ее подписи. Это очень опасно. В 1913 г. Япония еще принадлежала к числу тех держав, которые относились с уважением к собственной подписи под международными документами. Сейчас положение как раз обратное. Такая политика не может предвещать ничего хорошего.

Иден. Ну, а в Европе?

Сталин. В Европе большое беспокойство вызывает Германия. Она тоже вышла из Лиги Наций и, как вы сообщили т. Литвинову, обнаруживает желания в нее вернуться. Она тоже открыто на глазах у всех разрывает международные договоры. Это опасно. Как мы можем при таких условиях верить подписи Германии под теми или иными международными документами? Вот вы говорили т. Литвинову, что германское правительство возражает против Восточного пакта взаимной помощи. Оно соглашается лишь на пакт о ненападении. Но какая гарантия, что германское

правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи. Ведь в самом деле, в чем заключается существо такого пакта? Вот нас здесь в комнате шесть человек: представьте, что между нами существует пакт взаимной помощи, и представьте, например, что т. Майский захотел бы на кого-нибудь из нас напасть; что получилось бы? Мы все общими силами побили бы т. Майского.

Молотов (шутливо). Поэтому т. Майский и ведет себя сейчас скромно.

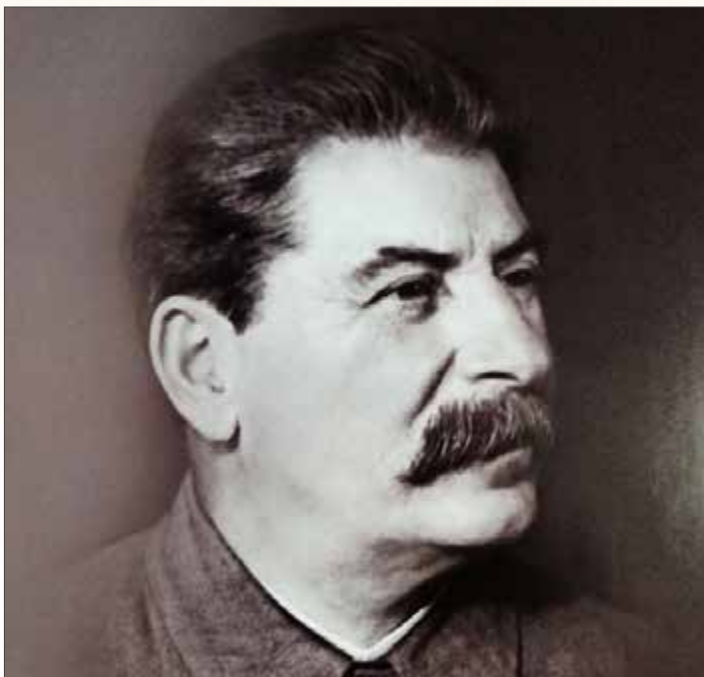
Иден (смеясь). Да, я очень хорошо понимаю вашу метафору.

Сталин. То же самое и со странами Восточной Европы. Если бы одна из этих стран, участница пакта взаимной помощи, подверглась нападению другой страны, также участницы пакта, то все остальные участницы пакта пришли бы со всеми своими силами на помощь пер-

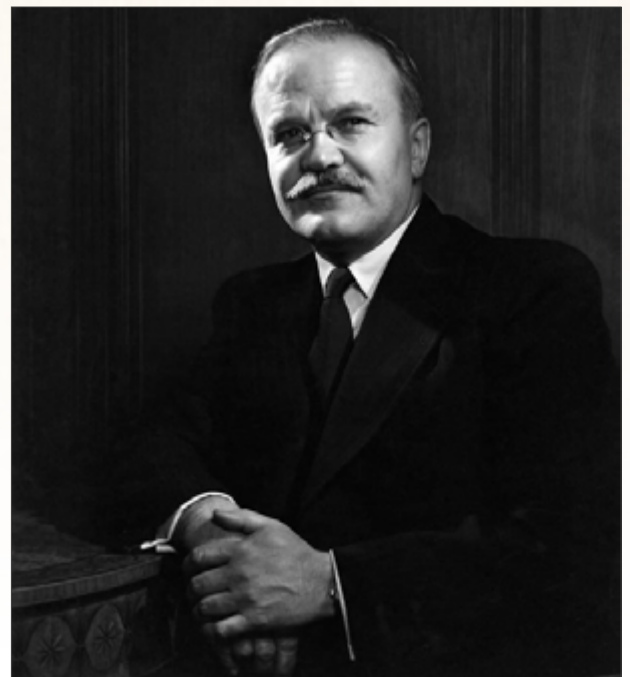
вой. Это простейшее разрешение проблемы безопасности на данном этапе развития.

Иден. А как Вы себе мыслите пакт взаимной помощи с Германией или без Германии?

Сталин. С Германией, конечно, с Германией. Мы не хотим никого окружать. Мы не стремимся к изоляции Германии. Наоборот, мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях. Германцы великий и храбрый народ. Мы этого никогда не забываем. Этот народ нельзя было надолго удержать в цепях Версальского договора. Рано или поздно германский народ должен был освободиться от версальских цепей. Мы — не участники Версаля и мы поэтому можем судить о Версале свободней, чем те, кто участвовал в его создании. Повторяю, такой великий народ, как германцы, должен был вырваться из цепей Версаля. Однако формы и обстоятельства этого освобождения от Версаля таковы, что способны вызвать у нас серьезную тревогу, и для того, чтобы предупредить возможность каких-либо неприятных осложнений, сейчас нужна известная страховка. Такой страховкой является Восточный пакт взаим-

▲ И.В. Сталин

▲ В.М. Молотов

▲ Триумф фашизма. Германия

ной помощи, конечно, с Германией, если к тому имеется какая-либо возможность. Вот вы, г. Иден, только что были в Берлине, — каковы ваши впечатления?

Иден. Я ответил бы на этот вопрос одним английским изречением: я удовлетворен, но не обрадован. Я удовлетворен тем, что ситуация прояснилась, но я не обрадован тем, что мы в результате этого прояснения увидели.

Сталин. Я с вами согласен. Радоваться нечему. Вообще в Берлине сидят сейчас странные люди. Вот, например, около года тому назад германское правительство предложило нам заем в 200 млн. марок. Мы согласились и начали переговоры, и после этого сразу же германское правительство вдруг начало распространять слухи, будто бы Тухачевский и Геринг тайно встретились для совместной выработки плана нападения на Францию. Ну, разве же это политика? Это мелкая политика. Или вот сейчас мне т. Литвинов говорил, что вас в Берлине все время пугали военной опасностью со стороны СССР. Не так ли?

Иден. Да, Гитлер заявлял, что он очень обеспокоен могуществом вашей Красной Армии и угрозой нападения на него с Востока.

Сталин. А знаете ли вы, что одновременно германское правительство согласилось поставлять нам в счет займа такие продукты, о которых как-то даже неловко открыто говорить, вооружение, химию и т. д.

Иден (с волнением). Как? Неужели германское правительство согласилось поставлять оружие для вашей Красной Армии?

Сталин. Да, согласилось, и мы, вероятно, в ближайшие дни подпишем договор о займе.

Иден. Это поразительно! Такое поведение не свидетельствует в пользу искренности Гитлера, когда он говорит другим о военной угрозе со стороны СССР.

Сталин. Совершенно верно. Ну, разве это политика? Разве это серьезная политика? Нет, мелкие, неловкие люди сидят в Берлине.

Иден. Мне было очень приятно услышать из ваших уст и от г. Молотова, что вы решительно стоите

на точке зрения мира и целиком поддерживаете систему коллективной безопасности. Великобритания и СССР — оба члены Лиги Наций и такое совпадение взглядов обоих правительств на основные вопросы момента создает предпосылки для их сотрудничества в Женеве.

Сталин. Да, это хорошо. Мы вступили в Лигу Наций вовсе не для игры, но мы понимаем, что сейчас Лига Наций не пользуется сколько-нибудь серьезным авторитетом, даже Парагвай над ней смеется. Лигу Наций надо укреплять, а для этого необходим пакт взаимной помощи.

Иден. Я доложу о нашей беседе своему правительству, и я не сомневаюсь, что оно будет очень довольным, когда узнает о вашей готовности сотрудничать в системе коллективной безопасности в Европе и, может быть, в других местах.

На этом официальная беседа окончилась. Затем т. Молотов пригласил всех присутствующих за длинный стол выпить по стакану чая. Подходя к столу, Иден обратил внимание на большую карту СССР, висящую на стене, и заметил:

— Какая прекрасная карта и какая большая страна! Сталин шуточно ответил:

— Страна-то большая, да трудностей много.

Иден посмотрел на то место, которое на карте занимала Великобритания, и прибавил, что вот, мол, Англия совсем маленький остров. Тов. Сталин посмотрел на Великобританию и сказал:

— Да, маленький остров, но от него многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла, — мир в Европе был бы обеспечен.

Иден на это ничего не ответил».

Будущий министр иностранных дел Энтони Иден доложил британскому правительству Чемберлена о предложении Сталина относительно заключения пакта о взаимной помощи и коллективной безопасности. Были проинформированы правительства Даладье и Рузвельта. Ответов, однако, с их стороны в Москву не последовало, практические дела западной демократии Продолжали носить открытый антикоммунистический, антисоветский характер.

Словословия в адрес общеевропейской системы коллективной безопасности, западные правители вели двойную игру, рассчитывая направить агрессию против СССР. Они не поддержали нашу страну в ее борьбе за коллективную безопасность в Европе и сделали все возможное, чтобы не было никакого соглашения между СССР, Англией и Францией о коллективном отпоре фашистской агрессии.

Их пресловутая политика умиротворения Гитлера была равносильна тайному союзу с ним. В сентябре 1938 г. на конференции Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье в Мюнхене тайный союз западной демократии с фашизмом был оформлен юридически и вошел в историю как «мюнхенский сговор».

Советское правительство точно определило существо мюнхенского

сговора как предательство интересов мира правительствами Англии, Франции и США. После Мюнхена мир покотился будто снежный ком в пучину Второй мировой войны. При этом война началась между мюнхенскими союзниками. Первыми жертвами фашистской агрессии явились именно те страны, которые финансировали фашистскую Германию, создавали мощный военно-экономический потенциал, чтобы направить германскую агрессию против СССР. Но война обернулась в начале против них самих и под ударами гитлеровской военной машины мюнхенский союз демократии и фашизма рухнул.

Противоречия между капиталистическими странами настолько обострились, что привели к образованию двух враждующих империалистических группировок: первая — США, Англия и Франция, которая стремилась удержать и укрепить свое господствующее положение в мире, завоеванное в Первой мировой войне, не допустить нового передела мира, вторая — Германия, Италия, Япония, которая ставила цель раздела колоний и сфер влияния, потерянных в Первой мировой войне, передела мира, завоевания мирового господства.

Попытки Англии, Франции и США направить фашистскую агрессию против СССР провалились: империалистические группировки вступили в мертвую схватку между собой, развязав Вторую мировую войну.

Советское руководство сделало все возможное, чтобы предотвратить войну, в которой Германия и Япония располагали бы поддержкой Англии, Франции и США, а СССР должен был бы в изоляции воевать на два фронта против фашистских государств. Подписав договор о ненападении с Германией, наша страна избежала такой ловушки, не дала возможности империалистическим государствам решить территориально проблемы за счет Советского Союза. Умная политика и дипломатия Сталина в этот период явились одним из важнейших факторов раскола мюнхенского фронта западных держав и создания условий для образования в будущем нового союза государств — СССР, США, Англии. Но это будет потом.

А пока западная демократия пожинала плоды своей двурушнической политики. В последние месяцы своей жизни президент Америки Франклин Рузвельт, мысленно пере-

▲ Экстаз Гитлера

▲ Рузвельт Ф.Д. Черчилль У.С.

листавая страницы истории, часто вспоминал о том, что мир мог бы развиваться в совершенно ином направлении, если бы...

Если бы США раньше установили дипломатические отношения с Советским Союзом, оказали давление на Англию и Францию, чтобы они заключили с Москвой реальный антигитлеровский пакт о взаимной помощи, а не вели с ней затяжные и обманные переговоры, если бы Америка с первого дня Второй мировой войны заняла более активную позицию в оказании помощи жертвам агрессии. В этом случае все могло бы быть иначе.

Рузвельт много думал и размышлял о европейских делах. Разгорающийся пожар войны его тревожил, заставлял оценивать будущее своей страны. Он в душе сожалел о том, что поведение Англии и Франции при поддержке Америки заставило СССР искать взаимопонимание с Германией. Демократы не оставили Сталину

другой возможности. Если бы приняли предложение Сталина о Восточном пакте, если бы не подыгрывали Гитлеру, если бы не было мюнхенской сделки, то, конечно же, не было бы советско-германского пакта. Но рано или поздно, рассуждал Рузвельт, Москва и Берлин не смогут ужиться, несовместимость интересов разведет их на противоположные полюса. Как много было ошибок...

Забудет ли История, что с приходом к власти Гитлера западная демократия раболепствовала перед ним, пресмыкалась, помогала ему всеми силами и средствами, чтобы направить его разбойничью агрессию на Восток? Прикрываясь законом о нейтралитете, Америка на деле потворствовала фашистской Германии и милитаристской Японии. К каким печальным результатам это привело!

Почти два года шла империалистическая война двух группировок капиталистических государств. В результате гитлеровская Германия

захватила почти всю Европу и поставила под угрозу разгрома Англию и безопасность США. На пути Германии к мировому господству стоял Советский Союз. Как поведет себя эта могучая держава? От этого будет зависеть судьба мира.

Накануне нападения на Советский Союз фашистская Германия имела благоприятное внешнеполитическое и стратегическое положение. Захватив большинство европейских государств, она располагала высокоразвитой экономической базой и крупнейшими современными вооруженными силами, имевшими значительный опыт ведения военных действий. Фактически был создан блок европейских государств для войны против СССР (Германия, Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия, Болгария). Прогерманскую позицию занимали Испания, Турция, Швеция, Швейцария, Португалия и другие страны.

В капиталистическом мире того времени не нашлось силы, способной

▲ Черчилль У.С.

остановить военную машину фашизма. Антифашистские силы не имели единого союза государств и народов, хотя нарастающая агрессия фашистского блока объективно требовала их сближения.

Американский президент говорил на эту тему с У. Черчиллем. Что делать?

Устрашающая картина войны была налицо. Меньше месяца сопротивлялась буржуазно-панская Польша. За один день была оккупирована Дания. Два месяца понадобилось Германии для оккупации Норвегии.

За 19 дней гитлеровская Германия поработила Бельгию, Голландию и Люксембург. Только 44 дня сопротивлялась Франция, свободолюбивый

народ которой был предательски отдан реакционными правящими кругами в руки нацистов. Экспедиционная армия Англии, потерпев поражение, бросила все вооружение и технику и через Дюнкерк эвакуировалась на острова метрополии. Германия захватила ряд стран Балканского полуострова, многие государства превратила в своих сателлитов. Фашистские войска вышли к проливу Ла-Манш и Па-де-Кале, создав тяжелую обстановку для Великобритании.

Быстрый разгром ряда стран Европы усилил стратегическое положение Германии и Италии, дал им возможность существенно увеличить свой экономический и военный потенциал. Создалась такая ситуация,

при которой руководители Англии и США видели спасение своих стран только в мощной Советской державе. Поэтому, чтобы спасти себя, они предпринимают все возможные меры по столкновению лбами Германии и СССР, о чем говорилось в предыдущей главе. Таким образом, интересы Германии относительно нападения на СССР, по расчетам гитлеровского руководства, должны были найти понимание у Англии и США и пассивные действия с их стороны. Исходя из такой оценки, гитлеровцы приняли решение пойти войной на СССР, уничтожить его как государство, а затем ударить по Англии и США.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз британский премьер-министр У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт встретили с удовлетворением и одобрили такой шаг Гитлера. События развивались по задуманному сценарию. Теперь настал очередной этап англо-американской стратегии: как действовать в дальнейшем, чтобы не подставить свои военные силы под удар гитлеровских армий и оказывать влияние на ход войны? Выбор оказался не простым.

На принятие решения по данному вопросу определяющее влияние оказало то обстоятельство, что война Германии против Советского Союза коренным образом изменила расстановку сил на международной арене. Опасность порабощения нацистами других народов мира и их протест против фашистского порабощения ускорили объединение антифашистских сил. Этому во многом способствовала политическая и военная дипломатия СССР, которая с первого и до последнего дня войны велась активно, наступательно и грамотно. Именно под влиянием этих факторов и с целью спасения своих стран и защиты своих интересов правительства Англии и Америки вынуждены были высказаться в поддержку СССР.

Первым выступил 22 июня 1941 г. британский премьер-министр Уинстон Черчилль. Обращаясь по радио к английскому народу, он заявил: «У нас лишь одна-единственная неизменная цель, — мы полны решимости уничтожить Гитлера и все

следы нацистского режима. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут вместе с Гитлером, — наши враги... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партий.

Его (Гитлера) вторжение в Россию — лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это можно будет осуществить до наступления зимы и что он сможет сокрушить Великобританию прежде, чем вмешаются флот и авиация Соединенных Штатов. Он надеется, что сможет снова повторить в большем масштабе, чем прежде, процесс уничтожения своих врагов поодиночке, благодаря которому долго преуспевал и процветал, и что затем освободит сцену для последнего акта, без которого были бы напрасны все его завоевания, а именно: для покорения своей воле и подчинения своей системе Западного полушария.

Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я, в течение последних 25 лет. Я не возьму назад ни одного из сказанных мною слов, но сейчас все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, — это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех частях земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни».

Далее в своей речи Черчилль говорил, что он зрит, как «на десятки тысяч русских деревень» надвигается «гнусная нацистская военная машина», «свирепая гуннская солдатня», видит кучку «злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий».

В заключение он сказал, что «мы (т.е. Великобритания. — *Н. Ч.*) будем сражаться на земле, на море и в воздухе...»

Эмоциональная речь британского премьер-министра с позиции сегодняшнего дня воспринимается по-разному. В некоторых зарубежных изданиях подчеркиваются лишь британские интересы, в других — акцентируется внимание на том, что в ней ничего не сказано о военном сотрудничестве, конкретной военной помощи, об отношении к Советскому государству и Советскому правительству.

Все это, конечно, имеет место. Но нельзя не видеть главное — русскому народу, оказавшемуся в беде, протягивается рука поддержки со стороны Великобритании. «Именно с этой точки зрения эта речь вошла в историю, а британский премьер проявил себя в те дни во всем блеске и вызвал зависть даже у американского президента.

Своим заявлением У. Черчилль показал себя крупным государственным деятелем. Не интриганом и злоумышленником, как пишут иногда в отечественной литературе, а пронзительным политиком. Он сумел разобраться и правильно определить, в чем состоят коренные жизненные интересы его страны (Великобритании) в данный момент, что наилучшим образом в тех конкретных условиях отвечает этим интересам, благодаря чему совершил разворот в английской политике и в своей собственной деятельности. Стало ясно, что Англия не пойдет на сепаратный мир с Германией, а готова сотрудничать с Советским Союзом.

Хотя далеко не ясно было от носительно характера такого сотрудничества: будет ли это военно-политический союз или только материально-техническая помощь.

Проявляя сдержанность в этом вопросе, Черчилль не изменил своим принципам: он по-прежнему остался врагом советского общественного строя. Противоречия английского руководителя между его готовностью оказать помощь СССР и в то же время занимать и впредь враждебную к социализму позицию проявились четко в последующей деятельности антигитлеровской коалиции.

Как отреагировала Америка на нападение гитлеровской Германии на Советский Союз?

Советский полпред в США К. А. Уманский 22 июня телеграфировал в Москву: «Буквально вся Америка живет только вопросами германского нападения на нас... Рузвельт, правительственный лагерь в целом и рузвельтовское большинство в конгрессе заняли сегодня по вопросам германского нападения на нас молчаливую, выжидательную позицию. Перспектива победы немцев для него (президента) неприемлема, ибо угрожает Англии и в конечном счете планам США, перспектива же нашей «слишком сокрушительной победы и влияния на всю Европу его пугает с классовых позиций. Весь Рузвельт и его политика состоят сейчас из зигзагов между этими противоречиями».

Администрация Рузвельта в день нападения Германии на СССР сделала следующее заявление: «Мы должны последовательно придерживаться линии, согласно которой тот факт, что Советский Союз воюет против Германии, вовсе не означает, что он защищает, борется или придерживается принципов в международных отношениях, которых придерживаемся мы». Иными словами, американцы дали понять, что надо пока подождать, не идти на союз с Москвой, возможно, ограничиться лишь материальной помощью. Очевидно, слишком велика была в США классовая ненависть к нашей стране!

Эту ненависть к СССР насаждали в Америке разношерстные, влиятельные ярые антикоммунисты: бывший президент Гувер, сенаторы Трумэн, Тафт, Ванденберг, конгрессмен Фиш, дипломат Дж. Ф. Даллес и прочие. Они навязывали администрации Руз-

вельта свою концепцию — победе коммунизма в любом варианте следует предпочесть победу нацизма. Начиная с 22 июня 1941 г. они требовали от президента, чтобы Англия и США заключали мир с Гитлером на самых благоприятных условиях и тогда пусть Германия и Россия убивают и изматывают друг друга. В конечном счете такая политика выведет Америку и Англию на доминирующие позиции в мире.

Военное руководство США предвещало скорое поражение Советскому Союзу и рекомендовало президенту Рузвельту воспользоваться этим. Военный министр Г. Стимсон и начальник штаба армии генерал Маршалл представили президенту меморандум, в котором изложили свое видение событий.

«**Первое.** Наша оценка основных факторов:

1. Германия будет капитально занята минимум месяц, а максимум, возможно, три месяца задачей разгрома России.

2. В этот период Германия должна совсем оставить или отсрочить:

а) всякие планы вторжения на Британские острова;

б) всякую попытку самой напасть на Исландию или помешать нам ее оккупировать;

в) планы нажима на Западную Африку, Дакар и Южную Америку;

г) всякую попытку обойти правый фланг англичан в Египте через Ирак, Сирию или Иран;

д) также, вероятно, планы нажима в Ливии и на Средиземном море.

Второе. Мы единодушно придерживаемся мнения, что эту непредвиденную и драгоценную передышку следует использовать для самых энергичных мер на атлантическом театре военных действий. Мы считаем, что такое давление с нашей стороны будет правильным методом помощи Великобритании. Оно обескуражит Германию и укрепит наши оборонительные позиции там, где имеется непосредственная угроза.

В результате того, что Германия втянулась в войну с Россией, наше беспокойство значительно ослабло, но мы должны действовать быстро и преодолеть отсталость, сопряжен-

ную с первыми шагами (по укреплению американских военных позиций), прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины...

Этот акт Германии почти напоминает дар провидения. Эта последняя иллюстрация честолюбия и вероломства нацистов открывает для вас широкие возможности выиграть битвы в Северной Атлантике и обеспечить защиту нашего полушария в Южной Атлантике, причем успех вашего руководства гарантирован настолько же полно, насколько вообще можно гарантировать успешное выполнение любого плана».

Пассивно-выжидательную позицию занимал госдепартамент США, который во многом саботировал установление сотрудничества с Советским Союзом.

Что оставалось делать в этих условиях президенту Америки? 24 июня 1941 г. Ф. Рузвельт заявил на пресс-конференции: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, какую мы можем». Хотя не твердо, но обещания все-таки были высказаны.

▲ Уманский К.А.

▲ Генерал Маршалл

▲ Выступление Сталина 3 июля 1941 года

Что повлияло на Рузвельта в его решении склониться в сторону оказания помощи Советской России? По мнению известного политолога В. Фалина, определяющую роль здесь сыграла гитлеровская директива № 21 (план «Барбаросса»), которую в начале 1941 г. добыл С. Вуд, торговый атташе посольства США в Берлине. Эта директива явилась корректирующим элементом в подходе Белого дома к Советскому Союзу, а также всей американской политики, что способствовало принятию важнейшего закона о ленд-лизе, установлению рабочих связей между штабами вооруженных сил США и Англии, введению в США (май 1941 г.) «неограниченного чрезвычайного положения».

Позитивное значение, видимо, имело также послание У. Черчилля президенту США 14 июня 1941 г., в котором ставился вопрос о возможном поощрении России на сопротивление агрессору и оказании помощи ей. Ответ Рузвельта (20 июня) укреплял британского премьера в готовности поддержать Советский Союз. Давалось даже обещание примкнуть к любому заявлению Черчилля, в котором он назовет Россию союзником.

Правда, потом установки лидеров Америки и Великобритании менялись, но в первые дни войны они совпали — оказать помощь.

3 июля 1941 г. к советскому народу обратился по радио И. Сталин. Он охарактеризовал принципиальные особенности Великой Отечественной войны СССР против фашистской Германии. Пророчески сказал при этом: «В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».

Война подтвердила правоту слов Сталина: в изоляции оказались фашистские государства, а Советский Союз, США и Англия высказались за взаимное сотрудничество, которое затем стало основой создания антифашистской коалиции. Предпо-

сылками ее формирования были заявления Черчилля и Рузвельта

Однако будущий военно-политический союз государств и народов родился не сразу. Он складывался в ходе сражений и тяжелых испытаний Второй мировой войны. Складывался нелегко, в противоречиях, разногласиях по принципиальным проблемам — о целях войны, втором фронте, военных поставках, послевоенном устройстве мира и т. д. Главные причины разногласий были очевидны: классовая неприязнь к СССР; просчеты Лондона и Вашингтона о военных и экономических возможностях нашей страны; ошибочность прогнозов англичан в отношении развития событий на советско-германском фронте, что война якобы будет закончена в течение одного-трех месяцев победой Германии.

Но, несмотря на все перипетии, под давлением народных масс, требующих установления союзнических отношений с СССР, а также реальной угрозы Англии и США со стороны фашистского блока, правящие круги Лондона и Вашингтона вынуждены были пойти на установление союзнической коалиции с советской страной. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

ОРЛОВСКИЙ КИРИЛЛ ПРОКОФЬЕВИЧ

В июле 1944 года, подполковник государственной безопасности К.П. Орловский написал заявление на имя Сталина (ранее он уже прибегал к такому способу, чтобы донести информацию непосредственно прямо вождю). Его непосредственные начальники, ознакомившись с его заявлением, в вежливой, но категорической форме стали отговаривать, заявляя: «Вы и так сделали всё, что могли. Отдыхайте».

Заявление с грифом «Совершенно секретно» (таков был статус заявителя), Орловский написал всего через три дня после того, как был освобождён Минск. Ни в коем разе не предполагалось, чтобы его заявление когда-либо опубликовали, оно повествует о написавшем его человеке, стране и эпохе больше, чем целые тома книг. Оно говорит и о нашем времени, хотя для этого совсем не было предназначено.

Москва, Кремль, товарищу Сталину от Героя Советского Союза
подполковника государственной безопасности
Орловского Кирилла Прокофьевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дорогой товарищ Сталин!

Разрешите на несколько минут задержать Ваше внимание, высказать Вам свои мысли, чувства и стремления.

Родился я в 1895 году в дер. Мышковичи Кировского района Могилевской области в семье крестьянина-середняка.

До 1915 года работал и учился на своем сельском хозяйстве, в деревне Мышковичи.

С 1915 — 1918 г. служил в царской армии в качестве командира саперного взвода.

С 1918 по 1925 год работал в тылу немецких оккупантов, белополяков и белолитовцев в качестве командира партизанских отрядов и диверсионных групп. Одновременно четыре месяца воевал на Западном фронте против белополяков, два месяца — против войск генерала Юденича и восемь месяцев учился в Москве на 1-х Московских пехотных курсах командного состава.

С 1925 по 1930 год учился в Москве в Комвузе народов Запада.

С 1930 по 1936 г. работал в спецгруппе НКВД СССР по подбору и подготовке диверсионно-партизанских кадров на случай войны с немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии.

1936 год работал на строительстве канала Москва — Волга в качестве начальника стройучастка.

Весь 1937 год был в командировке в Испании, где воевал в тылу фашистских войск в качестве командира диверсионно-партизанской группы.

1939 — 1940 годы работал и учился в Чкаловском сельхозинституте.

1941 год находился в спецкомандировке в Западном Китае, откуда по личной просьбе был отозван и направлен в глубокий тыл немецких захватчиков в качестве командира разведывательно-диверсионной группы.

Таким образом, с 1918 по 1943 год мне посчастливилось 8 лет работать в тылу врагов СССР в качестве командира партизанских отрядов и диверсионных групп, нелегально переходить линию фронта и государственную границу свыше 70 раз, выполнять правительственные задания, убивать сотни отъявленных врагов Советского Союза, как в военное, так и в мирное время, за что Правительство СССР наградило меня двумя орденами Ленина, медалью «Золотая Звезда» и орденом Трудового Красного Знамени. Член ВКП(б) с 1918 года. Партийных взысканий не имею.

Ночью 17 февраля 1943 года агентурная разведка мне принесла сведения, что 17/II-43 г. по одной из дорог Барановичской области на подводах будут проезжать Вильгельм Кубе (Генеральный комиссар Белоруссии), Фридрих Фенс (комиссар трех областей Белоруссии), обергруппенфюрер Захариус, 10 офицеров и 40 — 50 их охранников.

▲ Партизанские будни

В это время при мне было только 12 человек моих бойцов, вооруженных одним ручным пулеметом, семью автоматами и тремя винтовками. Днем на открытой местности, на дороге, напасть на противника было довольно рискованно, но и пропустить крупную фашистскую гадину было не в моей натуре, а поэтому еще до рассвета к самой дороге я подвел своих бойцов в белых маскировочных халатах, цепью положил и замаскировал их в снеговых ямах в 20 метрах от той дороги, по которой должен был проезжать противник.

Двенадцать часов в снеговых ямах мне с товарищами пришлось лежать и терпеливо выжидать...

В шесть часов вечера из-за бугра показался транспорт противника и когда подводы поравнялись с нашей цепью, по моему сигналу был открыт наш автоматный-пулеметный огонь, в результате которого были убиты Фридрих Фенс, 8 офицеров, Захариус и более 30 охранников.

Мои товарищи спокойно забрали все фашистское оружие, документы, сняли с них лучшую одежду и организованно ушли в лес, на свою базу.

С нашей стороны жертв не было. В этом бою я был тяжело ранен и контужен, в результате чего у меня были ампутированы правая рука по плечо, на левой — 4 пальца и поврежден слуховой нерв на 50 — 60%. Там же, в лесах Барановичской области, я физически окреп и в августе 1943 года радиogramмой был вызван в Москву.

▲ Партизан Орловский

Благодаря Народному комиссару государственной безопасности товарищу Меркулову и начальнику 4-го Управления товарищу Судоплатову материально я живу очень хорошо. Морально — плохо.

Партия Ленина — Сталина воспитала меня упорно трудиться на пользу любимой Родины; мои физические недостатки (потеря рук и глухота) не позволяют мне работать на прежней работе, но встает вопрос: все ли я отдал для Родины и партии Ленина — Сталина?

К моральному удовлетворению я глубоко убежден в том, что у меня имеется достаточно физических сил, опыта и знания для того, чтобы еще принести пользу в мирном труде.

Одновременно с разведывательно-диверсионной и партизанской работой я уделял возможное время работе над сельскохозяйственной литературой.

С 1930 по 1936 год по роду своей основной работы я каждый день бывал в колхозах Белоруссии, основательно присмотрелся к этому делу и полюбил его.

Свое пребывание в Чкаловском сельскохозяйственном институте, а также Московскую сельскохозяйственную выставку я использовал до дна в получении такого количества знаний, которое может обеспечить организацию образцового колхоза.

Если бы Правительство СССР отпустило кредит в размере 2.175 тысяч рублей в отоваренном выражении и 125 тысяч рублей в денежном выражении, то я бы на моей родине, в деревне Мышковичи Кировского р-на Могилевской области, в колхозе «Красный партизан» до 1950 года добился бы следующих показателей:

1. От ста фуражных коров (в 1950 г.) смогу достигнуть удоя молока не меньше восьми тысяч килограммов на каждую фуражную корову, одновременно смогу с каждым годом повышать живой вес молочно-племенной фермы, улучшать экстерьер, а также повышать % жирности молока.

2. Сеять не меньше семидесяти гектаров льна и в 1950 г. получить не меньше 20 центнеров льна-волокна с каждого гектара.

3. Сеять 160 гектаров зерновых культур (рожь, овес, ячмень) и в 1950 году получить не меньше 60 центнеров с каждого гектара при условии, если даже в июне — июле месяцах этого года не будет ни одного дождя. Если же будут проходить дожди, то урожай будет не 60 центнеров с одного га, а 70 — 80 центнеров.

4. Колхозными силами в 1950 году будет посажен на сто га плодовый сад по всем агротехническим правилам, которые выработала агротехническая наука.

5. К 1948 году на территории колхоза будут организованы три снегозадержательные полосы, на которых будет посажено не менее 30.000 декоративных деревьев.

6. К 1950 году будет не менее ста семей пчеловодства.

7. До 1950 года будут построены следующие постройки:

1) сарай для М-П фермы №1 — 810 кв. м;

2) сарай для М-П фермы №2 — 810 кв. м;

3) сарай для скотомолодняка №1 — 620 кв. м;

4) сарай для скотомолодняка №2 — 620 кв. м;

5) сарай-конюшня для 40 лошадей — 800 кв. м;

6) зернохранилище на 950 тонн зерна;

7) навес для хранения сельскохозяйственных машин, инвентаря и минерального удобрения — 950 кв. м;

8) электростанция, при ней же мельница и лесопилка — 300 кв. м;

9) механическая и столярная мастерские — 320 кв. м;

10) гараж на 7 автомашин;

▲ Председатель с подрастающим поколением

- 11) бензохранилище на 100 тонн горючего и смазочного;
- 12) хлебопекарня — 75 кв. м;
- 13) баня — 98 кв. м;
- 14) клуб с радиоустановкой на 400 человеко–мест;
- 15) домик для детского сада — 180 кв. м;
- 16) рига для хранения снопов и соломы, мякины — 750 кв. м;
- 17) рига №2 — 750 кв. м;
- 18) хранилище для корнеплодов — 180 кв. м;
- 19) хранилище для корнеплодов №2 — 180 кв. м;
- 20) силосные ямы с кирпичной облицовкой стенок и дна вместимостью 450 кубометров силоса;
- 21) хранилище для зимовки пчел — 130 кв. м;
- 22) силами колхозников и за счет колхозников будет построен поселок на 200 квартир, каждая квартира будет состоять из 2 комнат, кухни, уборной и небольшого сарая для скота и птицы колхозника. Поселок будет представлять из себя тип благоустроенного, культурного, утопающего в плодовых и декоративных деревьях поселка;
- 23) артезианских колодцев — 6 штук.

Должен сказать, что валовой доход колхоза «Красный партизан» Кировского района Могилевской области в 1940 году составлял только 167 тысяч рублей.

По моему расчету, этот же колхоз в 1950 году может добиться валового дохода не менее трех миллионов рублей.

Одновременно с организационно–хозяйственной работой у меня найдутся время и досуг для такого поднятия идейно–политического уровня своих членов колхоза, который позволит создать крепкие партийную и комсомольскую организации в колхозе из наиболее политически грамотных, культурных и преданных партии Ленина — Сталина людей.

Прежде чем написать Вам это заявление и взять на себя эти обязательства, я много раз всесторонне обдумав, тщательно взвесив каждый шаг, каждую деталь этой работы, пришел к глубокому убеждению, что вышеупомянутую работу я выполню на славу нашей любимой Родины и что это хозяйство будет показательным хозяйством для колхозников Белоруссии. Поэтому прошу Вашего указания, товарищ Сталин, о посылке меня на эту работу и предоставлении просимого мною кредита.

Если по данному заявлению возникнут вопросы, прошу вызвать меня для объяснения.

Приложение:

1. Описание колхоза «Красный партизан» Кировского района Могилевской области.
2. Топографическая карта с обозначением местонахождения колхоза.
3. Смета отоваренного кредита.

*Герой Советского Союза подполковник
государственной безопасности Орловский*

*6 июля 1944 г.
г. Москва, Фрунзенская набережная,
дом №10а, кв. 46, тел. Г–6–60–46».*

▲ Орловский К.П. 1945 г.

На заявлении Орловского Сталин сделал пометки: *«Читал и много думал. Не понимаю, что за человек этот Герой Советского Союза, а?»*.

Сталин дал распоряжение удовлетворить просьбу К.П. Орловского — вождь прекрасно понимал его, потому что сам был таким же. Орловский сдал государству полученную им квартиру в Москве и уехал в сожженную, разрушенную до основания белорусскую деревню. Кирилл Прокофьевич выполнил свои обязательства — его колхоз «Рассвет» был первым колхозом в СССР, получившим после войны миллионную прибыль. Имя Председателя колхоза стало известно во всем СССР.

ОРЛОВСКИЙ Кирилл Прокофьевич — военный и общественный деятель. Герой Советского Союза (1943). Герой Социалистического Труда (1958). Один из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Полковник. Разведчик. Чекист. Воин-интернационалист, участник гражданской войны в Испании. Земледелец. Оперативные псевдонимы: «Муха», «Муха-Михальский», «Старик», «Роман», «Стрик», «Кирилл», «Роман». Родился в деревне Мышковичи Могилевской губернии 18 (30) января 1895 г. Окончил 1-е

Московские курсы командного состава (1920), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Мархлевского. Трудно было учиться в тридцать лет, имея за плечами четыре класса церковно-приходской школы. Но Орловский никогда не пасовал перед трудностями. В пропахшей пороховым дымом гимнастерке сел за книги. Учился упорно, самоотверженно. С 1915 г. на военной службе, солдат, унтер-офицер взрывного и фортификационного дела. Участник 1-й мировой войны. Во время оккупации Белоруссии германскими войсками (1918) по заданию подпольного Бобруйского уездного комитета партии большевиков создал партизанский отряд, действовавший против германских оккупантов. С декабря 1918 по май 1919 работал в Бобруйской ЧК. Воевал на Западном фронте против белополяков, против белогвардейцев генерала Юденича, сражался с бандами Булак-Булаховича. Талантливый партизанский командир в 1920 — 1925 годах руководил партизанскими формированиями в Западной Белоруссии, входившей в то время в состав «второй речи посполитой» по линии «активной разведки» Разведывательного управления РККА. После заключения мирного договора с Польшей в марте 1921 г. Разведупр начал создание и переброску на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям. Предполагалось, что эти вооруженные отряды станут ядром всенародного партизанского движения на оккупированных белорусских и украинских землях, которое в перспективе приведет к их освобождению и воссоединению с СССР. Подобная деятельность получила название «активная разведка». При этом надо заметить, что деятельность Разведупра по активной разведке была настолько тщательно законспирирована, что о ней не знали даже представители ОГПУ. Орловский был партизан — самородок. В лесу он чувствовал себя как рыба в воде. Умел свистеть иволгой, скрипеть ко-

ростелем, ухоть филином, выть волком. С завязанными глазами собирал любое оружие. Из своего именного парабеллума с 20 метров пробивал туза. Прекрасно стрелял навскидку. Под его руководством и непосредственном участии, были проведены десятки боевых операций, в результате которых было ликвидированы сотни польских полицейских, жандармов и помещиков. Действия Орловского настолько сильно тревожили польское руководство, что оно объявило большую награду за его поимку.

«ПРЕЗИДИУМ ВОЕВОДСТВА ПОЛЬСКОГО А 1131 9/У—1924 г.

Содержание: назначение награды за поимку Мухи-Михальского (один из псевдонимов Орловского, ред.). Господину Старосте (собственноручно) в Столине. На основании представления Министерства Внутренних Дел Председатель Совета Министров назначил за поимку бандита Мухи-Михальского 10 миллиардов марок и вместе с тем обещал награду до 5 миллиардов марок тому, кто даст соответствующую информацию органам полиции и будет способствовать поимке упомянутого бандита.»

В 1925-м году советское руководство приняло решение прекратить «партизанские методы борьбы и сконцентрировать все усилия на организационно-массовой работе среди крестьян». В июне 1925-го повстанческие отряды были расформированы, часть боевиков перебралась в БССР, другая же осталась в Польше, переехав на жительство в отдаленные от родных мест уезды. Орловский в 1927 — 1937 работал в органах ГПУ-НКВД Белоруссии.

В 1937 — 1938 гг. принимал участие в Национально-революционной войне испанского народа 1936 — 1939 гг., выполнял боевые, разведывательно-диверсионные задания. Прошел по тылам франкистов сотни километров, взрывая на пути мосты, пуская под откос поезда, громя тыловые гарнизоны противника. Бойцы партизанского

отряда уважали и любили своего командира за его недюжинные способности разведчика, за острый ум, за умение молниеносно ориентироваться в самой сложной обстановке. Во время одной из последних схваток с франкистами Орловский получил тяжёлую контузию позвоночника от близкого разрыва гранаты. В ноябре 1938 года Орловский вернулся в СССР. За мужество и героизм, проявленные в боях с испанскими фашистами, Кирилла Прокофьевича удостоили высшей награды СССР — ордена Ленина, который вручали в госпитале. Врачи вынесли суровый вердикт — комиссовать, к работе в спецслужбах не годен. Орловский был направлен на работу заместителем ректора Оренбургского (тогда Чкаловского) сельскохозяйственного института, где кроме выполнения своих обязанностей успевал и учиться.

Несгибаемая воля Орловского уже через год вернула его в строй. С марта 1941 г. он в Алма-Ате с задачами: организация базы нашей агентуры в Китае. Орловского направляют в Китай в Синьцзян-Уйгурский автономный район, выкрасть у китайской контрразведки Чан Кайши советского резидента. Операция прошла успешно, в ватном тюке он вернулся в Союз. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Сравнительно недавно вернувшийся из горнила испанской войны, Орловский, находясь в Кульджи, в тихой размеренной жизни чувствовал себя неуютно. Его душа рвалась в родную Белоруссию, захваченную врагом. Между ним и резидентом «Мирабом» на этой почве стали возникать противоречия в работе. Он говорил резиденту «Я партизан — боевик, а не оперативник».

31 августа 1941 г. на имя «Виктора», оперативный псевдоним начальника внешней разведки НКВД П. М. Фитина пришла шифровка от «Кирилла» (оперативный псевдоним Орловского) с просьбой направить его в тыл фашистам для борьбы. Знает хорошо район Бреста, Барановичей, Пинска. Из Центра 7 сентября 1941 г. пришел ответ.

«Если будет нужно — используем «Кирилла» на другой работе. Теперь он должен по-военному работать на вверенном ему участке». Получив отказ, 8 декабря 1941 г. Орловский пишет «письмо» «Павлу» оперативный псевдоним наркома Внутренних дел СССР Л. П. Берии, с просьбой направить его в тыл для партизанской и диверсионной работы. Не дождавшись ответа (его начальники не спешили с доставкой «письма» адресату), 17 марта 1942 г. Орловский пишет заявление на имя Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Здесь реакция его прямых начальников была незамедлительной. Просьба Орловского была удовлетворена. Он поступил в распоряжение П. А. Судоплатова — начальника 4-го управления НКВД (разведка и диверсионные действия). В ночь с 25 на 26 октября 1942 г. на военном-транспортном самолете организаторская группа во главе с Орловским, комиссаром, начальником разведки, трех радистов и 15 военных специалистов была десантирована на парашютах на границу Пинской и Барановичской областей. Так появился в тылу фашистов отряд особого назначения «Соколы». Были использованы старые связи по диверсионно-разведывательной работе с 1920 по 1925 гг. После разгрома немецких складов, помещичьих имений продовольствие и скот раздавались местному населению. Это облегчило вербовку связников, приходило значительное пополнение в спец. отряд. С февраля 1943 г. уже действовало несколько десятков диверсионно-разведывательных групп.

В рамках глобальной войны, когда стоял вопрос о выживании целых народов, ликвидация фашистских бонз за их злодеяния на советской земле являлась закономерным ответом. Задания на ликвидацию палача белорусского народа «генерального комиссара» и гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе получили все действующие в районе Минска партизанские командиры. На протяжении всего лета и сентября 1943 года велась охота на гауляйтера Белоруссии.

Однако все покушения оставались безрезультатными. За Кубе охотились долго и настойчиво партизаны целого ряда отрядов, в том числе, действовавшие по линии Главного разведывательного управления Красной Армии и НКВД (Д. И. Кеймах, Н. П. Федоров, С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский, П. Г. Лопатин, И. Ф. Золотарь и др.).

В 00 часов 17 февраля 1943 г. агентурный разведчик Василий Халецкий сообщил, что с утра 17 февраля в Машуковские леса приедут на охоту на кабанов гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе, его заместитель гибитскомиссар Фридрих Френц, фашистский заведующий белорусскими лесами, обергруппенфюрер Фридрих Захариас и другие видные фашистские заправилы с охраной 40 человек. В Машуки (лесничество) придут на машинах, в лес поедут на санях с охраной и собаками.

Еще затемно 17 февраля Орловский организовал засаду на доро-

ге Синявка — Машуковские леса, партизаны замаскировались в снегу в 15-20 метрах от дороги. У Орловского в тот момент было в наличии только 15 партизан, один пулемет, семь автоматов, винтовки. Показалась колонна, охрана верхом на лошадях с автоматами наизготовку. На передних санях крупнокалиберный пулемет, за ними сани с фашистскими главарями, затем снова конная охрана, всего 50 эсесовцев. Орловский пропустил колонну, решил дожидаться возвращения немцев с охоты — «пусть расслабятся, пусть выпьют за удачную или неудачную охоту». Партизаны в засаде пролежали в снегу 12 часов при февральском морозе.

В седьмом часу вечера партизаны услышали пьяные возгласы фашистов. Внезапный кинжальный огонь смешал в кучу людей и коней. В ходе боя Орловскому удалось бросить под сани две связки тола, а третью связку тола с при-

вязанными вокруг болтами Орловский в пылу боя, не рассчитав скорость горения пороха в огнепроводном шнуре, бросил поздно. Взрывом оторвало кисть руки, пальцы на левой руке, выбило глаз. Повалившись на снег, Орловский скрипел зубами от нестерпимой боли, но был в сознании до конца боя. Перебиты все фашисты двум эсэсовцам-охранникам удалось бежать, но гауляйтера Кубе среди них не было.

Вернувшись на базу, у Орловского начался жар. Рука, опухла и стала чернеть по краям. Раненый терял сознание, бредил. В отряде не было врача. Послали связного к капитану «Черному» (оперативный псевдоним Героя Советского Союза И. Н. Банова, специальный отряд Разведывательного управления который базировался поблизости). Когда Иван Николаевич Банов прибыл в отряд Орловского, он никого уже не узнавал.

▲ К.П.Орловский 1959 г.

▲ Банов И.Н. 1965 г.

▲ Орловский в поле

«Мы нашли ножовку по металлу, на огне костра прокалили, протерли спиртом. Залили в горло Кириллу Прокофьевичу полкружки спирта, приступили к операции. Надрезав кожу вокруг почерневшей руки, завернули ее кверху. Начали отделять (резать) живую ткань выше границы почернения. Оголилась кость. Когда начали по живому ее пилить, Кирилл Прокофьевич пришел в себя.

Разжав ножом стиснутые зубы, насильно влили полкружки спирта. Снова начали пилить. От дикой боли К.П. Орловский снова приходит в себя. И снова приходится силой вливать спирт ему в рот. Операция прошла успешно. После войны К.П. Орловский в шутку называл меня «мой личный хирург».

Уже в конце мая 1943 г. К.П. Орловский снова встал в строй, принял командование отрядом. С новой энергией закипела работа отряда «Соколы»: в Центр полетели радиogramмы с ценными разведданными об итогах диверсий, о работе раз-

ведчиков и связных отряда в Барановичах, Бресте, Пинске, Белостоке и других городах.

В конце августа Орловский был отозван в Москву, а 21 сентября из Москвы в Машуковские леса пришла шифровка: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 г. за успешное выполнение специального задания Правительства «Роману» (оперативный псевдоним Орловского) присвоено звание Героя Советского Союза».

Восемь лет Орловский провел в подполье, в окопах, разведке во вражеском тылу, в боях. 72 раза переходил государственную границу и линию фронта. С тяжелыми увечьями и первой группой инвалидности его полностью списали со службы, отправили домой, к семье, но бунтарская, пассионарная его натура не давала сидеть на месте. Орловский принимает решение ехать в сожженную войной родную деревню Мышковичи. В его выбо-

ре сыграло его отношение к земле. «С детства люблю я свой лесной край, свою белорусскую землю. Что с того, что родила наша земля бедно для тех, кто не знал её, называлась неприветливой! Мне она была всегда такой, как родная мать».

Летом 1944 г. колхозники избрали Орловского председателем колхоза «Рассвет» Кировского района Могилевской области. Это было трудное, полное испытаний время. Родная деревня, как и тысячи других, была разрушена, разграблена, опустошена захватчиками. Много трудностей ждало его на новом посту, но Орловский не растерялся. Пройдя суровую школу жизни, он задался целью не только создать здесь коллективное хозяйство, а сделать его образцовым. Свои знаменитые четыре «нет» председатель сделал законом жизни в хозяйстве: «не лодырничать», «не воровать», «не пьянствовать», «не пускать слов на ветер».

Старожилы Мышковичей вспоминали, как в первые дни председательства Орловский собрал группу уцелевших от войны местных жителей и стал прочесывать с ними в округе леса. Не по грибы-ягоды водил — отлавливали израненных, одичавших лошадей, лечили их травами, чтобы с помощью конской тяги заготавливать древесину для новостроев, пахать землю, перевозить выращиваемый урожай. Строили все заново на пепелище.

Уже через два года о «Рассвете» заговорили не только в районе, но и далеко за его пределами, в колхоз пошли крестьяне из других деревень. В Мышковичах к тому времени появились животноводческие фермы, в амбарах — зерно, в колхозной кассе — деньги. Но Орловский был суров в оценках поведения своих членов колхоза. Кроме денежных штрафов, за пьянство и воровство виновные лишались приусадебных участков, исключались из колхоза, а порой попадали и на скамью подсудимых. Но в 60-х годах прошлого столетия действия председателя вылились в удивительный результат: воровать

перестали. Люди поняли, что надежнее нажать благосостояние честным трудом, который щедро оплачивался знаменитым трудовым системой Кирилла Орловского.

Очевидцы описывают так: «За-крома во дворах колхозников лопались от добра. Отстроил деревню, вымостил дорогу до райцентра и деревенскую улицу, построил клуб, школу-десятилетку. Не хватило денег — снял с книжки все свои сбережения — 200 тысяч — и вложил в школу. Платил стипендии студентам, готовя резерв кадров».

В 1958 г. Кириллу Прокофьевичу Орловскому присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина. За боевые и трудовые заслуги награждён 5 орденами Ленина, орденом Красного Знамени, многими медалями. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР третьего-седьмого созывов. В 1956-1961 гг. был кандидатом в члены ЦК КПСС.

К. П. Орловский — прототип Председателя в одноимённом фильме. О нём написано несколько книг: «Мятежное сердце», «Повесть о Кирилле Орловском» и другие.

Незадолго до своей смерти в одном из интервью он говорил: «Сейчас начали писать о разведчиках. Все больше скользят по детективной дорожке, щекочат душу острыми ситуациями. А суть-то не в этом. Острых ситуаций хватает и у преступников, у самых жалких уголовников. Суть в романтической чистоте чекистского сердца, в духовном богатстве этих замечательных натур, в святости идей и целей, которым всецело отдали себя великие труженики и герои. Разведчик — это человек значительный, избавленный от скверны мелочного восприятия жизни. Он лишен эгоизма и честолюбия, над ним не властвует тяга к наградам, почестям и карьере, он выше бытовых благ и гласных признаний. Это необычайно цель-

ные, жизнестойкие, несгибаемые и в то же время очень простые, добрые, милые люди».

Сразу становится понятным, как Люди строили СССР и восстанавливали его после войны. Не возникает вопросов на кого Сталин опирался при строительстве страны. Именно таким людям он давал все возможности себя проявить. Результат видел весь мир — СССР, дважды поднявшийся буквально из пепла, Победа в Великой Отечественной войне, Космос и многое другое, где одного только было бы достаточно, чтобы прославить страну в истории. Эти люди брали на себя ответственность, причём не по приказу, а сами, лично — и поднимали страну из руин в невиданные сроки.

Сам руководитель страны, когда его страна жила в бараках и землянках, ходил в стоптанных сапогах и питался из солдатской столовой, а все гонорары от издаваемых трудов отдавал на стипендии талантли-

▲ Правление колхоза

вым студентам и премии творцам. Сегодняшние нувориши разрушают школы, чтобы на их месте построить дома для воров, уничтожают образование, чтобы их приняли на Запад, когда окончится их вахта по разрушению остатков России, уничтожают промышленность и армию, чтобы распродать остатки, а деньги вывести к врагу, опасаясь того, что в ограбленной ими России вдруг внезапно случится революция и украденное у народа будет конфисковано.

Ничтожества в принципе не могут понять мотивов действий людей. Того, что Человек, имея в руках деньги может отдать их на школу, того, что можно не воровать, того что человек может добровольно пойти на смерть во имя спасения Отечества — всё это просто вне пределов их понимания.

При «неэффективном тоталитаризме» сил и средств хватало и на сильнейшую в мире армию, способную противостоять объединённым силам мирового империализма, и на всеобщее лучшее в мире образование, и на бесплатное всеобщее здравоохранение, и на блестящую науку, и на космос, и на достойную жизнь для всех, а не для «избранных», и на детские сады, и на пионерские лагеря, и на бесплатный спорт для всех желающих, и даже на поддержку системы социализма и коммунистических партий по всему миру, как и на многое другое. Теперь всего этого нет, «сброшен балласт», преданы все союзники, разрушено и продано всё, что можно, но почему-то денег нет, ни на что. Построенное тогда, при советской власти, сейчас под руководством «эффективных ме-

неджеров» и «эффективных собственников» не могут не то, чтобы повторить — даже отремонтировать. Это к вопросу о том, какая система эффективнее и какой руководили Люди и Герои, а какой — подонки и предатели.

Как сказал один наш «товарищ — камрад», что по сравнению с таким Человеком, все «эффективные менеджеры», «гаранты», «яркие личности», «творцы». «испугавшиеся патриоты» и пр. пр. вместе взятые — не более чем куча навозных червей и опарышей, копошащихся в куче дерьма. Другого сравнения подобрать не получается. ■

▲ С боевым другом

Ю.А. ПЕРСЕЦОВ

ЗА ВОСЕМЬ ЛЕТ ДО НАТО

▲ Хорватский легион СС в Сталинграде

Объединённая Европа не раз вторгалась в Россию. До гитлеровского нашествия самым известным таким вторжением был поход Наполеона в 1812 году. Согласно фундаментальному труду Олега Соколова «Армия Наполеона», из 530 407 тысяч солдат и офицеров, участвовавших во вторжении, 253 773 человека входили в состав иностранных союзных контингентов или национальных полков имперской армии. За исключением 75 египетских кавалеристов-мамелюков, всё это были европейцы.

Свыше четверти армии — 147 363 составляли подданные различных германских государств и Австрийской империи, в основном немцы, при некотором количестве поляков, чехов и венгров, 59 399 — поляки в национальных частях, 21 372 — итальянцы, 9 436 — датчане, 5 700 — хорваты, 4 491 — швейцарцы, 3 333 — португальцы и 3 054 — испанцы. Ещё 80 тысяч человек были призваны с входивших в состав Франции земель Западной Германии и Северной Италии, а также Бельгии и Нидерландов.

Итого французов в наполеоновской армии получается немногим больше трети. Вся же она в целом — истинный прототип армии объединённой с 1949 года в блоке НАТО Европы, что за последние двадцать лет так отличилась в Ираке, Афганистане, Ливии и Югославии. Характерная, но почему-то отсутствовавшая в советских учебниках деталь: 24 июня великий корсиканец переходит пограничный Неман, а уже через неделю — 1 июля, въехав в Вильнюс, он провозглашает создание и отделение от России самостоятельного Великого

Нерсесов Юрий Аркадьевич, российский публицист и журналист, родился в Ленинграде 13 октября 1967 года. Окончил Ленинградский государственный морской технический университет в 1991 году. Работал инженером в НИИ завода «Электросила». В годы перестройки состоял в различных политических организациях (Союз спасения Родины им. Л.П. Берии, Федерация Социалистической молодежи, Социалистический союз трудового народа и др.), тогда же проявил себя как публицист. В 1993 году участвовал в обороне Верховного Совета в Москве. В 1996-1998 годах судился с Анатолием Собчаком. Судебный процесс выиграл. В 1990-2000 годах активно сотрудничал в изданиях «Санкт-Петербургские Ведомости», «Новый Петербург», «Правда», «Советская Россия», «Спецназ России», «Завтра» и др. Со второй половины 2000 годов выпускающий редактор интернет-издания «АПН Северо-Запад», дочерней структуры Агентства политических новостей. Автор книг исторической публицистики.

Княжества Литовского в границах Виленской, Гродненской и Минской губерний, а также Белостокского округа.

В 1854 году, вскоре после начала войны, вскоре получившей название Крымской, история повторилась. Поддержав воюющую с Россией Османскую империю, англо-французские эскадры с десантом атаковали русские порты на Чёрном, Балтийском и Белом морях, а также на Тихом океане. Под Севастополем к англо-франко-турецкой армии присоединился корпус Пьемонтско-Сардинского королевства. Турецкие полки пополнили тысячи польских и венгерских добровольцев, и, наконец, Австрийская империя, угрожая вторжением, заставила Россию прекратить наступление на Дунае, а затем, сосредоточив на наших юго-западных границах большую армию, отвлекла крупные силы русских войск от Крыма. Откровеннее всех, цель войны сформулировал британский министр иностранных дел, а затем глава правительства Генри Пальмерстон, выступивший за отделение от России Прибалтики, Финляндии, Польши, Крыма и Кавказа.

В 1918 году Объединённая Европа высадилась в портах охваченной Гражданской войной России в расширенном составе, а сверх того,

к ней присоединились США и Япония. С учётом сформированных из армии рухнувшей Германской империи добровольческих корпусов, польской армии и чехословацкого корпуса под французским командованием войско получается не меньше, чем у Наполеона. В задачу оккупантов входило максимально продлить истребление красными и белыми друг друга, отделить от России возможно большее количество маленьких, но очень гордых республик и получить контроль над максимумом активов в каждом из обломков.

Европейский поход в Россию, начавшийся 22 июня 1941 года, затмил все прежние, поскольку участвовало в нём не менее 15 миллионов человек, представлявших почти все земли и народы континента. Задачи были прежние: оккупировать, разграбить и расчленить, но на этот раз в качестве идеологического прикрытия использовались не липовое «Завещание Петра Великого» с планами покорения Европы, а речи и статьи Геббельса. Гитлеровский министр пропаганды был на редкость писуч, а призыв к удушению большевизма общими усилиями всех держав континента, он опубликовал в главной газете нацистской партии «Фелькишер бе-

обахтер», ещё 14 сентября 1935 года.

Желающих последовать этому призыву оказалось во всей Европе более чем достаточно. Так, Скандинавские добровольцы появились на Восточном фронте с первых дней войны. В 5-й моторизованной дивизии СС «Викинг» их вместе с голландцами и бельгийцами было 1142 человека — примерно два батальона. В марте 1942 года под Ленинградом появился добровольческий легион «Норвегия», а с конца мая в оборонительных боях под Демянском отличился легион «Дания». По численности оба легиона соответствовали усиленным батальонам. В январе следующего года к ним присоединилась отдельная норвежская лыжная рота, действующая в Финляндии в составе 6-й горной дивизии СС «Норд». Ещё раньше ряды финской армии у Гангута пополнил батальон шведских волонтеров полковника Берггрена. К июлю 1942 года в войска СС вступили уже 4833 датских и 4460 норвежских добровольцев, и всего в 1941–1943 гг. на российских просторах сражалось до дивизии суровых парней, без сомнения, вдохновлённых славным боевым прошлым десятков поколений северных захватчиков — от викингов до Карла XII.

Ещё активнее участвовали в походе на Восток скандинавские фольксдойче, то есть лица немецкой национальности, проживающие в Дании, Норвегии и Швеции. Немногочисленные норвежские немцы дали СС около 1000 бойцов, а диаспора немецких граждан Дании из Северного Шлезвига к марту 1942 года послала свыше 2 тысяч добровольцев в СС и вермахт и продолжала пополнять их далее. К 1 апреля 1944 года в сухопутных войсках Рейха числилось 1292 датских фольксдойче, а в самом конце войны Северный Шлезвиг сформировал для отражения советского вторжения 400-й и 402-й батальоны фолькштурма.

Начиная со второй половины 1943 года, подавляющее большинство датчан, норвежцев и шведов вместе с фольксдойче из Югославии и других стран Восточной Европы вошли в состав 11-й добровольческой моторизованной дивизии СС «Нор-

дланд». Лыжная рота, действующая в составе дивизии СС «Норд» в Финляндии, развернулась в усиленный батальон, на оккупированной территории начали охранную службу датский эсэсовский батальон «Зеландия» и норвежский «Осло». Ещё до 2 тысяч датчан и норвежцев вступило в армейские подразделения, а около 1 тысячи врачей и медсестер выхаживали немецких раненных в военных госпиталях.

В оборонительных боях завершающего этапа войны бойцы «Нордланда» дрались исключительно упорно. Вместе с голландской бригадой и двумя бельгийскими батальонами дивизия приняла участие в знаменитой «Битве европейских СС» под Нарвой. Выйдя на подступы к форпосту Эстонии в феврале 1944-го, советские войска взяли город лишь 26 июля.

Не менее стойко скандинавское соединение билось и в дальнейшем. Свой последний бой 3-й тан-

ковый корпус СС, объединивший «Нордланд», 23-ю моторизованную дивизию СС «Нидерланды» и обе бельгийские пехотные дивизии СС, дал на подступах к Берлину, где и был разгромлен. За неполных два года своего существования 27 военнослужащих «Норланда» получили «Железные кресты», а последние солдаты дивизии сражались на берлинских баррикадах до начала мая.

Без сомнения, не следует исключать из общего списка прогерманских вооружённых формирований датскую и норвежскую полицию. Датские полицейские три года не за страх, а за совесть помогали оккупантам, то есть союзникам, отлавливать малочисленных подпольщиков, и лишь после Курской битвы в их головы стали закрадываться некоторые сомнения. Хотя на несении службы сомнения почти не отражались, немцы обиделись и в сентябре 1943-го всю лавочку распустили. На норвежских

▲ Квислинг инспектирует части СС

полицаев эти репрессии произвели столь глубокое впечатление, что они держали сомнения при себе до самого Дня Победы. Правда, некоторые обратились за советом к руководству подполья, но получили оттуда строгий приказ — продолжать нести службу.

Скорее всего, у подавляющего большинства никаких колебаний не обнаруживалось — не даром 60 % личного состава норвежской полиции состояло в партии Квислинга. В отрядах же так называемых «Хирдов», служивших одновременно партийными боевиками и вспомогательной полицией, членство в «Национальном единении» было вообще поголовным. С учётом этих парней, добровольцев, служивших в чисто германских подразделениях, военизированных отрядов датских нацистов, а также местных агентов гестапо, через все проберлинские вооружённые формирования прошло почти 100 тысяч граждан скандинавских стран, подав-

ляющее большинство которых добросовестно служило «новому порядку». Как минимум каждый пятый (15 тысяч датчан и норвежцев, свыше тысячи шведов и около 5 тысяч скандинавских фольксдойче) отважно дрался с Красной Армией на огромном пространстве от Гангута до Берлина, и не менее 4 тысяч погибло. В одних только легионах «Норвегия» и «Дания» под Ленинградом и Демянском полегло свыше тысячи добровольцев.

С победой демократии у скандинавских эсэсовцев обнаружился российский поклонник. Павшим бойцам норвежского легиона особо симпатизировал настоятель церкви Святого Александра Невского в Красном Селе, известный своим бескорытием отец Евгений Ефимов. После конструктивного общения с уцелевшими ветеранами 23 августа 1998 года в церковном дворе появился памятник павшим легионерам. Руководство петербургской епархии

во главе с митрополитом Владимиром Котляровым никак не отреагировало на инициативу достойного батюшки. Да и с чего бы, если сам гражданин Котляров 9 сентября 2000 года принял активное участие в освящении немецкого воинского кладбища в деревне Сологубовка, возложил к могилам цветы и благобно осенил их крестным знаменем со словами: «Вечная память!»

Бок о бок со скандинавами стреляли по коммунистической гидре немногочисленные эсэсовцы англоязычных стран. Непосредственно британский легион СС, воевавший в дивизии «Нордланд», насчитывал чуть больше полусотни человек. Однако жители Англии, британских доминионов и граждане США воевали на стороне Гитлера и в других боевых подразделениях, в разведке, а также в сводном европейском полку военных корреспондентов «Курт Эггерс». Согласно последним исследованиям, всего британцев и американцев, включая безукоризненно лояльных к новому порядку полицейских на занятых немцами Нормандских островах, в силовых структурах, подчиняющихся Берлину, служило около тысячи. И совершенно не подлежит сомнению — высадись немцы под Лондоном, их оказалось бы во много раз больше, как это и случилось в Бельгии, Нидерландах и Франции.

Немало желающих повоевать за фюрера нашлось среди военнопленных, жителей британских колоний или так называемых мандатных территорий, управляемых Лондоном по мандату тогдашней предшественницы ООН — Лиги Наций. Иракцы, суданцы и палестинцы успешно дрались в спецподразделениях Гитлера и Муссолини наряду с французскими арабами, около 100 тысяч индусов, бирманцев и малайцев помогали японским оккупантам, а на территории самой Франции нёс оккупационную службу 950-й пехотный полк из пленных уроженцев Индии. И совершенно очевидно — дойди немецкие генералы до Индии, одним полком бы дело не ограничилось.

Вон в британской Танганьике, что потом вошла в состав самостоятельной

▲ Церковь св. Александра Невского в Красном селе

▲ Сейффардт Х. голландский генерал, второй слева, октябрь 1941 г.

Танзании, высадилось шестеро немецких спецназовцев во главе с лихим лейтенантом Виммер-Ламкветом, так они полтора года успешно партизанили! Негры с большой охотой шли в отряд пускать под откос поезда и жечь усадьбы английских плантаторов, а другие негры с ещё большим удовольствием их скрывали и помогали продуктами.

Бельгийцы и голландцы бились за гитлеровские идеалы единой Европы с ещё большим энтузиазмом, чем скандинавы. Поток добровольцев, желающих поучаствовать в крестовом походе на Восток, оказался столь велик, что немцы, поначалу не испытывавшие нехватки в живой силе, многим отказывали. Кроме того, первоначально германскими народами, достойными вступать в войска СС, они признавали только голландцев и говорящих на одном с ними языке бельгийских фламандцев, а франкоязычные валлоны из той же Бельгии могли служить только в вермахте.

Тем не менее, количество выходцев из Бельгии и Нидерландов на Восточном фронте росло с каждым месяцем. Кроме уже упоминавшегося контингента в дивизии «Викинг», небольшие группы бельгийцев и голландцев служили и в других эсэсовских частях. Осенью 1941 года в составе 100-й лёгкопехотной дивизии пошёл в атаку 373-й валлонский батальон. Одновременно под Ленинградом вступил в бой добровольческий легион «Фландрия», также представляющий из себя усиленный батальон. Чуть позже, в январе 1942 года, боевые позиции на Волховском направлении занял легион «Нидерланды». Усиленным пехотным полком, состоящим на три четверти из голландцев и на четверть из фламандцев, командовал генерал Зейффардт. Ещё недавно его превосходительство возглавлял генштаб нидерландской армии и весьма доблестно её сдал, зато теперь был готов биться с русскими варварами до последней капли кро-

ви. От редакции. Хендрик Александр Сейффардт (1872-1943), генерал-лейтенант вооруженных сил Нидерландов, активно сотрудничавший с нацистскими оккупантами в создании марионеточного «правительства» и формировании коллаборационных нидерландских отрядов «добровольцев» СС. Согласно сексуальной ориентации — гомосексуалист. 5 февраля 1943 года Сейффардт в своей квартире в Схевенинге (морской курорт) был застрелен антифашистом Яном Верлейном из группы сопротивления «С5-6».

Соратники полностью разделяли порыв своего командира, и к июлю 1942 года через Восточный фронт прошли 13 552 голландских и 4 489 фламандских эсэсовцев, 1 965 из которых погибли или пропали без вести. За помощь старшие геноссены из Берлина пообещали щедро поделиться со своими друзьями награбленным добром. Друзья не замедлили принять приглашение. Кто только

▲ Гитлер

не рванул тогда на советские просторы! Побывали тут и «Бельгийское восточное общество» с «Датским восточным комитетом», и «Нидерландская восточная компания» с «Французским восточным товариществом», и норвежское общество «Аустервег», и целая куча компаний от официальных союзников Рейха. И каждый наперебой спешил урвать кусок пожирнее! Даже Норвегия пыталась сначала получить часть Кольского полуострова, а получив отказ, возжелала поместий на Украине и в Белоруссии.

Голландцы суетились больше всех. Лояльным к Рейху нидерландским фирмам предоставили выгодные подряды в Прибалтике, а фермеров страны тюльпанов соблазнили земельными угодьями в Литве и на Украине. Уже к маю 1943 года под Вильно и Ровно хозяйствовало 800 куркулей, на которых вкалывали несколько тысяч местных унтерменшей. Перспектива превратиться в плантаторов столь вдохновляла голландцев, что сдавшие свою страну почти без боя овечки, оказавшись на Восточном фронте, превращались в свирепых львов. Например, ротенфюрер Герардус Муйман, заменив убитого командира расчёта противотанкового орудия, за один день боёв

подбил, по официальным данным, 13 советских танков. Если даже половину из них приписало ведомство Геббельса, свой Железный крест Муйман, без сомнения, заслужил, как и десятки однополчан.

На завершающем этапе войны количество голландских и бельгийских эсэсовцев не только не уменьшилось, но, наоборот, значительно выросло. Легион «Нидерланды» был развёрнут в пехотную бригаду двухполкового состава, а после её разгрома под Нарвой — в 23-ю моторизованную дивизию СС, окончательно разбитую под Берлином. Легион «Фландрия» вырос до боевой группы из двух батальонов, понёс тяжёлые потери в боях на Житомирском направлении, был восстановлен, снова разбит под Нарвой и начал реорганизовываться в 27-ю пехотную дивизию СС «Лангемарк». Переведённый в 97-ю легкопехотную дивизию, валлонский батальон дошёл до Туапсе, а затем его переформировали в двухбатальонный легион, помпезно названный штурмовой бригадой СС «Валлония» и участвовавший в защите Нарвы.

После побоища в Корсунь-Шевченковском котле на базе вырвавшихся из него остатков бригады начала формироваться одноимённая

28-я пехотная дивизия СС, но завершить процесс немцам не удалось. С захватом территории Бельгии союзными войсками приток новобранцев оттуда иссяк, и «Валлония» с «Лангемарком» пошла в последний бой, соответствуя по численности одной полной дивизии. В феврале-марте 1945 года они безуспешно пытались отразить наступление советских войск в Восточной Померании, а затем были окончательно разгромлены под Берлином. Там же нашли свой конец включённые в состав бельгийских дивизий испанский и бретонский батальоны СС.

Основная часть территории Нидерландов оставалась в руках немцев до конца войны. Посему желающие служить фюреру там не переводились, хотя первоначально оккупанты многим отказывали. К марту 1945 года отдельные эсэсовские подразделения, отличившиеся в боях с британскими парашютистами под Арнемом, были объединены в 34-ю пехотную дивизию (реально бригаду) СС «Ландштурм Нидерланд». Так и не укомплектованное полностью, это соединение сопротивлялось столь упорно, что удерживало свои позиции до 10 мая. В армейские подразделения выходцев из европейских стран брать было не принято, но желающие пойти в бой за фюрера просачивались и туда. Дамы зачастую не уступали господам, а потому среди связисток с военврачами и санитарками можно было встретить около двух тысяч уроженок Роттердама и других нидерландских городов. Всего же через различные подразделения вермахта, люфтваффе и кригсмарине прошло до 10 тысяч бельгийцев и голландцев. В конце концов, немцам пришлось легализовать процесс, и на завершающем этапе войны небо Рейха успешно прикрывала бельгийская бригада ПВО.

Тем не менее, подавляющее большинство европейских добровольцев всё же шли в войска СС, благо оформиться туда можно было без особых проблем. Даже без учёта фольксдойче в них, по минимальным данным, воевало свыше 40 тысяч голландцев и бельгийцев, но некоторые иссле-

дователи говорят о почти 90 тысячах эсэсовцах. Включённые в состав Германии Люксембург и бельгийские территории вокруг городов Эйпен и Мальмёди предоставили вермахту ещё 20 тысяч человек. Порядок в тылу помогали обеспечивать десятки тысяч местных полицейских, военнослужащих «общих СС», гестаповцев, боевиков местных нацистских партий и членов других военизированных формирований. Только в Нидерландах наводили орднунг сразу три вида полиции, и лишь в одном из них — полиции порядка — насчитывалось около 20 тысяч служащих.

О том, как сражались европейские СС, лучше всего говорят их награды и потери. В 1944–1945 гг. Гитлер утвердил вручение «Железных крестов» 29 военнослужащим 23-й, 27-й, 28-й и 34-й дивизий. Воюя на стороне Рейха, выходцы из Бельгии, Нидерландов и Люксембурга оставили на поле боя до 20 тысяч покойников. Только в одном лишь советском плену от малых стран Северной и Западной Европы числилось 8904 человека. Потери этих народов в 1941–1945 гг.

на стороне союзников и в рядах Движения Сопротивления, даже с учётом голландской колониальной армии, разгромленной японцами в Индонезии, не превышали 30 тысяч, причём доля небоевых потерь здесь существенно выше. Например, в гарнизонах Бельгийского Конго из 132 белых и 4 тысяч чернокожих, скончавшихся за время Второй мировой войны, почти все стали жертвами болезней, несчастных случаев или погибли при подавлении негритянских бунтов. Лишь небольшая часть конголезских солдат, пала в стычках с итальянцами в Эфиопии, куда небольшой бельгийский отряд был переброшен вместе с британскими частями.

Удельный вес французов в боевых действиях в рядах гитлеровского Евросоюза на первый взгляд представляется не слишком значительным. Через действовавший с октября 1941 года под Москвой 638-й пехотный полк 7-й пехотной дивизии, 1-й французский гренадерский полк СС, объединившую их бригаду СС «Шарлемань», впоследствии развёрнутую в одноимённую 33-ю пехотную ди-

визию, и несколько отдельных подразделений прошло лишь около 15 тысяч человек. Однако вины мсье тут нет. В Берлине поначалу отказывались от услуг бывших военнослужащих французской армии и завернули в первые дни формирования 638-го полка около 10 тысяч добровольцев. По данным Мюллера-Гиллебранда, такое недоверие «сильно задело их самолюбие».

Кроме национальных частей, куда более значительное пополнение шло с территорий, присоединённых к Германии Эльзаса и Лотарингии. По неполным данным, оттуда в вермахт было призвано около 180 тысяч человек.

Куда активнее, чем представляется, воевали на стороне Германии и вооружённые силы, правящего на не оккупированной немцами территории правительства маршала Филиппа Петэна. Сохранённая по условиям мирного соглашения 100-тысячная Армия перемирия имела 8 пехотных дивизий, 4 кавалерийские бригады и 8 смешанных разведывательных полков, специально переоснащённых для

▲ Дарлан, Франко, Петэн

▲ Линкор Ришелье

борьбы с партизанами. Из штатного расписания пехотных дивизий была выведена тяжёлая и противотанковая артиллерия, однако количество 81-мм миномётов увеличилось с 24 до 27, и каждый батальон дополнительно получил 36 50-мм гранатомётов. Пехоту перевооружили автоматическими винтовками и пистолетами-пулемётами, а в разведывательные полки ввели роту бронев автомобилей. В целом количество и качество лёгкого вооружения французских соединений нового образца заметно превзошло соответствующие показатели дивизий 1940 года, что было особенно важно для действий против партизанских формирований.

Более серьёзным выглядит при ближайшем рассмотрении и участие в боевых действиях против антигитлеровской коалиции частей французской колониальной армии. Даже после разгрома своих основных сил в Европе Франция имела на своих заморских территориях весьма значительные силы, которым немцы для противодействия возможно-му союзному десанту оставили всё тяжёлое вооружение. В Северной Африке были развернуты 8 пехотных и 1 конно-механизированная дивизи-

зии, 3 танковых батальона, а также 17 разведывательных и кавалерийских полков. Сирию и Ливан контролировали 2 пехотных дивизии, 2 танковых батальона, 5 разведывательных и кавалерийских полков плюс 12 менее боеспособных пехотных батальонов и 8 кавалерийских полков местной обороны. Тропическую Африку обороняли отдельные пехотные полки и батальоны, примерно соответствующие 4 лёгкопехотным дивизиям сокращённого состава, и такой же была колониальная армия в Индокитае, где администрация, занимала особую позицию. Подчиняясь Петэну, она в то же время в 1940–1941 и 1945 г. вела боевые действия против Японии и её союзника — Таиланда, а потому не может считаться однозначно коллаборационистской, хотя и была вынуждена согласиться на оккупацию колонии японцами и тайландцами.

Всего, с учётом личного состава авиации, флота и военной жандармерии, через петэновскую армию (без Индокитая) прошло до 500 тысяч человек. На их вооружении состояло более 3 тысяч орудий и миномётов (включая береговые и зенитные), до 500 танков и бронемашин и почти 1000 самолётов.

Довольно солидно выглядел и французский флот. Хотя корабли в британских портах были сразу же после Компьенского мира захвачены англичанами, основные военно-морские силы остались под контролем Петэна, и при попытке британцев их захватить оказали ожесточённое сопротивление. В сражении у алжирского порта Мерс-эль-Кабир корабли Его Величества наголову разгромили французскую эскадру адмирала Жансуля. Линкор «Бретань» после нескольких попаданий взорвался и опрокинулся, однотипный с ним «Прованс», получив подводную пробоину, выбросился на мель вместе с эсминцем «Могадор», которому оторвало корму, а грузённый минами сторожевой корабль «Тьерри Ненк» разлетелся на куски после попадания авиационной торпеды, одновременно выведя из строя стоявший рядом линейный крейсер «Дюнкерк». Лишь линейному крейсеру «Страсбург» и пяти эсминцам удалось прорваться в Тулон, а всего 3–4 июля 1940 года погибло 1297 французских моряков. Англичане потеряли 4 самолёта.

Четыре дня спустя после разгрома Жансуля британские торпедоносцы повредили стоящий на рейде сенегальской столицы Дакара линкор «Ришелье», а 23 сентября британская эскадра открыла огонь по акватории этого порта, но бой завершился для англичан неудачно. Линейный корабль «Резолюшн» и 4 эсминца были повреждены огнём «Ришелье» и береговых батарей, в линкор «Бархэм» вцепила торпеду французская подводная лодка «Бевезье», а лётчики и зенитчики сбили 4 английских самолёта. В свою очередь, британцы попали одним снарядом в «Ришелье», утопили вражеский эсминец и две подлодки, но попытка высадить на берег деголлевский десант сорвалась. Ещё менее результативны оказались ответные удары французской авиации по Гибралтару, где сотня бомбардировщиков смогла за два дня, потеряв 3 машины, потопить лишь маленький сторожевик, переделанный из рыболовного траулера. Подготовка у французских моряков оказалась ещё хуже, чем у лётчиков.

За четыре дня боёв у Мерс-эль-Кабира и Дакара из многих сотен выпущенных ими снарядов главного калибра своей цели достиг лишь один. Тем не менее, в отличие от тех же датчан, вишисты отбивались всерьёз, а бой у Мерс-эль-Кабира стал крупнейшим сражением линейных сил Второй Мировой войны. В нём участвовало 4 французских и 3 британских линкора, тогда как в традиционно считающейся крупнейшей линейной батальей войны — битве между американцами и японцами в проливе Суригао 25 октября 1944 года, — только 6 бронированных гигантов. Присутствующие на месте боя «Миссисипи» и «Пенсильвания» не сделали по врагу ни одного залпа и разрядили орудия в Тихий океан, когда уцелевшие японцы уже скрылись.

Одновременно с первыми после Трафальгара морскими боями британского и французского флота, создавший в Лондоне антигитлеровскую организацию «Свободная Франция» бывший командующий разбитой 4-ой танковой дивизией генерал Шарль де Голль попытался привлечь на свою сторону африканские колониальные части, но смог добиться присоединения лишь нескольких батальонов из Чада, Камеруна и Конго. С их помощью удалось захватить Габон, но для действий вне тропической Африки лондонские французы едва сумели сформировать бригаду из четырёх колониальных батальонов, укомплектованного в основном испанскими республиканцами и прочими эмигрантами, батальона Иностранного легиона из 13-ой полубригады и батальона моряков. Остальная армия не признавала мятежного военачальника, да и на флоте дела пошли не лучше. Из 18 тысяч моряков с захваченных в Британии французских кораблей пожелали драться пожелали драться с немцами в рядах де голлевского воинства едва пять сотен.

В 1941 году бои между британскими и французскими войсками перекинулись на Сирию и Ливан. Наступление британцев продолжалось с 8 июня по 12 июля, встретив упорное сопротивление. Особенно отличились 15-я рота 6-го полка

Иностранного Легиона и сводная рота лётчиков, двенадцать дней оборонявшие оазис Пальмира от многократно превосходящих сил противника. На других участках, войска Петэна разгромили два индийских и один австралийский батальон, взяли 2,5 тысячи пленных и сдались лишь после того, как были прижаты к побережью и расстреляли большую часть боезапаса.

Даже после прекращения огня из 50-тысячной французской армии лишь чуть более 5 тысяч перешли после капитуляции на сторону де Голля, тогда как большинство прочих вернулись во Францию и Северную Африку, а солдаты батальонов местной обороны разошлись по домам. Впоследствии точно так же повели себя пленные французы, захваченные на Восточном фронте. Лишь 1,5 тысячи из 23 136 пленных согласились присоединиться к отрядам «Свободной Франции».

Необъявленная британо-французская война продолжалась

и в 1942 году. Сначала английские командос и три южноафриканских пехотных бригады высадились 5 мая на севере Мадагаскара, где после семи месяцев перестрелок и беготни по джунглям местный губернатор всё же сдался. Затем 8 ноября англо-американский десант атаковал побережье Алжира и Марокко. Поскольку к тому времени наступление немцев на Восточном фронте выдохлось, вишистский командующий, адмирал Франсуа Дарлан проницательно предугадал грядущий крах Гитлера и прекратил сопротивление, а французские моряки в Тулоне получили приказ затопить свои корабли.

Считается, что французский флот тем самым продемонстрировал особый патриотизм — но будь морячки столь крутыми антифашистами, они имели реальную возможность прорваться к союзникам. Тем не менее, такой вариант предпочли лишь три подлодки, а прочие откровенно не хотели сражаться против немцев и одновременно боялись драться

▲ Шарль де Голль

на море с англичанами. Опыт боёв 1940–1942 гг. наглядно показал — стрелять и маневрировать под вражеским огнём они просто не умеют, и якобы нежелание палить по «своим» тут ни при чём. Полтора столетиями раньше Нельсон у Абукира и Трафальгара колотил французоз точно с таким же результатом, что и его преемник адмирал Соммервил на рейде Мерс-эль-Кабира. И точно так же, как и в ту романтическую эпоху, артиллеристы адмирала Жансуля засыпали противника градом снарядов, но с весьма скромным результатом.

Не выступил против немцев и сам Дарлан. Лишь когда сторонник де Голля Бонье де ля Шапель застрелил адмирала и тут же был расстрелян, будущему президенту Франции удалось заставить алжирцев и марокканцев атаковать гитлеровские части в Тунисе.

В боях с британцами, американцами и частями де Голля французские правительственные войска потеряли свыше 5 тысяч человек только убитыми и около 300 самолётов. Морские сражения у берегов Северной Африки, Мадагаскара и Сирии, кроме кораблей, потопленных в Мерс-эль-Кабире, стоили французскому флоту затонувшего у Касабланки недостроенного линкора «Жан Бар», лёгкого крейсера, 12 эскадренных миноносцев и 17 подводных лодок. Союзники лишились около 3 тысяч человек убитыми, примерно сотни самолётов, эсминца, противолодочного корабля и двух быстроходных десантных судов. Наряду с экипажем «Бевезье» с французской стороны особо отличился лётчик-ас Пьер ле Глан, сбивший в сирийском небе 6 английских истребителей.

В целом операции во французских колониях по масштабу вполне соответствуют скандинавской кампании Гитлера. (Общие потери обеих сторон в датско-норвежской кампании составили также свыше 8 тысяч убитыми, около 400 самолётов, 1 авианосец, 1 тяжёлый и 3 лёгких крейсера, 25 эсминцев и 20 подводных лодок). Но в отличие от Норвегии петэновская Франция воюющей страной

не признаётся, хотя при формальном нейтралитете может на законном основании считаться её полноценным, хотя и не шибко боевым союзником. Тем более что все эти годы бывшие колониальные солдаты неустанно пополняли ряды вермахта. Из североафриканцев состоял один из батальонов разбитого под Москвой 638-го французского полка. Батальоны французских арабов воевали в 715-й пехотной и 41-й крепостной дивизии, действовавших против югославских партизан. Выходцами из Иностранного легиона и африканских частей был укомплектован 361-й гренадерский полк «Африка» и один из артиллерийских дивизионов 90-й лёгкой моторизованной дивизии — одного из лучших соединений корпуса Роммеля. Кроме того, десятки тысяч французоз служили в 21-й танковой дивизии, моторизованной дивизии «Бранденбург», тыловых частях других дивизий, разведывательно-диверсионных подразделениях, а также в авиации и на флоте.

Алжирцы, марокканцы, тунисцы, сирийцы и ливанцы, наряду с иракцами, палестинцами, африканскими и ближневосточными фольксдойче, вошли в состав 287-й и 288-й групп спецназначения. Впоследствии из 288-й группы был сформирован, 361-й полк 90-й дивизии, а созданный на базе 287-й группы батальон, перед тем как отправиться к Роммелю, воевал на Кавказе в составе специального корпуса генерала Фельми. Символично, что добрые мусульмане вступили в бой неподалёку от Будённовска, отчасти предвосхитив известный рейд братьев по вере во главе с Шамилем Басаевым.

На завершающем этапе североафриканской кампании в 334-й пехотной дивизии Роммеля сражался батальон «Африканской фаланги», состоящий из проживавших в Африке активистов французских прогитлеровских организаций и примкнувших к ним туземцев. Здесь же действовал «Свободный Арабский корпус», разросшийся к 1943 году до усиленного полка, а ещё сотня французских арабов вместе с выходцами из британского Судана числилась в итальянском пол-

ку спецназначения «Красные стрелы». Таким образом, всего африканские войска Франции и примкнувшие к ним гражданские добровольцы дали Гитлеру целую дивизию.

Оккупировав всю Францию после выхода из войны армии Дарлана, немцы 27 ноября 1942 года распустили «Армию перемирия». Однако заменившая её 30-тысячная «Французская милиция» боролась с партизанами и подпольщиками с куда большим рвением. Сохранилась и продолжала действовать ранее входившая в состав «Армии перемирия» 6-тысячная мобильная гвардия. Некоторые демобилизованные вишисты, вступила в дивизию «Шарлемань», а 3 тысячи вошли в сформированный в 1943 году пехотный полк, предназначенный для непосредственной охраны правительства.

Остался в неприкосновенности и даже расширился разветвлённый полицейский аппарат, включавший около 180 тысяч полицейских и гестаповцев. До самой высадки англоамериканских войска, а в ряде мест и после неё эти формирования вели активные антипартизанские действия. Только, в операции на плато Глиэр 23–26 марта 1944 года правительство Петэна задействовало 8 тысяч человек. Всего на территории Франции, Северной Африки и Леванта (без Индокитая) вишисты (включая силы прогитлеровского правопорядка и небоеые потери) лишились 30 тысяч человек. Вместе с 50 тысячами эльзасцев, лотарингцев, солдат 638-го пехотного полка и эсэсовцев, это почти вдвое превышает число французоз, погибших в 1941–1945 гг. по другую сторону фронта (25 тысяч) и в партизанском движении (20 тысяч). Даже с учётом 92 тысяч французоз, погибших в 1939–1940 гг., 40 тысяч умерших в плену до конца войны и 3 тысяч убитых в боях с японцами и тайландцами в Индокитае, а также умерших там от болезней, соотношение впечатляет. За победу Третьего Рейха отдали жизнь 80 из 260 тысяч сражавшихся и павших во Второй Мировой войне жителей Франции и её колоний — то есть почти каждый третий!

Как и большинство прочих эсэсовцев, французское воинство Гиммлера сражалось очень стойко, а сводный батальон из наиболее фанатичных бойцов «Шарлеманя» почти полностью погиб, защищая Рейхстаг. Даже попав в плен, солдаты дивизии зачастую демонстрировали абсолютное презрение к смерти и своеобразный чёрный юмор, как это имело место 8 мая 1945 года с группой эсэсовцев, захваченных в плен американцами и переданных ими в руки соотечественников из армии Де Голля.

— Какая встреча, мсье! — радостно улыбнулся тогда командовавший победителями генерал Леклерк. — Но пардон, почему это на вас немецкая форма? — А почему на вас американская, мой генерал? — С ещё более радостной улыбкой спросил один из собеседников. Леклерку резко расхотелось шутить, и всех пленных немедленно поставили к стенке. Пощады не просил ни один.

Учитывая, что подобное поведение для эсэсовцев являлось правилом, можете прикинуть, сколько хлопот доставили союзникам шесть дивизий европейских СС, пусть даже и не всегда полного состава. Да и бывшие колониальные солдаты в немецких частях, что в Африке, что на Кавказе дрались на совесть. Немало дезертиров и перебежчиков наблюдалось среди эльзасцев, лотарингцев и люксембуржцев, где преобладали не добровольцы, а обычные призывники, но и здесь основная масса сохраняла верность Рейху до конца. В начале 1944 года только в сухопутных войсках Рейха числилось 29 447 бельгийцев, голландцев и люксембуржцев, 21 403 француза и 8985 скандинавов. Швейцарцев в различных соединениях СС, в полку «Курт Эггерс» и в других частях служило порядка тысячи — немного, но по другую сторону фронта их не насчитывалось и сотни.

Конечно, до конца хранили верность фюреру далеко не все. Основная часть солдат французских колониальных частей и легионеров, как и подобает наёмникам, в ноябре 1942 года невозмутимо сменила хозяина, воевала против немцев и даже отличилась под Монте-Кассино. На-

▲ Геббельс

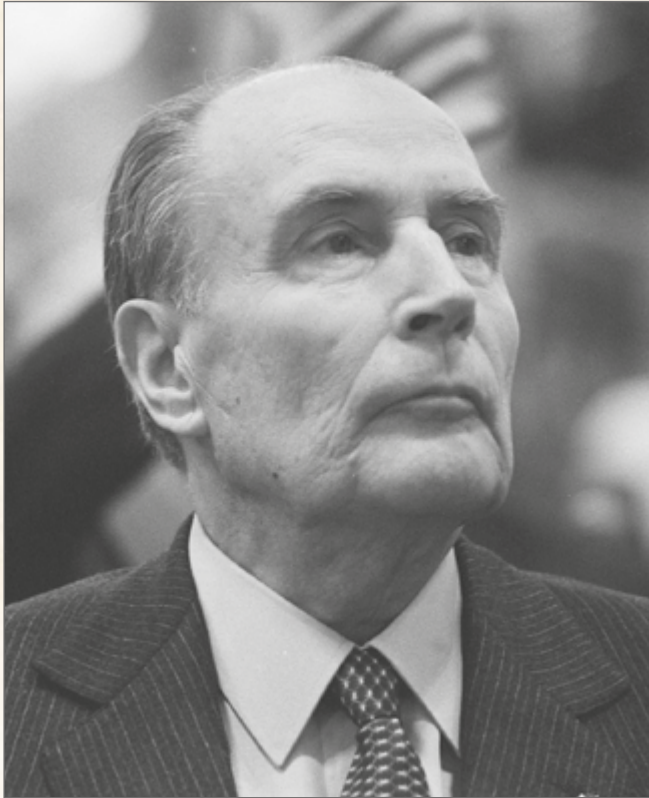
пример, однополчанин министра обороны СССР Родиона Малиновского штабс-капитан Васильев, попав во французский Иностраный легион, успел повоевать и против англо-американцев, и против немцев, так что отнести его с товарищами к принципиальным антифашистам как-то не получается.

Чрезвычайно внушительно были представлены страны Западной Европы и в разнообразных военизированных формированиях, которые обеспечивали охрану тылов армии Гитлера и занятых ею территорий. Свыше 9 тысяч датчан, норвежцев, бельгийцев и голландцев вошли в сформированные на территории этих стран подразделения «Германских СС». Ещё несколько десятков тысяч европейцев составили «Германские штурмбаны СС», созданные из пролетариев, уехавших трудиться на военные пред-

приятия Рейха. Особенно трогательно, что бойцы «штурмбанов», как правило, несли свою героическую службу бесплатно, после работы.

Кроме добровольцев-эсэсовцев, более 20 тысяч французов, бельгийцев и голландцев, служило в Национал-Социалистическом автомобильном корпусе. Свыше 20 тысяч выходцев из этих стран, крутили баранку в Транспортном корпусе Шпера. Около 20 тысяч европейских надзирателей за строителями-гастарбайтерами состояло в охранных ротах ведающей возведением дорог и укреплений Организации Тодта. Ещё 9 тысяч норвежских моряков были приписаны к кригсмарине для содействия в десантных операциях, а многократно большее количество голландских, скандинавских и французских морских волков занималась транспортными перевозками в инте-

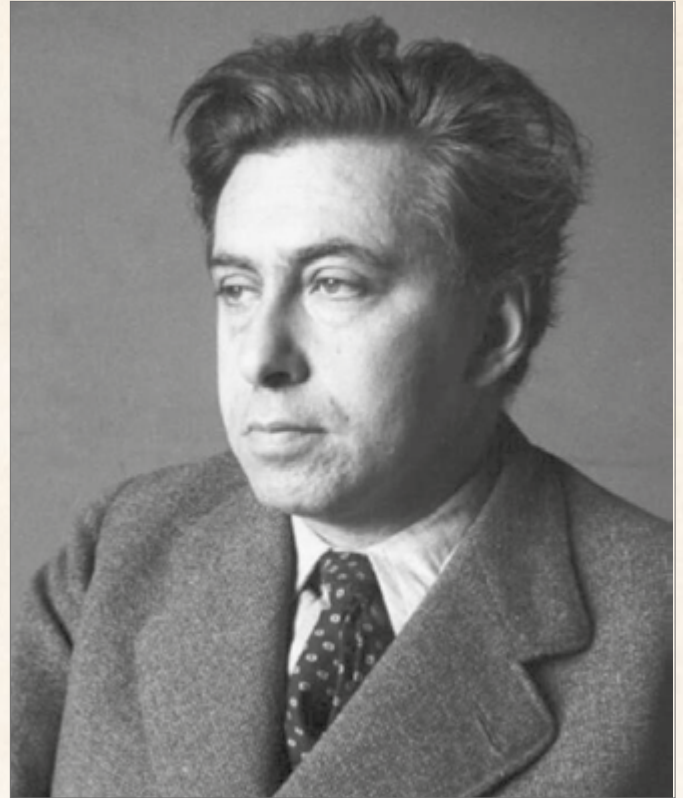

▲ Франсуа Миттеран

ресах Рейха. Роль европейских надзирателей, водителей, автомехаников и моряков весьма велика. В охранных отрядах Тодта иностранцы составляли примерно треть, в Транспортном корпусе почти половину, а тоннаж используемых для военных нужд трофейных судов переваливал за миллион тонн.

Наряду с немцами, европейцы стали признанной элитой военизированных тыловых формирований Рейха. В отличие от также носивших форму, но часто не имевших даже пистолетов «добровольных помощников» из числа бывших советских граждан, они были поголовно вооружены, являясь не только командирами и надсмотрщиками, но и обеспечивая, наряду с полицией и охранными частями, защиту тыловых коммуникаций. Десятки тысяч европейцев, числящихся в рядах Имперской Трудовой службы, действовали в качестве сапёрных и охранных частей и боролись с партизанами. Вступали они в бой и с Красной Армией, как это было на Кременчугском плацдарме в августе 1941 года, под Ржевом

▲ Эренбург И.Г.

в феврале 1942-го и во многих других местах. На последнем этапе войны Имперская Трудовая служба использовалась и для пополнения регулярных соединений вермахта. Среди них стоит отметить безуспешно контратаковавшие советские войска под Берлином в составе 12-й армии дивизии «Теодор Кёрнер», «Фридрих Людвиг Ян» и «Шлагетер», пополненные более чем 7 тысячами трудовиков-охранных.

Несмотря на порой недостаточную подготовку, европейские тыловые части весьма стойко действовали в оборонительных боях, и заслуги их неоднократно отмечались германским командованием. По неполным данным немецкого генерала Крауса, только голландцы из транспортных формирований вермахта за подвиги в боях с партизанами получили от фюрера 25 «железных крестов» — почти столько же, сколько эсэсовцы дивизии «Нидерланды»!

Всего же с учётом армии Виши, «общих» эсэсовцев, гестаповцев и полицейских и тыловых военизированных формирований, оккупированная

Европа дала Рейху более 1 миллиона человек, свыше 100 тысяч из которых погибли. В Гитлере эти люди увидели (и во многом справедливо) очередного крупного объединителя континента типа Карла Великого или Наполеона, который немножко попримжёт демократию, но обеспечит порядок и поделится добычей.

Партизаны, подпольщики, армия Де Голля и другие антигитлеровские формирования за это время потеряли около 60 тысяч человек. Впоследствии эти цифры были непомерно раздуты, как советской, так и западной пропагандой. Приходилось читать, что французская компартия потеряла в годы оккупации 75 тысяч человек. После нападения Германии на СССР, коммунисты и вправду включились в борьбу с оккупантами, и многие из них героически погибли, но из 45 тысяч павших партизан и солдат Де Голля, 75 тысяч одних только коммунистов никак не получается.

Мифом о великом французском сопротивлении мы обязаны, прежде всего, писателю Илье Эренбургу, ко-

торый ещё в молодости провёл в парижских кабачках много счастливых часов. В годы войны Илья Григорьевич заслуженно прославился, как агитатор и пропагандист, и его сказки о сражающейся Франции также были полезны. Сознание того, что в тылу у врага действует мощное подполье, поднимало дух советских граждан. Но война закончилась, Франция вступила в НАТО, а запущенный в тактических целях миф, неуклюжий кремлёвский агитпроп так и не развеял.

Конечно, формально, численность подпольщиков была не многим меньше, чем коллаборационистов, но большинство всю оккупацию ждали у моря погоды или даже активно работали на немцев. О своей героической борьбе они вспомнили аккурат перед самым освобождением или даже после него, а патриотизм проявляли, издеваясь над уличёнными в сотрудничестве с оккупантами, независимо от их реальной вины. Желаясь ознакомиться с подробностями рекомендую блестящий фильм голландского режиссёра Пауля Верхувена «Чёрная книга». Особенно эпизоды, в которых любовница гестаповского карателя перепрыгивает в объятия канадского освободителя, а толпа благонамеренных обывателей избивает реальную подпольщицу и выливает ей на голову чан с дерьмом.

Некоторые прозорливые деятели перешли на сторону союзников раньше, как, например, некий близкий к Петэну и получивший от него орден молодой перспективный политик. Энергичный юноша появился в Северной Африке, через полгода с лишним после закрепления там британцев и американцев, после чего знающий ему цену Де Голль едва не выгнал незваного гостя пинками. Однако у того нашлись влиятельные друзья, и 26-летний Франсуа Миттеран сделал блестящую карьеру, проведя в кабинете президента Франции целых 14 лет, больше, чем Де Голль и кто-либо другой. Лишь после смерти патриарха французской политики журналист Жорж Бенаму издал книгу с длинным названием «Молодой человек, вы сами не знаете, о чём го-

ворите». Название появилось не случайно. Именно эту фразу бросил Бенаму Миттеран, когда тот удивился дружеским отношениям президента с ветеранами петэновской полиции. Затем режиссёр Серж Моати снял о его бурной молодости документальный фильм «Миттеран в Виши», за что возмущённая вдова главного героя обещала затаскать его по судам, но почему-то не выполнила угрозу.

Среди тех, кто боролся всерьёз, значительную часть составляли эмигранты из России, Югославии, Испании и даже Германии, а ещё более изрядную — беглые советские военнопленные, советские же граждане, угнанные на принудительные рабо-

ты, и коммунисты. Первые две категории без войны Германии против СССР в Европу просто не попали бы. Коммунисты же до 22 июня 1941 года сохраняли лояльность оккупантам, вели с ними переговоры о возобновлении издания своих запрещённых газет и освобождении арестованных союзными властями активистов, а также выпускали прокламации, в которых гневно клеймили англо-французский империализм.

Лидеры компартий Европы считали своим командиром исключительно товарища Сталина. Пока он поддерживал мирные отношения с Рейхом, они вели себя так же, а чуда героизма и самоотверженности

▲ Черчилль и Монтгомери

▲ Мильх Эрхард

стали проявлять только когда Гитлер напал на Советский Союз — их Родину не по месту рождения, а по духу.

Наряду с коммунистами и гражданами СССР в французском подполье была чрезвычайно велика также испанских республиканцев бежавших во Францию после поражения в гражданской войне. По неполным данным, к 1944 году во Франции действовало 35 отрядов, состоящих преимущественно из советских граждан, и 27 из испанских беженцев, а всего в сопротивлении и войсках антигитлеровской коалиции воевало до 90 тысяч испанцев.

Из борющихся с оккупантами российских эмигрантов у нас наиболее известны, казнённые гитлеровцами поэтесса плеяды Серебряного века Елизавета Пиленко (впоследствии монахиня Мария) и княгиня Вера Оболенская, но было и множество других. Само название этого движения возникло из одноимённой подпольной газеты, которую редактировали выходцы из России Борис Вильде и Анатолий Левицкий. Неофициальный гимн Движения «Песню партизан», сочинил также выходец из России Иосиф (Жозеф) Кессель и его родившийся во Франции племянник, в будущем один из самых популярных в России французских писателей — Морис Дрюон. Даже первой

исполнительницей «Песни партизан» стала дальняя родственница Михаила Лермонтова и Петра Столыпина Анна Бетулинская, известная на французской эстраде, как Анна Марли.

За вычетом коммунистов, эмигрантов и военнопленных, активных антифашистов в Западной Европе оказалось многократно меньше, чем коллаборационистов. Неудивительно, что самым спокойным местом в оккупированной Европе стали принадлежащие Великобритании Нормандские острова в проливе Ла-Манш. Тут практически не было ни эмигрантов, ни коммунистов, а чиновники и полиция оказались столь лояльны, что немецкие военные могли гулять, где вздумается, без оружия.

Большинство современных историков, объясняющих поддержку фюрера частью советских граждан кровавыми большевистскими репрессиями, об этом предпочитают умалчивать. Ведь рухнет краеугольный камень их теории, разъясняющей, что до коллаборационизма жителей СССР, надевших немецкую форму, довели коммунистические репрессии. Но какие кровавые тираны довели до такого же поведения их европейских соратников? Неужели последний премьер-министр довоенной Франции Поль Рейно расстреливал французских лавочников как врагов

народа? Или король Бельгии Леопольд гноил соотечественников в лагерях Бельгийского Конго, а королева Нидерландов Вильгельмина раскулачивала голландских фермеров и ссылала их в джунгли Индонезии? А если нет, может, дело не только и не столько в репрессиях?

По всему выходит, что нет, и многие десятки миллионов людей видели в Гитлере такого же объединителя Европы, как Наполеон, с охотой ему подчиняясь. Кроме того, обширные слои населения союзников Германии, оккупированных ею стран и формально нейтральных государств, охватило желание получить свою долю добычи на Востоке. Из нейтральных государств наиболее внушительно выглядит вклад Испании. Через действовавшую под Ленинградом испанскую «Синюю дивизию» (названную по цвету рубашек правящей в Испании монархо-фашистской партии), прибывшую вместе с ней авиагруппу, войска СС и военно-морские подразделения прошли около 50 тысяч военнослужащих, около 10 тысяч из которых погибло. Среди них было некоторое количество добровольцев из соседней Португалии, офицеры которой кроме того, стажировались в немецкой армии.

После войны испанский диктатор Франсиско Франко усиленно продвигал версию, что категорически отказался вступить в войну на стороне Гитлера, чем едва не решил исход Второй Мировой войны. Но на самом деле подоплёка его нейтралитета была иная. Франко выразил готовность поучаствовать во вторжении при условии передачи ему британского Гибралтара, захват которого в 1704 году многие испанцы до сих пор не могут простить англичанам. Ещё вождь Испании желал получить французскую часть Марокко, провинцию Оран в Алжире и, сверх того, некоторые территории на юге самой Франции. Ну и плюс поставки значительного количества вооружений и боевой техники. На перевооружение отсталой испанской армии у Германии не было запланировано достаточно ресурсов, да и за время, необходимое на её обучение, нем-

цы уже планировали занять Москву. Передача Марокко и Орана могла вызвать мятеж частей французской колониальной армии, которым не замедлили бы воспользоваться англичане. Германия сочла такую цену слишком высокой, и потому испанская военная помощь ограничилась «Синей дивизией».

Французы, бельгийцы, голландцы, люксембуржцы, датчане, норвежцы... То есть вся континентально-европейская составляющая созданного в 1949 году Северо-Атлантического блока (НАТО), к которому в 1955 году присоединилась ФРГ, в 1982 году — Испания, а после 1990 года большинство стран Восточной Европы и прибалтийские республики распавшегося Советского Союза.

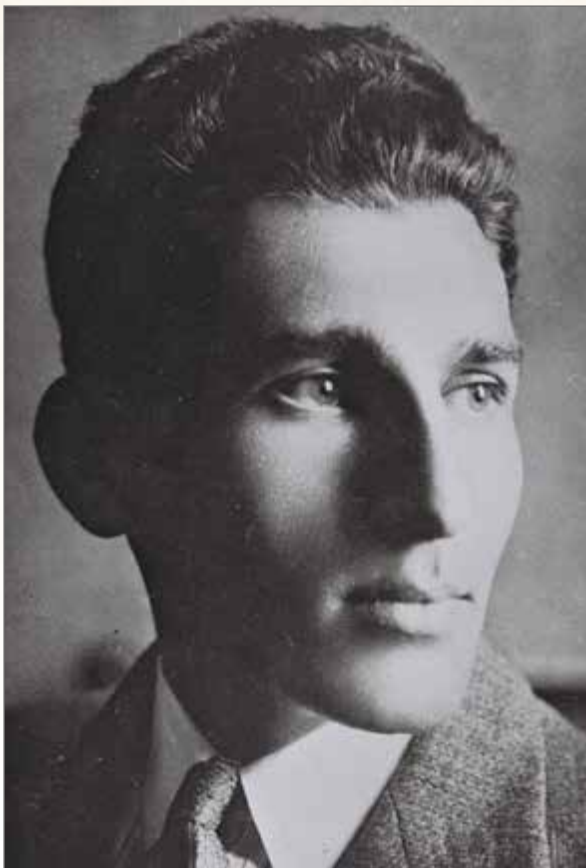
Немалой поддержкой Гитлер пользовался и во многих арабских странах. В Египте с германской разведкой активно сотрудничал будущий президент, а тогда молодой перспективный офицер Анвар Садат. В Ираке

1 апреля 1941 года ориентирующая на Берлин организация «Золотой квадрат» устроила государственный переворот, и британцам пришлось поторапливаться, чтобы успеть задушить мятежников до появления немцев. Иран во избежание перехода на сторону Германии был оккупирован советскими и британскими войсками 25–30 августа того же года, а иранскому шаху Резе Пехлеви пришлось покинуть престол.

Даже в Палестине, в еврейской диаспоре, нашлось немало сторонников сотрудничества с Гитлером против оккупировавших обетованную землю англичан. Сионистское движение всегда охотно сотрудничало с нацистами, совершенно логично считая, что чем жёстче Гитлер будет проводить антисемитскую политику в Германии и на оккупированных территориях, тем больше народу удастся вынудить уехать за границу, а поскольку принимать беженцев, нигде особо не жаждали, то многим

поневоле придётся отправляться в нищую Палестину. Однако британцы всё же были реальной властью и, поссорившись с ними, можно было занять серьёзные проблемы. Как тут поступить бедному еврею? Каждая сионистская группа ответила на этот вопрос по-своему.

В августе 1940 года от террористической «Иргун цвай Леуми» («Национальной военной организации»), руководство которой решило на время войны помириться с британцами, отделяется группировка «Лохамет херут Исраэль» («Борцы за свободу Израиля») во главе с Авраамом (Яиром) Штерном. Боевики Штерна успешно отстреливают британских офицеров и чиновников, грабят банки и пытаются наладить контакты с Третьим Рейхом. Посланник Штерна Нафтали Любенчик встречается в Бейруте с сотрудником министерства иностранных дел Германии Вернером Отто фон Хентигом, и они даже публикуют совмест-

▲ Авраам Штерн

▲ Ицхак Шамир

▲ Анвар Садат

ное заявление о грядущей дружбе Израиля и Третьего Рейха.

Англичане звереют, убивают Штерна, сажают многих активистов организации, перехватывают выехавшего на очередную встречу с гитлеровцами соратника Штерна Натана Елин-Мора, но остальные продолжают действовать. Фактическим лидером организации становится сбежавший из тюрьмы уроженец белорусского посёлка Ружаны Ицхак Езерницкий. Венец его террористической деятельности — убийство британского министра по делам Ближнего Востока Уолтера Гиннеса 6 ноября 1944 года и ликвидация представителя ООН Фольке Бернадотта 17 сентября 1948 года. Затем Езерницкий, более известный как Ицхак Шамир, уходит в политику и 10 октября 1983 года занимает высокий пост премьер-министра Израиля.

В конце 1943 года лидером «Ир-

▲ Менахем Бегин

гун цвай Леуми» становится родившийся в Бресте молодой юрист Менахем Бегин, дезертировавший из польской армии Андерса вместе с тысячами собратьев. Организация немедленно возобновляет террор против англичан и не прекращает его до их ухода из Палестины, а Бегина 21 июня 1977 года избирают премьер-министром Израиля.

В Израиле Бегина, Шамира, Штерна и их соратников почитают чрезвычайно, а в честь последнего один из посёлков страны назван Кохав Яир (Звезда Яира). Однако в те годы многие соплеменники обзывали их фашистами и сдавали англичанам. Самая крупная еврейская военная организация Палестины «Хагана» («Оборона»), созданные при ней отряды спецназначения «Плугат махац» («Ударные роты»), как и умеренное крыло «Иргуна», поддержали Антигитлеровскую коалицию, ограничившись, однако, за-

сылкой во вражеский тыл нескольких диверсионных групп. Немцы безжалостно расправлялись с пойманными сионистскими диверсантами, однако пленные из числа 30 тысяч палестинских евреев, служивших в британской армии на общих основаниях, репрессиям не подвергались.

Лишь в сентябре 1944 года, по личному указанию Черчилля, для участия в боевых действиях против Третьего Рейха из боевиков «Хаганы» начала формироваться Еврейская бригада. Прибыв в Италию 5 ноября 1944 года, она пошла в бой лишь 20 марта 1945 года и поучаствовала только в нескольких мелких стычках, потеряв около 60 человек из 5 тысяч.

Интересно, что по другую сторону фронта, согласно исследованиям американского историка Брайана Ригга, только в германской армии служило не менее 150 тысяч солдат,

офицеров и генералов с еврейской кровью, имеющих по современным израильским законам право на гражданство. Некоторые из них были удостоены высоких наград, как, например, Кавалер Железных крестов I и II степени и Золотого Рыцарского креста полковник Вальтер Холландер. Фронтовой друг Геринга Эрхард Мильх дослужился до генерал-фельдмаршала. Скромный рядовой Гельмут Шмидт впоследствии стал канцлером ФРГ, а другой рядовой, Вернер Гольдберг, даже послужил моделью для фотоплаката «Идеальный немецкий солдат». Есть немало оснований усомниться в арийском происхождении кавалера Золотого креста Вилли Максимо-вича, успешно таранившим на своём «Фокке-Вульфе» американский бомбардировщик... Добавив к этим незаурядным людям лиц с еврейской кровью в армиях союзников Рейха, вряд ли стоит удивляться, что только в советском плену евреями в конце войны записалось 10 173 человека.

На фоне Мильха и Холландера операции Еврейской бригады не слишком впечатляют. Как, впрочем, и деятельность будущего министра обороны Израиля Моше

Даяна, главным успехом которого стала атака на пограничный пост французов в Ливане, захваченный тремя десятками боевиков «Плугар махац». В бою шальная пуля попала в командирский бинокль, Даяну выбило глаз осколком стекла, и с того времени он всегда носил свою знаменитую чёрную повязку.

Впоследствии автор легенды о датском короле, пришившем себе на пиджак могоендовид ради спасения своих евреев, писатель Леон Юрис изрядно раздул подобные истории. Несколько стычек сионистских диверсантов с французскими патрулями он раздул в эпическое отражение атаки горсткой героев двух батальонов с танками. Уже в наши дни американского сказочника переплюнул известный российский юморист Михаил Веллер. В его рассказе Даян воевал аж под Киевом, где покосил из пулемёта целую роту немцев, а после боя получил орден лично из рук маршала Рокоссовского.

Одноглазый генерал не нуждается в подобном кривлянии вокруг своего имени — реальных подвигов у него и так выше крыши, а израильская армия многократно одерживала

блестящие победы над превосходящими силами противника. Но её время настало, когда нужно было арабов из Палестины выкидывать и Иерусалим штурмовать. Конфликты же между презренными героями типа Черчилля, Сталина и Гитлера для отцов-основателей Израиля значили не больше, чем кухонная разборка между рыжими и чёрными тараканами.

Узнавая о вышеперечисленных фактах, профессиональные борцы с жидомасонским заговором, как правило, начинают истошно вопить о вековом еврейском коварстве. Но как можно ругать людей за то, что им ближе к телу своя рубашка, а не ваша? Надо только не забывать, что правила должны быть одни для всех, и поэтому наследники Бегина, Шамира и Штерна не имеют ни малейших оснований требовать у кого-либо помощи в конфликтах с мусульманским миром. Любые услуги только за наличный расчёт со сто-процентной предоплатой.. ■

▲ Гельмут Шмидт

▲ Моше Даян и Голда Меир

КОНЧИНА

Николая Федосовича

ВЕРТЕЛЯ

2 января 2023 года в городе Донецк на 93 году жизни скончался Заслуженный военный летчик СССР, летчик первого класса, генерал-майор авиации Н. Ф. Вертель. Ушел из жизни славный пилот, посвятивший всю жизнь авиации. Николай Федосович родился 9 мая 1929 года в селе Златоустовка, ныне Волновахского района Донецкой области в семье колхозника. В 1949 году окончил среднюю специальную школу ВВС. Поступил в Кировобадское военное авиационное учи-

лище, 1953 году закончил. В 1961 году окончил Военно-воздушную академию. Проходил службу в частях и соединениях Военно-Воздушных Сил в качестве летчика, старшего летчика, командира авиационного звена 218 бомбардировочной дивизии, командира авиационной эскадрильи 478 учебного авиационного полка, заместителя командира 606 учебного авиационного полка, командира 478 авиационного полка, заместителя начальника по летной подготовке, а ноября 1973 года полковник Вертель Н. Ф. возглавил Балашовское Высшее военное авиационное училище летчиков. 5 мая 1976 года присвоено звание генерал-майор авиации. Командовал училищем до декабря 1986 года. Возглавив Балашовское ВВАУЛ, Н. Ф. Вертель продолжил работу по дальнейшему повышению эффективности учебно-воспитательного процесса. Училище выполняло задачи подготовки летных кадров для ВВС на центральной базе, летную подготовку — на базе учебных авиационных полков и авиационных частей ВВС Советской Армии. В 1977 году Балашовскому ВВАУЛ было присвоено имя дважды Героя Советского Союза Главного маршала авиации А. А. Новикова. Балашовское ВВАУЛ за период, когда им командовал Н. Ф. Вертель, для ВВС нашей армии подготовило около трех тысяч военных летчиков. Годы его правления считаются временем расцвета Балашовского ВВАУЛ. С 1973 года летчики Балашовского ВВАУЛ выполняли специальные задачи в странах Юго-Восточной Азии, Африки, на Ближнем Востоке. В сложных климатических условиях (тропические ливни, испепеляющая жара, пылевые бури) в боевой обстановке авиационные экипажи с честью выполнили поставленные им задачи. Балашовское училище в годы командования им Н. Ф. Вертеля выполняло задачи по оказанию международной помощи в подготовке летного состава армиям дружеских иностранных государств. После увольнения из рядов Вооруженных Сил Николай Федосович активно занимался общественной работой.

Светлая память о прекрасном человеке, пламенном патриоте Отечества — Николае Федосовиче Вертеле сохранится навсегда в наших сердцах.

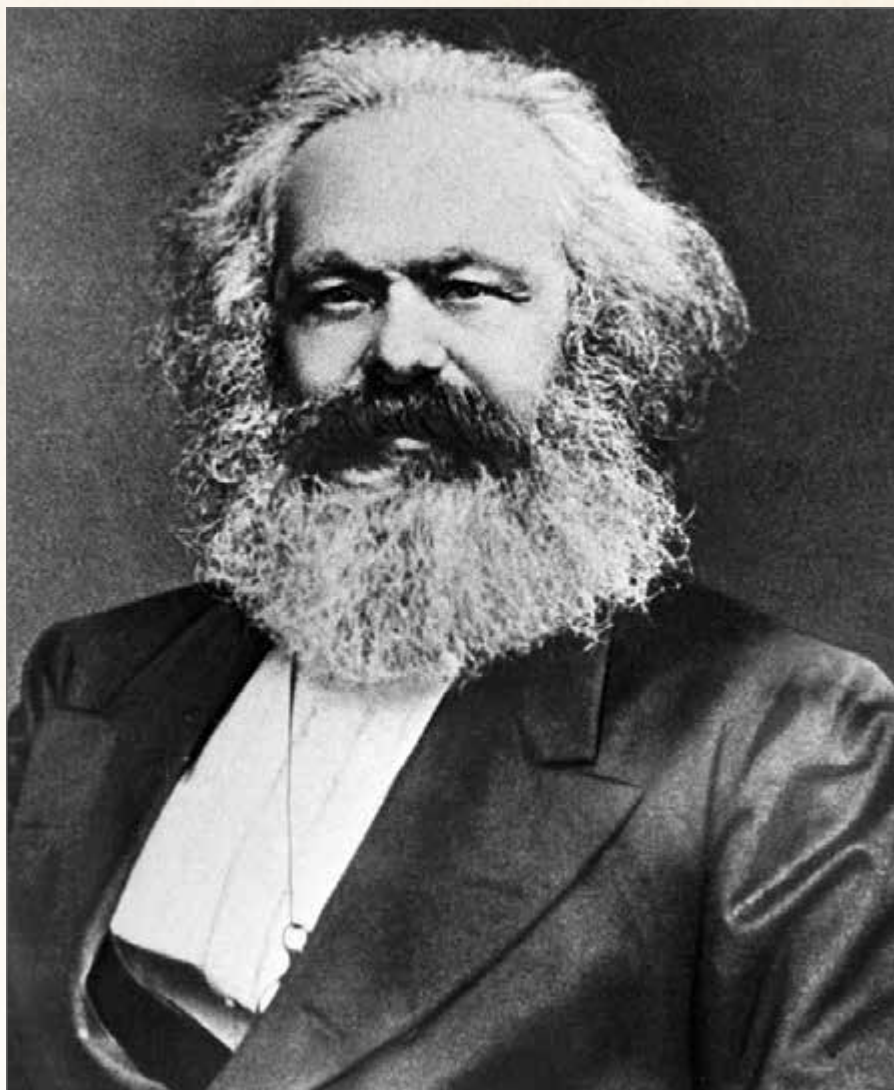

ЧЕМ БЫЛА РОССИЯ ДЛЯ ВСЕСИЛЬНОГО «УЧИТЕЛЯ»

Имя Карла Маркса не так давно прославлялось в нашей стране с самых высоких трибун. Именно его теорию взяла за основу Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков (РСДРП(б)), которая в октябре 1917 года совершила Великую Октябрьскую Социалистическую революцию. Поэтому Маркс долгие годы в России почитался чуть ли не божеством, наряду с Лениным, Энгельсом и другими выдающимися продолжателями «великого марксистского учения». Их характерные бородастые профили украшали едва ли не все видные советские учреждения. Любопытно, что всё это происходило в стране, которую сами основоположники коммунизма буквально... ненавидели.

Да, ненавидели. Маркс и Энгельс при жизни прославились именно как оголтелые русофобы. В советские годы это обстоятельство тщательно скрывалось от народа, до печати доходили лишь прилизанные произведения «основоположников», которые не отражали их истинных чувств по отношению к России. И только после распада Советского Союза на свет божий стала выплывать правда, открывшая очень неприглядный облик отцов марксизма. Их русофобия носила даже не классовый характер, они отторгали русских по расово-племенному признаку. Точно также как у главарей нацистского третьего рейха.

Возникает закономерный вопрос — почему революционно-социалистическая идеология Маркса, несмотря на все его русофобские опусы, была поддержана русскими социал-демократами? Да потому что

▲ Карл Генрих Маркс

они придерживались точно таких же взглядов на нашу страну, как и Карл Маркс.

Для всех этих коммунистов-интернационалистов: Ленина, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, Троцкого и прочих большевистских

вождей Россия была такой же отсталой и реакционной «тюрьмой народов», требующей хорошего кровопускания. Известно выражение Ленина об «истинном русском человеке» как «великодержавном подлце и насильнике». Думается, что эта

▲ Вожди

русофобская характеристика ничем не лучше чудовищных высказываний Маркса.

Все они приехавшие в Россию после февраля 1917 года, почти полжизни проведя за границей, долго не верили в возможность социалистической революции в России, отдавая предпочтение гегемонии германского и прочего западного пролетариата. Не верили даже тогда, когда взяли в октябре 1917 года власть. Россию они хотели использовать лишь как «вязанку хвороста» (по Троцкому) для осуществления мирового революционного пожара — а основой нового пролетарского государства должна была стать передовая Германия. Но когда эти планы мировой революции провалились, пришлось к социалистическим идеям Маркса приспособлять «отсталую Россию». Чем правящая партия и занималась почти 70 лет, скрывая от народа истинное отношение «основоположников» к нашей стране и к нашей бурной истории.

В советское время Маркс был поставлен высшим непререкаемым авторитетом. Память о нем хранили портреты, памятники, названия улиц и проспектов. О его героической судьбе издавались гигантскими тиражами книги, включая полное собрание сочинений Маркса и Энгельса.

Был выпущен даже телесериал «Молодые годы Карла Маркса».

К 1933 году сложился канонический образ изображения вождей коммунистической идеологии: первым слева — Маркс, затем Энгельс, и далее Ленин и Сталин. Причем первая тройка смотрит «куда-то туда» и только взгляд «товарища Сталина» обращен на тех, кто находится перед плакатом.

В сети политпросвещения советские люди неустанно долбили труды апостола коммунизма: «Капитал», «Коммунистический манифест», «Критика Готской программы», «18 брюмера Луи Бонапарта».

Если бы Советская власть продержалась до наших дней, 200-летний юбилей Карла Маркса отмечался бы с вселенским размахом. И новое поколение советских людей заучивало бы не только знаменитое ленинское «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», но и менее известное признание нашего вождя в любви основоположникам: Маркс и Энгельс «были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение».

Но всё это миф. Ленин выдавал желаемое за действительное. Мало кто даже из современных западных политиков говорит о России с такой проникновенной ненавистью, как это делал Карл Маркс.

Маркс называл Россию не иначе как страной варварской, нецивилизованной, достойной только презрения. Стоит только внимательно вчитаться в его бесчисленные сочинения...

«Нас ждет борьба с варварскими ордами Австрии и России...»

«Даже в совершенно варварских странах буржуазия делает успехи...»

Россия по Марксу - «оплот мировой реакции», «угроза свободному человечеству», «единственная причина существования милитаризма в Европе», «последний резерв и становой хребет объединенного деспотизма в Европе», «враги революции сконцентрированы в России».

Провидец Маркс и мысли не допускал, что в России возможна пролетарская революция. По его мнению, в ней «может быть только тот или иной бунт, причем достанется немецким платьям, а революции никакой и никогда не будет». Маркс искренне удивлялся, когда ему говорили, насколько он популярен в варварской стране: публиковали работы, перевели «Капитал». И с настороженностью относился к революционным деятелям из России, считая их царскими агентами. Правда, в 1881 году, после убийства Александра II, он оживился: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе».

Но за передовой отряд революционного движения Маркс принял кучку террористов.

В 1848 году Маркс стал свидетелем мощной волны революционного движения, охватившего половину европейского континента. Эта революция едва не угробила Австрийскую империю, в которой мятеж подняли революционно настроенные венгры. Империя уцелела лишь потому, что ей на помощь, с одной стороны, пришли верные императору Австрии воинские подразделения южных славян (хорватов и сербов), которые страдали от притеснений венгерских националистов. А с другой стороны — в империю вторглись войска России, чей царь находился с австрийцами в союзнических отношениях (оба монарха обязались помогать друг другу в случае любых революционных выступлений).

Революционер Маркс был в бешенстве от этих событий. Он тут же написал полную национальной ненависти статью, где обозвал славян «контрреволюционной расой, раковой опухолью Европы». В частности, о южных славянах он писал следующее:

«Балканы, эта великолепная территория, имеет несчастье быть населённой конгломератом различных рас и национальностей, о которых трудно сказать, какая из них наиболее способна к прогрессу и цивилизации».

От Карла Маркса неотделим Фридрих Энгельс (тем более, что второй часто подписывал свои работы именем первого), и оба выражали люютую ненависть к России, русским и к большинству славян.

Но более всего Маркс и его друг Энгельс ополчились на Россию как центр притяжения славянского мира. Энгельс по этому поводу патетически восклицал:

«У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться варварскому игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы — Россию».

А с 1849 года, когда оба «основателя» перебрались на постоянное место жительства в Лондон,

▲ Фридрих Энгельс

они получили великолепную возможность вещать о своих русофобских идеях в полный голос.

Двух революционеров на своё содержание принял влиятельный британский газетный трест «Свободная пресса». Этот трест, под видом независимой частной корпорации, был создан на деньги английского правительства для ведения тотальной информационной войны с врагами Британской империи. Россия, как конкурент Британии по многим вопросам международной политики, занимала в чередё этих врагов одно из первых мест. Поэтому антирусские публикации Маркса и Энгельса охотно печатались на страницах печатных изданий «Свободной прессы».

8 января 1849 года Энгельс в работе «Революция в Венгрии» писал: *«Но при первом же победоносном, восстании французского пролетариата, которое всеми силами старается вызвать Луи-Наполеон, австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавой мезтью отплатят славянским варварам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций. В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом».* Энгельс в том же 1849: *«О немец-*

ких интересах, о немецкой свободе, о немецком единстве, немецком благосостоянии НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ, когда вопрос стоит о свободе или угнетении, о счастье или несчастье ВСЕЙ ЕВРОПЫ. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует ТОЛЬКО ОДИН ВОПРОС! ХОТИТЕ ЛИ ВЫ БЫТЬ СВОБОДНЫМИ или ХОТИТЕ БЫТЬ ПОД ПЯТОЙ РОССИИ?»

В статье "Демократический панславизм" Энгельс вещает: "На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: **НЕНАВИСТЬ К РУССКИМ** была и продолжает еще быть у немцев **ИХ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТРАСТЬЮ**; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи **САМОГО РЕШИТЕЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА ПРОТИВ ЭТИХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ** можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию

от опасности. Мы знаем теперь, **ГДЕ СКОНЦЕНТРИРОВАНЫ ВРАГИ РЕВОЛЮЦИИ: В РОССИИ** и в славянских областях Австрии; и **НИКАКИЕ ФРАЗЫ ИЛИ УКАЗАНИЯ НА НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ЭТИХ СТРАН НЕ ПОМЕШАЮТ НАМ ОТНОСИТЬСЯ К НАШИМ ВРАГАМ, КАК К ВРАГАМ**."

«Основоположники научного коммунизма» поддерживали антинаучную «теорию» украинского националиста Духинского о том, что русские — не славяне. В письме Энгельсу от 24 июня 1865 г. Маркс писал:

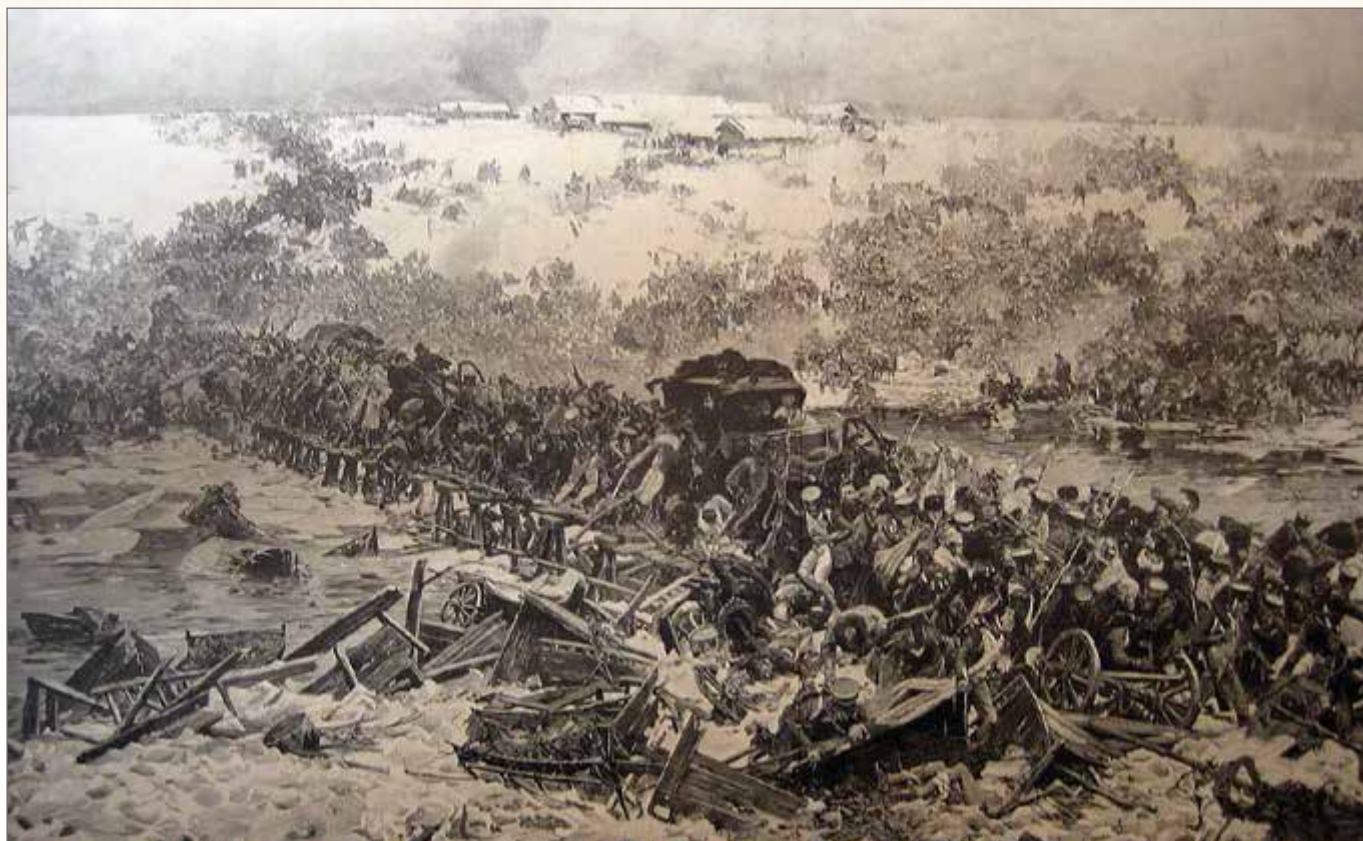
«Настоящие москвиты, т.е. жители бывшего великого княжества Московского, большей частью монголы или финны... Название Русь узурпировано москвитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индоевропейской расе, они пришельцы, которых требуется опять прогнать за Днепр».

Пик русофобской деятельности «основоположников» пришёлся

на период Крымской войны (1854 — 1856 годы), когда на Россию напала целая коалиция западных стран во главе с Британией и Францией. Маркс и Энгельс страстно призывали превратить эту войну в «священную борьбу европейских наций» против России (удивительно, но примерно под тем же лозунгом Гитлер воевал против Советского Союза уже в середине XX века). Маркс буквально заклинал европейцев:

«Кронштадт и Петербург необходимо уничтожить... Без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя с эмансипированной Финляндией и враждебной армией у врат столицы... что будет с Россией? Гигант без рук, без глаз, могущий только пытаться поразить своих противников слепым весом».

А Энгельс даже пытался обосновать теорию военного похода на Москву, которая позволила бы европейским союзникам избежать тех ошибок, которые совершил Наполеон во время войны 1812 года.

▲ Бегство из России, французы на Березине

Оба «основоположника» завязали дружескую переписку с польским террористом Теофилом Лапинским, публично призывавшим либо истреблять русский народ поголовно, либо загнать его «как дикого зверя» за Урал, в сибирские снега.

Но одно в Крымской войне было бесспорным: агрессором выступала Турция, которую поддержали Англия и Франция. И именно их сторону безоговорочно принял человек, полный «самой радужной веры в русскую революцию».

Боевые действия в Крыму еще не начались, а Маркс уже предвкушает победу турецко-англо-французской коалиции. И в статье «Восточная война» строит геополитические планы:

«Без сомнения, турецко-европейский флот сможет разрушить Севастополь и уничтожить русский Черноморский флот; союзники в состоянии захватить и удерживать Крым, оккупировать Одессу,

блокировать Азовское море и развязать руки кавказским горцам. То, что должно быть предпринято в Балтийском море, так же самоочевидно, как и то, что должно быть предпринято в Черном море: необходимо любой ценой добиться союза со Швецией; если понадобится, припугнуть Данию, развязать восстание в Финляндии путем высадки достаточного количества войск и обещания, что мир будет заключен только при условии присоединения этой провинции к Швеции. Высаженные в Финляндии войска угрожали бы Петербургу, в то время как флоты бомбардировали бы Кронштадт».

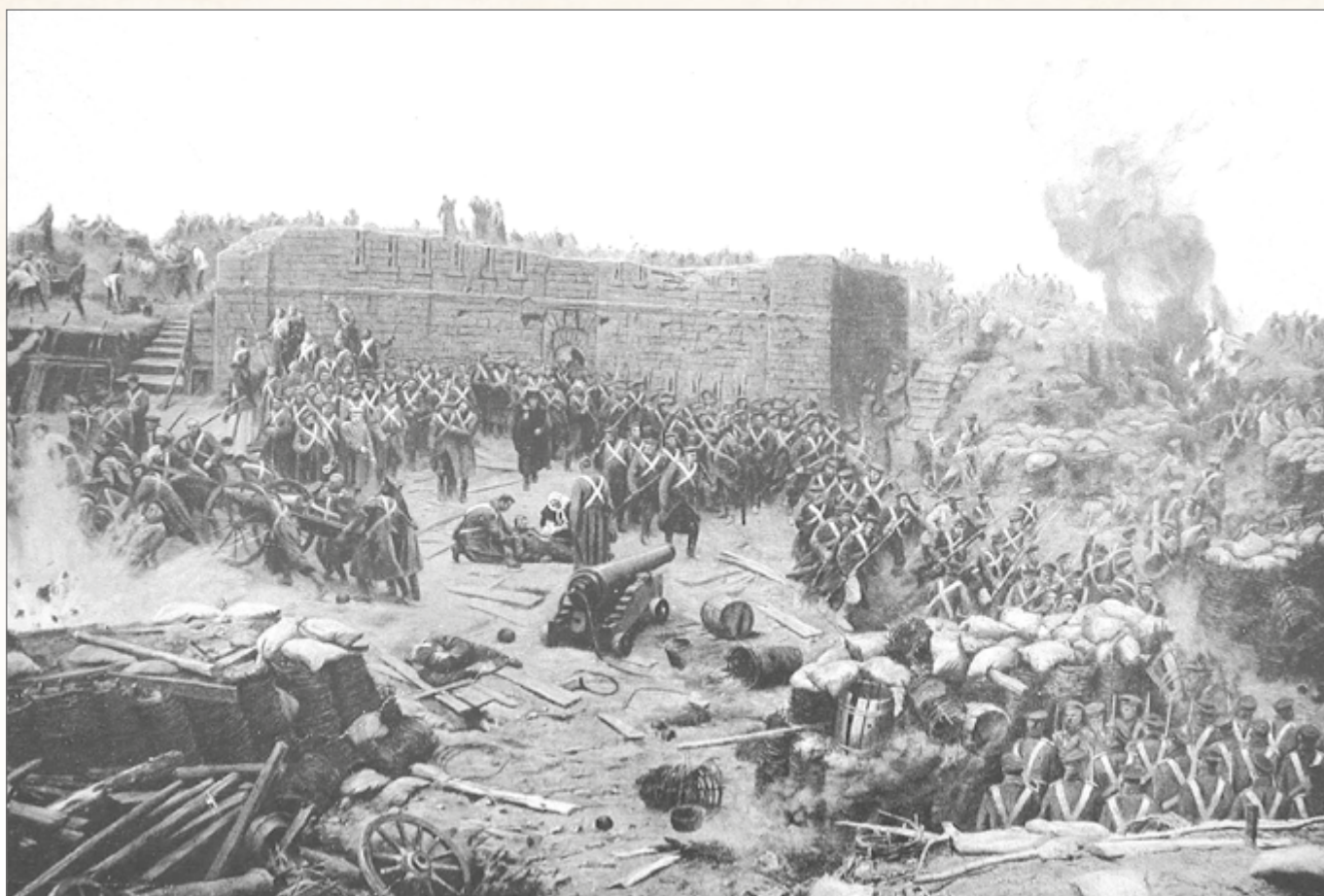
Но конечная цель Маркса еще глобальнее: «Россия была бы отрезнена к границам Азии». Автор жалеет, что этого не удалось сделать Наполеону. И отводит Британии особую роль в будущей войне: «Англия имеет возможность нанести удар

России в ее самом уязвимом месте. Не говоря уже о том, что она может заставить шведов завоевать обратно Финляндию, для ее флота открыты Петербург и Одесса... Без Петербурга и Одессы Россия представляет собой великана с отрубленными руками».

Маркс много размышляет, как и какие санкции могут сделать Россию стоворчивой и покорной: «Отрезанная от английского рынка, Россия через несколько месяцев подверглась бы тяжелейшим потрясениям... Россия, которой так боятся, вовсе не так опасна».

Не правда ли, современно звучит?

В это же время на страницах британской прессы Маркс приступил к публикации своей известной работы «Тайная дипломатическая история XVIII-го столетия», которую российские власти решили опубликовать на русском языке

▲ Крымская война, Севастополь

только во время «перестройки», в 1990 году. Можно сказать, что это был настоящий русофобский исторический манифест. Вот только один перл из этого труда:

“Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить план завоевания мира”.

По сути это клевета — Петр I никогда не строил планы завоевания мира. Да и считать его рабом могут разве что беллетристы-графоманы с очень богатой фантазией.

Сейчас стало известно, что эту бредовую идею о Петре I как «преемнике» монгольских ханов Маркс позаимствовал из одной исторической фальшивки, так называемого тайного “Завещания Петра Великого”, где якобы излагались секретные планы русских по завоеванию мирового господства. Ещё при жизни Маркса было достоверно установлено, что это “Завещание” выдумали и состряпали в 1811 году советники Наполеона Бонапарта, искавшие любой повод для нападения на Россию в “защиту европейской цивилизации”. Но Маркса этот нюанс нисколько не смутил — он до конца жизни оставался верен своим русофобским убеждениям.

А спустя полвека сделанные им “наработки” о неполноценности русских, об исторической агрессивности России, якобы веками угрожавшей Европе, были взяты на вооружение главарями нацистской Германии.

Основоположникам марксизма присуще желание умалить военные успехи России и значение ее побед. Так, излагая историю освобождения России от монголо-татарского ига, Маркс ни словом не упоминает о Куликовской битве. По его словам, «когда татарское чудовище, наконец, испустило дух, Иван явился

▲ Ленин на открытии памятника 7 ноября 1918 г.

к его смертному одру, скорее, как врач, предсказавший смерть и использовавший ее в своих интересах, чем как воин, нанесший смертельный удар».

Участие России в войнах с Наполеоном классики марксизма считают средством реализации захватнических планов России, в частности, по разделу Германии. Остается без внимания тот факт, что действия русской армии (в частности, самоубийственный переход армии под предводительством Суворова через Альпы) спасали Австрию и Пруссию от полного разгрома и завоевания и осуществлялись как раз в их интересах. Свое видение антинаполеоновских войн Энгельс описывает следующим образом: «Ее

(Россию) могут устроить только такие войны, когда союзники России должны нести основное бремя, подвергать свою территорию, превращенную в театр военных действий, опустошениям и выставлять наибольшую массу бойцов, в то время как русские войска выполняют роль резервов, которые щадят в большинстве боев, но на долю которых во всех крупных сражениях выпадает связанная со сравнительно небольшими жертвами честь решать окончательный исход дела; так это и было в войне 1813—1815 годов».

Автор учения о диктатуре пролетариата делил страны на продвинутые в промышленном отношении — и значит, по его расчетам,

перспективные для революционного взрыва. И все прочие, в которых пролетариат ни при каких обстоятельствах никогда не возьмет власть. К первым он относил Англию, Францию, Германию, США. Ко вторым — по сути, весь остальной мир, включая Россию. Потому поддерживал экспансию Англии, в какой бы точке мира она ни проявлялась. И всех, кто вставал на пути Англии, рассматривал как силы реакционные.

Россия может помешать британской торговле с внутренними районами Азии? Британской колониальной политике? Значит, надо вытеснить Россию с Черного моря и тем самым обеспечить свободный проход судов через Дарданеллы. Англия ни в коем случае не должна допустить, чтобы придунайские страны оставались в сфере влияния России:

“Сначала надо добиться, чтобы Россия очистила Крым, все Закавказье и Кавказ до Терека и Кубани, чтобы была сожжена Одесса, разрушена гавань в Николаеве и очи-

щен Дунай до Галаца”. Марксовый план, как всегда, избавлен от сантиментов. Во имя главной цели он готов даже встать на сторону горцев Кавказа, укоряя западных правителей: *“Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа”.*

С надеждой Маркс смотрел и на США, где тоже рос и креп пролетариат — будущий, как он был уверен, могильщик буржуазии. Поэтому немецкий еврей приветствовал захват Соединенными Штатами новых и новых территорий на континенте. И, соответственно, предъявлял претензии царскому режиму — порой просто анекдотические: *“Россия поощряла Гражданскую войну в Соединенных Штатах, так как конкуренция со стороны янки подрывала вывоз русских сельскохозяйственных продуктов на рынки Европы”.*

Маркс не терпел малейшего благосклонного взгляда на Рос-

сию. Когда последователи Прудона позитивно высказались о нашей стране, Маркс буквально размазал их по стенке: *“Они восхищаются Россией как великой страной будущего, как самой передовой державой во всем мире... Они обвинили Совет Международного Товарищества в том, что он... объявил великодушный русский народ вне пределов цивилизованной Европы...”* Но еще больше Маркс поражался тому, что западные правители не видят исходящей от России угрозы всему существу:

“Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Ее методы, ее тактика, ее приемы могут изменяться, но путеводная звезда этой политики — мировое господство, остается неизменной”.

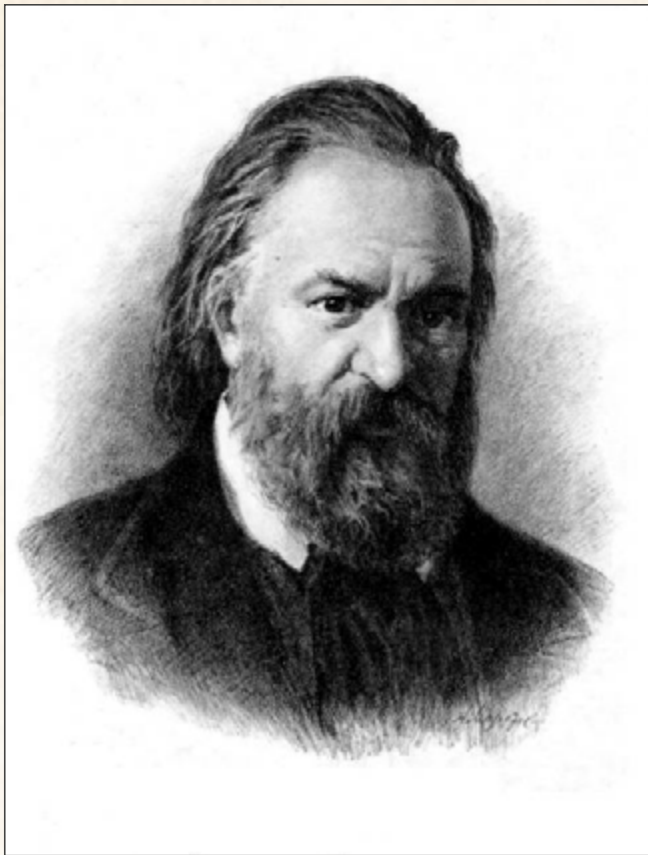
В 1865 г., предлагая Лондонской конференции набросок программы для Женевского конгресса Интернационала (Международного Товарищества рабочих), Маркс во всем разделе «Международная политика» оставил всего один вопрос: «О необходимости уничтожения московитского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановление Польши на демократических и социальных основах». Таким образом, право наций на самоопределение — только для Польши, и не ради нее, а как средство «уничтожения московитского влияния в Европе». В повестку дня Конгресса это предложение вошло как пункт 9: «Московитская угроза Европе и восстановление независимой и единой Польши».

Из речи Маркса на польском митинге в 1867: *“Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет! Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Путеводная звезда этой политики — мировое господство — остается неизменной. Только изворотливое правительство, господствующее*

▲ Троцкий — За мировую революцию!

▲ Герцен А.И.

над массами варваров, может в настоящее время замышлять подобные планы... Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо ВОЗГЛАВЛЯЕМОЕ МОСКОВИТАМИ АЗИАТСКОЕ ВАРВАРСТВО обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя, таким образом, от Азии двадцатью миллионами героев".

Россия Марксу представлялась зловещей державой, которая "заключает договоры, чтобы создавать предлоги для завоевательных войн, и ведет войны, чтобы отравлять атмосферу договорами". Верить России нельзя. Чувствовать себя в безопасности, пока рядом Россия, нельзя. Нет иного выхода, кроме как пойти на нее войной и смести с исторической арены. Либо альтернатива — заставить служить прогрессивным государствам.

В брезгливом отношении Маркса к стране, так превозносившей его, и к народу, ее населяющему,

▲ Бакунин М.А.

есть что-то и глубоко личное. Когда Герцена пригласили выступить в Лондоне на митинге, посвященном международному рабочему движению, Маркс резко выступил против участия русских эмигрантов: "Маркс сказал, что меня лично не знает, — вспоминал Герцен, — но находит достаточным, что я русский и что, наконец, если оргкомитет не исключит меня, то он, Маркс, будет вынужден выйти сам..."

Непримиримого критика царского режима, напечатавшего в "Колоколе" перевод "Манифеста Коммунистической партии", Маркс называл "презренным москвитом", человеком с "гадкой русско-калмыцкой кровью". А публикация в "Колоколе" вызвала лишь саркастическую реакцию Энгельса: он назвал поступок Герцена "литературным курьезом". Надо сказать, что подобное поведение отцов марксизма нередко вызывало возмущение у русских революционе-

ров. Знаменитый лидер и теоретик мирового анархистского движения Михаил Бакунин не один раз, по его словам, хотел «набить бородатую морду Маркса», пересекаясь с ним на различных социалистических конгрессах Европы. Но "основоположник" всегда старался спрятаться подальше от известного анархиста-боевика, владевшего всеми тогда известными видами оружия. Своё трусливое поведение Маркс объяснял своим друзьям тем, что "не намерен отвечать на вызов какого-то презренного славянина". С русскими "недочеловеками" он не намеревался вступать в какую-либо дискуссию... Многие историки полагают, что истоки расовой ненависти Маркса к России лежат, прежде всего, в происхождении "основоположника". Он родился в богатой семье еврейского адвоката Генриха Маркса, жившего в Рейнской области Германии. Адвокат воспитывал свою семью в духе всех тогдашних предрассуд-

ков по отношению к нашей стране, витавших в Европе. Так, согласно различным "теориям" ряда германских учёных, русские, да и все славяне вообще, являлись дикими племенами татаро-монгольской крови, которым абсолютно был чужд дух европейского прогресса. Мол, русские дикари только и жаждут того, чтобы уничтожить европейскую цивилизацию и культуру. А от ортодоксальных еврейских раввинов семья Маркса набралась мифов о России как злобной антисемитской державе, где еврейские погромы случаются чуть ли не по сто раз в день. Понятно, что в представлении этих людей наша страна не имела никакого права на существование. Таким образом, юный Маркс получил капитальную русофобскую закалку, которую пронёс через всю свою жизнь.

Читая работы Маркса, в которых, так или иначе, речь идет о России, возникают тяжелые чувства, читать это трудно. Маркс не находит доброго слова о стране, о русском народе, но в центре Москвы ему установлен памятник.

Увековечивание основоположников состоялось 7 ноября 1918 года по предложению Ленина. Он же выступил и на открытии памятника напротив Большого театра. Но фигуры были изготовлены из гипса и быстро рассыпались. На их место положили гранитный блок с текстом: "Первый камень памятника великому вождю и учителю всемирного пролетариата Карлу Марксу". И только во времена царствования троцкиста Хрущева 29 октября 1961 года установили гранитный памятник с выбитыми в граните и на века лозунгами: "Учение Маркса всемерно, потому что оно верно. Ленин". "Имя его и дело переживут века. Энгельс" "Пролетарии всех стран соединяйтесь!"

Для нашей России хорошо то, что не рождено ненавистью к ней. Марксизм создавался, в том числе, как русофобская пропаганда против России и именно такую ее

▲ Открытие памятника Карлу Марксу 29 октября 1961 г.

принесли марксисты для уничтожения России. Когда Сталин изгнал последовательных марксистов, возглавляемых Троцким, и переродил русофобское содержание в патриотическое, то он не стал тратить усилий на переименование идеологии. Это было ни к чему. Главное что суть стала патриотической. То го-

сударство, которое создал Сталин, никакого отношения к марксизму не имеет. Это потом после смерти Сталина партийцы, для укрепления своей власти, развивали марксистские догмы, чем и погубили Советский Союз. ■

Д. В. ВЕДЕНЕЕВ

ИЕЗУИТ ПОЙДЕТ НА ВСЁ

ОБ УНИАТСКОМ ПОДПОЛЬЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

...16 апреля 1962 г. заместитель начальника «религиозного» отдела 2-го контрразведывательного Управления Комитета госбезопасности Украинской ССР полковник Владимир Секарев еще раз перечитывал информацию, подготовленную к докладу Председателя республиканского Комитета. В ней содержалось утверждение, способное вызвать у спокойного, но требовательного выходца из аппарата ЦК генерала Никитченко как минимум недоумение и требование «разобраться и доложить»: «Получены материалы о том, что в Советском Союзе уже находится примерно 150 иезуитов, которые, по заявлению ректора "Руссикума" Горачек, действуют во всех областях экономической и общественной жизни СССР». «Во всех областях»! Это где же они окопались... Неужели и партбилеты имеют? А вот опера-«религиоведы» из областных управ докладывают: нет у нас никаких иезуитов... Но источник-то – венгерские коллеги из разведки МВД, у них агентура в высоких сферах Ватикана, с самим кардиналом Тиссераном на короткой ноге... И видно, что пользуются доверием, раз так откровенничают при них. Нет, надо информировать.

▲ Греко-католическая академия. Львов

ВЕДЕНЕЕВ Дмитрий Валерьевич, родился в 1967 году, доктор исторических наук, профессор. Окончил Киевский государственный университет, исторический факультет. Область научных интересов – история дипломатии, история спецслужб, история Украины. Автор более 450 печатных трудов.

▲ Веденеев Д.В.

В ГАЛИЦИЙСКИХ КАТАКОМБАХ

После Львовского собора 1946 г. большая часть священников Грекокатолической церкви (ГКЦ) объединилась с РПЦ. Упрямыцы отправились в лагеря и ссылку, где уже находились объекты дела «Ходячие» — униатские иерархи во главе с митрополитом Иосифом Слепым. «Оттепель» ускорила возвращение осужденных грекокатолических клириков в Западную Украину, что всерьез беспокоило секретно-политические подразделения КГБ. Из ИТЛ вернулось в Галичину 355 бывших священников ГКЦ.

«Являясь убежденными сторонниками идей Ватикана, — отмечалось в ведомственных документах, — после возвращения из мест заключения устанавливают между собой связь и проводят активную работу по возрождению униатской церкви и распространению католицизма... блокируясь в своей враждебной деятельности с украинскими националистами». Подчеркивалась ведущая роль посланий митрополита Иосифа Слепого, направляемых им из ссылки «униатскому подполью» Галичи-

ны во главе с епископом Николаем Чарнецким (наладившим канал связи с Ватиканом).

На западноукраинских землях возникает нелегальная («катакомбная») униатская церковь, притом что Львовско-Тернопольская епархия стала наибольшей в РПЦ. Свои назначенные Ватиканом «провинциалы» появились и у монахов ранее разогнанных духовных орденов ГКЦ. Создавались организационные звенья («округа»). По агентурным данным, в Западной Украине верные Папе униаты образовали «Ассоциацию священного единства». В лагерях Воркуты создали «Коалицию католических священников».

Бывший епископ Василий Величковский (в 1963 г. назначенный Ватиканом местоблюстителем главы ГКЦ и рукоположивший не менее 40 священников катакомбной церкви) сумел не только провести сбор подписей под обращением к правительству СССР о восстановлении ГКЦ, но и всерьез напугал органы КГБ подготовкой в Тернополе «массового провокационного выступления верующих по изгнанию из церкви православных священников». Трудными Величковского в 1963–1965 гг. открыли нелегальные курсы грекокатолических священников в трех областях Галичины, дома для катакомбных монастырей во Львове, Ивано-Франковске и Долине, оборудовали фотолаборатории для тиражирования литературы, «нарезали» зоны ответственности для подпольного епископата.

Священники «катакомбной» ГКЦ негласно ездили по областям Западной Украины, проводили нелегальные собрания верных, высвячивали новых пастырей и даже епископов, готовили возвращение в унию ставших ранее православными священников. Для чекистов не было секре-

том, что нелегальные монашеские группы имеют немалые средства за счет «интенций» (отправления треб), свой фонд взаимопомощи и живут по уставу закрытых обителей. Стал известен (1958 г.) целый подпольный монастырь святого Викентия во Львове — из 19 сестер во главе с монахиней Поппе.

Существовало немало формально закрытых, но непереоборудованных храмов, и «униаты при попустительстве местных властей иногда отправляют богослужения по ночам» — лишь в Станиславской (Ивано-Франковской области) насчитывалось до 30 таких храмов.

Спецслужба изъяла программные рукописи подпольной ГКЦ «Бороться неустанно», «По зову предков», в которых не только содержались рекомендации по организации религиозного подполья, но и выдвигались лозунги отделения Украины от СССР, создания подчиненной Ватикану, «идущей от Владимира Великого» «Киево-Христианской Церкви», отмежевания от «неполноценного православия».

БЫВШИХ НЕ БЫВАЕТ

В 1957 г. КГБ полагал пребывающими в «униатской оппозиции» (не воссоединившихся с РПЦ, но и не имевших возможность легально править богослужение) 364 священника и до 500 монашествующих УГКЦ (немало из них группами по 3-5 человек жили «по-монастырски» в миру), к концу 1959 г. — соответственно, 327 и 469 (из них в Закарпатье — 108 и 40). По радио, через поездки родственников в Польшу, по почтовым каналам они умудрялись получать указания и литературу из Ватикана, чей Понтифик Пий XII 26 января 1956 г. выступил с посланием об укреплении католицизма в мире.

▲ Слипый Иосиф

▲ Величковский Василий

Считалось, что до 100 «непримиримых» клириков-униатов продолжают богослужения в катакомбных условиях, по линии бывшей УГКЦ работало около 150 агентов КГБ. 22 человека проходило по многолетней централизованной оперативной разработке «Рифы», главным фигурантом которой был преемник Шептицкого — митрополит Иосиф Слепой. Кроме того, в разработке находилось 130 бывших епископов и священников-униатов.

К 1959 г. в УССР насчитывалось около 96 тыс. верных Римско-Католической Церкви (РКЦ), из них 35 тыс. в Винницкой обл., 15 тыс. в Закарпатье, 12 тыс. в Дрогобычской, 10 тыс. в Житомирской, работало 170 костелов и каплиц, однако в них служило всего 66 ксендзов (36 из них пребывало в негласной оперативной разработке КГБ). По линии католиков использовалось 136 агентов органов госбезопасности.

В 1943–1958 гг. в Украине арестам подверглись 88 римокатоликов и 601 грекокатолик — «потенциальная агентура Ватикана и опор-

ная база украинских буржуазных националистов», по оценке советской спецслужбы. Для сравнения — в этот же период лишили свободы 462 представителей православного духовенства, 2 194 «церковника» (актив мирян РПЦ, участники «церковно-монархического подполья»).

Отметим, что благоприятной средой для развития катакомбной УГКЦ являлись бывшие участники движения ОУН и УПА, тем более что к июню 1955 г. в регион уже вернулось после досрочного освобождения из лагерей 12 275 лиц, осужденных за участие в националистическом движении. Всего же в 1956–1959 гг. в регион вернулось 43 497 участников антисоветского националистического движения сопротивления, включая 738 руководителей подполья и повстанческих формирований, 19 305 рядовых участников и 22 497 «пособников» подполья. Еще 3 656 участников ОУН и УПА прибыло в восточные области Украины. Помимо этого на западе УССР проживало почти 77 тысяч добровольно «вышедших

с повинной» повстанцев — по многократным амнистиям от Верховного Совета Украины. Сотни «возвращенцев» группировались в своеобразные неформальные объединения, прятали оружие, начались акты мести советским активистам, в указанный период произошло 17 убийств, 29 покушений и 37 поджогов. Принципиальные противники «советов», отмечали контрразведчики, «пристально изучают процессы, происходящие среди интеллигенции, стараются направить их в антисоветское русло».

К 1962 г. спецслужба установила, что бывшими повстанцами создано до 50 нелегальных антисоветских групп, до 400 человек имело оружие, причем до 70 % участников групп в движении ОУН и УПА не состояло. В среде нового подполья, накопившего оружие и строившего новые бункера- «крывки», распространялись планы перехода к диверсионным действиям в случае войны Запада с СССР, «расправы с коммунистами, активом и лицами русской национальности», отмечали чекисты.

«ПРАВДИВАЯ» И ДВУРУШНИКИ

Разумеется, нелегальная активность катакомбников и поддержка их достаточной частью местного населения беспокоила органы госбезопасности и правящую Компартию. Неоднократно созывались оперативные совещания с казенными названиями типа «О соответствующих мерах улучшения агентурно-оперативной работы УКГБ по Львовской области по борьбе с антисоветскими элементами из числа католического и бывшего униатского духовенства». 27 января 1958 г. вышла директива КГБ УССР №4сс, предписавшая активизировать агентурную разработку греко- и римокатоликов.

Разработка «непримиримых» грекокатоликов и зарубежных структур УГКЦ входила в приоритеты служебной деятельности профильного подразделения КГБ УССР. Мероприятия против Ватикана и «других зарубежных церковно-сектантских центров»

планировались совместно с 1-м (разведывательным) Управлением.

Так, планом работы 5-го отдела 2-го Управления КГБ УССР на первое полугодие 1962 г. предусматривались агентурно-оперативные мероприятия по «бывшим униатским авторитетам» Величковскому, Ценскому и Слезнюку. Объектом контрразведывательного интереса служили проректор Римской богословской семинарии Мазяр, профессор истории и философии Тындяло, преподаватель Сапеляк. К закордонным вояжам готовились квалифицированные агенты «по униатам» «Правдивая», «Сидоров», «Игорь», «Нечуй», «Иванов». В самом упомянутом отделе создали группу из трех оперативников для координации контрразведывательной работы по Ватикану, выявления агентуры зарубежных спецслужб в среде католиков, униатов и православного духовенства.

В 1960 г. в органах КГБ Украины имелось 23 агента, работавших

по бывшим униатам, из которых 11 — из числа священнослужителей, не вошедших в православный клир. Однако, признавали сами оперработники, добрая половина этих конфиденентов двурушничает, не предоставляют заслуживающих внимания материалов «и по объективным данным не могут выполнять наши задания». Агентурный аппарат по униатам, отмечали руководители УКГБ галицких областей, «невелик и крайне слаб в качественном отношении». Не удастся насадить конфиденентов на линиях связи между католическим и униатским клиром и Ватиканом, откуда кардинал Бучко направляет соответствующие указания нонконформистам в УССР, а также не удастся прервать связь И. Слепого с Галичиной. Нет агентурных подходов к иезуитам.

Для контрпропагандистской работы по «разоблачению враждебной деятельности Ватикана и унии» привлекли глубокого знатока проблемы и «архитектора» Львовского церковного собора марта 1946 г. С. Т. Ка-

▲ Пий XII и Слипый Иосиф

▲ Полковник С.Т. Карин-Даниленко

рина-Даниленко. В декабре 1969 г. руководство 5-го Управления (борьбы с «идеологической диверсией») КГБ УССР обратилось к заместителю Председателя КГБ УССР генерал-майору Борису Шульженко с предложением оформить на работу Сергея Тарасовича как внештатного сотрудника для «выполнения поручений по униатам» (видимо, в качестве консультанта). Некоторое время Сергей Тарасович выполнял это последнее в своей жизни задание по линии спецслужб, получив за 1969 г. 200 рублей, однако 23 августа 1972 г. вынужден был прекратить сотрудничество в связи с наступлением слепоты.

В последний период жизни Карин-Даниленко, имевший публицистический дар, писал книги и статьи, был частым гостем на ведомственных собраниях, его приглашали для выступлений перед молодыми чекистами и в иных «закрытых» аудиториях. Среди его печатных трудов — книги «В стане врага» (несколько переизданий), «Дорогою ганьби і зради» (об истории ГКЦ), «Униаты». Нема-

▲ Полковник И.К. Шорубалка

ло его рассказов о рискованных операциях начала 1920-х, «вылазках» в стан подполья ОУН и работе по униатам стали достоянием историков через пересказы-публикации других известных контрразведчиков — покойных ныне генерал-майора В. Шевчука («Заричного»), полковников И. Шорубалки («Шовкуненко», одного из руководителей Управления 2-Н МГБ УССР по борьбе с украинскими националистами), К. Гальского («Клима Дмитрука», доктора исторических наук). Скончался «модератор» церковных расколов 1920-х гг. в Украине в статусе «живой легенды» советской спецслужбы в 1985 г.

К 1961 г. отдел по оперативной работе в религиозных общинах (на то время — 3-й отдел 2-го (контрразведывательного) Управления КГБ при СМ УССР) сменил руководителя. На пенсию отправили полковника Виктора Сухонина, блестящего знатока конфессиональной среды Украины, возглавлявшего отдел в 1950–1960 гг., и далее он трудился ответственным работником ор-

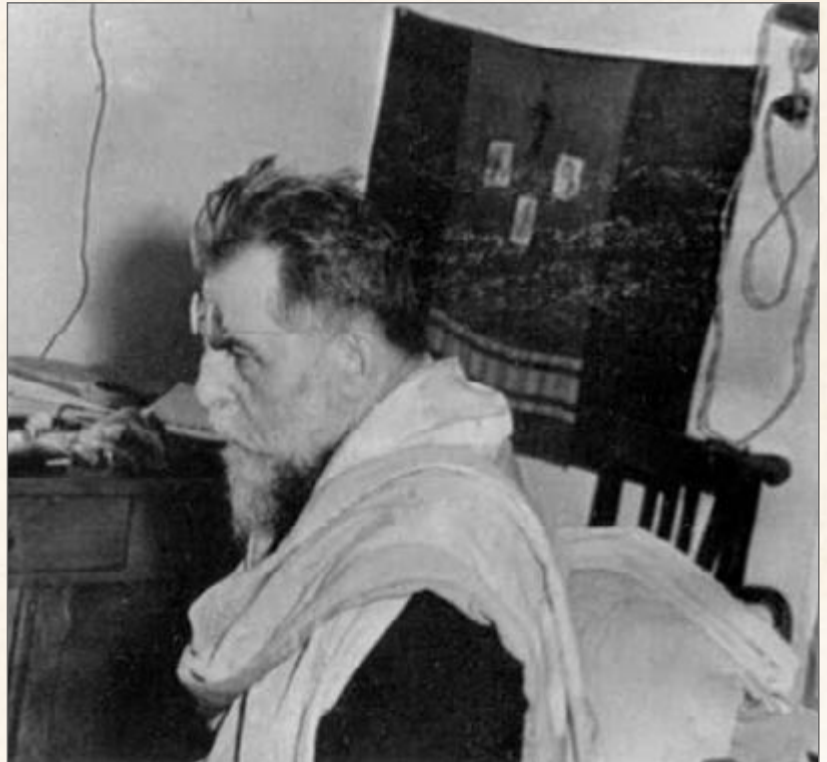
гана по государственно-церковным отношениям при Совмине УССР.

Сухонина сменил Секарев Владимир Карпович, также длительное время прослуживший заместителем начальника и руководителем (до 1978 г.) профильного антирелигиозного подразделения госбезопасности в Украине. Родился он 26 февраля 1918 г. в Орловской области. Полковник госбезопасности (с марта 1959 г.). Окончил педучилище, обучался в Орловском пединституте. На службе в органах госбезопасности с февраля 1938 г. В 1939 г. окончил Калининскую школу госбезопасности НКВД СССР. Член Компартии с 1944 г. С 1940 г. как оперработник 5 отделения 2-го отдела УГБ НКВД УССР «обслуживал» все институты Академии наук УССР, имея на связи 2 резидентов, 6 агентов, 3 осведомителей, вел 40 агентурных дел-формуляров на «неблагонадежных» ученых. В 1944–1947 гг. — начальник отделения 2-го Управления НКГБ-МГБ УССР по «обслуживанию кадров Академии наук УССР». Старшие начальники ха-

▲ Савченко С.Р.

▲ Иосиф Слипый во время ареста

рактировали его как «вдумчивого и культурного чекиста, вежливо-го, тактичного», но флегматичного по натуре, к тому же подверженного определенному высокомерию по отношению к представителям научной среды. При этом констатировали — «агентурную работу любит, знает ее хорошо... имеет значительный опыт работы с агентурой из числа интеллигенции».

По «религиозной линии» спецслужбы начал работу с 1947 года, в 1953–1957 гг. — заместитель начальника «религиозного» подразделения МГБ-МВД-КГБ УССР. В личном деле отмечались его результаты по оперативной разработке униатов и католиков Западной Украины, а также «зарубежного сектантского центра». Работал «освобожденным» секретарем партийного комитета КГБ при СМ УССР (1957 г.). Занимал крайне «щепетильный» пост начальника Инспекции при Председателе КГБ при СМ УССР, стал помощником Председателя КГБ УССР (1957–1959 гг.).

Среди личных «положительных результатов» в оперативной работе

полковника руководство выделяло успешные контрразведывательные мероприятия по линии Ватикана, зарубежных центров иеговистов и их подполья в УССР (включая удачную комбинацию по «подставе» квалифицированного агента «главарям иеговистов»). Несколько приобретенных им агентов выводились за рубеж и использовались для разработки «церковных центров». С 1974 г. имел статус офицера действующего резерва КГБ под прикрытием должности в Совете по делам религии при СМ УССР. Уволили Секарева с воинской службы в марте 1978 г.

ВОРКУТИНСКИЙ СИДЕЛЕЦ

Период «оттепели» привел к значительному оживлению международных отношений, репатриации, поездок из-за рубежа в УССР по деловым и родственным связям. С 1959 по 1961 г. количество въехавших в Украину граждан капиталистических стран выросло с 26 до 54 тыс., в 1961 г. в «страны капитала» выезжало свыше 16 тыс. жителей УССР.

Усиление открытости советского общества и акцент на дестабилизацию именно этноконфессиональной сферы в СССР, сделанный противниками по «психологической войне» с начала 1960-х, закономерно привел к активизации разведывательно-подрывной и прозелитической работы Ватикана, помимо собственных специальных органов тесно связанного с разведслужбами основных противников СССР. Разумеется, ударной силой по-прежнему выступал Орден иезуитов, созданный еще в 1534 г. «Псы Господни» накопили колоссальный опыт не только миссионерской, но и разведывательно-подрывной работы и пропаганды. На то время в Ордене состояло 34 тыс. активных членов и до 300 тыс. кандидатов, «духовных солдат».

По данным Первого главного управления (ПГУ, внешняя разведка) КГБ СССР, лишь в мае 1960 г. Ватикан направил в Иран шесть иезуитов, выпускников «Руссикума» и прошедших специальную подготовку для действий в социалистических странах Восточной Европы. В дальнейшем планировалось забрасывать эмис-

саров-иезуитов в Союз через Иран, Пакистан и Турцию. Непосредственно подготовкой для работы «за железным занавесом» занималось особое бюро во главе со священником-иезуитом Леони.

Патер Леони, как принято было писать в чекистских документах, «КГБ СССР известен», и известен был хорошо. В ориентировке НКГБ УССР № 53 от 20 апреля 1945 г. указывалось, что РКЦ, Римско-Католическая Церковь, активизировала работу по упрочению своих позиций на западе Украины, ведет разведывательную работу в пользу Ватикана. Речь шла о ликвидации «антисоветской группы католических священников» под руководством архиепископа Шельонжека. Последний, как отмечалось, на допросах рассказал о командировании им в восточные области УССР «ряда видных ксендзов» для сбора разведанных. В октябре 1944 г. ксендз Кучинский выезжал по его поручению в Харьков и Днепрпетровскую область, создал в Киеве «нелегальный костел», распространял антиправительственную литературу. Был налажен канал связи с Ватиканом через Перемышльського викарного епископа Тумака и папского нунция в Берлине Орсениго.

Подчеркивалось, что велась не только разведка, но и пропаганда среди польского населения УССР за восстановление Польского государства в границах 1939 г. Католическое духовенство активно помогало польским нелегальным боевым организациям, подконтрольным Лондонскому эмиграционному правительству. «Осевшие» в Одессе иезуиты Леони и Никола подготовили по заданию Ватикана (осень 1944 г.) информационный материал о положении католиков в СССР. По распоряжению главы НКГБ Украины генерал-лейтенанта С. Савченко от 12 сентября 1944 г. оба были взяты в агентурную разработку как «агенты Ватикана».

Прошли аресты католического священства, наиболее резонансным стало задержание в апреле 1945 г. и осуждение упомянутых клириков костела Святого Петра в Одессе Жана

Николи и Пьера Леони. Николи стал монахом монастыря в бельгийском городе Сент-Жирар и сотрудничал в духовной миссии «Асумционист», имевшей в мире широкую сеть филиалов и богословских учебных заведений. В 1921 г. пребывал во французском армейском контингенте в Турции. Окончил Лувенский католический университет, стал священником. Владел несколькими иностранными языками, освоил русский. В конце 1943 г. по поручению Ватикана отбыл священником в Одессу (которую посещал и в 1942 г., в период оккупации по указанию миссии «Асумционист») и почему-то остался в городе после его освобождения от немцев и румын.

Коллега Николи, 36-летний Леони, окончил семинарию в Италии, обучался в папском Григорианском университете и одновременно — в упомянутом «Руссикуме», изучая богослужение по восточному обряду, русский язык и положение в СССР, в 1939 г. стал священником. Три года служил капелланом в армии Муссолини в Италии, Албании, Греции, попал на Восточный фронт, находился в частях в Донбассе и Днепрпетровске, затем уволился и был направлен Ватиканом в Одессу.

На следствии в УНКГБ священники рассказывали о том, что собирали информацию для союзников СССР, однако категорически отрицали шпионскую деятельность, а следствие не могло предъявить убедительных доказательств противоправной деятельности. В ход пошли показания свидетелей о проведении ими «антисоветской агитации и пропаганды». Тот же Леони не скрывал своих принципиальных разногласий с советским строем и коммунистической идеологией: «...Я также считал, что политика советского правительства ничем не отличается от политики фашизма, который стремится к захвату чужих территорий и порабощению народа» (хотя именно СССР уничтожил 75 % боевого потенциала агрессоров и внес решающий вклад в освобождение Европы, под Сталинградом и в плену сложили головы почти 90 тысяч

«наследников римлян» из посланной Муссолини 8-й итальянской армии). Подследственные откровенно показали на враждебное отношение Ватикана к СССР, который «опасался, что под влиянием СССР в европейских странах может произойти установление советской власти».

Они же рассказали об организации и содержании пропагандистской работы Ватикана против СССР. В обвинительном заключении священникам («агентам Ватикана») вменялись в вину шпионаж и антисоветская агитация. Согласно ст. 58-6 и 58-10, ч. 2 Уголовного кодекса РСФСР 12 ноября 1945 г. Особое совещание (внесудебный орган) при НКВД СССР осудил «Николу Жана Мавритьевича и Леони Пьетро Ангеловича» к 10 и 8 годам лишения свободы. Из Воркутинского лагеря Леони выслали в Италию, видимо, досрочно освободили и его «подельника». В спецсообщении НКВД от августа 1942 г. говорится о служении в Ворошиловграде, в храме, открытом в бывшем кинотеатре «Безбожник», священника-итальянца, свободно говорившего по-русски, призывавшего чтить немецкую армию и строить новую жизнь без большевизма. Видимо, им был П. Леони.

ПРОНЫРЛИВЫЕ САМАРИТЯНЕ

Специфической и далекой от милосердия деятельностью занимались по совместительству благотворительные организации Ватикана. С 1958 г. Рим решает «усилить борьбу с коммунизмом» путем увеличения объема радиовещания, заброски литературы и подготовки миссионеров из членов Ордена иезуитов. После прихода Папы Иоанна XXIII (занимал престол в 1958–1963 гг.) усилилось вмешательство Ватикана во внутренние дела других стран, православия и протестантизма. Была усилена Восточная конгрегация, назначены пять новых кардиналов, рукоположены новые епископы из этнических русских. Активизировалась разведка Ордена иезуитов.

Как говорилось на очередном «кустовом» семинаре оперативников-«религиоведов» УКГБ западных областей Украины (Львов, 28 февраля 1961 г.), Ватикан располагает специальным органом «Интер-Чип». Сообщалось, что в 1946 г. под руководством советников из США произошла реорганизация разведки Ватикана, теперь действующей под прикрытием международного католического издательства (агентства) ЧИП (аббревиатура от латинских слов «центр информации о Боге») или «Интер-Чип». Оно включало Главное управление (руководство и контроль), Дирекцию (исполнительный орган), периферийные филиалы, от которых за рубежом выдвигались разведывательные посты (точки), а также контрразведывательный орган.

Папская курия серьезно поставила и аналитическую работу. По сведениям ПГУ КГБ СССР, при государственном секретариате Ватикана существует «Католический исследовательский центр», занимающийся обобщением и анализом информа-

ции, в т. ч. — и поступавшей от его «корреспондентских бюро» в странах Западной Европы — о политических, экономических и военных аспектах жизни стран социалистического лагеря.

Использовались и возможности благотворительных организаций. В частности, организация «Каритас» из своих пунктов в Вене, Граце и Клагенфурте старалась собирать информацию о положении в социалистических странах. Шеф пункта в Клагенфурте Байер в 1960 г. сболтнул агенту ПГУ КГБ: «Любая помощь Ватикана восточным церквям (посылка медикаментов, книг и т. п.) связана с разведкой и подрывной деятельностью против социалистических стран». Сложилась схема окольной связи Рима с РКЦ в Советском Союзе: американское консульство в Париже — разведка США — посольства США и Франции в Москве (к 1961 г. в СССР насчитывалось 129 католических приходов и служило 52 ксендза, при этом имелось 323 бывших униатских священника и 489 монашествую-

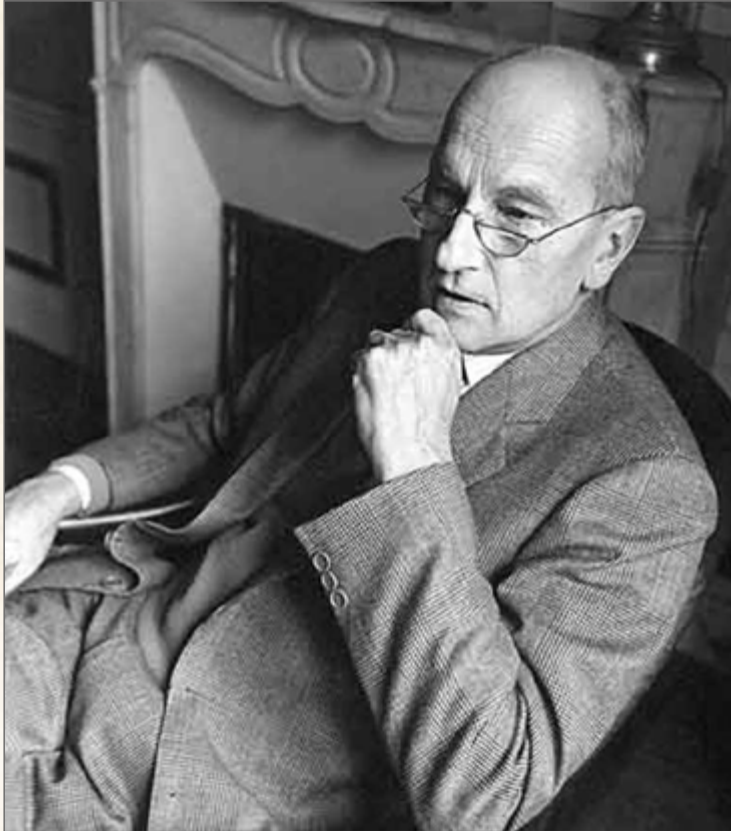
щих, отказавшихся воссоединиться с РПЦ).

В 1960 г. Ватикан принял специальное решение о направлении в СССР «туристов веры» из числа надежных и преданных католиков, владеющих языками советских народов. От контрразведки не укрылось, что в октябре того же года Львов посетил под видом туриста официальный сотрудник Восточной конгрегации Ватикана Миляник. Он завязал знакомства с бывшими священниками ГКЦ, собирал информацию о конфессиональной ситуации в регионе и оставил большую на то время сумму в \$ 500. В следующем году Львов посетил для встречи с родственниками ректор Римской духовной семинарии Сопеляк. Тогда же на Украину направил своих эмиссаров польский кардинал Вышинский — посредник от Ватикана в связях с униатским духовенством. С лета 1961 г. начались нелегальные рукоположения в иереев ГКЦ молодых галичан.

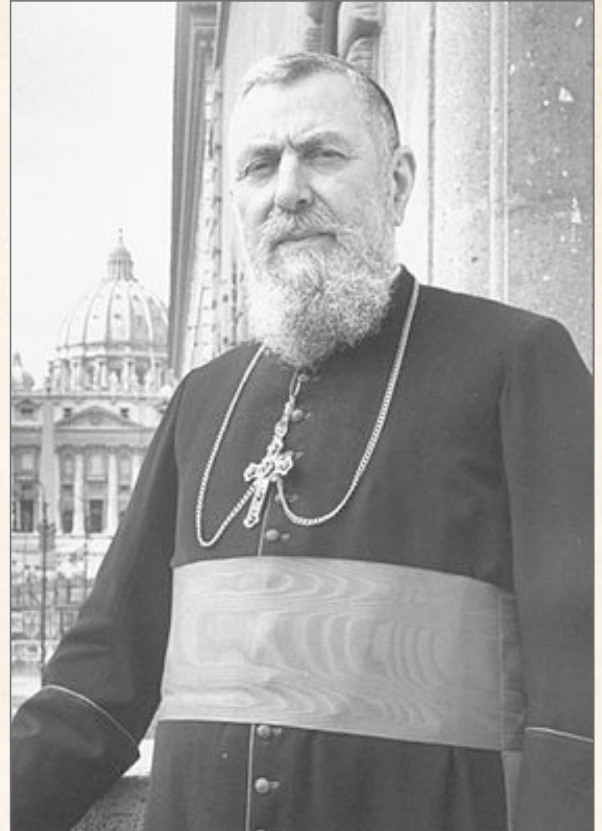

▲ Кардинал, примас Венгрии Миндсенти Йожеф. 1956 г. фашистский мятеж

▲ Константин Мельник

▲ Эжен Тиссеран, кардинал

ТОЛЬКО БЫ НЕ ЖЕНИЛИСЬ

Серьезная упреждающая информация о подрывной деятельности иезуитов поступала в КГБ от «друзей» (как именовали партнерские спецслужбы стран-участниц Организации Варшавского договора), прежде всего — от 1-го (разведывательного) Департамента Службы безопасности МВД Польши и разведки МВД Венгрии (ВНР).

От мадьяр поступили сведения от агентов, накоротке общавшихся с непосредственными организаторами проникновения Ватикана и аффилированных с ним религиозных и иных организаций на территорию СССР и его восточноевропейских союзников. В частности, имевший немалый разведывательный опыт кардинал Тиссеран без обиняков говорил в доверительной обстановке собеседнику-конфиденту разведки ВНР: католическая церковь — это «огромное инфор-

мационное орудие, и она действует в контакте с американской и английской разведками». Кардинал Эжен Тиссеран (1884–1972). Секретарь Священной конгрегации по делам Восточной Церкви Ватикана в 1936–1959 гг. В годы Первой мировой войны служил в действующей армии, был ранен в боях. Затем — в экспедиционной миссии в Палестине (1917) как офицер Генштаба Франции, работал в отделе Африки военного ведомства. Участвовал в формировании Восточного добровольческого армянского легиона и осаде Иерусалима. Французским разведчиком времен Алжирской войны 1954–1962 гг. Константином Мельником Тиссеран прямо именуется «очень умным человеком, бывшим французским разведчиком».

Бывший архиепископ Эстергома и примас Венгрии кардинал Йозеф Миндсенти (в 1956–1971 гг. укрывавшийся в посольстве США в Будапеште, опасаясь ответственности

за активное участие в кровавом Венгерском восстании 1956 г.) поведал информатору о том, что вел разведывательную работу против СССР, особенно через агентурные позиции среди католиков Закарпатья и других западных областей Украины, сведения о социально-экономическом положении и режиме охраны границы передавал послам США и Великобритании.

Как сообщала венгерская разведка, в феврале 1960 г. в Риме, в коллегии «Руссиум» (из 37 его выпускников 1958 г. 11 представляли народы СССР, 8 — Китай, остальные — Восточную Европу) прошло совещание под председательством епископа Споскана. Именно тогда ректор Горачек сообщил о 150 иезуитах, «вживленных» в СССР. Тогда же польская спецслужба подтвердила: участников совещания и группу иезуитов-русских принял Папа и поставил новые задачи по «тайной апостольской деятельности» в СССР.

С учетом поступавших «сигналов» и имея опыт действий по «католической линии», Секарев нацелил подчиненных на выявление признаков подрывной работы иезуитов. Однако областные управления КГБ Украинской ССР в январе 1961 г. честно доложили в Киев: иезуитов на подконтрольной территории не выявлено. Такой формальный подход вызвал нарекания Владимира Карповича: «Так искать иезуитов нельзя, — писал полковник Секарев 31 января 1961 г., — это примитивный подход к делу... Иезуит может скрываться под любой личиной: он может вступить в Коммунистическую партию, занять любое служебное положение, может выступить даже с лекцией на атеистическую тему... Иезуит пойдет на все: на убийства, шпионаж, диверсию. Ему запрещено только одно: жениться».

«ГЕТЬ ВІД ВАТИКАНУ!»

По мере демократизации общественной жизни в постсталинском СССР, возвращения в УССР досрочно освобожденных клириков РКЦ и ГКЦ, развития международных связей страны с Западом и поиска путей разрядки международной напряженности усложнялись и задачи спецслужбы по удержанию под контролем католической религиозной среды и «непримиримых» униатов. Это лишний раз подчеркнул созыв 15 сентября 1958 г. совещания в КГБ СССР по проблемам оперативной работы по католикам, в котором ведущую роль играли представители КГБ Украины. Одним из ключевых вопросов, вынесенных на обсуждение, стал проект «отрыва католической церкви в странах народной демократии от Ватикана»

и отделение РКЦ в СССР от Папского Престола.

Предлагалось для отделения советских католиков и подготовки к созданию «Русской католической церкви»:

- провести кампанию по компрометации католического духовенства (нарушения celibата, материальные злоупотребления и т. п.) и через агентуру из епископата направить письмо в Ватикан с просьбой разрешить «централизованное руководство католической церковью в СССР»;
- создать деканаты (благочиния) РКЦ во главе с проверенными агентами-ксендзами;
- учредить печатный орган советских католиков, провести масштабную кампанию по подрыву репутации Ватикана и подготовке окончательного разрыва.

Однако даже для такой мощной спецслужбы, как КГБ, подобный «вселенский план» оказался неосуществим. В октябре 1959 г. Ватикан провел конференцию 12 униатских епископов зарубежных стран, принял послание к украинскому народу и верующим всего мира «в защиту гонимой украинской католической церкви», хранящей верность Святому Престолу. Тогда же, докладывали оперативные источники, провели укрепление Восточной конгрегации Папской курии, «руководившей подрывной деятельностью в социалистических странах». За первый месяц 1960 г. было не допущено поступление в СССР 40 тыс. экземпляров католической литературы.

Негласное противостояние продолжалось. В частности, планом

работы 4-го отдела 4-го Управления КГБ при СМ УССР (1960 г.) предусматривалось создание инициативной группы по подготовке отрыва католиков СССР от Ватикана (агенты-ксендзы «Аргус», «Путнис», «Кардинал»), проведение оперативной игры (совместно с внешней разведкой) с кардиналом Леони в Ватикане, подстава агентуры префекту Восточной конгрегации Ватикана.

Папская курия активно включилась в психологическую войну. Как отмечал уже после гибели СССР Петер Швейцер, автор нашумевшей книги «Победа» (о роли тайной стратегии США в распаде СССР и Варшавского блока), «на оперативном уровне в борьбе против России объединились спецслужбы и агентурная сеть США, Израиль и сионистских организаций, Ватикана и западноевропейских стран». По определению Збигнева Бжежинского, «говорить "это была не Россия, а Советский Союз" — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена» Украинский поэт и видный государственный деятель академик НАН Украины Борис Олійник писал: «Карл Бернштейн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что 7 июня 1982 года в результате встречи между Рональдом Рейганом и Папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании с целью ускорения процесса распада коммунистической системы». Остальное известно... ■

ВЛАДИСЛАВ ПЕТРУШКО

ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО НА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ

Православие пришло на Червонную Русь, как называли Галичину в домонгольский период, благодаря Крещению всей Русской земли при св. равноапостольном князе Владимире. Хотя справедливости ради следует отметить, что предание относит появление первых христианских общин в этих краях ко временам деятельности св. Кирилла и Мефодия, Учителей Словенских. Уже в XI веке земли Галиции и Волыни входили в состав Владимиро-Волынской епархии Русской Православной Церкви. В XII веке из ее состава была выделена самостоятельная Галицкая епископия, а в XIII веке — Луцкая, Перемышльская и Холмская (первоначально — Угровская) епархии, также являвшиеся частью православной Киевской митрополии. Ни один из сохранившихся до наших дней исторических источников ничего не упоминает о каких-либо латинских миссионерах, действовавших на этой земле.

Галицкая земля, лежавшая на самом краю Киевской Руси, закономерно была наиболее подвержена политическому и культурному влиянию своих западных соседей — Польши и Венгрии. Однако при несомненном воздействии Запада на общественно-политические отношения, ремесла и искусство Галицкой Руси нет никаких оснований утверждать, что подобное влияние испытывала на себе и сфера религиозная. Галичина оставалась верна Православию. Летописи сохранили немало подтверждений этому. Вовлекаемое

▲ Кирилл и Мефодий

в различные конфликты с западными соседями Галицко-Волынское княжество в XII-XIII вв. нередко захватывали польские или венгерские властители. Но всякий раз галичане свергали иноземное иго и возрождали свою государственность. Причем, одной из главных причин народного возмущения против чужеземцев становились их попытки водворить католицизм в западно-русских землях.

Первые католические храмы на территории Галицко-Волынского княжества появились лишь во 2-й половине XIII века — спустя почти три столетия после возведения первых православных церквей Червонной Руси. Причем, положение латинян в Галичине тогда было более, чем скромным: им разрешили возвести лишь два костела во Львове. Один предназначался для поселившихся здесь немецких купцов и ремесленников, другой — для Констанции, дочери венгерского короля Бэлы, которая стала женой галицкого князя Льва Даниловича. К религиозным и национальным меньшинствам в Галицкой Руси тогда относились вполне уважительно, будь то прибывшие из Западной Европы католики или монофизиты-армяне, всем им дозво-

лялось строить собственные храмы.

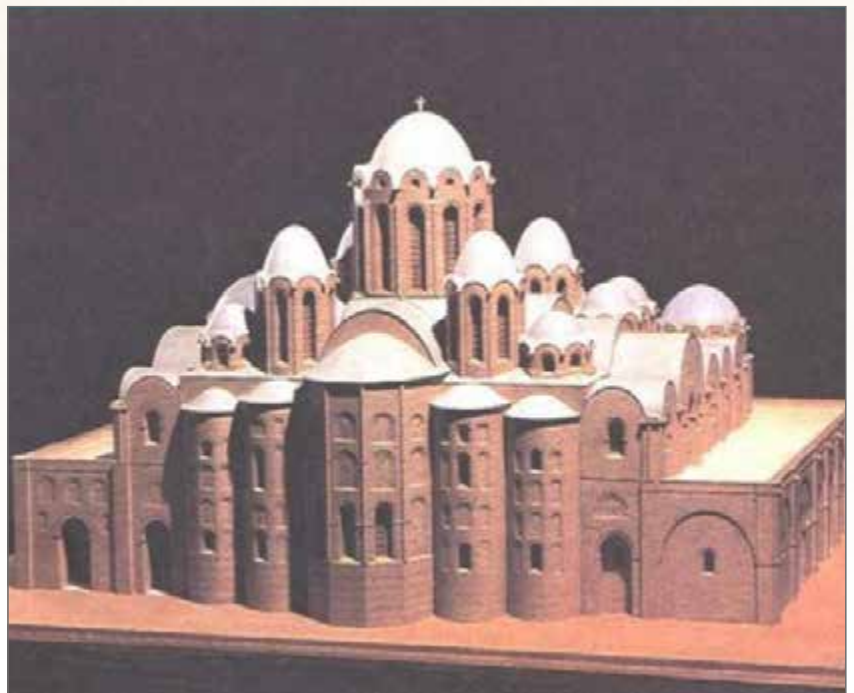
В XIV столетии пережившая монголо-татарское нашествие с меньшим уроном, нежели другие русские княжества, Галицко-Волынская земля постепенно начинает клониться к упадку. Сначала ослабевшая Волынь была завоевана Литвой. Затем приходит черед Галиции, на которую все более зарятся поляки и венгры. Угасает династия потомков славного князя Даниила Романовича Галицкого. Последним в ряду самостоятельных галицких князей стал его потомок по женской линии — польский князь Болеслав Мазовецкий, принявший Православие с именем Юрий. Однако этот государь буквально наводнил Галичину поляками и немцами, покровительствовал различным католическим орденам, позволяя им создавать свои монастыри в Червонной Руси, затем против Болеслава-Юрия был составлен заговор, и князь был отравлен галицкими боярами.

Во 2-й половине XIV в. вконец ослабевшая от иноземных набегов и династического кризиса Галицкая земля была завоевана польским королем Казимиром III. Однако чтобы избежать народных выступлений

против новой власти, Казимир был вынужден обещать галицким русинам сохранить автономию их земли в составе Польского королевства и неприкосновенность православного вероисповедания. Увы, как оказалось, королевское слово стоило недорого. Почти одновременно с польским завоеванием в Червонной Руси начинает активно насаждаться католичество. Противостоять этому здесь было гораздо сложнее, чем в Литовском княжестве, которое на 90 % состояло из русских земель. Православное население Галиции, включенной в состав Польской короны, оказалось в гораздо более тяжелом положении религиозного и национального меньшинства. Это особенно проявилось при короле Владиславе II Ягайле, который ввел в стране законы, дискриминировавшие православных. Православной знати преграждался доступ к придворной и военной карьере, горожанам — в магистраты, ремесленникам — в цеха. Показания православного свидетеля в суде в расчет не принимались. Часть православных храмов, монастырей и церковных земель по указу короля-католика была конфискована и передана католи-

▲ Даниил Романович Галицкий

▲ Софийский собор 11 в.

▲ Кафедральный костел во Львове 14 век построен на месте православной церкви

ческой церкви. На территории бывшего Галицко-Волинского княжества в 1361 г. были открыты Львовская и Галицкая римско-католические епархии. В 1390 г. к ним добавилась Перемышльская, а в 1428 г. — Луцкая. Памятником деятельности фанатичного католика Ягайла доныне является кафедральный костел в Перемышле (ныне Пшемьсл, находится на территории Польши). Ранее это был православный кафедральный собор, построенный в XIII в. Даниилом Галицким. Отобранный Ягайлом в пользу католиков он сделался кафедрой местного латинского епископа. Особенно тяжелым было положение крестьян-русинов Галиции: нередко население земель, жалующихся королем магнатам-католикам, насильственно принуждали к переходу в католицизм.

Однако, несмотря на насилие и дискриминацию успехи католической пропаганды в западно-русских землях долгое время были ничтожны.

Например, в Киевской католической епархии спустя 100 лет после ее основания было построено всего лишь 7 костелов. В великом княжестве Литовском к середине XVI в. существовало около 700 католических приходов, тогда как православная Киевская митрополия к концу XVI века насчитывала более 10 тысяч православных приходов. Не только в Галиции, но даже в Литве католические государи запрещали своим православным подданным строить новые храмы и даже ремонтировать старые. Окончательно этот запрет был утвержден королем Казимиром IV Ягеллончиком по просьбе его сына — фанатичного приверженца католицизма королевича Казимира, позже канонизированного Римом.

В 1439 году на Ферраро-Флорентийском соборе уния с Римом была заключена греческими иерархами и предпоследним византийским императором Иоанном VIII, которые надеялись ценой вероотступничества

купить помощь католического Запада в борьбе с турками. Но, как известно, Константинополь пал, так и не получив от папы римского никакой реальной поддержки. Греки от унии вскоре отреклись. Но ее решил использовать в своих интересах польский король Казимир IV, который намеревался тем самым провести религиозную унификацию своих подданных. Однако ни галичане, ни жители Литовской Руси унии не приняли. И даже посланный из Рима униатский митрополит Киевский Григорий Болгарин ввиду сопротивления паствы был вынужден возвратиться в Православие.

Но на этом попытки принудить православных русинов к принятию католицизма не прекратились. Особенно тяжким стал религиозный гнет со стороны католических властей в Галиции в начале XVI века. Несмотря на то, что в 1509 г. король Сигизмунд I даровал митрополиту Иосифу Солтану право именоваться митрополитом Киевским и Галицким, у Пер-

воиерарха Православной Церкви Западной Руси фактически отобрали возможность управлять православными приходами Галиции и назначать сюда своего наместника. Король самым бесцеремонным образом передал право поставления наместника римско-католическим архиепископам Львовским. Причем, сам Сигизмунд I в своем универсале откровенно до цинизма аргументировал этот шаг заботой о привлечении православных в лоно Католической церкви: по долгу католического государя, дабы «схизматики» Галиции удобнее могли быть привлекаемы к «истинной вере».

Тем не менее, коренное население Галицкой Руси продолжало сохранять верность Православию. Однако православные русины, как крестьяне, так и шляхта, жили в основном в сельской местности. Поэтому окатоличивание Галиции происходило в эту пору, главным образом, благодаря городам. Здесь православные мещане оказались в меньшинстве, так как благодаря привилегиям религиозного и национального характера галицкие города и местечки были заселены в основном поляками и немцами. Даже евреи имели в них больше прав, чем русины. Последние, подобно иудеям, также были принуждены жить в строго определенных кварталах-гетто. С той поры и донныне во Львове и многих других городах Западной Украины сохранились улицы с названием «Русская» — места бывшего дозволенного поселения русинов. Православные горожане подвергались особенно сильной дискриминации. Даже назначение православного священника на городской приход зависело от католического по составу магистрата. Православным священникам нельзя было ходить по городу в облачении или даже в епитрахили. Если он должен был идти к больному, то разоблачался и нес облачение с собой. Тело умершего православного горожанина священник не мог провожать на кладбище в облачении, с колокольным звоном и свечами: священник должен был идти за гробом как частное лицо.

К 1530-м годам положение православных Галиции стало почти критическим. Этому способствовало

стремление римско-католического архиепископа ставить митрополичьим наместником над православными приходами человека, который был бы активным пособником латинян в деле католического прозелитизма. Православные в свою очередь также пытались оказать влияние на выбор кандидата в наместники. Они обращались к королю с просьбой поставить наместником кандидата, который бы действовал в их пользу. Причем, король Сигизмунд I и его сребролюбивая жена Бона Сфорца не брезговали принимать от православных просителей взятки в виде сотен волов. Столь неоспоримый аргумент оказал свое действие, и король дал согласие не только на поставление наместником ревностного защитника Православия Макария Тучапского, но даже и на его епископскую хиротонию. Так во Львове была возрождена православная архиерейская кафедра, прежде находившаяся в Галиче, и появился первый «епископ митрополии Галицкой, владыка Львовский и Каменец-Подольский», как отныне стали называть местного Преосвященного.

Во Львове тогда было 9 православных храмов. Резиденция епископа находилась вблизи ставшего кафедральным Свято-Юрского собора, построенного в XIV веке на месте отшельнического подвига и кончины князя Василия Романовича Волынского (в монашестве Василиска), родного брата князя Даниила Галицкого. Вплоть до середины XVIII века сохранялась под Свято-Юрской горой пещера, в которой подвизался святой князь-инок: в 1765 году ее засыпали по приказу униатского митрополита Льва Шептицкого, чтобы прекратить народное почитание находящихся под спудом мощей православного святого. Сам древний Свято-Юрский храм простоял также до середины XVIII века, когда был снесен и заменен при митрополитах-униатах Афанасии и Льве Шептицких помпезным собором в стиле рококо, более соответствующим, по их мнению, новому греко-католическому характеру Львовской архиерейской кафедры. Однако по-прежнему Свято-Юрская гора хранит

в своих недрах святые мощи православного князя Василия, а в крипте под главным храмом нынешних галицких униатов находятся погребения православных Львовских владык, начиная с Макария Тучапского. Есть среди них и могила епископа Гедеона Балобана — того самого, который в конце XVI века поначалу примкнул к заговору западно-русских православных епископов, задумавших заключить унию с Римом и подчиниться Риму, а затем решительно порвал с предателями Православия и стал одним из защитников православной веры от происков униатов. Последние погребения православных архиереев в подклете Свято-Юрского собора относятся ко 2-й половине XX столетия, когда храм являлся кафедральным собором Львовской епархии Русской Православной Церкви.

После заключения Брестской унии в 1596 г. православные верующие Галиции решительно отвергли эту затею епископов Западной Руси и более столетия успешно противостояли попыткам польских властей принудить русинов к переходу в католичество. В течение всего XVII века во Львове и прилежащих к нему землях не появилось ни одного униатского храма. Город стал одним из крупнейших центров Православия в Речи Посполитой и очагом сопротивления католическому прозелитизму. Здесь действовало знаменитое Успенское братство, при котором существовали типография и духовная школа. О том, сколь велико было значение галицкой столицы в деле возрождения Православия в западно-русских землях, свидетельствует и факт поставления здесь на Киевскую митрополию святителя Петра Могилы. Его интронизация, знаменовавшая собой признание польскими властями возрожденной после Брестской унии Православной Церкви Речи Посполитой, состоялась в 1633 г. в Успенской братской церкви. В течение всего XVII столетия Львовская епархия сохраняла верность Православию. Однако после возглавленной гетманом Богданом Хмельницким освободительной войны более свободное казачье Левобережье и центр православной

▲ Собор св. Юра в 18 веке возведен униатами на месте кафедрального храма православных епископов Львовских

митрополии — Киев — воссоединяются с Московским государством. Под властью Речи Посполитой остается Правобережная Украина, где польская власть была более прочной. Истощенная войной с Польшей Россия не в состоянии существенно помочь православным единоверцам Западной Руси, а верхушка левобережного казачества в течение почти всей 2-й половины XVII в. была погружена в пучину смут и раздоров. С этого времени оказавшемуся без поддержки православному населению Речи Посполитой становится все сложнее отражать продолжающееся наступление католицизма. В 1676 году королевская власть запретила православным русинам иметь сношения с Восточными Патриархами и выезжать за пределы Польского королевства, братствам было приказано признать над собой власть местных епископов и отказаться от права ставропигии.

Наконец, польское правительство решилось окончательно покончить с Православием в Галиции. Но по-

скольку по отношению к унии русины были настроены непримиримо, была использована еще более изощренная иезуитская тактика насаждения католичества, чем во времена Брестского собора. Власти подобрали кандидатов на православные архиерейские кафедры из числа негласных приверженцев унии, с тем, чтобы они со временем объявили о переходе своих епархий в католичество. В результате тайные униаты Иннокентий Винницкий и Варлаам Шептицкий заняли Перемышльскую и Холмскую епархии соответственно, а их сообщник Иосиф Шумлянский стал епископом Львовским и даже был королевским указом назначен «администратором», то есть возглавителем всех православных епархий Киевской митрополии, расположенных на территории Речи Посполитой. Всего за два десятилетия активных действий по развалу Православия епископы-ренегаты привели церковную жизнь Галиции в такое состояние, что здесь уже без труда можно было объявить о переходе в унию, что Шумлянский

и сделал от лица Львовской епархии в 1700 г. Однако даже в такой безвыходной ситуации продолжало борьбу за Православие Львовское Успенское братство. Чтобы отслужить в братской церкви архиерейским чином католическую обедню, Шумлянский явился сюда с отрядом вооруженных поляков, которые выломали в храме двери. Но даже и после этого братство не покорилось. Его сопротивление унии продолжалось до 1708 года: сдать православных принудило полнейшее разорение Успенского братства, принужденного в 1704 году уплатить осадившему Львов шведскому королю Карлу XII гигантскую контрибуцию — 120 тысяч червонцев.

После измены Шумлянского в Галиции начинается настоящая вакханалия насилия, творимого приверженцами унии, которым передаются православные храмы. Именно тогда греко-католическая церковь становится владельцем отобранных у Православной Церкви храмов и прочей собственности. Приведем лишь некоторые примеры. Один из самых яр-

ких — судьба Свято-Онуфриевского монастыря во Львове. Основанный православными еще во времена Галицко-Волынского княжества, в XIII веке, обитель была отстроена великими ревнителями Православия князьями Острожскими на протяжении XVI столетия. От этого времени сохранился главный храм монастыря. Грамотой Константинопольского Патриарха Иеремии обитель была в конце того же XVI века закреплена за Успенским православным братством, которое обустроило в ней свою типографию. Здесь трудился, а после смерти был погребен великий первопечатник диакон Иван Федоров. Лишь в XVIII веке Онуфриевский монастырь был передан монахам греко-католического базилианского ордена. Последние, кстати, намеренно уничтожили могилу и надгробную плиту первопечатника, которые напоминали о православном прошлом ново-явленного базилианского кляштора. Монастырь был закрыт после Великой Отечественной войны, в советское

время в его постройках размещался музей старинной книги имени Ивана Федорова. Но на исходе горбачевской «перестройки» львовские власти, среди которых уже доминировал националистический Рух, приняли решение о передаче Онуфриевского монастыря униатам, и в нем вновь водворились базилиане. Их первые шаги по обустройству древней обители выглядели программными: первым делом был ликвидирован музей старопечатной книги и уничтожен памятник Ивану Федорову, возведенный на месте его захоронения в советские годы.

Сходная участь постигла и Уневский монастырь близ Львова, известный с XV века. В обители, которая также принадлежала Львовскому православному братству, в конце XVI в. подвизался крупнейший духовный писатель Западной Руси Иван Вишенский, автор ярких антикатолических трактатов. Увы, сегодня, как и во времена Шумлянского, и эта святыня занята униатскими монахами-бази-

лианами. То же произошло и с Креховским монастырем на Львовщине, который был основан в начале XVII в. как оплот Православия в самый разгар гонений, учиненных католиками после Брестской унии 1596 года. В настоящее время Крехов также снова передан базилианам, устроившим здесь один из центров униатского прозелитизма на Западе Украины (при монастыре открыта греко-католическая семинария). Униатам, которых архиепископ Торан считает «законными владельцами» галицких храмов, передано сегодня и множество других монастырей и церквей Галиции, построенных задолго до Брестской унии. Это и старинные монастыри Львовщины: в Плиснеске, который, как полагают, был основан еще в XII веке, и Лаврове, впервые упомянутый в источниках в 1407 г., а также уникальный памятник зодчества древнего Галича — церковь св. Пантелеимона в с. Крылос (Шевченкове) Ивано-Франковской области, построенная в XII столетии. Примеров,

▲ Епископ Луцкий - Кирилл Терлецкий один из главных организаторов Брестской унии

▲ Софийский собор в Полоцке полностью перестроен униатами в 17-18 вв.

▲ Упенская церковь Львовского братства 16-17 вв.

подобных выше перечисленным, — бездна!

И все же, несмотря на колоссальные усилия польского правительства полностью истребить в Галиции Православие, достичь этого не удалось. У православных были отображены все храмы, но они, как столь же гонимые первые христиане, собирались для совершения богослужений по домам. Единственной святыней, до которой так и не смогли добраться униаты, оставался Манявский скит, расположенный в Карпатских горах. Здесь подвизалось множество православных монахов, полунелегально окормлявших галицкую паству. Лишь в 1785 году этот оплот Православия был уничтожен: власти оккупировавшей Галицию после раздела Польши империи Габсбургов потребовали от последнего игумена скита Исаакия Протасевича и братии принять унию, но получив отказ, попросту закрыли и разграбили монастырь. Иконы из разоренной обители были, однако, выкуплены православными львовянами, которые в том же 1785 году все же добились от австрийской администрации разрешения создать в городе православную общину. Объединившая русинов, греков и румын, она с тех пор уже не прекраща-

ла своего существования. Община эта и сегодня продолжает свое бытие в лице единственного ныне во Львове храма канонической Украинской Православной Церкви Московского Патриархата — Свято-Георгиевского, — построенного к началу XX века и освященного в 1901 году после более чем столетнего скитания православных львовян по частным домам и временным церковным постройкам. Известно также, что в конце XIX столетия в Галиции существовали еще два православных храма: при женской тюрьме во Львове и мужской — в Станиславе (ныне — Ивано-Франковск). Настоятель православной общины во Львове иеромонах Евгений (Эммануил) Воробкевич сообщал, что в 1890 году его прихожанами были 72 львовские семьи, к которым принадлежали 340 человек. Во всей Галиции тогда насчитывалось 226 православных семей (1089 человек).

Число православных галичан постоянно возрастало: в Православие возвращались не только миряне, но и униатские священники. Среди наиболее видных представителей греко-католического духовенства, перешедших в лоно Православной Церкви, прежде всего, следует назвать имена священников Якова Головацко-

го, Ивана Наумовича, священномученика Максима Сандовича. Отречение от унии стало закономерным итогом плачевного положения греко-католической церкви, все более латинизируемой и подчиняемой польско-иезуитскому влиянию, и развернувшегося в Галиции колоссального по масштабу общественно-политического движения — т.н. «москвофильства», — направленного на воссоединение с Россией, частью единого народа которой считало себя в XIX — начале XX века большинство галицких русинов. Сторонники сепаратизма — так называемые «народовцы», — которым оказывали активную поддержку австрийские власти, в ту пору составляли незначительное меньшинство. Последующее преобладание в Галиции вскормленного правительством Франца-Иосифа украинского национализма отчасти обусловило то, что свыше 30 тысяч «москвофилов» стали жертвами концлагерей — Таллергофа и прочих, — созданных австрийцами в период Первой мировой войны для ревнителей русской идеи, объявленных «пятой колонны» России. Тысячи «москвофилов» были здесь расстреляны, уморены голодом, скончались от непосильного каторжного труда. Среди жертв Таллергофа около 800 священников — православных и сочувствующих Православию греко-католиков. Однако подлинная победа националистической идеи в Галичине на самом деле связана с совсем другим фактором — приходом советской власти на земли Западной Украины и ее совершенно неправомерным отождествлением в сознании галичан с Россией и русским народом.

Массовый переход русинов в Православие происходил и в период между Первой и Второй мировыми войнами. Особенно масштабным было это движение на Перемышльской земле, население которой именovalo себя «лемками». В конце 1920-х годов свыше трети всех лемков покинули униатскую церковь и перешли в Православие, несмотря на чинимые им польским правительством Пилсудского гонения против Православной Церкви. В 30-х годах они достигли небывалой остроты:

именно тогда была совершена беспрецедентная акция по уничтожению сотен православных храмов в Перемышльской и Холмской землях и принудительному обращению части их в римско-католические костелы. Однако об этих событиях папа римский, кающийся в восьмивековой давности грехах крестоносцев, предпочитает не вспоминать. Точно так же понтифик хранит молчание и по поводу проводимых в нынешней Галиции по сходному сценарию «возвращений законным владельцам». Мало того, папская курия исправно молчит и другом — о той дискриминации, которой не на шутку расхаживали галицкие униаты при поддержке местных властей подвергают не только православных, но даже римско-католиков. На Западной Украине за последнее десятилетие открылись буквально считанные римско-католические костелы. Прирост числа римско-католиков Украины стал возможен лишь благодаря восстановлению католических епархий латинского обряда на территории Волыни и Подолии.

Во Львове, как и в большинстве других галицких городов и сел, ни один из трех десятков латинских костелов не передан римско-католикам: здесь по-прежнему действуют лишь те же самые два костела, что и в годы советской власти. Большинство зданий бывших костелов передано греко-католикам (костелы Остробрамской иконы Божией Матери, св. Елизаветы, Марии Снежной, св. Анны, кармелитский Михайловский, бернардинский Андреевский, бенедиктинок, сакраменток и проч.). Несколько костелов передано под храмы раскольникам-автокефалистам и даже протестантам (костелы св. Мартина и францисканский, в котором водворились адвентисты седьмого дня). Не нашлось пустующего римско-католического храма только для православных: им отцы города заявили, что подобный шаг был расценен католиками как кощунство. Впрочем, сомнительным выглядит и традиционное мнение о том, что в Галиции, откуда после Второй мировой войны было депортировано большинство польского на-

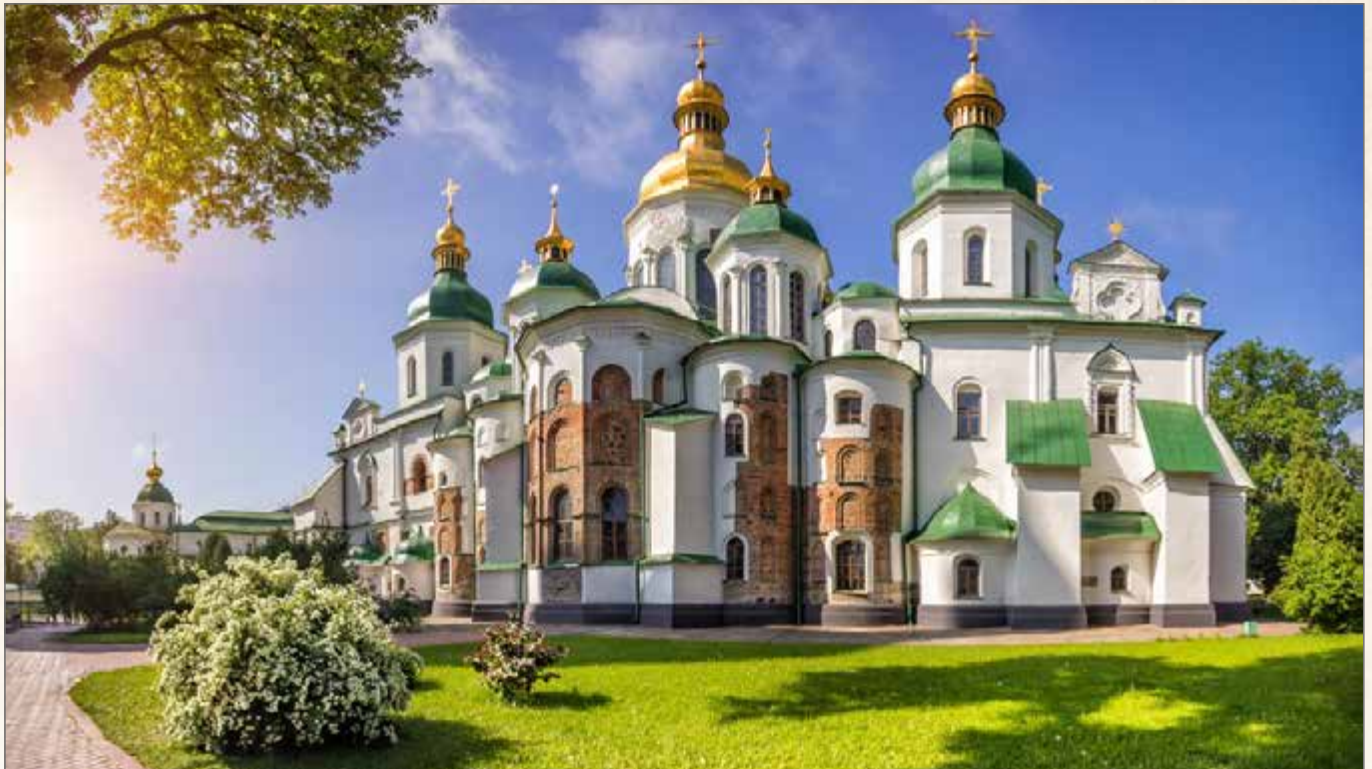
селения, сегодня проживает немного римско-католиков. Во всяком случае еще около 10 лет тому назад монахи-бернардинцы ходатайствовали перед властями Львова о возвращении им зданий их бывшего монастыря и даже, казалось, получили на свою просьбу положительный ответ. Правда, вскоре безо всяких объяснений львовский бернардинский монастырь с костелом св. Андрея, одним из самых красивейших в городе, был отдан униатскому базилианскому ордену, который и владеет им доньше.

Следует заметить, что униаты имеют сегодня большинство православных храмов не только на Западе Украины, где местные власти всячески покровительствуют греко-католической церкви. Подобную же практику они пытаются перенести и на восток страны. Так, в Киеве греко-католики требовали передать им древний Михайловский Выдубицкий монастырь, известный с XI века, на том основании, что он в самом начале XVII века некоторое время принадлежал захватившим его греко-католикам, которых,

▲ Церковь Николая Доброго на Подоле

▲ Кафедральный собор София Киевская

впрочем, очень скоро изгнали оттуда казаки. Пытались католики заполучить и православный Троицкий Ионинский монастырь в Киеве, но ничего не смогли представить в подтверждение своего требования: обитель была основана вышедшим из Выдубицкого монастыря преподобным Ионой только во 2-й половине XIX в. и никакого отношения к греко-католицизму никогда не имела. Точно также ничем не подкреплялось стремление униатов получить Никольскую церковь, устроенную на месте погребения первого русского князя-христианина Аскольда, который в IX веке принял в Константинополе Православие с именем Николай, как предполагают на основании названия надмогильного храма. Но поскольку нужно все-таки было как-то обосновать свое стремление получить православный храм, греко-католиками была выдвинута фактически подкрепляемая легенда о том, что крестным отцом киевского князя якобы был Папа Римский Николай I, откуда дескать и христианское имя новокрещеного. Данная версия, тем не менее, убедила киевские власти, которые, не особо вникая

в доказательную базу, приняли решение о передаче униатской общине не только храма на Аскольдовой Могиле, но и колокольни уничтоженной в советские годы православной церкви Николы Доброго на Подоле, построенной, кстати, московскими зодчими в конце XVII века.

Такие решительные попытки греко-католиков утвердиться сегодня в Киеве далеко не случайны. Киев, как известно, Брестской унии не принял. Греко-католики в начале XVII века пытались завладеть Софией Киевской и рядом других храмов Матери Городов Русских, но ни мало в том не преуспели. С тех пор греко-католиков в Киеве не было вплоть до Первой мировой войны, когда они вновь появились здесь, но в совсем незавидном качестве — как военнопленные австро-венгерской армии из числа призванных на фронт галичан. Для них в Киеве российскими военными властями по крайнему человеколюбию и был создан первый униатский храм — из Карпат на берега Днепра тогда перевезли и здесь заново собрали деревянную церковь. Просто-яла она в Киеве до 30-х годов, когда

погибла вместе с большинством православных храмов столицы Украины, разрушенных большевиками.

Но, увы, с историей в нынешней Украине обращаются более, чем вольно. С невообразимой легкостью здесь появляются сегодня новые мифы, полностью искажающие подлинную историю страны. Одна из таких новых легенд — активно тиражируемая греко-католическими изданиями мысль о том, что Киевскую Русь будто бы просвещали, главным образом, латинские миссионеры. Поэтому не удивительно, что первоиерарх УГКЦ кардинал Гузар заявил о том, что Украинская греко-католическая церковь, как следует из ее названия, является не каким-то там локальным исповеданием галичан, а церковью всей Украины. За словами неизбежно следуют дела — в самый канун папского визита на Украину, в мае 2001 года, кардинал Любомир Гузар закладывает в Киеве новый кафедральный собор УГКЦ и объявляет о своем намерении перенести сюда из Львова духовный центр греко-католиков. ■

А.А. КОШКИН, доктор исторических наук, профессор, политолог-востоковед

РОССИЯ — ТРАДИЦИОННЫЙ ВРАГ

▲ Японские оккупанты во Владивостоке

После Октябрьской революции в России враждебность японских правящих кругов в отношении своего континентального соседа на севере значительно возросла. События в России оказали большое влияние на народы капиталистических стран и колоний. Активизировалось революционное движение и в Японии, обострилась классовая борьба, что создавало опасность для сохранения в стране буржуазно-помещичьих порядков. «Уже сам факт создания социалистического государства рабочих и крестьян, факт свержения монархии и капитализма вызвал у господ-

ствующих классов Японии беспредельный страх и жгучую ненависть к Советскому Союзу», — отмечали японские историки.

Под воздействием русской пролетарской революции ширилось национально-освободительное движение азиатских народов, что явилось серьезной преградой для осуществления замыслов Японии по созданию обширной колониальной империи в Восточной Азии. Японские империалистические круги, не желая мириться со сложившимся положением, объявили Советскую Россию «самым опасным и злейшим врагом» и начали спешную

разработку планов «преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта». Характеризуя положение, сложившееся после Октябрьской революции на Дальнем Востоке, В. И. Ленин указывал на реальную опасность наступления Японии на Россию «в целях занятия... ее территории и свержения Советской власти». В условиях готовящейся интервенции в Россию в Токио стремились, как писала японская пресса, «собственными силами захватить Сибирь, задушить революцию и установить на территории Сибири марионеточный режим».

Первую агрессию против Советской Республики японцы предприняли вместе со своими союзниками по Первой мировой войне. Весной 1918 г. во Владивостоке высадились японские, американские, английские и французские войска. При этом численность японских войск, принимавших участие в интервенции (в разное время от 72 до 100 тыс. солдат и офицеров), намного превосходила количество вооруженных сил западных держав, посланных на Дальний Восток. Это явилось следствием стремления «пойти на любые жертвы, только бы не опоздать к дележу территории России, который произойдет после вмешательства США, Великобритании и Франции».

После провала вооруженной интервенции и окончания Гражданской войны в России в Японии не отказались от агрессивных замыслов в отношении соседа на севере. Поскольку в Токио считали, что «в будущем СССР во весь голос заявит о себе», ставилась задача «принять меры против разлагающегося влияния Советского Союза».

Несмотря на подписание в феврале 1922 г. с западными державами Вашингтонского договора, ограничивавшего возможности японской экспансии на Азиатский континент и в районы Тихого океана, правящие круги Японии рассматривали его лишь как временное соглашение. В японской прессе прямо провозглашалось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны».

На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства, возглавляемых императором, вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления вооруженной экспансии — северное и южное. В качестве вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась на сухопутные войска, против

США — на военно-морской флот. При этом если война против США рассматривалась в те годы лишь как теоретическая возможность, будущая агрессия против СССР приобретала вполне зримые очертания. Подтверждением этого является составление генеральным штабом армии конкретных планов ведения боевых действий на территории Советского Союза.

В 1923 г. был разработан новый план войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский».

В 1925 г. между Советским Союзом и Японией были установлены дипломатические отношения. И все же, когда советское правительство в мае 1927 г. обратилось к японскому правительству с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении, оно было отвергнуто. Тогда по мере углубления экономического кризиса 20-х гг. политика решения внутренних проблем на путях внешней экспансии приобретала в Японии все большее число сторонников. Усиливавшие свое влияние на политику военные круги добились в апреле 1927 г. формирования кабинета министров во главе с генералом Танака Гиити. Он же стал министром иностранных дел Японии. Не желая связывать себя какими-либо соглашениями с северным соседом, новое руководство исходило из того, что Япония должна «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий».

Особенно противились договору о ненападении с СССР военные круги. Генеральный штаб армии и военное министерство не прекращали разрабатывать планы войны с Советским Союзом, считая, что такую

▲ Кошкин Анатолий Аркадьевич

войну следует начать как можно скорее, до того, как СССР усилит свою мощь. По мобилизационному плану 1926 г., против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом считалось, что ослабленная революцией Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий».

27 июня 1927 г. в Токио открылась так называемая «Восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также японские дипломаты, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции была выработка политики в отношении Китая. Обсуждение вопроса о Китае было вызвано не только целями экономической экспансии в эту страну, но и стремлением подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 гг.

Еще в годы японской интервенции против Советской России

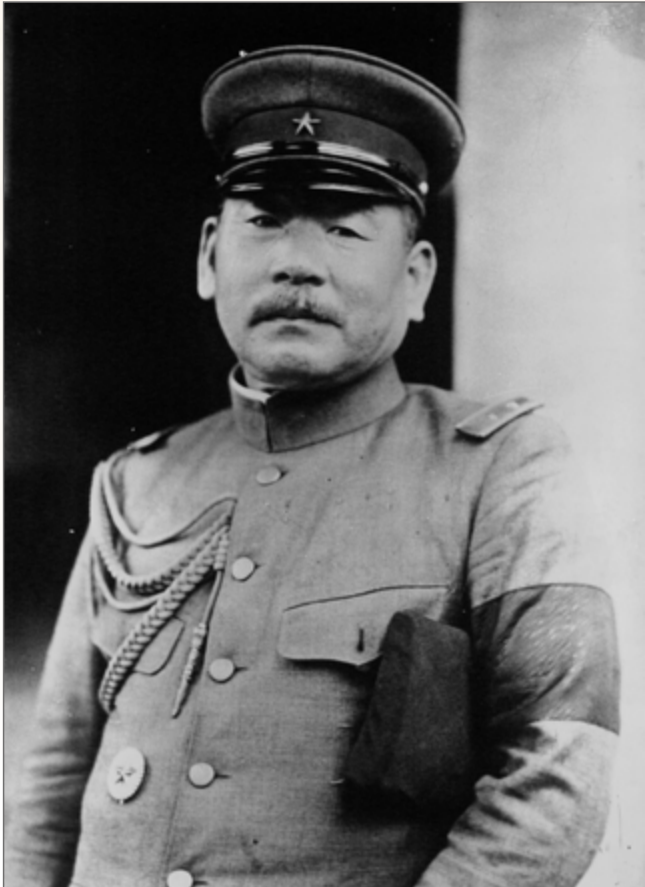
на Дальнем Востоке и в Сибири японским правительством ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону». Впоследствии в эту зону была включена и Монголия. По итогам «Восточной конференции» 7 июля был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которой состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью

предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...»

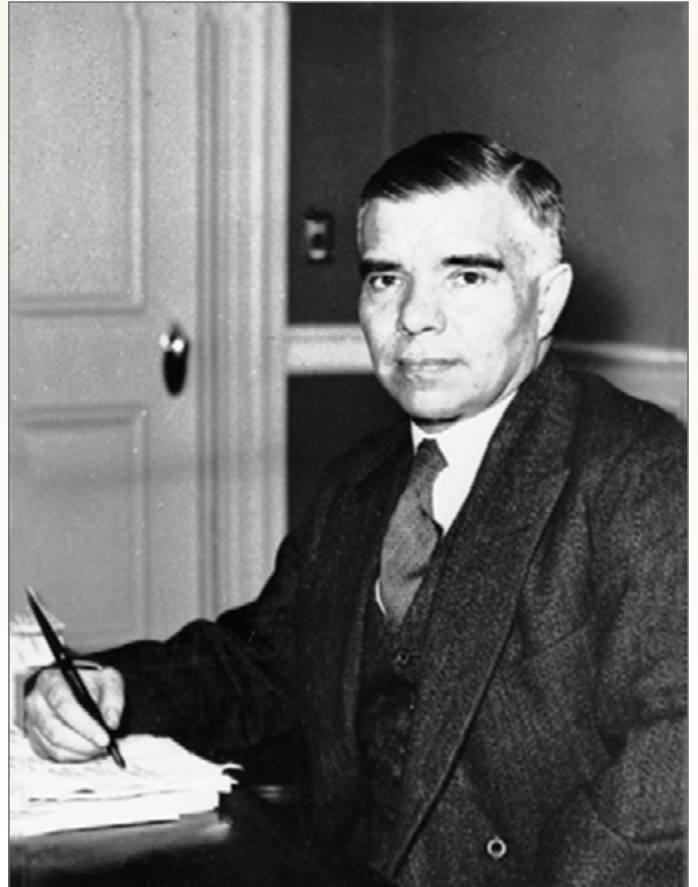
Подлинный смысл этого положения раскрыл один из организаторов конференции, заместитель министра иностранных дел по политическим вопросам Мори Каку, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На отторгнутых территориях предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори, на них должна «обрушиться вся государственная мощь». «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии». К этому времени японский генштаб уже разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале северо-восток, затем север Китая и Синьцзян.

Хотя задача овладения Маньчжурией и Монголией выдвинулась на первый план, в военных кругах существовала и другая точка зрения, согласно которой широкой экспансии на континент должна предшествовать война с целью устранения «советской угрозы». Свое мнение сторонники этой точки зрения обосновывали тем, что СССР может помешать осуществлению захвата китайских территорий. Советский посол в Японии А. А. Трояновский информировал советское правительство: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки». Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Танака вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время».

Однако в Токио не могли не осознавать, что империя экономически была не готова к серьезной войне против СССР. Проявлявшие

▲ Минами Дзиро, военный министр

▲ Трояновский А.А.

▲ Хирота Хиротакэ посол Японии в СССР

▲ Ёсидзава Кэнкити

осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в Россию, понимали, что участие в крупномасштабной войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Они заявляли, что «Япония не выдержит длительную войну без китайского сырья». Учитывалось также, что к началу 30-х гг. в Японии еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Поэтому на первый план выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быструю» войну в Маньчжурии, отторгнуть этот богатый сырьевыми ресурсами и имевший важное стратегическое значение район Китая.

В условиях поразившего и Японию мирового кризиса монополии этой страны рассчитывали на быстрое решение своих экономических проблем за счет колониальной эксплуатации Северо-Восточного Китая. Ведь на его долю приходилось 93 % добы-

чи нефти, 79 % выплавки железа, 55 % добычи золота, 41 % железнодорожных линий, 37 % запасов железной руды, 23 % выработки электроэнергии и 37 % внешнеторгового оборота Китая. Территорию Маньчжурии планировалось превратить в мощный плацдарм для наступления на Китай и СССР. Бывший военный министр Японии Минами Дзиро на процессе главных японских военных преступников в Токио заявил, что «Маньчжурия рассматривалась как военная база в случае войны с СССР. Как оккупация Маньчжурии, так и вторжение в Китай исходили из конечной стратегической цели Японии — войны против СССР».

В Токио внимательно следили за ростом обороноспособности Советского Союза. В мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. В ходе его выполнения быстро росло промышленное производство,

что позволяло решать задачи укрепления материальных основ

обороны государства. В годы первой пятилетки в СССР осуществлялась программа создания современной военно-технической базы для обороны и поднятия технической и боевой мощи вооруженных сил страны до уровня первоклассных европейских армий.

После разгрома в 1929 г. китайских милитаристских банд и русских белогвардейцев, которые устраивали вооруженные провокации на проходившей по территории Маньчжурии и принадлежащей СССР Китайско-восточной железной дороге (КВЖД) и нападали на советскую территорию, командование японской армии «резко изменило свои взгляды на Красную Армию». Перспектива усиления вооруженных сил СССР серьезно беспокоила составителей японских планов войны с Советским Союзом. В Японии вновь активизировались сторонники скорейшего нападения на северного соседа. В июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление на заседании кабинета мини-

стров генерала Койсо Куниаки, заявившего, что «выполнение пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения».

За скорейшее устранение «советской угрозы» выступал и посол Японии в СССР Хирота Хиротакэ, который рекомендовал начальнику генштаба проводить «решительную подготовку против Советской России и быть готовыми в любой момент начать войну с целью захвата Восточной Сибири». В шифровке в генштаб военного атташе японского посольства в Москве подполковника Касахара Юкио от 29 марта 1931 г. высказывалось мнение о том, что «Япония должна продвинуться, по крайней мере, до озера Байкал, рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи и создать там военные поселения на долгие годы».

Составленный в конце 20-х гг. японским генеральным штабом план войны против СССР «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря

и с территории Кореи. После его тщательного изучения в Токио пришли к выводу, что до нападения на СССР необходимо укрепиться в Маньчжурии, чтобы использовать ее территорию и ресурсы для развертывания наступательных операций на советский Дальний Восток и Сибирь с нескольких направлений. Японские стратеги считали, что в самом начале военных действий необходимо перерезать в районе Байкала Транссибирскую железнодорожную магистраль. Командированный генштабом в марте 1931 г. в Маньчжурию и Корею полковник Судзуки Сигэясу докладывал в центр о трудностях ведения военных действий против СССР в случае высадки главных сил армии на побережье восточнее Владивостока. Не могли не учитывать японские стратеги и того, что военное выступление против СССР без активной поддержки других государств было рискованным.

18 сентября 1931 г., после завершения необходимых приготовлений, японские вооруженные силы спровоцировали так называемый маньчжурский инцидент, и через три месяца

военных действий вся территория Маньчжурии была оккупирована японской армией. Захват Маньчжурии был чрезвычайно крупной по своим последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Он оказал важное влияние и на последующее развитие японо-советских отношений, поскольку Япония оказалась в прямом пограничном соприкосновении с СССР.

Японские военные историки признают, что в результате «оккупации Маньчжурии появилась возможность повторения сибирской экспедиции». Считалось, что это должно произойти в не столь отдаленном будущем. В качестве обоснования этого приводилась оценка военно-стратегического положения СССР. Так, в докладе военного атташе Японии в Советском Союзе Касахара Юкио, датированном 1932 г., в частности, указывалось: «Развертывая программу вооружений, мы должны ставить в центр внимания Советский Союз. Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения обороноспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее...»

▲ Японские оккупанты в Хабаровске

▲ Литвинов М.М.

▲ Араки Садао

Далее военный атташе подчеркивал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы радикальным образом разрешить проблему наших взаимоотношений с Советским Союзом. Учитывая то, что в данный момент военные силы Японии и СССР находятся в непосредственной близости, и то, что СССР, ощущая страх, увеличивает свои вооружения на Дальнем Востоке, нужно быть в полной боевой готовности...»

Стремясь ускорить нападение на СССР, военщина прибегала к различного рода провокациям. Японская военная разведка готовила с этой целью покушение в Москве на посла Хирота. По словам сотрудника одной из иностранных миссий, это «обязательно вызвало бы войну между Японией и СССР». Склоняя к совершению покушения одного из работников Народного комиссариата путей сообщения, дипломат-провокатор разъяснял, что «это покушение необходимо сделать и что оно будет иметь чисто демонстративный характер». Он говорил, что «дело не в том, чтобы обязательно убить посла, а достаточно

двух пуль из ржавого нагана в стекло посольского автомобиля на улицах Москвы».

Советское руководство хорошо понимало, что выход японских вооруженных сил на советскую границу увеличивает опасность неспровоцированного нападения Японии на СССР. В этих условиях Москва активизировала свои предложения заключить пакт о ненападении. В советском заявлении, сделанном 31 декабря 1931 г. японскому министру иностранных дел Ёсидзава Кэнкити и послу Хирота, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить выражением миролюбивых политики и намерений японского правительства. При этом народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел СССР) М.М. Литвинов отметил в беседе, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией. Было подчеркнуто, что «сохранение

мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики».

В то время СССР не мог рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии, в том числе в Китае. Отношения с Великобританией и Францией были напряженными, а США отказывались дипломатически признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

В Токио не сомневались в искреннем стремлении Советского Союза проводить политику мира на Дальнем Востоке. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом японского МИД Того Сигэнори в апреле 1933 г., говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения

в Маньчжурии». И это было действительно так. В начале 30-х гг. реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы — Великобритания, Франция и США — в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «перевазившей» Маньчжурию, скорая большая война с СССР едва ли была возможна.

Думается, не случайно японское правительство долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить между двумя государствами договор о ненападении. Некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае.

Однако было понятно и то, что заключение японо-советского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами.

13 декабря 1932 г. японское правительство официальной нотой отклонило предложение СССР, заявив, что «еще не созрел момент для заключения пакта о ненападении». Правящие круги страны, на которые оказывалось сильное давление со стороны так называемых патриотических, т.е. профашистских, групп, не желали создавать даже видимость стремления

к добрососедству с «большевистской Россией». Против пакта решительно выступал японский генералитет, ибо он лишал аргументов о «советской угрозе», которые широко использовались для обоснования требований постоянно увеличивать ассигнования на военные расходы. Распространяя пропаганду о «красной опасности», японские военные утверждали, будто «с идеологической точки зрения договор о ненападении приведет к ослаблению бдительности в отношении СССР».

В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и поэтому остается в силе».

Отказ Токио от заключения пакта с СССР отвечал интересам западных держав, целью которых было отвлечь внимание Японии от их азиатских владений, по возможности направив ее против Советского Союза. Рассчитывая на то, что война против СССР приведет к ослаблению Японии как конкурента в Восточной Азии, западные державы, и в первую очередь США, в то же время стремились использовать эту страну для «обескровливания СССР».

Хотя в Вашингтоне и Лондоне понимали, что оккупация Маньчжурии — лишь первый шаг по осуществлению японской программы колониальных захватов в Восточной Азии и на Тихом океане, тем не менее, там считали, что дальнейшая экспансия Японии может быть направлена не на юг, а на север. К тому же западные державы рассматривали японскую оккупацию Северо-Восточного Китая как эффективное средство борьбы против национально-освободительного движения китайского народа. В 1931 г. президент США Герберт Гувер говорил своим министрам: «Если бы японцы нам прямо заявили: «Наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с коммунистической Россией мы будем иметь еще на фланге, возможно, коммунизированный Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить

порядок в Китае», — мы не могли бы выдвинуть возражений».

В марте 1932 г. на территории оккупированного Северо-Восточного Китая японцы образовали марионетное государство Маньчжоу-Го и приступили к оборудованию здесь плацдарма для последующих военных действий. Планы дальнейшего продвижения вглубь Китая требовали заботы о тыле. В Токио не могли исключать, что на определенном этапе Советский Союз может воспрепятствовать осуществлению экспансионистской программы японского империализма. В мае 1933 г. военный министр Араки Садао заявил на совещании губернаторов страны: «Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому для Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири».

Подобные заявления использовались и для того, чтобы убедить западные державы в целесообразности проводить в отношении Японии политику умиротворения, продолжая снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. Отстаивая перед Вашингтоном эту линию, посол США в Японии Джозеф Грю, убеждал американскую администрацию, что захват Маньчжурии следует рассматривать как прелюдию японо-советской войны. В одной из своих телеграмм в госдепартамент он доносил: «Помощник военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше». В октябре 1933 г. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь».

В Советском Союзе расценивали обстановку однозначно. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан писал

в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут тягивать и толкать на это...»

Японцы умело использовали заинтересованность западных держав в столкновении Японии и СССР. Еще за несколько месяцев до начала операции по захвату Маньчжурии японское правительство официально запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. Тем самым давалось понять, что целью оккупации Северо-Восточного Китая является обретение плацдарма для войны с СССР.

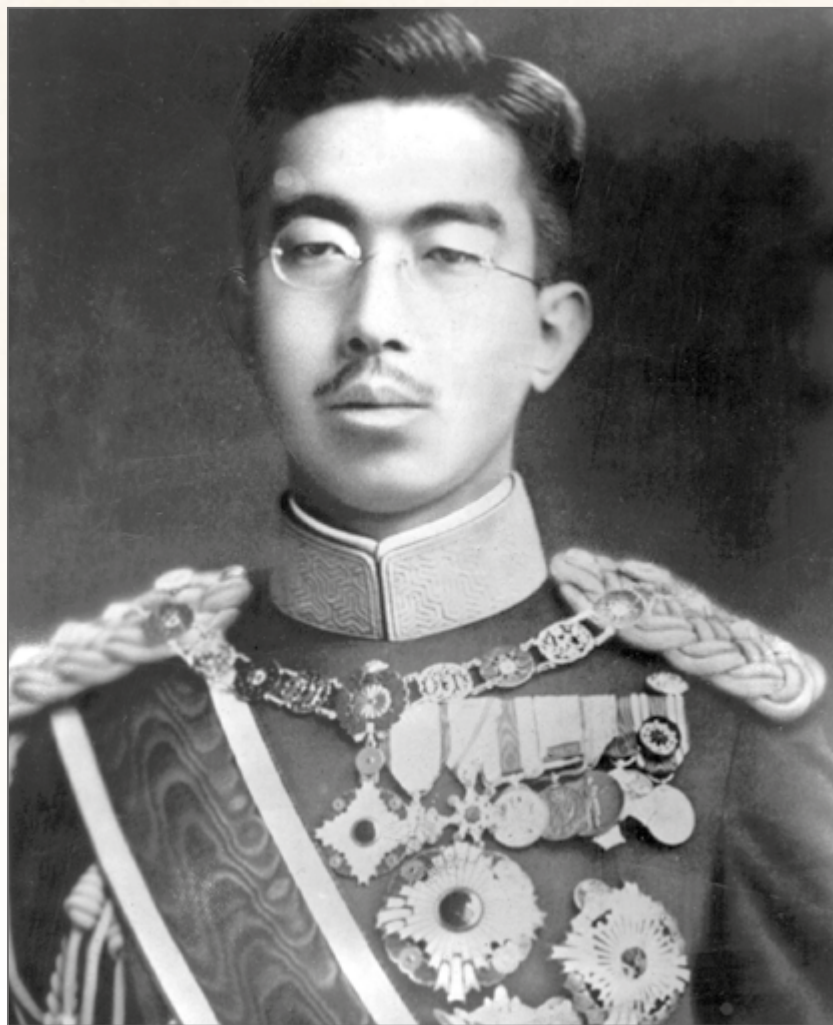
Вскоре после овладения Маньчжурией японское правительство 19 ноября 1931 г. с явно провокационными намерениями демонстративно и в жестких выражениях потребовало через своего посла в Москве «прекращения вмешательства во внутренние дела Маньчжурии». Понимая провокационный характер этого «протеста», в ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР». Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем нейтралитете в отношении японо-китайского конфликта в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась решимость СССР не допустить своего вовлечения

в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. В Токио с удовлетворением воспринимали позицию Советского Союза и продолжали искусственно нагнетать опасность вооруженного столкновения с Японией, с тем чтобы удерживать Москву от какого-либо вмешательства в маньчжурские события.

Тем временем японские войска заняли позиции по всему периметру новой сухопутной границы с СССР. В первой половине 30-х гг., по мере усиления в Японии влияния милитаристских кругов, вопрос о войне против Советского Союза стал открыто обсуждаться политическими деятелями, в том числе официальными представителями японского правительства, а также печатью. В послании маркиза Кидо Коити ко-

миссии, созданной в январе 1932 г. при кабинете министров Японии для «выработки политики в отношении заморских территорий империи», подчеркивалось, что наличие на территории Маньчжурии императорской армии позволяет проводить плановые меры по подготовке условий для решения «северной проблемы», т.е. вести подготовку к войне против Советского Союза.

Выход японских вооруженных сил к границам СССР потребовал составления нового плана войны на севере. Генеральный штаб армии уже в конце сентября 1931 г. принял документ «Основные положения оперативного плана войны против России». Планом предусматривалось «выдвижение японских войск к востоку от Большого Хингана и быстрый

▲ Хирохито, император Японии

разгром главных сил Красной Армии». Вслед за этим надлежало разгромить войска противника на всех направлениях. При этом имелся в виду весь район Северной Маньчжурии и Приморья.

В конце августа 1932 г. генштабом был разработан план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после оккупации всей Маньчжурии стратегическое положение сторон. При составлении этого плана командование японской сухопутной армии исходило из того, что Япония уже достигла необходимого стратегического превосходства над советскими вооруженными силами на Дальнем Востоке и в Сибири. При этом особо выделялись следующие факторы: а) в войне против СССР примут участие не только японские, но и маньчжурские войска; б) сражения в районах советско-маньчжурской границы японские войска будут вести по внутренним операционным линиям, а советские — по внешним; в) разгром советских частей будет осуществляться поодиночке в начальный период войны; г) советские базы военно-воздушных сил подлежат быстрой ликвидации, что устранил серьезную опасность с этой стороны; д) в кратчайший срок будет перерезана Транссибирская железнодорожная магистраль, которая проходит в непосредственной близости от Маньчжурии; е) по сравнению с прежним периодом ныне возможно составить конкретные планы операций и проводить детальную подготовку к их осуществлению.

Планом на 1933 г. было определено, что против четырех-пяти дивизий, которые, по расчетам японского генштаба мог выставить Советский Союз в Приморье, японская армия будет иметь три дивизии в Маньчжурии и две в Корее. Кроме того, одна дивизия должна была высадиться с моря в районе Владивостока. Намечалось уже в начальный период войны нанести по советским войскам в Приморье «сокрушительный удар». Считалось, что «к тому времени, когда СССР перебросит из глубины страны две дополнительные дивизии, сражение в Приморье будет завершено, со-

▲ Като Кандзи

ветские ВВС разгромлены и развеяны, Владивосток захвачен».

Для действий на северном, амурском, направлении выделялось три дивизии, а на западном, хинганском — четыре. Предусматривалось иметь десять дивизий резерва ставки. Силами одной дивизии планировалось осуществить захват Северного Сахалина и Камчатки. Две дивизии получали задачу обеспечивать с юга тыл группировки. После разгрома противостоящих сил противника оккупации подлежала обширная часть территории Советского Союза к востоку от озера Байкал.

В конце 1932 г. этот план был одобрен главнокомандующим японскими вооруженными силами императором Хирохито. Содержание его свидетельствовало о том, что военный успех в Маньчжурии опьяняюще подействовал на японские военные

круги, и они не желали трезво оценивать возросшую мощь Советского Союза. С целью ускорения начала реализации плана японские военные сознательно нагнетали напряженность на советско-маньчжурской границе — продолжались провокации на КВЖД, организовывались частые «пограничные инциденты», на советскую территорию засылались шпионско-диверсионные группы.

В обстановке обострения советско-японских отношений, возрастающая опасность войны на Дальнем Востоке XVII съезд ВКП(б) отмечал: «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении... лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... Одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном

одобрении другой части военных, а правительство Японии, вместо того чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что его это не касается».

Следует отметить, что авантюризму экстремистов из числа военных в первой половине 30-х гг. в известной степени противостояли влиятельные лидеры буржуазных политических партий и представители крупного бизнеса из числа «старых» концернов, сферой приложения капиталов которых была в основном промышленность собственно Японии. Эти деятели, хотя и не выступали против захватнических планов, направленных против Китая и СССР, тем не менее, высказывались за более осторожное развитие материковой политики. Они склонялись к мнению о целесообразности идти по пути «постепенного изживания дефектов в деле обороны, с тем чтобы через десять лет достичь полной готовности». Считалось, что на этот период Японии было бы выгодно пойти на временную нормализацию японо-советских отношений и даже заключить с СССР пакт о ненападении. Член Высшего военного совета Японии адмирал Като Кандзи в беседе с советским послом Трояновским указывал на наличие в японских руководящих кругах двух течений. Он говорил: «Первое — за возможно тесное сближение с Советским Союзом, второе — за разрыв. Первое многочисленнее, второе — очень активно. Идут горячие споры...»

Среди противников нападения на СССР были и представители промышленных и финансовых кругов, которые рассчитывали, что «большевизм падет в России сам в результате неспособности большевиков справиться со сложностями развития тяжелой индустрии». Считалось, что в этом случае Дальний Восток и Сибирь без труда попадут под контроль Японии. С другой стороны, крупный монополистический капитал тешил себя надеждами на то, что можно лишь угрозой войны заставить СССР добровольно отказаться от своих дальневосточных территорий. Так, генеральный секретарь экономической

федерации Японии Акияма Оносуке заявлял: «Я остро ощущаю нужду Японии в колониях и искренне настаиваю на этом... Я предлагаю купить советский Дальний Восток — Приморье, Амурские области и Северный Сахалин». Рассчитав, что каждый день войны с Советским Союзом будет стоить Японии около 45–50 млн. иен, этот японский бизнесмен предлагал вместо ведения войны выплатить Советскому Союзу в течение десяти лет за Дальний Восток 1 700 млн. иен, что составляло, по смете Акияма, стоимость 34 дней войны против СССР.

Несмотря на несуразность подобных расчетов, идея «покупки» советских дальневосточных территорий в 30-е гг. находила поддержку у ряда ведущих политических деятелей Японии. Видный японский дипломат Сиратори Тосио, развивая эту «идею», писал в 1935 г. министру иностранных дел Арита Хатио: «Прежде всего, Россия должна разоружить Владивосток и т.д., закончить вывод своих войск из Внешней Монголии, не оставив ни одного солдата в районе озера Байкал... Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь также в виду покупку Приморской области Сибири». Едва ли стоит говорить, что все это звучало как фанфаронство, вызванное переходящие всякие границы самоуверенностью власть имущих Страны восходящего солнца.

В целом же, как сторонники скорейшего разгрома СССР, так и приверженцы более осторожного курса, объявляя «решение северной проблемы» насущной задачей империи, считали, что «по сравнению с этой великой целью китайский вопрос является второстепенным».

Вопрос о войне Японии против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. совещании руководящего состава японских сухопутных сил. На нем шли острые дебаты об определении первоначального объекта нападения и о сроках реализации расширения экспансии на континенте.

Во главе сторонников форсирования подготовки к войне против СССР

стоял военный министр Араки Садао. Он и его последователи поставили перед собой цель — осуществить нападение на Советский Союз в 1936 г., когда для этого, по их мнению, «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Эта группировка настаивала на том, чтобы наиболее опасным противником определить Советский Союз и готовиться к войне, прежде всего против него. Один из активных сторонников этой позиции, имевший тесные связи с генштабом, военный публицист С. Хирата в своей изданной в 1933 г. книге «Если мы будем воевать» предупреждал: «К чему нельзя относиться легкомысленно, так это к России будущего. Силы России пять лет назад и сегодня совершенно разные. Через пять лет они возрастут еще более... Русские могут теперь изготавливать в своей стране и автомобили, и самолеты, и пушки, и винтовки, и отравляющие вещества, и другие предметы вооружения...» Автор книги призывал не жалеть средств и активно готовиться прежде всего к войне против СССР.

Оппозицию составляли приверженцы последовательной и всесторонней подготовки экономики и вооруженных сил, считавшие, что не следует спешить с реализацией планов войны против СССР, а сосредоточить внимание на укреплении позиций Японии в Китае. Представители этой группировки, возглавляемой генералами Нагата Тэцудзан и Тодзио Хидэки, заявляли, что для ведения большой войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Соглашаясь с определением Советского Союза как главного противника Японии, Тодзио в то же время предупреждал о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник разведывательного управления генштаба Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить

▲ Тодзио Хидэки

▲ Нагата Тэцудзан

производственные мощности Японии и Маньчжоу-Го». Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было невероятно трудно, предлагалось пойти даже на переговоры с правительством СССР о заключении пакта о ненападении на период, пока Япония будет последовательно накапливать силы. Главный смысл предложений сторонников тщательной подготовки к войне против СССР состоял в том, чтобы в предстоящие годы создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай.

Большинство участников совещания не приняли эту точку зрения и проголосовали за резолюцию, предусматривавшую обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия империи на подготовку к войне с Советским Союзом, который был определен в документе как «противник номер один».

В своих требованиях ускорить выступление против СССР так называемая «северная» группировка военных опиралась на поддержку «молодых» промышленных концернов,

сферой деятельности которых стали вновь завоеванные территории. Однако более сильные «старые» монополии, имевшие большое влияние в правительственных кругах, приняли решение сначала «переварить» Китай. А затем, овладев его ресурсами, приступить к решению «северной проблемы».

В конечном счете, с ними вынуждены были согласиться даже некоторые широко известные своими антисоветскими настроениями представители командования армии. Так, один из наиболее известных японских военных стратегов генерал Исихара Кандзи, обращаясь к руководству военного министерства и генерального штаба, заявлял: «Наиболее опасным противником останется традиционный враг — Россия... Однако сейчас страна должна сконцентрировать свои усилия на увеличении экономической мощи, доведя ее до уровня, позволяющего состязаться с производственной мощью Советского Союза».

В результате споров о сроках начала войны с Советским Союзом

была принята компромиссная линия. Хотя военная подготовка к нападению на СССР проводилась в жизнь, но не такими быстрыми темпами, как этого добивались сторонники скорейшего удара на севере. Основной упор был сделан на превращение территории оккупированной Маньчжурии в мощный военно-экономический плацдарм для будущего наступления на Китай и СССР.

Следует отметить, что определение Советского Союза «противником номер один» было сделано командованием сухопутных сил империи. Для наращивавшего свою мощь военно-морского флота Японии таким противником являлись США и Великобритания. Однако это не означало, что империя была готова в обозримом будущем сразиться с этими крупными державами. Наоборот, в Токио стремились не допустить такого развития ситуации, когда обострение соперничества в борьбе за Китай могло привести к прямому вооруженному столкновению с ними. ■

А.В. ПОЛУТОВ, историк, японист

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАНЬЧЖОУ-ГО

▲ Штаб Квантунской армии

Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го — спецслужба, организованная командованием Квантунской армии для усиления разведывательной и контрразведывательной деятельности против Дальнего Востока СССР. В условиях роста напряженности в 1930-е годы между Японией и СССР японский Генеральный

штаб (ГШ) и командование Квантунской армии были крайне заинтересованы в расширении разведывательной и контрразведывательной деятельности против Дальнего Востока СССР, в том числе с привлечением спецслужб государства Маньчжоу-Го. Организатором этого нового направления деятельности японской разведки стал майор Катакура Тадаси.

Он имел опыт службы в штабе Квантунской армии, 4-м (аналитическом) секторе 4-го (СССР, Европа и Америка) отделения 2-го (разведывательного) отдела ГШ и военном министерстве, где занимался вопросами вооруженных сил Маньчжоу-Го. В марте 1937 года Катакура Тадаси был переведён в 3-е отделение (служба тыла) штаба Квантунской

КАТАКУРА ТАДАСИ (1898–1991 ГГ.). Во время службы во 2-м отделе ГШ разработал наставление «Основные задачи по предотвращению возникновения чрезвычайных политических ситуаций», в котором описал задачи государственного аппарата и вооруженных сил в области национальной обороны, внутренней и внешней безопасности, дипломатии, внутренней политики, экономики, общественной жизни и образования. С 01.12.1937 по 01.08.1939 г. — начальник 4-го (политического) отделения штаба Квантунской армии. В дальнейшем занимал командные и штабные должности различных соединений японской армии. Генерал-майор (1944 г.).

армии, где он начал проработку правовых, финансовых и административных вопросов создания нового разведывательного и контрразведывательного органа в государственном аппарате Маньчжоу-Го.

Подготовку документации о функциях нового органа поручили старшему офицеру штаба Квантунской армии подполковнику Ямаока Мититакэ — признанному специалисту по СССР, в разных должностях занимавшемуся не только разведкой против СССР, но и работой против коммунистического и антияпонского движений на территории Маньчжоу-Го.

Штаб Квантунской армии в ноябре 1937 года представил на рассмотрение правительству Маньчжоу-Го «Общие положения об организации Управления государственной безопасности Маньчжоу-Го», а в начале декабря уже начались штатно-организационные мероприятия по формированию нового органа.

Этому предшествовала реформа государственного аппарата Маньчжоу-Го. 1 июля 1937 было создано Министерство общественной безопасности, в подчинение которого перешло Управление полиции численностью 69 тысяч человек (на конец 1936 года).

1 декабря была упразднена экстерриториальность Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), вместе с административным и полицейским аппаратом ее передали в управление правительства Маньчжоу-Го.

Однако упразднение экстерриториальности ЮМЖД лишало полицию права действовать на территории Маньчжоу-Го по японским законам. Собственно это обстоятельство и вынудило командование Квантунской армии, чтобы избежать трений и разногласий с маньчжурскими властями, создать подконтрольный ему орган в государственном аппара-

ЯМАОКА МИТИТАКЭ (1897–1959 ГГ.). В 1919–1920 гг., будучи офицером 14-й дивизии, участвовал в военных действиях японского экспедиционного корпуса на территории Дальнего Востока России. В 1928–1930 гг. проходил службу в 4-м отделении 2-го отдела ГШ и находился на стажировке в СССР, до 1933 г. служил помощником военного атташе при посольстве Японии в Советском Союзе. В 1935 г. получил назначение во 2-е (разведывательное) отделение штаба Квантунской армии, с 01.03.1938 по 20.04.1939 г. был начальником этого отделения. До 09.03.1940 г. — начальник 5-го (СССР) отделения 2-го (разведывательного) отдела ГШ, до 02.03.1942 г. — военный атташе при японском посольстве в СССР. Верил в немецкий блицкриг и соответствующим образом информировал ГШ. За серьезные ошибки и просчеты в оценке хода войны досрочно отозван из СССР в Японию. В дальнейшем занимал командные и штабные должности в различных соединениях японской армии. Полковник (1939 г.), генерал-майор (1943 г.).

АМАКАСУ МАСАХИКО (1891–1945) — один из создателей государства Маньчжоу-Го. В 1912 г. закончил военное училище. В 1918–1923 гг. проходил службу в подразделениях военной жандармерии в Японии и Корее. В 1923 г. — начальник отряда военной жандармерии района Кодзимати (Токио). Уволен после убийства по его приказу семьи анархистов. В 1930–1932 гг. занимался разведывательной и подрывной деятельностью под руководством начальника японской военной миссии в Фэньтяне полковника Доихара Кэндзи. В марте–июле 1932 г. — начальник Управления полиции Министерства по гражданским делам Маньчжоу-Го. В 1937–1941 гг. — начальник секретариата «Кевакай» (Общество Согласия). 20 августа 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

те Маньчжоу-Го, который бы действовал в рамках маньчжурского законодательства по вопросам, касающимся борьбы со шпионажем, разведки, защиты военной и государственной тайны, обеспечения государственной и общественной безопасности, контроля за иностранцами.

Полицейский аппарат в полном составе, включая консульскую полицию (1 131 человек) и полицию Квантунской области (3 600 человек), зачислили в штат управления. Чины консульской полиции и полиции Квантунской области имели большой опыт разведывательной и контрразведывательной работы и хорошо владели оперативной обстановкой на территории Маньчжоу-Го. Таким образом к концу 1937 года его численность составляла уже 89,4 тысяч человек.

До 1 июля 1937 года в структуре Управления полиции Министерства по делам военной администрации имелось три подразделения, в функции которых входили:

- 1 — разведка,
- 2 — контрразведка,
- 3 — тайный политический сыск.

По соображениям секретности и в целях предотвращения утечки информации через китайских сотрудников отделов разведки и контрразведки, Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го было развернуто на базе так называемого маньчжурского ГПУ — отдела расследований (тайный политический сыск), созданного первым начальником Управления полиции Маньчжоу-Го Амакасу Масахико и состоявшего из кадровых сотрудников японской полиции.

Формирование структуры и штата УГБМ завершилось в конце декабря 1937 года.

РУКОВОДСТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МАНЬЖОУ-ГО

Должность начальника УГБМ занимал по совместительству заместитель министра общественной безопасности, а заместителем начальника УГБМ был начальник

Управления полиции. На момент создания УГБМ эти должности, соответственно, занимали Сусукида Ёситомо и Сибуя Сабуро.

На руководящие должности всех уровней назначались исключительно японцы из числа сотрудников японской полиции или же офицеров военной разведки.

ЗАДАЧИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МАНЬЖОУ-ГО

Согласно «Общим положениям», сформулированным штабом Квантунской армии, первоначально в функции УГБМ входили: а) охрана государственной границы, б) защита государственной безопасности, политическая цензура и полицейские функции в приграничных районах, в) контрразведка и внешняя разведка, в первую очередь против СССР «с позиций пограничных провинций».

Деятельность УГБМ велась в условиях строжайшей секретности: скры-

СУСУКИДА ЁСИТОМО (1897–1963). В 1926–1937 гг. — начальник управлений полиции в префектурах Окаяма, Нагасаки, Хиросима, столичной префектуре Киото и начальник отдела Токийского полицейского управления. С 1.07.1937 по 16.12.1939 г. — заместитель министра общественной безопасности Маньчжоу-Го и начальник УГБМ по совместительству. В 1940–1943 гг. — губернатор префектуры Кагосима, в 1943–1944 гг. — начальник Токийского полицейского управления. После войны занимался политической деятельностью.

СИБУЯ САБУРО (?–1945). В 1908 г. закончил военное училище. С 10.12.1934 по 2.12.1935 г. — начальник ЯВМ в Хэйхэ, затем до 27.03.1936 г. — командир 3-го пехотного полка. С 01.07.1937 по 18.08.1938 г. — начальник Управления полиции Маньчжоу-Го и заместитель начальника УГБМ по совместительству. До 18.12.1939 г. — губернатор провинции Муданьцзян. С 18.12.1939 по 1.04.1943 г. — заместитель министра общественной безопасности Маньчжоу-Го и начальник УГБМ по совместительству. С 1944 г. — ректор Харбинского университета. 21 августа 1945 г. покончил жизнь самоубийством в Харбине.

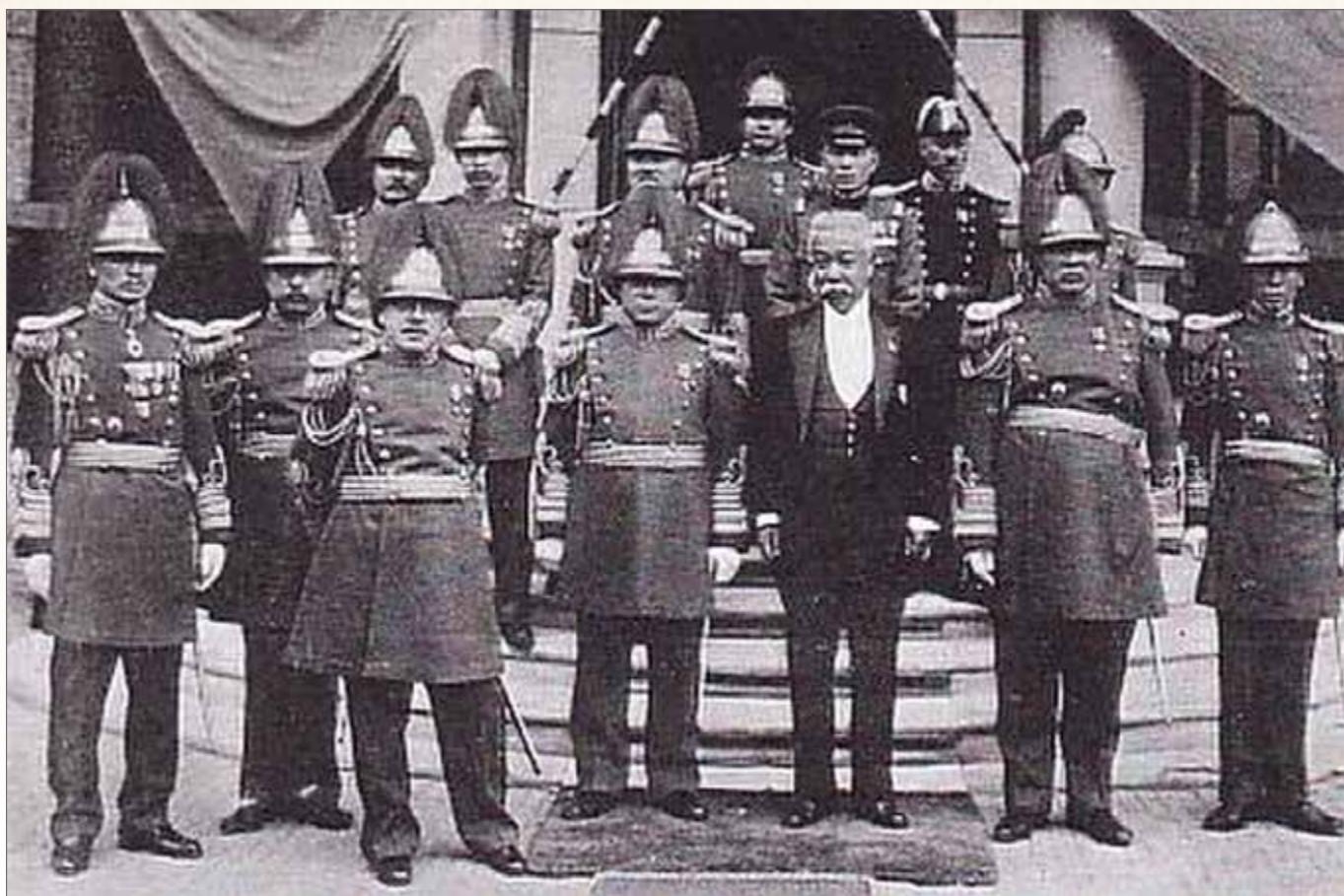
вался даже сам факт существования управления.

5 января 1938 года начальник Управления полиции Сибуйя Сабуро направил своим подчиненным директиву: «Министр общественной безопасности требует предпринимать самые строгие меры по недопущению и запрету любых упоминаний в печатных изданиях о вновь созданном Управлении государственной безопасности. Обращаю внимание на то, что данная директива не должна доводиться до газетных

компаний и издательств журналов». Тем не менее, военное министерство Японии допустило утечку информации, когда в 1939 году поместило краткие сведения об УГБМ в «Справочнике о вооруженных силах империи и иностранных государств».

Для ведения внешней разведки УГБМ располагало зарубежной сетью резидентов из числа старших офицеров центрального аппарата, в том числе действовавших под прикрытием дипломатических и консульских учреждений Японии и Маньчжоу-Го

на территории Китая и других государств. Основной разведывательной целью УГБМ была деятельность советской разведки против Японии и Маньчжоу-Го с позиций Китая. Для японской разведки одним из важных источников сведений о Дальнем Востоке СССР были перебежчики. Ими занимались Японские Военные Миссии и военная жандармерия, а с января 1938 года — УГБМ. Из документов штаба Квантунской армии следует, что только в 1936–1938 годах в Маньчжоу-Го из раз-

▲ Офицеры марионеточной армии Маньчжоу-Го

личных районов советского Дальнего Востока перебежало 188 человек. Особый интерес для УГБМ представляли перебежчики из числа военнослужащих РККА и погранвойск НКВД.

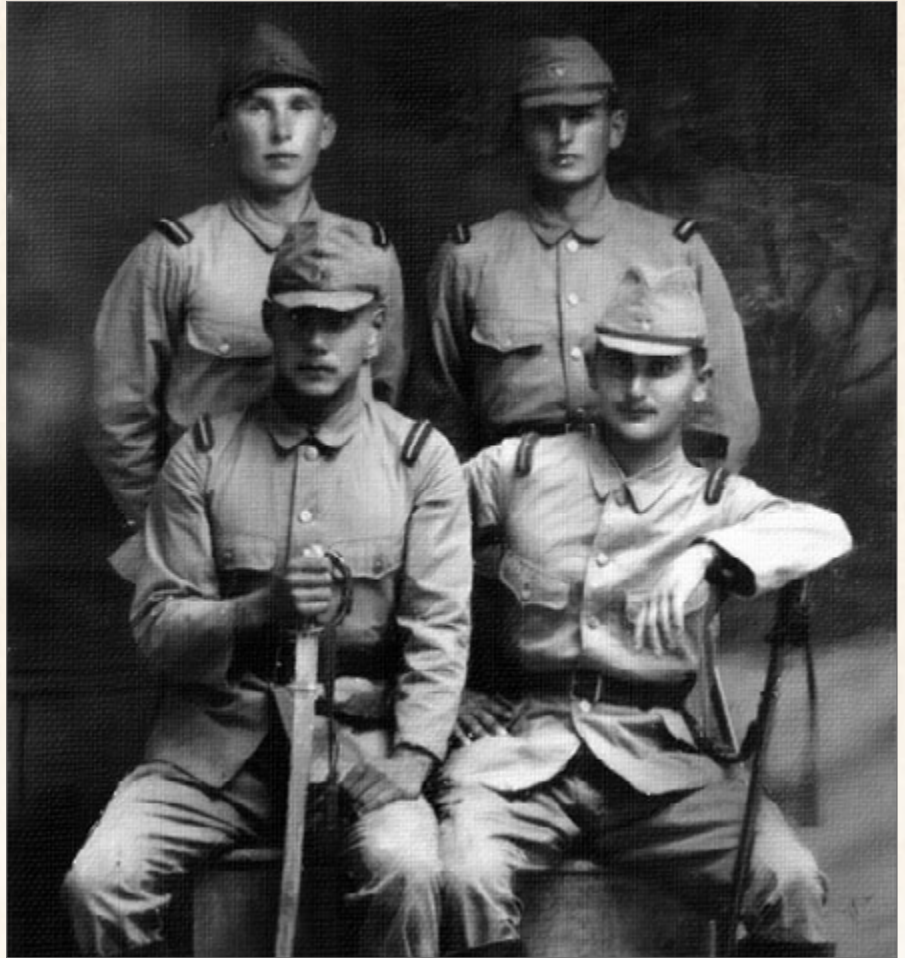
СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МАНЬЖОУ-ГО

Для прикрытия УГБМ формально числилось одним из департаментов Управления полиции Маньчжоу-Го, однако в реальности было автономным органом и, по сути, представляло собой маньчжурский вариант департамента безопасности МВД Японии, который во многом превосходил свой японский аналог в организационном плане и по степени секретности.

В структуру УГБМ входили территориальные управления в провинциях Маньчжоу-Го. У каждого из них имелась разветвленная сеть периферийных органов — особые разведывательные отделения (группы). Все направления разведывательной и контрразведывательной деятельности центрального аппарата УГБМ контролировала и координировала Японская военная миссия (ЯВМ) в Харбине, а работа территориальных управлений находилась под патронажем местных ЯВМ.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МАНЬЖОУ-ГО

В апреле 1940 года командование Квантунской армии провело реорганизацию разведывательных органов, в результате которой головная Японская Военная Миссия в Харбине была преобразована в разведывательный отдел, а ЯВМ на местах — в его отделения. Произшедшая реорганизация в полной мере коснулась и УГБМ. В конце сентября 1940 года, после ряда согласований с правительством Маньчжоу-Го, военным министерством и ГШ, идея передачи УГБМ в прямое подчинение командующего Кван-

▲ Русские эмигранты на службе у японцев

тунской армии и непосредственное подчинение его разведывательному отделу была полностью реализована.

В апреле 1943 года была проведена последняя реформа государственного аппарата Маньчжоу-Го, в результате которой Министерство общественной безопасности упразднили, а на его основе было создано Главное полицейское управление Маньчжоу-Го. Его начальником стал Ямада Сюнсюкэ, одновременно занявший пост и начальника УГБМ. Благодаря своим личным и профессиональным связям в полиции и военной жандармерии Ямада Сюнсюкэ смог не только довольно быстро урегулировать и наладить отношения УГБМ с военной жандармерией, но и значительно упрочить позиции управления в системе японских и маньчжурских спецслужб. Под его руководством и при поддержке командования Квантун-

ской армии организационная структура УГБМ постоянно совершенствовалась и расширялась.

По состоянию на 1944 год центральный аппарат УГБМ включал в себя восемь отделов:

- 1-й (секретариат),
- 2-й (следственный),
- 3-й (общий отдел контрразведки),
- 4-й (иностраннный отдел контрразведки),
- 5-й (разведка),
- 6-й (радио контрразведка — радиопеленгаторный отряд),
- 7-й (контрразведка на объектах связи),
- 8-й (оперативно-технический),
- секретный учебный центр по подготовке и переподготовке кадрового состава. ■

А.В. ОКороков, российский историк, доктор исторических наук,
член-корреспондент Академии военных наук, Заслуженный работник культуры РФ.

НЕПОКОРНЫЙ ЮЖНЫЙ СОСЕД

Русский след в Афганистане

▲ Басмачи

Афганистан — государство в юго-западной части Центральной Азии. Граничило на севере с СССР (сейчас с Туркменией, Узбекистаном, Таджикистаном), на западе с Ираном, на северо-востоке с Китаем. Население 16,1 млн. чел. (1968 г., оценка по данным Демографического ежегодника ООН). Столица — г. Кабул. На территории современного Афганистана живет свыше 20 народов, принадлежащих к различным язы-

ковым группам. Свыше 8 млн. чел. составляют афганцы (по оценкам 1967 г.). В ряде западных и северо-восточных провинций живут таджики (около 3250 тыс. чел.), на севере — узбеки (свыше 1500 тыс. чел.) и туркмены (около 300 тыс. чел.), в центральной части — хазарейцы (около 1400 тыс. чел.), в провинциях Герат и Гор, на северо-западе страны — чаар-аймак (около 450 тыс. чел.). В различных районах страны живут также нуристанцы (свыше 100 тыс.

чел.), белуджи (свыше 100 тыс. чел.), пашаи (около 100 тыс. чел.), киргизы, казахи, каракалпаки, небольшие группы арабов и др. Государственная религия — ислам. В VII–VIII вв. большая часть современного Афганистана была завоевана арабами, а в XVI веке Великими Моголами и Сефевидами, затем, в 30-х годах XVIII в., завоевана Надиром. В 1747 г. на развалинах державы Надир-шаха возникло независимое государство — Дурранийская держава. В 1818 году оно

▲ Окорок А.В.

распалось на княжества: Гератское, Кандагарское. Кабульское, Пешаварское. К концу XIX — началу XX в. (после двух англо-афганских войн) в Афганистане сложилось относительно централизованное государство. Во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. Афганистан сохранял нейтралитет. 28 февраля 1919 года эмир Афганистана Аманулла-хан провозгласил независимость страны, что спровоцировало 3-ю войну с Англией.

Третья англо-афганская война (официально называлась "Политическая акция в Вазиристане") оказалась скоротечной. Закончилась она отступлением англо-индийского экспедиционного корпуса и признанием 8 августа 1919 года независимости Афганистана (Репалпиндский договор). Решить основную военно-политическую задачу — использовать территорию Афганистана для выхода в Среднюю Азию — Великобритании не удалось. Афганистан стал геополитическим буфером между Советской Россией и Британской империей после того, как в апреле 1919 года признал РСФСР и установил с ней дипломатические отношения. 28 февраля 1921 года был заключен и первый Советско-афганский договор о дружбе и сотрудничестве. Афганская дипломатия исходила из традиционно-

го на Востоке принципа: "Враг моего врага — мой друг". Придерживаясь этого принципа, Афганистан стал поддерживать тесные контакты с еще одним противником Британской империи — Германией, побежденной в Первую мировую войну и стремившейся к реваншу, в том числе за счет получения союзников на Ближнем Востоке и Среднем Востоке.

В соответствии с Советско-афганским договором советское правительство предоставило Афганистану свободный и беспрошленный транзит афганских грузов через свою территорию, оказало финансовую помощь в размере 1 млн. рублей золотом (безвозмездно), передало 12 (по другим данным, 10) самолетов и 5 тыс. винтовок с необходимым боезапасом. *По свидетельству бывшего резидента ОГПУ в Афганистане Г.С. Агабекова, перебежавшего на Запад в 1929 г., самолеты, переданные афганскому правительству, предназначались для подавления восстания, вспыхнувшего в Хосте в 1925 году. Вместе с самолетами в Афганистан прибыли советские летчики и механики. Дало согласие оказать*

помощь в создании в Кабуле авиационной школы, построить завод по изготовлению бездымного пороха, направить в Афганистан технических и других специалистов, усовершенствовать систему связи в стране, в том числе телеграфной линии: Кушка — Герат — Кандагар — Кабул. Еще ранее в Кабул была доставлена радиостанция, переданная в дар правительством РСФСР. Ее привез и в кратчайший срок установил специальный советский технический отряд. Для последующего обслуживания радиообъектов по договоренности с руководством молодой Советской республики в Ташкент на специальные курсы связи (с последующим прохождением практики в Ашхабаде и Самарканде) было направлено восемь афганских военнослужащих.

Кроме того, в СССР были подготовлены летчики и аэродромно-технический персонал из числа афганцев. Уже в 1926 году в составе ВВС Афганистана насчитывалось 400 офицеров и младших авиационных специалистов, часть из которых прошли обучение в Советской России. Эти действия регламентировались положениями Договора о нейтралитете

▲ Афганский военный самолет

и взаимном ненападении, заключенного между странами 31 августа 1926 года.

В конце 1928 года в стране произошел государственный переворот. Дружественное Советской республике правительство Аманулла-хана было свергнуто английским ставленником Бачаи Сакао (дословно переводится как "сын водоноса"). Таким образом, британцы попытались очистить кабульский трон от не устраивавшего Лондон монарха, заигрывавшего с большевиками. Первостепенная роль в этой операции, по некоторым сведениям, принадлежала известному английскому разведчику полковнику Вильяму Лоренсу.

В марте 1929 года посол Афганистана в Советской России генерал Гулам Наби-хан Чархи и министр иностранных дел Гулам Сидик-хан во время конфиденциальной беседы с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Иосифом Сталиным обратились к советскому правительству с просьбой

оказать законному правительству Аманулла-хана военную помощь. Возможность таких шагов предполагалась Советско-афганским договором 1921 года о дружбе. В результате в Ташкенте в срочном порядке был сформирован особый отряд под командованием героя Гражданской войны атамана Червоного казачества Украины Виталия Марковича Примакова. В целях конспирации он носил имя "турецкого офицера Рагиб-бея" (для секретных донесений в Москву использовался псевдоним "Витмар" — по первым буквам имени и отчества). Его начальником штаба был кадровый афганский офицер Гулам Хай-дар (вместе с ним в отряде находилось еще несколько офицеров афганской армии). Отряд насчитывал около двух тысяч сабель, имел 4 горных орудия, 12 станковых, 12 ручных пулеметов и мощную радиостанцию.

15 апреля 1929 года отряд, переодетый в афганскую форму, переправился через Амударью в районе таджикского города Термез и ата-

ковал афганский погранпост Пата Кисар. За два дня части Примакова овладели городами Келиф, Ханабад и 17 апреля подошли к одному из главных политических и экономических центров афганского Туркестана, городу Мазари-Шариф. 22 апреля в результате многочасового и кровопролитного боя город был взят. После нескольких дней безуспешных попыток отбить Мазари-Шариф войска Бачаи Сакао, перегородив арыки, перешли к его осаде. Опасаясь волнений со стороны афганского батальона, сформированного из местных добровольцев, Примаков был вынужден обратиться в Москву за помощью. "Окончательное решение задачи, — отмечалось в радиограмме, — лежит в овладении Дейдади и Балхом. Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решен, если бы я получил 200 газовых гранат к орудиям. Кроме того, необходимо сделать отряд более маневроспособным, дать мне эскадрон головорезов... Если можно ожидать,

▲ Хабибулла (Бачаи Сакао)

что ситуация изменится и мы получим помощь, я буду оборонять город. Если на помощь нельзя рассчитывать, то я буду играть ва-банк и пойду брать Дейдади. Возьму — значит, мы хозяева положения, нет, значит, обратимся в банду...”

В ответ на просьбу 6 мая советская авиация нанесла несколько бомбоштурмовых ударов по боевым порядкам противника под Мазари-Шарифом. Одновременно афганскую границу перешел отряд красноармейцев численностью около 400 человек. После стремительного двухдневного марша отряд под началом Зелим-хана вышел к Мазари-Шарифу. Кто из советских военачальников скрывался под этим псевдонимом, точно не известно. С большой долей достоверности можно предположить, что это был командир 8-й кавбригады САВО Иван Петров, впоследствии участник Великой Отечественной войны, генерал армии, Герой Советского Союза

Соединившись с примаковцами, сводный отряд отбросил афганцев

от Мазари, а 8 марта, после артиллерийского обстрела, овладел Дейдадом, захватив при этом большие трофеи (50 орудий, 20 пулеметов, много стрелкового оружия и боеприпасов).

Отдохнув, сводный отряд двинулся дальше на юг, в сторону крупного центра Ташкурган. Однако на этом пути он встретил трехтысячный кавалерийский отряд Ибрагим-бега. Абдулла Валишев, взводный командир из отряда Примакова, следующим образом описывает этот бой:

“По отработанной схеме восемь орудий поставили на главное направление, по два станковых пулемета в 200 м от дороги. С приближением басмачей на 500 м орудия открыли частый огонь: три из них били в голову колонны, три — в хвост, а два — в середину. Заработали и спрятанные пулеметы. Противник бросился врассыпную. Конники лихо орудовали клинками и даже пиками. Через полчаса после начала боя дозор обнаружил еще 1500 басмачей, прискакавших на сей раз с запада. Ими командовал Сеид Хусейн, воен-

ный советник Бачаи Сакао. Два часа длился страшный бой... Басмачи отчаянно сопротивлялись. Выиграть бой помогла военная смекалка Ивана Петрова. По его распоряжению к противнику отправили трех пленных, захваченных у бека, чтобы сообщить главарю второй банды о результатах предыдущего боя — 2500 убито, 176 в плену и лишь трем сотням вояк удалось спастись бегством. Предупреждение подействовало: басмачи сложили оружие. Конечно, если бы оба отряда появились одновременно, с противоположных сторон, то, имея 10-12-кратное превосходство в живой силе, они смогли бы смять отряд”.

12 мая красноармейцы овладели городом Балх, а на следующий день Ташкурганом.

18 мая Примаков был вызван в Москву, и командование отрядом принял Али Авзаль-хан — комбриг Александр Иванович Черепанов. Следуя инструкциям, он продолжил движение в глубь Афганистана. Но 23 мая пришло известие, что

ПЕТРОВ ИВАН ЕФИМОВИЧ. Генерал армии, Герой Советского Союза. Родился 30.09 (18.09. по старому стилю). 1896 г. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы усовершенствования командного состава. Работал военным комиссаром полка, бригады и штаба дивизии, командовал кавалерийским эскадроном, полком, отдельной бригадой, горнострелковой дивизией, был начальником и военным комиссаром военной школы, инспектором пехоты военного округа, командиром механизированного корпуса. В годы Великой Отечественной войны командовал 25-й стрелковой дивизией, Приморской и 44-й армиями, Черноморской группой войск Закавказского фронта, был начальником штаба и командующим войсками Северо-Кавказского фронта, командующим 33-й армией, командующим войсками 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов, начальником штаба 1-го Украинского фронта. Руководил боевыми действиями войск в обороне Одессы и Севастополя, в Керченско-Эльтигенской десантной операции, в освобождении Северного Кавказа и Таманского полуострова, в Бер-

линской и Пражской операциях. После войны командовал войсками Туркестанского военного округа, был 1-м заместителем главного инспектора Советской Армии, начальником Главного управления боевой и физической подготовки, 1-м заместителем главнокомандующего Сухопутными войсками, главным инспектором Министерства обороны СССР, главным научным консультантом при заместителе министра обороны СССР. Награжден многими орденами и медалями. Избирался депутатом Верховного Совета СССР. Умер в 1958 году.

▲ Черепанов А.И.

афганская дивизия Сеид Хусейна внезапным ударом овладела Ташкурганом, перерезав коммуникации отряда красноармейцев. В сложившейся ситуации Черепанов был вынужден возвратиться к городу. 25 мая после артиллерийской подготовки и авиационной бомбардировки вызванными по радиации самолетами черепановцы ворвались в Ташкурган. Жестокий бой продолжался два дня. Город трижды переходил из рук в руки, но в итоге афганцы отступили. Однако победа далась дорогой ценой. В ходе этих боев были израсходованы почти все снаряды, более половины орудий и пулеметов вышли из строя. Отряд потерял 10 красноармейцев убитыми и 30 ранеными, афганские сторонники Амануллы — 74 убитыми и 117 ранеными.

Завершение военной кампании было столь же быстрым, как и ее начало. В последних числах мая стало известно, что Аманулла-хан решил прекратить вооруженную борьбу и вместе с родственниками, захватив значительную сумму государственных денег, бежал в Индию, а оттуда выехал на Запад [278]. В этой ситуации продолжение кампании становилось не только бессмысленным, но и вредным. Она уже могла

▲ Примаков В.М.

расцениваться как агрессия против суверенной страны. Сталин приказал отозвать отряд. Вместе с советскими войсками в таджикский Термез возвратились и чиновники Гулам Наби-хана. Однако в штабе Среднеазиатского военного округа продолжалась разработка операции по борьбе с Бачаи-Сакао. Один из его вариантов предусматривал возвращение Амануллы при сохранении независимости Афганистана, другой — создание на севере страны марионеточной республики с дальнейшим ее присоединением к Советскому Союзу. Скончался в Швейцарии в 1960 году.

Однако оба плана так и не были реализованы. В октябре 1929 года бывший афганский посол в Париже и родственник бежавшего из Афганистана Амануллы-хана генерал Мухаммад Надир-хан, при поддержке британских властей Индии, "разочаровавшихся" в Хабибулле, развернул мощное наступление на Кабул и сверж Бачаи Сакао. Захваченный в плен, он вскоре был казнен. Приход к власти проанглийски настроенного Надир-хана существенно изменил положение вещей в Афганистане с точки зрения взаимоотношений с СССР. В Докладной записке

Восточного секретариата ИККИ о положении в Афганистане, составленной 6 марта 1931 года, в частности, говорилось:

"Нынешний эмир Афганистана Надир-хан занял Кабул в октябре 1929 г. при прямой поддержке англичан. Племенные войска Надир-хана формировались и вооружались открыто англо-индийским правительством на индийской стороне границы. Кабул был занят махсудами и вазирами, переброшенными из северо-западной полосы Индии. Вся английская и англо-индийская печать с первого дня прихода к власти Надир-хана открыто рассматривает его как "верного союзника и прекрасного соседа", который регулярно и своевременно информировал англо-ра[вительство] "о действиях и возможных замыслах русского правительства" (Лорд Крю, бывший посол Англии в Париже).

Подписание соглашения о военной и материальной помощи, по которому правительство Надир-хана получает от англичан 20 000 винтовок (13 000 уже получено) и 400 000 фунтов стерлингов, и принятие афганцами на себя обязательства всеми мерами бороться с антибританским движением среди племен — целиком подтверждают, что в лице Надир-хана английский империализм получил "верного союзника" в деле превращения Афганистана в плацдарм против СССР и укрепления своих позиций в нарастающей индийской революции". Далее в Записке отмечалось:

"Полная капитуляция Надира перед англо-пра[вительством] привела к потере совпредставителями позиций, которыми они располагали в отношении афганской армии, авиации и пр., и к передаче таковых открыто или в секретной форме англичанам. Все эти данные говорят, что а) Надир полностью капитулировал перед англичанами; б) Афганистан, в нынешних условиях, уже нельзя рассматривать как буфер между СССР и английским империализмом; в) правительством Надира страна все более и более превращается в плацдарм английского империализма для борьбы против СССР.."

В заключение документа давались рекомендации по выправлению ситуации:

“...Все это создает предпосылки и обуславливает необходимость создания внутри Афганистана революционного крестьянского ядра, которое сможет возглавить борьбу крестьянства за афганскую независимость против английского империализма и правительства Надир-хана. База для крестьянского движения в Афганистане, особенно его северной части, населенной национальными меньшинствами (таджики, узбеки и пр.), есть; выдвинулись уже отдельные вожди этого движения, которых нужно объединить, дать им соответствующие установки, лозунги и пр., и таким образом сделать первые шаги к созданию народной революционной партии Афганистана”.

В то же время между Советской Россией и Афганистаном было заключено своего рода неофициальное соглашение в борьбе с еще активным басмаческим движением. В ходе рейдов против басмачей советские пограничники неоднократно вторгались на территорию

Афганистана. Данные прецеденты не вызывали особого недовольства со стороны афганского правительства. Разгром басмаческих отрядов в северных провинциях способствовал укреплению власти Надир-шаха, которая имела опору только в пуштунских племенах, контролировавших провинции к югу и юго-востоку от Гиндукуша.

По мере того как басмаческое движение ослабевало, к середине 1930-х годов в Кабуле стали усиливаться прогерманские настроения. Они имели давние корни. Еще в январе 1916 года Хабибулла-хан, учитывая антианглийские настроения своих подданных, заключил с Германией дружественный договор. Этот документ был составлен таким образом, что его подписание не мешало эмиру продолжать политику нейтралитета. Вместе с тем договор с Германией породил среди пуштунов Южного Афганистана и “независимых” племен Британской Индии надежду на скорое объявление джихада против своих поработителей — англичан. Имел он и важное военное и экономическое значение. С помощью немцев, стремившихся

ослабить влияние Великобритании в Афганистане и Индии, были укреплены некоторые приграничные крепости на индо-афганской границе, начато реформирование афганской армии. В короткий срок германские офицеры во главе с Оскаром фон Нидермайером организовали несколько военных школ для подготовки командного состава афганской армии и построили оборонительную линию вокруг Кабула. После этого армия эмира по разработанному немцами плану провела даже маневры с целью отразить вероятное наступление британских войск.

В конце 1930-х — начале 1940-х годов немецкие специалисты из организации Тодта (многие из которых являлись кадровыми сотрудниками разведки) построили

в стране ряд важных стратегических объектов: аэродромы в Кабуле и Герате, дорогу Кабул — Газни, мосты и дороги в приграничных с Индией районах, большой железобетонный мост через реку Гильменд у Герата и др. Афганское правительство прекрасно понимало, что немцы стремятся создать сеть современных дорог для своего будущего наступления на Индию, однако не препятствовало этому, так как было заинтересовано в укреплении своих позиций в районах проживания пуштунских племен. Кроме того, афганское правительство рассчитывало сотрудничеством с немцами ослабить позиции своего исконного врага — Великобритании. Для этого были веские основания. Для пришедших к власти в Германии национал-социалистов Афганистан приобрел важное военно-стратегическое значение в борьбе с Англией. По мнению руководителей Третьего рейха, организация вооруженного выступления племен Британской Индии могла значительно ослабить позиции Великобритании в целом.

С целью дестабилизации обстановки в районах проживания пуштунских племен, в 1939 году германской разведкой было разработано два плана спецопераций, получивших кодовое название “Аманулла” и “Тибет”. Их авторами являлись авторитетные специалисты по Среднему Востоку, опытные разведчики Оскар фон Нидермайер и Вернер фон Хентинг. Ключевой фигурой в них стал бывший король Афганистана Аманулла-хан, который с 1929 года проживал в Италии. По замыслу разработчиков, он должен был возглавить правительство Афганистана в изгнании и стать знаменем планировавшегося государственного переворота. Определенная роль в реализации обоих планов отводилась Советскому Союзу. Главной целью плана “Аманулла”, как говорилось в одном из документов МИДа Германии, было “приобретение базы для операций любого рода против Индии, сковывание английских вооруженных сил, поддержка повстанческого движения в Вазиристане”. По замыслу Хентинга, для свержения

▲ Ибрагим-бек

короля Захир-шаха было необходимо из воинов гильзайских племен, часть из которых откочевала из Афганистана в советский Туркестан, набрать отряд численностью около 2 тысяч человек. Это формирование, вооруженное немецким оружием, под руководством бывшего министра иностранных дел Афганистана Гулям Сиддик-хана, сотрудничавшего с немецкой разведкой, должно было захватить важный административный центр Северного Афганистана город Мазари-Шариф, а затем, объединившись с восставшими пуштунскими племенами, двинуться на Кабул. В случае такого вооруженного выступления Захир-шах был бы обречен. Для полной гарантии успеха Хентинг собирался задействовать в операции "Аманулла" еще одну горную дивизию вермахта, которая бы поддержала наступление отряда Сиддик-хана на Кабул с территории советского Туркестана.

Участие советской стороны предусматривал и план операции "Тибет". Ее проведение, по замыслу его автора гауптштурмфюрера Эрнста Шеффера, должно было "подорвать британское господство в Тибете и Гималаях". Для этого предполагалось организовать крупное восстание "разбойничьих племен" (не только пуштунских) и осуществить диверсионные акты против стратегически важных объектов (железнодорожные мосты, линии телеграфа) и частей британской армии. На его последнем этапе, после заброски на Тибет через Афганистан германских диверсантов, оружия и крупных сумм денег, предполагалось при содействии СССР организовать "научную" экспедицию из 200 офицеров и унтер-офицеров СС, прошедших специальную подготовку (с включением в ее состав представителей советской разведки). Руководители операции надеялись, что советское правительство разрешит создать в одной из среднеазиатских республик базу для войск СС. Экспедиция, стартовав с этой базы, должна была доставить для племен Тибета и северных районов "независимой" полосы Британской Индии караван из 3 тысяч вьючных

▲ Аманулла-хан

животных и крупную партию оружия, включая минометы.

Однако этим планам национал-социалистической Германии не суждено было сбыться. Москва, выяснив все детали операций через немецкого представителя, уполномоченного вести эти секретные переговоры, офицера СС П. Клейста (одновременно являвшегося информатором советской разведки), не только не пошла на сотрудничество с нацистами, но и вскоре сообщила об их планах в Кабул.

Стремясь извлечь из своей неудачи хоть какую-то пользу, немцы попытались "раскрутить" дезинформацию о якобы планируемом нападении Советского Союза на Индию.

Благо некоторые сведения о предпринимавшихся между СССР и Германией переговорах все же стали достоянием западных, и в первую очередь британской, разведок. Убедительным фактом в этой пропагандистской "игре" стало и заключение советско-германского пакта.

Первой о советском наступлении на Афганистан и Индию сообщила итальянская радиостанция "Гималаи". Появились сведения, из различных "достоверных" источников, о скоплении советских войск близ афганской границы.

В итоге совместные действия разведок стран "оси" принесли ожидаемые плоды. Упорные слухи о крупной группировке советских войск,

якобы готовой к вторжению в Афганистан, вынудили британские власти сконцентрировать вдоль индо-афганской границы войска численностью около 600 тысяч человек.

После нападения Германии на Советский Союз планы немецких разведывательных служб в Центральной Азии значительно расширились. Понимая, что война с СССР будет достаточно затяжной, германская разведка попыталась реанимировать басмаческое движение в Северном Афганистане. Именно в этом районе, вдоль советско-афганской границы, проживало несколько сот тысяч среднеазиатских эмигрантов. Многие из них в 1920-1930-е годы активно боролись против советской власти и были готовы при первом удобном случае вновь взяться за оружие. Так, в кишлаках к западу от Герата осели сторонники Джунаид-хана. Населенные пункты Карамкуль, Алты-Булак, Доулетобад, Андхой, Курган превратились в центры туркменской эмиграции. А в районе Файзабада, Шугнана, Баглана и Бадахшана расселились таджикские, узбекские, киргизские и казахские эмигранты.

Туркменское басмачество было

самым многочисленным, хорошо вооруженным и самым воинственным. Еще в августе 1939 года в докладе советского посольства в Кабуле в Народный комиссариат иностранных дел отмечалось, что туркменская эмиграция в Северном Афганистане "представляет особо внушительную силу, которая может быть использована нашими антагонистами для диверсий и налетов на прилегающие к Афганистану приграничные округа Туркменской ССР. По скромным подсчетам, вся туркменская эмиграция может выставить в месячный срок не менее 5 тысяч бойцов на лошадях, вооруженных разнокалиберным оружием...". Ранее в одном из докладов советского консульства в Мазари-Шарифе в Москву также сообщалось о тревожной ситуации на советско-афганской границе: "Так или иначе, но банды (басмачей. — А.О.), действовавшие... на советской территории, сохранили и свою организацию, вооружение, руководителей и находятся на прежних своих базах. При желании банды могут быть через 3-4 дня переброшены на советскую территорию". Естественно, Москва и Кабул принимали

соответствующие меры по ликвидации этого очага опасности, тем не менее, по данным немецкой разведки, к 1942 году туркменские басмачи в Афганистане могли вооружить около 11 тысяч человек. Английская разведка оценивала силы басмачей в 10 тысяч человек, а сами лидеры басмачей в ноябре 1941 года на Лоя Джирге в Кабуле заявили о возможности выставить против СССР отряды общей численностью 200 тысяч вооруженных воинов.

Активную работу по сплочению, подготовке и вооружению басмаческих отрядов проводили, помимо немецкой, также японская и итальянская разведки. Японцам, например, удалось завербовать многих лидеров басмаческого движения, в том числе бывшего эмира Бухары Алимхана, туркмена Кизыл-Аяка, узбеков Курширмата, Махмуд-бека и других. В Стране восходящего солнца многие басмачи прошли и специальную разведывательную и диверсионную подготовку.

В случае начала боевых действий в среднеазиатских советских республиках Абвер планировал укрепить ряды басмачей дополнительными

▲ Повстанцы

силами, а именно диверсионными отрядами, укомплектованными офицерами и солдатами национальных формирований вермахта, в первую очередь "Туркестанского легиона". Для их подготовки была создана в Польше под Вроцлавом секретная тренировочная база под кодовым названием "Лесной лагерь СС-20", или "Главный лагерь Туркестан".

Однако в результате успешной деятельности советской разведки, активно сотрудничавшей в годы войны с британскими разведслужбами, все попытки стран "оси" спровоцировать военные действия в Средней Азии были сорваны. При этом некоторые лидеры басмачей — "непримиримые борцы с большевизмом" были завербованы или куплены советскими спецслужбами и включились в тайную борьбу со своими бывшими покровителями. Среди них был и авторитетный среди узбекского басмачества лидер Махмуд-бек — резидент Абвера, работавший одновременно на турецкую и японскую разведки. Он него Москва, в частности, узнала важную информацию о деятельности финансируемой немцами антисоветской организации "Унион", созданной в Северном Афганистане, а также заброшенных на территорию СССР диверсионных группах из числа среднеазиатских эмигрантов. Все это позволило советской разведке уже к началу 1942 года поставить под свой контроль деятельность как Абвера, так и антисоветских эмигрантских объединений в приграничных с СССР районах Афганистана.

После войны геополитическая ситуация на Среднем Востоке значительно изменилась. В 1947 году в результате освобождения Индии от колониального господства Великобритании из ее состава вышло и образовалось новое государство — Пакистан. Опасение, что Афганистан может стать его протекторатом, и традиционное неприятие Запада вновь подтолкнули кабульские власти к "дружбе" с СССР. В 1955 году в ходе официального визита Н. С. Хрущева в Индию был подписан новый договор о дружбе и сотрудничестве

между СССР и Афганистаном и предоставлен кредит на сумму 200 млн. долларов. Новизна договора заключалась в том, что СССР становился одним из важнейших торговых партнеров Афганистана, причем усиливался военно-технический аспект советско-афганского сотрудничества.

В значительной степени активизация отношений между странами была связана с деятельностью правительства принца Мухаммеда Дауда, шурина короля Захир-шаха (1953-1963 гг.), провозгласившего политику "руководимой экономики". В результате в стране были осуществлены важные государственные преобразования: созданы государственные организации и смешанные акционерные общества в области внешней торговли, установлен государственный контроль над промышленными предприятиями и банковской деятельностью и т. д.

Кстати, с принцем Даудом, сыгравшим впоследствии довольно позитивную роль в отношениях с Советским Союзом, связан один интересный исторический факт. В 1940-х годах он был замешан в сотрудничестве с итальянской и немецкой разведками. Готовя в стране военный переворот, он в середине 1942 года связался с итальянским представителем П. Кварони и заявил о своей готовности после свержения правительства Хашим-хана "содействовать немцам и итальянцам в их

движении на Индию". Правда, под гарантию, что Берлин и Рим сохранят правящую в Афганистане династию Яхья-хель, и не раньше, чем Германия захватит Кавказ и начнет наступление на Иран. Однако сделка не состоялась. В планы германских и итальянских стратегов входило не сохранение правящей династии, а возвращение на престол Аманулли-хана. С его помощью, как полагали в Берлине и Риме, им было бы легче организовать антибританский мятеж пуштунских племен на индо-афганской границе. Предложение Дауда было отвергнуто, и осенью 1942 года тайные контакты заговорщиков с итальянской и немецкой миссиями были прерваны.

Интересен и еще один штрих из биографии Дауда.

В одном из докладов среднего отдела НКВД от 4 апреля 1942 года отмечалось, что группа афганских военных во главе с принцем Дауд-ханом разработала план военного похода против СССР. В Кабуле, как указывалось в этом документе, полагали, что все части Красной армии, ранее охранявшие советско-афганскую границу, к этому времени уже были переброшены на советско-германский фронт. Поэтому Дауд-хан и его окружение рассчитывали, что "будет достаточно одной афганской дивизии, чтобы захватить Хиву и Бухару". Впрочем, в это сложное для Советского Союза время большинст-

во афганских политиков не сомневались, что СССР в 1941 году не сможет оказать серьезного сопротивления Германии и распадется. Многие члены правительства даже не стремились скрывать своей уверенности в победе Германии. Только после окружения немецких войск под Сталинградом для Кабула стало ясно, что немцы потерпят поражение в войне. Капитуляция Германии в 1945 году и ослабление влияния Великобритании в Среднеазиатском регионе определили дальнейшие ориентиры страны.

В области внешней политики Афганистан стал активно сотрудничать с неприсоединившимися странами. Позитивный нейтралитет, подтвержденный сменившимися кабинетом М.Дауда правительствами Мухаммеда Юсуфа (1963-1965 гг.), Мухаммеда Хашима Мейвандваля (1965-1967 гг.) и Нур Ахмеда Эттемади, составили основу международного курса Афганистана, выступавшего за мирное сосуществование государств, против колониализма, за разоружение. Эта внешнеполитическая линия Афганистана была созвучна интересам Советского Союза и других социалистических стран и способствовала сближению между ними. Достаточно лишь отметить, что доля социалистических стран, включая СССР, в общем внешнеполитическом обороте страны в 1967-1968 годах достигала

47%. Доля импорта и экспорта Афганистана в это время распределялась соответственно: СССР — 33,2% и 48,1%; США — 8,3% и 12,8%; Индия — 16,3% и 4,5%. Определенный процент принадлежал ФРГ, Англии, Пакистану, Японии и ЧССР.

При технической и финансовой помощи СССР (в соответствии с советско-афганскими соглашениями об экономическом и техническом сотрудничестве) в 1950-1960-х годах в Афганистане были сооружены хлебокомбинат, домостроительный комбинат, асфальтобетонный и авторемонтный заводы в Кабуле; газопромислы на Севере, газопроводы до границы с СССР и до Мазари-Шарифа (1968 г.), ирригационный канал и ГЭС на реке Кабул в районе Джелалабада, плотина Сарде (близ Газни), механизированный порт Шерхан на реке Пяндж, ГЭС в Пули-Хумри, плотина и ГЭС в Наглу, автодороги Кабул — Шерхан (протяженность около 400 км, с тоннелем длиной 2,7 км сквозь горный хребет Гиндукуш на высоте 3,3 тыс. м) и Кушка — Герат — Кандагар (680 км). В 1970 году вошла в строй ТЭЦ Мазари-Шариф на газе, а в 1975 году — азотно-туковый комбинат, производивший удобрения.

В 1968 году начался экспорт газа в СССР. За 2 года поставки были увеличены до 2,3 млрд. куб. м. Забегая вперед, заметим, что после рево-

люции 1978 года газ стал основным способом поддержки афганских коммунистов, который приобретался по завышенным ценам.

В августе 1956 года состоялось подписание советско-афганского соглашения о поставках этой стране различных видов боевой техники и вооружения на весьма льготных условиях на общую сумму 25 миллионов американских долларов. Следует заметить, что этому предшествовало обращение афганского руководства за военной помощью к США. Однако американцы обусловили ее совершенно неприемлемыми политическими требованиями, и сделка не состоялась.

Первые партии вооружения (высвободившегося в результате реорганизаций армий стран — участниц Варшавского договора) поступили в Афганистан уже в октябре 1956 года. Это были 11 реактивных истребителей МиГ-17 и 2 вертолета Ми-4, стрелковое оружие (пистолеты-пулеметы ППШ, карабины, ручные и станковые пулеметы). В 1957 году было поставлено еще 7 МиГ-17, 2 Ил-28, 6 МиГ-15, 25 танков Т-34. Затем с 1961 по 1963 год дополнительно 60 МиГ-17, 50 танков Т-54, артиллерийских систем (артиллерийских орудий различных калибров, 82-мм и 120-мм минометы, реактивных установок БМ-13 "Катюша" и др.). Во второй половине 1960-х гг. еще

12 МиГ-19, 40 МиГ-21, и в 1973-1974 гг. — около 200 танков Т-54. К концу 1970-х гг. на вооружении афганской армии находилось практически только советское оружие и боевая техника. Например, в составе ВВС Афганистана на апрель 1978 года было: 86 МиГ-17/17Ф, 28 МиГ-21ПФМ/ФЛУ/УМ, 24 Су-7БМК, 24 Ил-28, 12 Ан-2, 6 Ан-26, 12 Ил-14, 4 Ми-4. Было оказано также содействие в подготовке и переподготовке афганских армейских кадров как внутри страны, так и в военных учебных заведениях СССР и социалистических стран. Всего в 1956-1957 гг. в Советском Союзе и других странах Варшавского договора училось около 3700 афганских военнослужащих. В последующие годы их численность возросла: к 1973 г. только в военных учебных заведениях СССР получили образование около 3000 афганцев. Кроме того, была достигнута дого-

воренность об оказании советской материально-технической помощи в создании афганской военной инфраструктуры, в том числе и в строительстве военных аэродромов в Кабуле, Баграме, Мазари-Шарифе и Шинданде.

В феврале — марте 1957 года в Кабул по линии 10-го Главного управления Генштаба ВС СССР была направлена первая группа советских военных специалистов в составе около 10 человек (включая переводчиков) для обучения афганских офицеров и унтер-офицеров правилам содержания и эксплуатации поставленной советской военной техники и вооружения. Группа совершила перелет на рейсовом самолете Аэрофлота Ил-14 с промежуточными посадками в Пензе, Актюбинске, Джусалы, Ташкенте и Термезе. По прибытии в столицу Афганистана советские военные специалисты

были размещены в военном клубе ("Клубе аскари"), находящемся в военном парке. Интересный нюанс. По словам старшего переводчика группы М. Ф. Слинкина, еще в Москве командированных "строго-на-строго предупредили уважительно относиться к обычаям и традициям страны, не вести с афганцами никаких разговоров о политике и не высказывать своего мнения относительно положения в Афганистане, чтобы не быть обвиненными во вмешательстве во внутренние дела страны и, не дай бог, в ведении коммунистической пропаганды. И мы всегда об этом помнили".

Прибывшие советские специалисты были приняты афганскими офицерами по-восточному внимательно, но многими сдержанно. По мнению М. Ф. Слинкина, это было связано в значительной степени с влиянием турецких советников, работавших

▲ Афганцы

в то время в афганской армии, и прозападной ориентации части старших офицеров и генералов. Турция, недовольная односторонней ориентацией афганского правительства в вопросах получения военной помощи, вскоре отозвала из афганской армии всех своих советников и значительно сократила прием военнослужащих Афганистана в свои учебные заведения. В 1970 году, например, их число не превышало 10 человек.. Отстаивая свои позиции, они старались дискредитировать советскую технику, обращали внимание на устарелость поставленного в Афганистан оружия, выражали сомнения в его высоких боевых качествах. В тоже время они с восхищением говорили об аналогичных западных, главным образом американских, образцах оружия.

Чтобы переломить ситуацию, М. Дауд по совету советской стороны принял решение провести показательные стрельбы и продемонстрировать, таким образом, боевые возможности советского оружия. При этом была поставлена жесткая задача: всю боевую работу должны проводить только афганские военнослужащие без какого-либо участия советских специалистов.

М. Ф. Слинкин, вспоминая дальнейшие события, пишет:

“Настал день стрельб. Прибыл король, сопровождаемый М.Даудом и другими высокопоставленными военными и гражданскими лицами.

Показ начался с демонстрации возможностей стрелкового оружия — карабинов, автоматов и пулеметов. Для большего эффекта использовались в основном трассирующие пули. Самым зрелищным моментом явилась стрельба из станкового пулемета зажигательными пулями по низкому забору из тряпок и ветоши, предварительно изрядно смоченных соляжкой. Цель, расположенная на удалении примерно 700 м от огневых позиций, вспыхнула огромным пламенем буквально с первых очередей, что вызвало неподдельный восторг у собравшихся на полигоне людей. Затем наступил черед стрельбы из минометов и артиллерийских орудий по заранее пристрелянным целям. Король, чтобы развеять сомнения в мастерстве афганских военнослужащих, несколько раз называл новые цели на местности. И все они, к нашему немалому удивлению и удовлетворению, были поражены без излишнего расхода мин

и снарядов. Завершающим аккордом этого, прямо скажем, шоу явились до селе не виданные в Афганистане залпы знаменитых “Катюш”. Гром их выстрелов, море огня и пыли разрывов на огромной площади на склонах гор, примыкающих к полигону, потрясли воображение всех присутствующих. Дело было сделано.

Король в присутствии афганской элиты высказал восхищение по поводу высоких боевых качеств советского оружия и выразил благодарность советским военным специалистам за оказанную помощь в организации и проведении стрельб”.

Кроме указанных курсов в Кабуле, в мае 1957 года в Герате, в гарнизоне 17-й пехотной дивизии (командир — генерал-лейтенант Хан Мухаммад, с 1963 по 1973 г. — генерал армии, министр национальной обороны), начали функционировать первые в Афганистане курсы по изучению советской бронетанковой техники — танка Т-34 и бронетранспортеров БТР-40 и БТР-152. Через несколько месяцев первые выпускники гератских танковых курсов составили костяк командных кадров и боевые экипажи 4-й танковой бригады в Пули-Чархи. Успешная работа советских специалистов активизи-

ГОРЕЛОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ. Родился 2 августа 1922 года. В 1940 году был призван в Красную Армию и направлен в 202-ю воздушно-десантную бригаду, дислоцированную в Хабаровске. Проходил службу командиром взвода, затем роты. Во время Великой Отечественной войны участвовал в боевых действиях на 3-м и 2-м Украинских фронтах в должности командира автоматной роты. В 1943 году окончил курсы "Выстрел" Дальневосточного военного округа. После войны продолжил службу в ВДВ. В 1958 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В связи с событиями 1968 года в Чехословакии 7-я воздушно-десантная дивизия под командованием Л.Н. Горелова в ночь на 22 августа была десантирована на три аэродрома в районе Праги. Благодаря высочайшей выучке, собранности и дисциплине личного состава вся операция была завершена за 3 часа без потерь и разрушений. За успешное проведение операции был награжден орденом Красного Знамени. За тридцать лет службы в десантных войсках совершил 511 прыжков с парашютом. В 1970 году Л.Н. Горелов был переведен в сухопутные войска первым заместителем командующего 14-й армией (город Кишинев). В 1973 году окончил курсы при Военной академии Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова. В октябре 1975 года после беседы с маршалом Куликовым был назначен главным военным советником при президенте в Республику Афганистан. В период с 1978 по 1979 год совместно с военными советниками организовал и провел ряд военных операций по освобождению городов Файзабад, Асадабад, Борикод, Хост, Ургун от афганских бандформирований и пакистанских наемников. Был награжден орденом Красного Знамени. В январе 1980 года получил новое назначение на должность заместителя командующего войсками Одесского военного округа по вузам и вневойсковой подготовке. В 1984 году в звании генерал-лейтенанта вышел в запас. За время воинской службы был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом "За службу Родине в Вооруженных силах СССР" III степени, многими медалями, в том числе "За боевые заслуги". Вел большую общественную работу. С 1992 года являлся заместителем председателя комитета Одесского областного Совета ветеранов.

рвала дальнейшее сотрудничество между странами в военной области. По данным Главного управления международного военного сотрудничества МО РФ, в 1961-1967 гг. в Афганистан было направлено около 4500 советских военнослужащих.

Особое место в советско-афганских отношениях занимают 1970—1980-е годы, в течение которых в Афганистане произошло несколько государственных переворотов, началась гражданская война и на афганскую территорию был введен контингент советских войск.

Первым звеном в цепи этих событий стал бескровный государственный переворот, совершенный 17 июля 1973 года под руководством двоюродного брата короля (не имевшего права наследования) бывшего премьер-министра Мухаммеда Дауда. Отстранив от власти короля Захир-шаха, находившегося в то время за границей на лечении, и упразднив монархию, он провозгласил себя президентом Республики Афганистан. Большинство

афганцев рассматривало М. Дауда как сильного лидера, способного осуществить в стране необходимые реформы, и поддержало его. В первое время Дауд пользовался поддержкой и афганских левых, в частности Народно-демократической партии Афганистана, члены которой, армейские офицеры фракции "Хальк" ("Народ"), были главной силой переворота.

Однако смена власти спровоцировала активизацию борьбы за выбор пути дальнейшего развития страны между различными политическими силами Афганистана. В результате это привело к падению авторитета центральной государственной власти, на фоне которого роль объединяющего начала стало играть исламское духовенство. В складывающейся в стране ситуации Советский Союз активизировал свою военную помощь правительству Дауда, рассматривая его как единственного гаранта стабильности в регионе. По западным источникам, она составляла около 100 млн. долларов в год. Увеличилось и количество

советских военных специалистов — с 1500 в 1973 году до 5000 человек к апрелю 1978 года. Старшим группы советских военных специалистов в это время (с 29.11.1972 г. по 11.12.1975 г.) был генерал-майор И.С. Бондарец (с 25.06.1975 г. он стал именоваться "главный военный консультант — старший группы СВС"), а с 1975 по 1978 г. главным военным консультантом и старшим группы военных специалистов — генерал-майор Л.Н. Горелов.

В конце июля 1975 года по личной просьбе Дауда в Афганистан, сроком на 2 года, была направлена первая группа советских военных консультантов в сухопутные войска, министерство обороны, генштаб и во все центральные управления.

Перед отправкой тщательно отобранные офицеры-консультанты прошли основательную подготовку в Генштабе. При этом значительное внимание уделялось истории страны с древнейших времен, сведениям об армии, обычаям, быту афганцев, правилам общения, особенностям му-

▲ Себякин Лев Васильевич

сультманской религии. Вплоть до мелочей, например, недопустимости спрашивать, даже из вежливости, у мусульманина о состоянии здоровья его жены.

В состав группы вошло 35 человек (без переводчиков и аппарата главного консультанта): 11 — для работы в министерстве национальной обороны (МНО); 3 — в армейских корпусах (по одному в каждый ак); 21 — в “развернутых” (укомплектованных не менее чем на 50-60%) пехотных дивизиях (пд) — по 3 консультанта на каждую — по артиллерии, технике и по тылу. В числе направленных в Афганистан были офицеры Н. Полозов, В. Кузнецов, Л. Себякин, Н.

Коробов, И. Карпенко, А. Хлебосолов, А. Душебаев, А. Митянин, Е. Мастеров и Г. Деметьев, консультанты-операторы в армейские корпуса полковники Н. Жарков (1 ак, Кабул), А. Павлов (2 ак, Кандагар), А. Гаврилов (3 ак, Гардез) и др.

После прибытия и встречи с послом СССР в Афганистане А. Пузановым консультантам была поставлена первая боевая задача — подготовить и провести широкомасштабное оперативно-тактическое учение с боевой стрельбой всех родов войск и ударами авиации. На всю работу отводилось менее месяца. Этим учением афганское руководство рассчитывало “попугать” Пакистан, на границе

с которым в это время сложилась напряженная обстановка. Советское же руководство благодаря учению получало реальную возможность глубже “внедриться” в Афганистан.

Участник событий, в то время консультант-советник командующего артиллерией Вооруженных сил ДРА полковник Лев Себякин, так вспоминает об этих учениях:

“Всякий, кто знает, что такое учение, представляет, как это сложно даже с хорошо подготовленным личным составом. У афганцев же части не были готовы к боевым действиям. К тому же учение планировалось как показное для всех военных атташе, аккредитованных в Кабуле. По моей линии на учение привлекалась артиллерия 7-й и 8-й пехотных дивизий 1-го ак, 88-я артбригада и противотанковый дивизион ПТУ РС “Фаланга”. Боевую стрельбу вели 8 артиллерийских батарей и батарея ПТУРС. Такой размах был очень рискованным. Афганские руководители были в шоке. Стало ясно, что они никогда этим не занимались и смутно представляли, что от них требуется. Руководителем учения назначили начальника штаба корпуса, его помощником по артиллерии — командира 88-й артбригады. В штаб руководства учением входили все консультанты МНО. Его работу возглавлял Николай Полозов. Мы выехали в местечко Шикар Кола под Кабулом. Это был не полигон, а обычная местность, окаймленная населенными пунктами. Спросил Мир Ахмад-Шаха: “Как будем здесь стрелять? Даже при высокой точности снаряды могут рикошетировать в деревню”. — “Ничего, — ответил генерал, — мы людей предупредим об этом. А когда начнем стрелять, они сами разбегутся. — Затем добавил: — А вообще при наступлении в первый день боя считаются нормальными потери до 15%”. Но этот норматив используется лишь для прогнозирования потерь в реальном бою, но не на учениях. Сказал: “Вы шутите, господин генерал. Мы никаких потерь не можем допустить!” Комбриг достал топокарты. И... о ужас! “Двухверстки” английского производства. Стрелять с помощью таких карт нель-

зя. А других не было. Но настоящее потрясение было впереди... На месте будущего пункта руководства учением собрали консультантов, афганских генералов и офицеров. Раскрываю артиллеристам замысел учения, задачи. Слушают внимательно, но вижу, что афганцы ничего не понимают. Выясняю, что артиллеристов у них учили стрелять в основном прямой наводкой и только по неподвижным целям, наводя орудия... через ствол! Обучение ограничивалось рамками "взвод — батарея". Приоритетами были изучение Корана, танцы под барабан, подчас заменявшие физподготовку, и строевая подготовка. Пехота и танкисты были подготовлены не лучше. Но они угрозы не представляли. Не поразят мишени — не беда. А артиллерии нужно было стрелять как на войне — через головы участников учения. А со слабой выучкой это крайне опасно. Подготовку артиллерии к учению обсуждали на совещаниях у главного военного консультанта, начальника Генштаба. Одно из них вел начальник Генштаба генерал-полковник Абдул Азиз. Афганцы много говорили о значении учения и почти ничего о том, что нужно для его проведения. Затем слово было предоставлено полковнику Полозову. Азиз заинтересованно воспринимал наши предложения. А когда речь зашла о необходимости привлечь из войск дополнительно советских консультантов и специалистов, генерал, прервав совещание, тут же приказал отдать распоряжение на их вызов. В результате офицеры-артиллеристы на следующий день, прибыв под мое начало, приступили к работе. Заработала группа геодезистов под руководством подполковника Колпакова. Подполковник И. Карпенко с артвооруженцами проверял орудия, артприборы и снаряды. На огневых позициях батарей наши консультанты и специалисты организовали активное обучение расчетов и офицеров. Мне, кроме общего руководства, пришлось "с чистого листа" готовить командира 88-й абр, назначенного помощником руководителя учения по артиллерии, командиров дивизионов и батарей. Работа шла напря-

женно, денно и ночью. Никто не роптал на нагрузки. Афганцы проявляли к учебе большой интерес. Последнюю декаду августа шли тренировки, затем — "генеральная репетиция", на которой присутствовали начальник Генштаба Азиз и главный консультант Бондарец. Замечаний и недостатков было немало. Но для меня главным итогом стало окончательное решение допустить к боевой стрельбе 3 артдивизиона (8 батарей) и батарею ПТУРС. Такое количество огневых средств определялось возможностями наших офицеров обеспечить контроль над подготовкой к ведению огня. 3 сентября трибуны были до отказа заполнены высокопоставленными военными и государственными чиновниками, аккредитованными в Кабуле военными атташе и другими гостями. Последними прибыли президент М. Дауд и министр обороны Г.Х. Расули. В 7 часов 55 минут перед трибунами грянул взрыв, образовав облако разноцветного дыма, ударила барабанная дробь. Из громкоговорителей зазвучали команды руководителя учения и его помощника по артиллерии на открытие огня. Началась огневая подготовка атаки. Мы с Полозовым на пункте руководства стояли в окопе рядом с генералами, следили, как они разыгрывают сценарий. Над головами — шелест, первые разрывы накрывают оборону "противника". Разлетаются осколки каменистой породы и мишеней. Артиллерия переносит огонь в глубину. Наступает время стрельбы прямой наводкой и ударов авиации. Над трибунами на небольшой высоте с ревом проносится эскадрилья штурмовиков. Они освобождаются от смертоносного груза, разворачиваются и, накрыв траншею мощной грядой огня и дыма, под рукоплескания гостей исчезают из поля зрения. Затем удары наносят боевые вертолеты и ПТУРС "Фаланга". Стреляли все — пехота и танкисты — из всех видов оружия. Точность их огня никого не интересовала. Афганскому руководству хотелось больше зрительных и шумовых эффектов. И они были. А вот с артиллерией было сложнее. Управление огнем из-за слабой выучки командиров и связистов было

медленным и ненадежным, а окончание стрельбы — непредсказуемым. Оттого и темп стрельбы был низким, и задержки заставляли поволноваться. Из-за этого произошел случай, едва не ставший трагическим. При отражении контратаки танков "противника" у артиллерии была задача воспретить ее заградительным огнем, у танковой роты — с места. Артотонь должен опережать действия танкистов. Но они вышли на рубеж, а артиллерия молчит. Руководители учения командуют: "Ур!! -Ур-р!!! (Огоны!)", — а его нет... Когда танкисты, постреляв холостыми, начали движение, артиллерия открыла заградительный огонь. Снаряды рвутся в гущу танков! Зрители приняли разрывы за имитацию огня "противника", а руководители учения хватались за головы, неистово кричали: "Дри-и-иш!!! (Стой!)". Но огонь продолжался, пока дивизион не выпустил все снаряды, отложенные на эту задачу. Только чудо спасло от трагедии. И в целом учение закончилось практически без ЧП. Только одно глинобитное жилище в населенном пункте развалил случайно залетевший танковый снаряд. К счастью, обошлось без жертв".

В то же время Дауду неоднократно давали понять, что, если просоветский курс будет изменен, его страна получит помощь от Запада и соседей. Иран, например, обещал вложить в афганскую экономику около двух миллиардов долларов. Информация по этим предложениям, доходившая до Москвы, естественно, вызывала беспокойство советских руководителей. Якобы для урегулирования этих вопросов Дауд был приглашен в Москву. Афганский дипломат Самад Гаус в своей книге "Падение Афганистана", как человек, присутствовавший на последних переговорах афганского лидера с советским, пишет, что Брежнев тогда выразил беспокойство по поводу участия западных специалистов в ряде проектов в Афганистане и недовольство изменением курса внешней политики страны. Дауд якобы обиделся и покинул переговоры, не попрощавшись с Л. И. Брежневым. ■

«ОТКРОВЕНИЯ»

ВАЛЬТЕРА ШЕЛЛЕНБЕРГА

...**С**разу же после окончания первой мировой войны Рехберг разработал план объединения политических, промышленных и военных интересов Великобритании, Франции и Германии с целью создания единого фронта против большевистской угрозы с Востока.

Арнольд Рехберг 1879-1947, немецкий предприниматель и дипломат. С 1917 г. занимался организацией европейского блока против России и СССР. Прим. ред.

Рехбергу удалось склонить на свою сторону генерала Людендорфа. Вместе с ним и генералом

Гофманом он начал зондировать почву на Западе. Ему удалось завязать контакты с руководящими политическими деятелями Англии и Франции. Среди них был английский генерал Малькольм и француз генерал Ноллер, глава французской контрольной комиссии. Эти и другие выдающиеся деятели высказали готовность поддерживать политику Гофмана и Рехберга. Причина неудачи этого плана заключалась в том, что правительства указанных стран в недостаточной степени оценили опасность большевистской угрозы.

Более благоприятные шансы возникли в области промышленности.

В 1926 году был заключен союз между французской и немецкой калийной промышленностью. Позже представители немецкой, французской, бельгийской и люксембургской тяжелой промышленности образовали «Международное объединение сырьевых материалов». С 1929 года к нему присоединились и английские предприятия.

Как и следовало предвидеть, создание столь крупных промышленных объединений не осталось без далеко идущих политических и военных последствий. Контакт с Пуанкаре Рехберг установил через французского маршала Фоша. Рехберг позднее рассказал мне об этом: Фош в то время

▲ Вальтер Шелленберг

▲ Арнольд Рехберг

ШЕЛЛЕНБЕРГ ВАЛЬТЕР (1900-1952) шеф политической разведки гитлеровской Германии, бригаден-фюрер СС, начальник VI и военного управлений РСХА. На Нюрнбергском процессе как военный преступник приговорен к 6 годам заключения. Освобожден в 1950 г.

был непримиримым врагом Германии, однако, учитывая большевистскую опасность, серьезность которой он хорошо понимал, высказался за преодоление старых противоречий между европейскими народами и за промышленное сотрудничество путем развития военного сотрудничества.

Фош и Рехберг разработали совместный план, согласно которому численность французской и немецкой армий устанавливалась в соотношении 5:3, создавалось единое верховное командование и в каждый немецкий штаб от дивизии и выше включался один французский офицер. Осуществлением такого проекта хотели привлечь к участию в союзе Англию. Одновременно обсуждался договор между Францией, Англией и Германией, посредством которого военно-морские силы и флоты трех стран находились бы под взаимным контролем. Оказалось, однако, что сторонники прорусской политики в рейхсвере не желали отказываться от установленных отношений с Красной Армией в пользу западной ориентации. Осуществить такой курс против воли рейхсвера было при тогдашнем положении дел невозможно.

Погруженный в эти заботы, в 1927 году умер генерал Гофман; причина его смерти осталась невыясненной. Он никогда не делал тайны из того, что, по его убеждению, победить русский большевизм можно только в результате военного вторжения Германии в Россию по меньшей мере вплоть до Урала. Правда, он был убежден в том, что у одной Германии не хватит сил для такого вторжения, если ей не будет гарантирована военная поддержка Франции, Англии и Соединенных Штатов.

Генерал Людендорф еще до этого отошел от Гофмана. Он перестал верить в реальность плана Рехбер-

га и Гофмана после того как послы Лоран (Франция), лорд Д. Эбернон (Англия) и Хьютон (США), на продолжительных переговорах в Берлине в принципе одобрили эту идею, не получили от своих правительств соответствующих полномочий.

В отличие от Людендорфа, Арнольд Рехберг никогда не отказывался от своего плана. В 1939 году он передал через меня Гитлеру обширный меморандум, в котором освещал историческое развитие отношений Германии с Востоком и Западом и без обиняков предупреждал об опасности большевизма. Это было как раз в то время, когда должен был быть подписан германо-советский договор о ненападении. Во время чтения этой записки на Гитлера напал один из его обычных припадков бешенства и он приказал Гейдриху немедленно арестовать Рехберга. Через некоторое время мне удалось освободить этого мужественного германского промышленника.

В 1940 году, когда Гитлер вел переговоры с маршалом Петеном в Монтуаре, Рехберг вручил новый меморандум, в котором давал рекомендации и предложения относительно обращения с вишистской Францией. О реакции Гитлера свидетельствовал новый арест Рехберга. Через некоторое время мне и на этот раз удалось вызволить его из заключения. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Кальтенбруннер (сменивший с 1943 года Гейдриха) и шеф государственной полиции Мюллер вновь заключили его под стражу. Закулисным руководителем этой акции был шеф партийной канцелярии рейхсляйтер Мартин Борман, а также полковник в отставке Николаи. Рехберг в качестве почетного пленника был помещен в отель «Дреезен», где его содержали вместе с интернированными французскими генералами и политическими деятелями (среди них была и сестра генерала де Голля) до самого конца войны.

▲ Петен и Гитлер

▲ Деканозов В.Г., посол СССР в Германии

...Мы с большим беспокойством восприняли известие о назначении Деканозова на пост посла в Берлине, так как нам было ясно, что это событие повлечет за собой активизацию деятельности русской разведки как в Германии, так и в оккупированных нами областях.

За безопасность русской делегации на пути от Варшавы до Берлина отвечал я. Относительно мер по охране на территории Германии я был совершенно спокоен, но на участке пути, проходившем по польским землям, нужно было быть готовым ко всяким неожиданностям. Советы сразу же высказали свои сомнения на этот счет. Вдоль железной дороги на всем протяжении пути были выставлены удвоенные посты, кроме того, специальные команды патрулировали участки пути. При этом мы установили всеобъемлющий контроль за границей, гостиницами и поездом. Вместе с тем велось скрытое наблюдение за всеми спутниками Молотова; ведь не в первый раз русские использовали такие возможности, чтобы незаметно протащить с собой агентов разведки. Наше подозрение и на этот раз было не без оснований — личность трех членов делегации нам не удалось установить, и как раз они-

то, прибыв в Берлин, сразу же установили контакты со всеми возможными центрами. Однажды мы захотели вмешаться, но русскому удалось достичь экстерриториальной зоны своего посольства и скрыться там.

Молотов вернулся в Москву через четыре дня. 27 ноября Министерство иностранных дел СССР вручило германскому послу ноту, содержащую основные позиции Советского Союза. В ноте предлагалось дать ясный ответ на ряд вопросов:

Наше отношение к политике СССР в Финляндии.

Россия хотела установить свои военные базы в Болгарии и договориться о таком же соглашении, какое мы имели с Румынией; с этой целью необходимо установить военные базы в Дарданеллах; если Турция не пойдет на это, то Россия, Германия и Италия должны принудить ее выполнить эти требования.

О сферах интересов в районах южнее Баку и Батуми.

О необходимости Германии повлиять на Японию уладить спор с Советским Союзом при решении вопросов, связанных с островом Сахалин.

Если на все эти вопросы последуют удовлетворительные ответы, Со-

ветский Союз готов присоединиться к трехстороннему пакту.

Переговоры между Молотовым и Гитлером протекали в весьма холодной обстановке и ни к чему не привели. Уже в сентябре сорокового года Гитлер укрепил Восточный фронт двадцатью немецкими дивизиями, а генеральный штаб разработал планы возможного вторжения в Советский Союз летом того же года. Затем последовали широкие маневры под командованием генерала фон Паулюса.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал приказ по вермахту №21 «Об операции «Барбаросса» — нападении на Советский Союз. Приказ предусматривал наступление примерно ста пехотных дивизий, двадцати пяти танковых и тридцати моторизованных дивизий. 3 февраля 1941 года Гитлер одобрил представленный Главнокомандующим армии фельдмаршалом фон Браухичем стратегический план нападения на СССР..

...Во главе нашей контрразведки в Бреслау стоял опытный и способный сотрудник, который уже много лет занимался делами, связанными с восточными областями, великолепно зная русский и польский языки. Его партнером по сектору военной контрразведки был также человек, обладавший большими способностями. Оба неоднократно поставляли нам ценную информацию. И все же у меня было впечатление, что они порой пытаются пустить Берлину «пыль в глаза». Перед отъездом на курорт в Карлсбад я, больше по заведенному обычаю, чем из подозрений, в порядке обычной ревизии, распорядился проверить результаты их работы и установить за ними внутреннее наблюдение. Мне сообщили, что в квартире, где обитали эти сотрудники, бывает очень много посторонних и разговоры там ведутся в основном по-русски. Кроме того, бросалось в глаза, что семьи обоих служащих жили на слишком широкую ногу. Мы сравнили их расходы с их доходами и заинтересовались, откуда же берутся на это деньги. Вскоре после этого руководитель

нашего отдела в Бреслау сообщил, что его служебную машину взломали и похитили из нее папку с ценными материалами. Прежде чем мы успели вмешаться, оба — и наш сотрудник, и его коллега из военной контрразведки — бесследно исчезли. И с ними пропали важнейшие документы обоих отделов.

Супруга начальника нашего отдела в Бреслау — жена другого внезапно умерла — сообщила на допросе, что ее муж связался с русской разведкой, имея, однако, намерение извлечь из этого большую пользу для Германии. По ее словам, он не решился запросить центр в Берлине о согласии с его планом, поскольку считал, что ему наверняка откажут.

Специалисты обыскали весь дом. Нашли мы немного — обрыв-

ки разорванных рукописей, обнаруженные в дорожном несессере. По мнению экспертов криминалистического института, это были остатки прощальных писем нашего сотрудника, адресованных его жене, в которых, помимо прочего, содержалась заключительная фраза: «Следуй за мной». Жена отрицала, что когда-либо читала такое письмо своего мужа, и утверждала, что это вообще не письмо ее мужа. Приговор эксперта-графолога гласил, что почерк в любом случае ясно свидетельствует о том, что автор письма находился или в состоянии сильного опьянения, или под воздействием наркотиков. После этого я распорядился провести еще один тщательный розыск, но безуспешно. Обоих так и не нашли. Мы так никогда и не узнали,

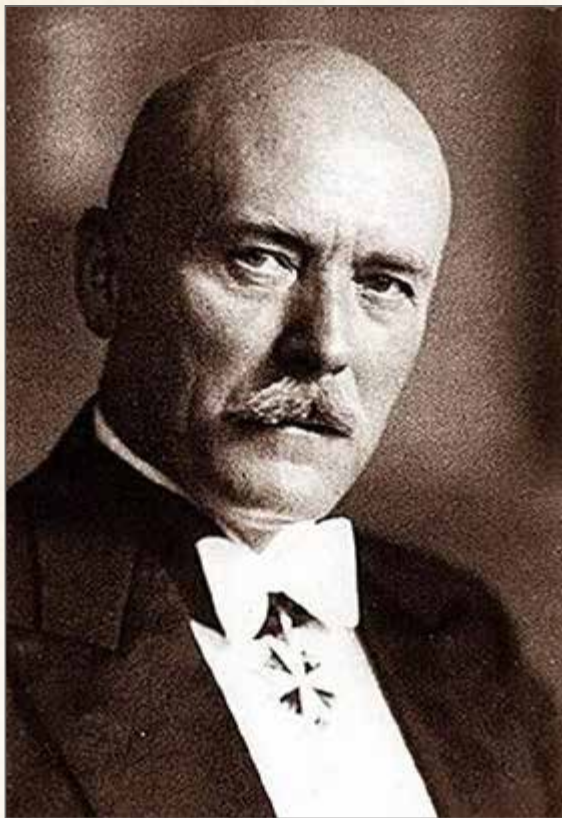
совершили ли они предательство или их похитили, а может быть, даже убили русские.

Еще один удар удалось Советам нанести мне в области промышленного шпионажа. В нашем отделе, ведавшем этой работой, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть — лошадиные бега. В 1936 году он впервые начал играть на ипподроме, и сразу же его увлекла эта страсть, хотя он проиграл большую часть своего месячного заработка. Знакомые дали потерпевшему неудачу новичку хорошие советы, и дядюшка Вилли утешился возможностью вскоре отыграться. Он сделал новые ставки, проиграл и остался без денег. В отчаянии, не зная, что делать, он хотел тут же покинуть ипподром, но тут с ним заговорили двое мужчин, которые явно видели его неудачу. «Ну, и что ж с того, — произнес тот, кто назвал себя Мецгером, — со мной такое раньше тоже случалось, так что нечего вешать голову». Мецгер проявил понимание к страстишке дядюшки Вилли и предложил ему в виде помощи небольшую сумму денег, с условием, что он будет получать пятьдесят процентов от каждого выигрыша. Дядюшка Вилли согласился, но ему опять не повезло, и он проиграл. Он получил новую субсидию и на этот раз выиграл. Но эти деньги ему теперь были крайне необходимы для семьи. Теперь Мецгер предъявил ему счет. Он потребовал вернуть все полученные на игру деньги, и поскольку дядюшка Вилли не в состоянии был расплатиться, тот пригрозил заявить об этом вышестоящему начальству. Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного «друга». За предоставление новой ссуды он обещал передавать ему информацию из центрального управления нашей разведки. Отныне он состоял на службе у русских. В течение нескольких лет его так умело использовали, что со стороны никто

▲ Молотов и Гитлер, 1940 г., Берлин

▲ Шуленбург, посол Германии

не заметил появления у него нового источника доходов. Он мог теперь удовлетворить свою страсть к игре на скачках, но при этом тщательно следил за тем, чтобы его образ жизни остался прежним. Его растущий банковский счет был так тонко устроен, что здесь не могло возникнуть никаких подозрений. В качестве промежуточного лица здесь действовал Мецгер, который брал со счета необходимые суммы.

За время своего сотрудничества с русскими Л. передал им столько обширного и важного материала, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию. На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы. Бумаги он обычно носил за подкладкой шляпы. «Хозяин» Мецгера, имевший внешность преуспевающего человека, носил такую же шляпу. Когда он выходил из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведе-

▲ Мюллер

ния в тот же вечер переправлялись в Москву из дома, расположенного в глубине двора, где советские агенты оборудовали свою радиостанцию. Сам радист был коммунистом, обучавшимся в Москве, который состоял не только в КПГ, но и в НСДАП и прочих нацистских организациях. Соседи и сослуживцы знали его как ревностного национал-социалиста. Но как-то он заболел и вынужден был лечь на операцию. Под наркозом он начал говорить о необходимой перемене шифра и несколько раз вскрикивал: «Почему Москва не отвечает?» Врач, оперировавший его, сам пошел к Мюллеру и сообщил о случившемся. Обнаруженное таким образом шпионское кольцо включало в общей сложности шестнадцать человек, к которым принадлежал и дядюшка Вилли. Вместе с другими восемь обвиняемыми он по приговору суда был расстрелян. Так как Гиммлер приказал держать все это дело в тайне, на службе у дядюшки Вилли мы распространили известие, что он во время служебной

поездки в Варшаву, по всей вероятности во время приступа сахарной комы, выпал из поезда и разбился насмерть. Я думаю, что до сих пор никто, кроме тогдашних участников дела, ничего не узнал о действительной подоплеке событий.

Дело дядюшки Вилли было типичным образцом великолепной работы Советов: для руководства агентами они использовали, как правило, только те кадры, которые получили в этой области предварительно основательную подготовку. Обработывая свои жертвы, они не спешили; не торопили, не требовали невозможного; они прочно стояли обеими ногами на земле.

Тем временем работа против русской секретной службы успешно продвигалась. Мы раскрыли многочисленную агентуру, маршруты курьеров и местонахождение секретных радиопередатчиков. Мой метод в основном заключался в слежке и в передаче ложных сведений. Вести передачи на той волне, на которой работали секретные радиопередат-

чики русских, надо было очень осторожно, так как русские все тщательно проверяли и, заметив малейшие отклонения в сигналах, воспринимали их как дезинформацию. Но нам везло: достаточно часто русские не подозревали, что получают ложные сведения. Основное значение этой работы заключалось не в том, чтобы ввести их в заблуждение, а в том, чтобы узнать, что их интересует. Нам также стало многое известно о методах их работы и об отношениях между различными группами агентов, работавших на них.

Русские гораздо раньше нас поняли, какое важное значение имеют хорошо функционирующие секретные службы. Эффективность методов их работы получила самую высокую оценку наших специалистов.

Однажды нам крайне не повезло. Один из агентов Советского Союза, о котором мы думали, что он работает на нас, оказался главным курьером между Берлином и Стокгольмом. Однажды он вез подлинные материалы, представлявшие большую ценность. В них сообщалось о новом методе сварки, имевшем большое значение для авиационной промышленности. Эти материалы агент должен был только показать представителю советского посольства, при вручении подменив их ложными. Наши агенты ни на минуту не выпускали его из виду, но он предупредил русских через служащего гостиницы, который был их агентом. Затем по дороге в ванную ему удалось, при помощи того же служащего, ускользнуть через черный ход и скрыться в советском посольстве. Мы никогда больше не видели его и полагали, что он немедленно выехал в Москву с дипломатическим паспортом.

Курьер, конечно, на многое раскрыл глаза своему начальству, следствием чего явилось внезапное прекращение связи с русскими по секретному радио.

Тем не менее, мы уже имели достаточно много ценных сведений о разведывательной службе Советского Союза за рубежом и о разногласиях, которые существовали между разведывательной службой МВД

(прежде НКВД) — разведорганом секретной полиции советской Коммунистической партии — и военной разведывательной службой...

...22 июня 1941 года наши войска в рассветной мгле на всех участках фронта от Финляндии до Черного моря перешли в наступление против Советов.

Во второй половине дня мне позвонили из министерства иностранных дел и сообщили, что необходимо мое срочное содействие в связи с обменом аккредитованного в Берлине советского посла Деканозова и персонала его посольства. Было намечено осуществить обмен на болгаро-турецкой границе, куда должен будет прибыть из Москвы немецкий посол граф фон Шуленбург со своим персоналом. Делопроизводитель министерства иностранных дел сообщил мне, что Деканозов отказался выехать из Берлина, так как вот уже несколько дней, как пропали двое сотрудников советского консульства в Данциге. Как заявил посол, из достоверных источников ему известно, что эти люди арестованы тайной государственной полицией. Без этих сотрудников, сказал он, обмен дипломатами не может состояться.

Я срочно связался с Данцигом и попросил объяснить мне ситуацию. Сотрудники нашего данцигского отдела сообщили, что речь здесь идет о руководителях обширной шпионской сети русских, имевших связи и с генерал-губернаторством, и с Берлином. Их арестовали с помощью разведывательных органов вермахта. Информация, переданная этими агентами в Москву, касалась перемещения войск, транспортных перевозок и интенсивности движения войск в Восточной Пруссии и в генерал-губернаторстве. Совершенно точно установлено, что использованный ими передатчик все еще находится в районе Данцига. Точные данные, однако, до сих пор не удалось выяснить, поэтому необходимо продолжить допрос арестованных.

На следующее утро сотрудник из Данцига явился ко мне в Берлин. Он выглядел бледным и невыспав-

шимся; еще раз возбужденно он сообщил мне все подробности дела. В заключение он сказал, что не мог привезти с собой обоих русских. Он готов к тому, чтобы его подвергли за это дисциплинарному взысканию. Теперь пришла моя пора перепугаться. Я озабоченно спросил его: неужели оба арестованных уже мертвы? Он рассказал мне: один из сотрудников, ведших допрос, пришел в ярость от упорного заперательства агентов — поставил одному из них синяк под глазом. Я тут же позвонил в министерство иностранных дел и сообщил, что оба русских у меня в руках, однако сейчас невозможно посадить их на поезд с сотрудниками советского посольства, стоящий в Берлине. Их доставят из Данцига к турецкой границе на самолете. Господин Деканозов может спокойно выезжать. Если оба сотрудника консульства не придут вовремя, он сможет всегда задержать обмен наших дипломатов. После длительных колебаний Деканозов принял наше предложение.

Я приказал срочно доставить обоих агентов из Данцига, выиграв при этом достаточно времени, чтобы ими в течение целого дня в Берлине смог заняться один из начальников подчиненных мне отделов, бегло говоривший по-русски и назначенный мной им в сопровождающие. Русских поместили в берлинской гостинице, где они могли, выпив водки, как следует выспаться. Они не высказали приставленному к ним начальнику отдела никаких жалоб, наоборот, тот, у которого был подбит глаз, неоднократно подчеркивал, что сожалеет об отказе отвечать, ведь иначе ему не пришлось бы пережить таких неприятностей. Второй считал дело полностью законченным, но его отнюдь не воодушевляла перспектива быть доставленным на самолете в распоряжение посла. Это, по его мнению, заставило бы их выглядеть в глазах Деканозова в неблагоприятном свете. На следующее утро оба русских покинули Берлин. Перед отлетом я еще раз встретился с ними и пришел к выводу, что в их внешнем виде не было особенных недо-

статков. Чем ближе они были к цели своего путешествия, тем беспокойнее они становились. Из их разговоров выяснилось, что они боятся и Деканова, и своего московского начальства. Они опасались, как сообщил мне впоследствии их провожатый, что их провал, приведший к аресту и разоблачению их заданий, не останется безнаказанным. До самого прибытия на турецкую границу и передачи послу наш сотрудник прикладывал все усилия, чтобы удержать их от попытки совершить побег.

Тем временем, несмотря на успехи нашего летнего наступления в 1942 году, на Восточном фронте нам приходилось преодолевать большие трудности, о которых тогда было известно лишь посвященным. Нас вновь изумила несломленная мощь русских танковых войск, а также становившиеся теперь все более очевидными достижения русских в организации партизанской войны, скрывавшей все большее число наших охранных частей. В связи с этим Гиммлер сообщил мне, что фюрер ни в какой степени не удовлетворен результатами сбора разведывательной информации о России. Видимо, сказал он мне, мы вообще не в состоянии усилить деятельность разведки в соответствии с требованиями войны. Я попытался обороняться, указав на то, что ошибки и упущения прошлого невозможно исправить в мгновение ока. При этом я сказал об «узких местах» в организации и личном составе разведки. Для борьбы с таким великаном, как Россия, необходима разветвленная агентурная сеть. Существующие каналы связи через Швецию, Финляндию, Балканы и Турцию работали неплохо, но их явно было недостаточно, чтобы составлять надежные общие обзоры обстановки. Да и круги немецкой эмиграции, жившие в Советском Союзе и других странах, с которыми мы поддерживали контакты, давали всего лишь разрозненные сведения. Мне необходимо было иметь по меньшей мере еще две-три тысячи обученных сотрудников с хорошим знанием иностранных языков, а также более совершен-

ное оборудование, включающее средства радиосвязи. В этой области наша разведка работала уже круглосуточно, но все равно не могла хоть сколько-нибудь удовлетворить неудержимо растущие потребности. Для массового использования агентов, сказал я, необходимо иметь гораздо больше оборудования — автомашин, самолетов, оружия.

Гиммлер молча выслушал меня и сказал задумчиво: «Русские — страшный враг, но мы должны их разгромить, пока не появились новые враги». Он пообещал мне оказать широкую поддержку в активизации деятельности разведки. В то же время он приказал мне представить ему всеобъемлющий доклад о состоянии разведывательной работы против России.

В то время разведка против Советского Союза велась по трем направлениям: первое охватывало зарубежные опорные пункты почти во всех столицах Европы, а также ряд особо важных информаторов. Через одного из них, например, мы поддерживали связь с двумя офицерами Генерального штаба, прикомандированными к штабу маршала Рокоссовского. После объединения впоследствии военной разведки с нашим 6-м управлением в мое распоряжение поступил еще один очень ценный информатор, которым весьма успешно руководил один немецкий еврей. В своей работе он обходился всего двумя канцелярскими сотрудниками, но техническое оснащение его бюро находилось на самом высоком уровне, какой я только стремился обеспечить для своего ведомства. Все было механизировано и насыщено техникой; его каналы связи проходили через множество стран, где он получал свою информацию из самых различных кругов общества. Прежде всего он поставлял оперативную и точную информацию из высших штабов русского командования сухопутных сил. Работа этого человека была мастерской. Часто он за две-три недели сообщал о запланированных передвижениях советских войск численностью до дивизии; при этом его информация была точ-

ной вплоть до мельчайших деталей. Благодаря этому наше высшее руководство могло принимать своевременные контрмеры. Вернее было бы сказать — оно могло бы принять соответствующие своевременные меры, если бы Гитлер больше прислушивался к мнению руководителя аналитического отдела «Иностранные армии Востока». Но, к сожалению, Гитлер замкнулся в своем узком окружении, которое постоянно пыталось доказать, что информация, которой располагает руководитель управления «Иностранные армии Востока», представляет собой широко задуманную игру Советов, которые некоторое время поставляли правдивую информацию, чтобы в решающий момент сделать высшее немецкое руководство жертвой роковой дезинформации. Я изо всех сил старался бороться против таких представлений.

Второе направление разрабатывало операцию «Цепелин». Здесь мы нарушили обычные правила использования агентов — главное внимание уделялось массовости. В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе. Было бы полнейшей нелепостью привлекать военнопленных к агентурной работе в принудительном порядке, так как, высадив их в тылу русских, мы утрачивали над ними контроль, вследствие чего нужные результаты могло принести только добровольное сотрудничество. Разумеется, здесь нам приходилось рассчитывать на гораздо большее число неудач и измен, чем обычно. Но мы учитывали это. Мы смогли отказаться от длительной подготовки военнопленных, которых

намечалось использовать недалеко от фронта, то есть не далее четырехсот километров от передовой. Ими руководили самостоятельно рабочие группы «Юг», «Центр» и «Север». Главные отряды этих групп поддерживали тесные контакты с соответствующими инстанциями вермахта, а также имели связь с 3-м и 4-м управлениями главного имперского управления безопасности.

Особенно умело подыскивали подходящих военнопленных прибалтийские немцы, благодаря хорошему знанию русского языка. Прошедшие первоначальную проверку лица помещались в специальные лагеря, где они подвергались особенно тщательной обработке, учитывающей предстоящие им задачи. После первых экзаменов, на которых проверялась их пригодность, они практически получали статус немецкого солдата и им разрешалось, в соответствии с договоренностью с генералом, командующим добровольческими ча-

стями, носить форму вермахта. Они получали все, что радует сердце солдата, — хорошее питание, чистую одежду, помещение, увольнительные в город в гражданской одежде, доклады и лекции, сопровождаемые показом диапозитивов, и даже поездки по Германии, совершавшиеся для ознакомления обучавшихся с уровнем жизни в Германии, который они могли бы сравнить с русскими условиями. Тем временем преподаватели и доверенные лица изучали истинные политические взгляды этих людей: они выясняли, насколько их привлекают только материальные выгоды — или они на самом деле вызвались служить из политических убеждений.

...С середины 1942 года операция «Цеппелин» стала осуществляться в широких масштабах. Разумеется, НКВД постоянно пытался разрушить наши планы, в особенности изнутри. Не оправдало наших надежд и командование «Дружины» —

полковник Родионов, он же Гилль, изменил нам. Однажды «Дружину» использовали для беспощадного прочесывания одной партизанской деревни. На обратном пути бойцы «Дружины» внезапно напали на сопровождавших их эсэсовцев и всех уничтожили. Ни одному не удалось уйти живым. Гилль уже загодя установил связи с центральным штабом партизанского движения в Москве и постепенно убеждал своих подчиненных порвать с нами. После этого он улетел на самолете, поднимавшемся с одного из замаскированных в лесу партизанских аэродромов, в Москву. Там его лично принял Сталин и наградил орденом. Это было для нас, конечно, тяжелым ударом; однако меня нельзя было за это привлечь к ответственности, так как я неоднократно предупреждал Гимmlера, предлагая отстранить Гилля от борьбы с партизанами.

И все же в других областях нашей деятельности, связанной с осу-

▲ Гимmlер

▲ Гилль-Родионов В.В.

▲ Демьянов Александр Петрович

ществом операции «Цепелин», мы добились успехов. Прежде всего мы смогли среди множества русских военнопленных подобрать большое количество технических специалистов — инженеров-электротехников, химиков, металлургов и других, которых использовали в соответствии с их профессией. Эти специалисты оказали немалую помощь нашей оборонной промышленности. Предназначенные для особого использования пленные получали гражданскую одежду и жили большей частью в частных квартирах. В подавляющем большинстве это были одиночки, деятельность которых контролировалась так, что вероятность их измены была сведена к минимуму. Одному из этих агентов удалось, выдав себя за бежавшего из немецкого плена, устроиться в штабе маршала Рокоссовского и передавать нам оттуда сведения.

В действительности в штабе Рокоссовского служил офицером связи сотрудник советской контрразведки — Александр Петрович Демьянов «Гейне». У немцев он проходил под псевдонимом «Макс». Престиж «Макса» в глазах руководства абвера и СД был очень высоким. Он получил от немцев «Железный крест с мечами». Прим. ред.

Еще один участок работы, связанной с операцией «Цепелин», находился первоначально в ведении своего рода планового отдела, который в чисто теоретических целях собирал всевозможные документы и материалы, стремясь выяснить, где и каким образом необходимо нанести удары по русской промышленности и системе снабжения, чтобы парализовать их. С течением времени этот отдел стал проводить отдельные операции. Если бы в нашем распоряже-

нии было больше самолетов, можно было бы наносить ощутимые удары по русской промышленности, так как в техническом и профессиональном отношении вся подготовительная работа была проведена полностью. Мы смогли бы, в частности, с помощью бомбардировщиков дальнего действия сбросить в районе намеченной цели снаряд Фау-1, которым бы после отделения от самолета-носителя управлял пилот-смертник. У нас было достаточно таких летчиков. Налетам должны были подвергнуться прежде всего промышленные комплексы в Куйбышеве, Челябинске, Магнитогорске, а также районы, расположенные за Уралом. Узловые пункты промышленных районов были указаны нам опытными специалистами на основе нашей информации. Но и здесь все широко задуманные планы рухнули, натолкнувшись на ограниченные возможности наших военно-воздушных сил. Нам пришлось ограничиться мелкими операциями, проводимыми отдельными группами, — взрывами наземных трансформаторов и высоковольтных мачт. Но все это были лишь булавочные уколы, которые почти не отражались на боеспособности русской армии...

В области радиосвязи, благодаря расширению производства средств связи, мы смогли наладить более широкую и успешную работу. Огромное значение для командования войск имело подслушивание радиосвязи противника между армиями, дивизиями и полками. Большого успеха мы добились, когда нам удалось подключиться к каналам радиосвязи центрального аппарата русской разведки в Москве. Здесь мы повели широко задуманную радиоигру в целях дезинформации противника. В конце концов, в Москве были вынуждены сменить шифр и личный состав агентов. Потери, понесенные Советами в людях, времени и средствах, были довольно ощутимыми. Я припоминаю, что в ходе этой радиоигры мы сумели «перевернуть» свыше шестидесяти русских радиостанций.

Техническое усовершенствование нашей радиоаппаратуры помогло нам преодолеть трудности, возникав-

шие при радиопередачах из глубины русской территории. Иногда наших агентов забрасывали в районы, где у них жили родственники, но часто они были вынуждены действовать на свой страх и риск. Некоторых мы снабжали велосипедами, в педальном механизме которых были вмонтированы радиопередатчики. Размеренно крутя педали, наши агенты могли вести передачу, которую мы воспринимали совершенно отчетливо, несмотря на огромное расстояние. Одному из наших агентов удалось даже добраться на русском военном эшелоне до Владивостока, где он следил за передвижениями войск и передавал нам интересную информацию. Необразимые просторы России позволяли нашим агентам месяцами колесить по стране, не обнаруживая себя. Но, в конце концов, большинство из них все же попало в руки НКВД. Как только русская разведка нападала на след, она не останавливалась перед тем, чтобы использовать целые дивизии и отдельные партизанские подразделения для поимки наших людей.

...Перед тем как выехать из Германии, русский посол Деканозов провел действительно неплохую подготовительную работу. Однако только в середине 1942 года нам удалось проникнуть в крупнейшую советскую шпионскую организацию, которая впервые появилась в поле нашего зрения летом 1941 года, создав обширную сеть радиосвязи. Мы дали этой организации название «Красная капелла» (в противоположность «Черной капелле» — группе сопротивления, сформировавшейся вокруг адмирала Канариса и генерала Остера).

Основная заслуга первого крупного проникновения в эту гигантскую шпионскую организацию, бесспорно, принадлежит Мюллеру. Пойдя навстречу Мюллеру, я сам взялся доложить начальству о проделанной работе. В тот момент Мюллер обосновывал свою просьбу тем, что у него создалось впечатление, будто Гиммлер не желает его видеть. Лишь позднее мне стало ясно, что на самом деле Мюллер уже тогда хотел

отмежеваться от борьбы с советской разведкой, для чего он и подsunул мне этот доклад на подпись. О позиции Мюллера я еще скажу в особой главе.

В июле 1942 года меня вызвали в штаб-квартиру фюрера в Восточной Пруссии. Причиной вызова был мой доклад. К моему удивлению, я встретил там адмирала Канариса, который также должен был делать доклад о «Красной капелле», о чем я тогда не знал. Рейхсфюрер СС находился в тот день в особенно плохом настроении. Выслушав мой доклад, он принялся перечитывать его первые абзацы, предназначенные для Гитлера, при этом подвергнув меня настоящему разному. Вне себя от злости, он сказал: «Это типично для вас — занижать заслуги других, а свои собственные раздувать — недостойная манера, можете об этом сказать и Мюллеру». Его раздражение было вызвано тем, что заслуги военной разведки в раскрытии шпионов не были, как ему казалось, достаточно отражены в докладе. В довершение несчастья, Гиммлер вызвал Канариса, потребовав доложить со всеми подробностями об участии военной радиоразведки в поимке шпионов. Теперь, в присутствии Канариса, он еще больше ополчился на меня, за-

быв, что, собственно говоря, не я, а Мюллер был ответственным за доклад. После окончания аудиенции Канарис чувствовал себя обязанным извиниться передо мной за грубость Гиммлера; он сказал, что очень сожалеет, что мне пришлось выступить в роли громоотвода, принимающего на себя «молнии» Гиммлера, но, как он надеется, он достаточно отчетливо выразил свое отношение к этому в словах, сказанных при прощании с Гиммлером.

Гитлер, узнавший о докладе в тот же вечер от Гиммлера, пришел в такую ярость из-за односторонней трактовки доклада, что не захотел принять ни меня, ни Канариса.

А теперь о самой «Красной капелле». Ее радиосеть охватывала всю территорию Европы, протянувшись от Норвегии через Швейцарию до Средиземного моря и от Атлантического океана до Балтики. Первые «музыканты» — так мы называли радистов — были сотрудниками советского посольства в Париже, которые после вступления во Францию немецких войск разъехались по разным странам. Мы насторожились после того, как вскоре после начала войны с Россией один из наших контрольных пунктов, ведший особенно интенсивную радиоразведку, обнаружил передатчик, координаты

▲ Канарис и Гейдрих

▲ Канарис и Бентивеньи

которого находились в Бельгии. Шеф радиоразведки, генерал Тиле, адмирал Канарис, Мюллер и я обсудили этот случай. Мы пришли к единому выводу, что необходимо совместными силами в широких масштабах начать поиски неизвестного передатчика. Вскоре после этого мы услышали в эфире еще один радиопередатчик, расположенный, вероятно, где-то в районе Берлина. Но прежде чем нам удалось установить его местонахождение, «музыкант» прекратил свой «концерт». Тем не менее технические расчеты показали, что принимающая станция этого передатчика должна находиться в районе Москвы. По мнению наших специалистов, в этом случае использовалась коротковолновая радиоаппаратура новейшей конструкции и применялся шифр особой сложности.

Тем временем Мюллер оборудовал специальную станцию радиоразведки, которая должна была следить за Бельгией и Северной Францией. Первые следы вели в одно из предместий Брюсселя. По предварительной договоренности с Канарисом

в конце 1941 года было решено попытаться захватить бельгийскую станцию. Во время этой операции удалось арестовать двух сотрудников советской разведки. Один из них был руководителем разведывательного центра, другой — опытным радистом. С ними работала еще одна русская, по имени София, выполнявшая обязанности шифровальщицы. Эта шпионская группа жила вместе в одном маленьком особнячке. Там же находилась и потайная радиостанция. Их допросы проходили с большим трудом, так как все трое отказались давать показания и различными способами пытались покончить жизнь самоубийством. Арестованная вместе с ними бельгийская консьержка хотя и не входила в состав этой группы, но, благодаря своим показаниям, стала для нас ключевой фигурой всей истории, в полном смысле этого слова. Так, она вспомнила, что арестованные часто читали книги, некоторые названия их она смогла нам сразу назвать. Поскольку мы часто при составлении шифров пользовались словами и цифрами, взятыми из фраз,

находящихся в различных книгах, мы устроили поиски экземпляров, названий которых еще не знали, но относительно которых у нас уже были кое-какие догадки. Все библиотеки в Бельгии и Северной Франции были буквально перерыты сверху донизу. В то же время мы делали все, чтобы сохранить в тайне аресты, произведенные в Брюсселе, так как надеялись, что после ареста агентов обнаружатся подчиненные им сотрудники. Но пока все было тихо. Тем временем математический отдел радиоразведки и служба дешифровки главного командования вермахта лихорадочно работала над найденным в особнячке наполовину обуглившимся обрывком зашифрованного текста радиопередачи. Они пришли к выводу, что ключ к шифру находится в тексте какой-то французской книги. Из крошечного обрывка сожженного листка бумаги специалисты после кропотливых исследований сумели реконструировать слово «Проктор». Теперь следовало выяснить, в каких книгах встречается это ключевое слово. Через три месяца мы разыскали эту книгу. Теперь

специалисты отдела дешифровки главного командования вермахта принялись за работу, чтобы «раскусить» шифр. Они смогли расшифровать обнаруженные в Брюсселе и перехваченные заново радиопередачи. Подтвердилось, что мы имеем дело с чрезвычайно разветвленной сетью советской разведки, нити которой протянулись через Францию, Голландию, Данию, Швецию и Германию, а оттуда — в Россию. Самый главный агент действовал под кличкой Гильберт; другой в передачах назывался Кент. В самой Германии действовали два главных агента под кличками Коро и Арвид, информация которых могла поступать только из высших немецких кругов.

Теперь вся наша разведка, ознакомившись с достигнутыми нами результатами, заработала на полную мощность. Однако проходило время, а мы не продвигались ни на шаг. Нам все еще не удалось установить личности двух главных агентов, действовавших в Германии. Внезапно отдел дешифровки, изучая перехваченные еще до арестов в Брюсселе радиопередачи, натолкнулся на указание Москвы, в котором говорилось, что Кент

еще осенью 1941 года был переведен в Берлин, где ему были сообщены три явки. Таким образом нам удалось совершить второй решающий прорыв в гигантскую шпионскую сеть, так как адреса явок были точно указаны в шифровке. После этого, по договоренности между генералом Типе, адмиралом Канарисом, полковником фон Бентивеньи (сотрудником военной разведки) и мной, за более чем полусотней лиц было установлено наблюдение. Примерно через месяц мы решились арестовать часть подозреваемых. Остальных мы пока решили не трогать, чтобы иметь возможность еще глубже проникнуть в недра шпионской организации. Произведенные аресты и первые допросы раскрыли факты, подействовавшие на нас в этот период войны с Россией как удар грома. Я назову здесь только некоторых из участников шпионской организации. Среди них был, в частности, инженер-полковник Бекер, один из ведущих специалистов в области конструирования бомбардировщиков и истребителей. Он был приверженцем Советов и регулярно сообщал на центральную радиостанцию, расположенную на севере Берлина, се-

кретнейшую информацию для дальнейшей передачи ее в Москву. Затем выяснилось, что с Бекером сотрудничали пять сотрудников генерального штаба ВВС, занимавшие руководящие посты. Главной фигурой среди них был обер-лейтенант Шульце-Бойзен, фанатично преданный своему делу сотрудник берлинской шпионской организации. Он не только поставлял врагу важнейшую информацию (являясь начальником отдела разведки в министерстве воздушного флота), но и выполнял функции пропагандиста. При этом он однажды дошел до того, что появился в северных кварталах Берлина в полной офицерской форме и, встретившись в рассветной мгле с одним из подчиненных ему агентов «Красной капеллы», угрожал ему пистолетом, отчитывая за плохую работу в качестве пропагандиста на одной из берлинских фабрик, где тот работал. В шпионскую организацию входили не только высокопоставленные представители вермахта, почти в каждом имперском министерстве работали ее связники. В имперском министерстве экономики действовала чета Харнаков — обер-регирунгсрат Арвид Харнак и его

▲ Шульце-Бойзен, фото 1942 г.

▲ Милдред Харнак

▲ Харнак Арвид 1942 г.

жена Милдред, урожденная американка. Харнак был руководящим сотрудником в области планирования использования сырьевых ресурсов и снабжал Советы столь исчерпывающей информацией, что в Москве имели более полное представление о наших ресурсах, чем, к примеру, соответствующий чиновник министерства вооружений, которому по долгу службы надлежало знать об этом, но который, став жертвой ведомственных дрызг по вопросу о сфере компетенции, зачастую не получал необходимых сведений. В министерстве иностранных дел на страже интересов вражеской разведки стоял легатцонсрат фон Шелига. Он подвизался на поприще светского шпионажа, о котором я уже говорил. Фон Шелига передавал Советам не только информацию о планах министерства иностранных дел, но и скрупулезно собирал самые разнообразные сведения, поскольку его квартира была излюбленным местом вечеринок всего дипломатического корпуса, чтобы, сгруппировав их, сообщать в Москву.

Разумеется, нас интересовали побуждения, двигавшие этими интеллигентами. Деньги не играли для них важной роли. Как явствует из протоколов следствия, они боролись не только против национал-социализма, в своем мировоззрении

они настолько отошли от идеологии Запада, который они считали безнадежно больным, что видели спасение человечества только на Востоке.

Тем временем гестапо все шире забрасывало свой невод. Число арестованных настолько возросло, что мы были вынуждены организовать собственный разведывательный отдел «Красная капелла». Ни в одной из областей разведывательной деятельности не шла такая ожесточенная борьба, как эта, которую мы вели с Советами на всей территории Европы. Постоянно обнаруживались все новые радиопередатчики, устанавливались все новые слежки — в Париже, Брюсселе, Копенгагене, Стокгольме, Будапеште, Вене, Белграде, Афинах, Стамбуле, Риме и Барселоне. Конструкции передатчиков и методы их маскировки постоянно совершенствовались. Нам было крайне трудно, особенно в нейтральных странах, расширять контингент своих агентов, пополняя его опытными радиотехниками и специалистами по радиоперехвату, а также доставлять туда замаскированную радиоаппаратуру и использовать ее в разведывательных целях.

Когда однажды в Марселе был обнаружен новый передатчик, радиоразведка сообщила, что новая станция заменила брюссельскую, ликвидированную нами. Одновре-

менно разведка, проводя крупную розыскную операцию в Париже, натолкнулась на круг лиц, сообщивших нам некоторые сведения о «Кенте», благодаря чему мы смогли опознать этого агента. Он разъезжал под различными псевдонимами, имея при себе южноамериканский паспорт. Смогли мы разузнать и настоящее имя Гильберта — это был немецкий коммунист, долгое время учившийся в Москве. Раздобыв эти исходные данные, мы начали по всей Европе розыск этих агентов. Охота длилась четыре месяца, наконец нам удалось напасть на след Кента в Марселе. Рокковой для него оказалась связь с одной венгеркой. У них была маленькая дочь, и Кент всем своим существом был привязан к этой женщине и ребенку. Установив местонахождение квартиры женщины, мы могли с уверенностью рассчитывать на то, что он появится там. Нам не пришлось долго ждать — Кент вскоре появился и был арестован. Так как он готов был пожертвовать всем ради женщины и ребенка, он предоставил себя в наше распоряжение. Теперь мы могли перевербовать главного радиста «Красной капеллы» и впервые выйти на связь с центром в Москве. Несколько месяцев подряд нам удавалось таким образом сообщать русской разведке важную дезинформа-

▲ Софи Шолль, 1942 г., фото Гестапо

цию, в результате чего противник был введен в заблуждение. Над составлением дезинформирующих сведений работала созданная и руководимая Мюллером специальная группа, с которой мне, однако, с конца 1943 года пришлось бороться всеми средствами. О роли Мюллера в дальнейшем ходе войны я еще расскажу подробнее позже.

Все больше и больше красных «музыкантов» в других важных точках Европы попадалось в наши сети. Наконец под нашим контролем находилось более шестидесяти радиостанций, поддерживающих связь с Москвой и работавших на нас. Разумеется, Советы со временем разгадали нашу игру и попытались противодействовать ей всеми способами. При этом они создали настолько тонко продуманную систему, что мы позднее, после занятия Италии союзными войсками, сами пользовались ею, ведя передачи из Рима.

Тем временем охота за Гильбертом давала очень скудные результаты. Только нашим группам пеленга удавалось с большими трудами запеленговать его радиопередатчики, как он прекращал передачу и продолжал «музичировать» на новом месте, рядом с прежним, как будто считал нас за дураков. Тем самым он пытался распылить силы нашей ради-

оразведки. Но в конце концов Гильберт потерпел поражение, столкнувшись с настойчивостью наших сотрудников радиоперехвата. Ведя борьбу с коммунистическими группами Сопротивления в Бельгии, мы в ходе допросов арестованных обнаружили человека, который раньше работал в качестве помощника Гильберта и был его правой рукой. Этот агент был специальным агентом-связником, обучавшимся в Москве, который уже долгое время жил в Бельгии. В то время он руководил радиостанцией, которая поддерживала связь между «красными маки» и бельгийским движением Сопротивления. Передатчик этого агента не был связан с работой бельгийской станции, и так как он занимал важную должность в одном немецком учреждении, он получил разрешение из центра непосредственно выходить на связь с Москвой. После своего ареста он был переведен нами. Чтобы не вызвать у русских подозрений, мы снабжали его точными сведениями. Тем самым мы намеревались вновь вывести его на связь с главной радиостанцией Гильберта. Подлинные материалы вызвали интерес у Гильберта, но он по-прежнему проявлял крайнюю осторожность. В тот момент он обосновал свою штаб-квартиру в Париже.

Когда мы, в конце концов, попытались его схватить, в наши сети попался только его секретарь. Сам Гильберт, как, оказалось, ушел к зубному врачу. Имя зубного врача было неизвестно. По всему Парижу началась бешеная охота, ведь мы должны были заполучить в свои руки Гильберта до того, как его предупредят. В последний момент от консьержки соседнего дома мы узнали адрес зубного врача. Как раз в тот момент, когда лечение зубов Гильберта было закончено, в ход пошли наши «щипцы». Он сдался неожиданно быстро и сразу же согласился предоставить в наше распоряжение свою мощную станцию. По различным признакам мы заметили, что русские теперь стали крайне недоверчивы, и создали специальную контрольную станцию, отличающую ложные сведения от подлинных. В результате этого, после длительных колебаний, мы дольше, чем нам этого хотелось, поставляли русским подлинные и ценные сведения и тем самым медленно вновь усыпили бдительность контрольной станции противника. Тогда игра началась снова.

Но окончательного поражения шпионской организации «Красная капелла» нам до самого конца войны так и не удалось нанести. ■

СЕРГЕЙ ЭС

РЕЧЬ И.В. СТАЛИНА НА XX СЪЕЗДЕ КПСС

*Фантастический рассказ, основанный
на реальных событиях и документах*

Никите Сергеевичу показалось, что в большом зале приглушили свет. Сидящие перед ним делегаты вдруг отчего-то стали плохо видны, будто все помещение подернулось серой вуалью. Он испуганно взглянул на лампу, освещавшую трибуну. Она тоже будто потемнела.

Однако в освещении оратор не сомневался. Он быстро понял, что это потемнело у него в глазах. Причина лежала прямо перед ним.

Поверх больших машинописных листов доклада непонятно откуда появилась маленькая бумажка. Ее, возможно, положил на трибуну дежурный секретарь, который, вроде бы, совсем недавно подходил к ней. Поглощенный выступлением Никита Сергеевич не помнил, подходил ли кто к трибуне и уж точно не обратил бы внимания на то, что подошедший человек мог принести.

Теперь он оторопело смотрел на маленький листочек. Было отчего

потемнеть в глазах. На бумажке была выведена невероятная надпись:

«В президиуме сидит СТАЛИН!!!»

Именно так. Слово «Сталин» было выведено большими... нет... огромными буквами. И три восклицательных знака.

У докладчика перехватило дыхание. Его взгляд испугано забегал по сидящим в зале делегатам съезда. Увиденное повергло Первого секретаря в шок.

Присутствующие смотрели на него. Их взгляды были обращены в одну точку, которая находилась где-то за спиной Никиты Сергеевича.

Не защищенный волосами затылок словно почувствовал жар, веющий оттуда.

Докладчик застыл на месте и некоторое время простоял в неудобной сгорбленной позе.

В зале царила гробовая тишина. Делегаты будто забыли о докладе, никак не реагируя на молчание лидера партии и государства.

Однако Никита Сергеевич не был бы Никитой Сергеевичем, если бы быстро не совладал с собой. Он не был мистиком, не верил ни в бога, ни в потусторонние миры, ни в воскрешение.

Сталин уже три года, как умер. Именно умер (к докладчику стало возвращаться самообладание), а не исчез, не спрятался, чтобы...

(Пот все-таки покотился по лысине. Никита Сергеевич полез в карман за платком.)

...Не спрятался, не скрылся, чтобы вдруг объявиться сейчас живым и здоровым. Никита Сергеевич сам много раз осматривал труп, сам хоронил, сам... (волнение все же сказывалось)...сам посещал его в мавзолее...

Что за дурацкий розыгрыш!!! — Никита Сергеевич неожиданно вспылит. Он сверкнул взглядом за кулисы, куда мог скрыться дежурный секретарь съезда.

Куда он, собака, делся?!

Возникло желание покрутить головой в поисках пропавшего шутника, однако Никита Сергеевич быстро осадил себя: «Не хватало еще! Подумают, что я оглядываюсь на президиум, потому что поверил...»

Он скомкал злосчастную бумажку и отшвырнул ее в сторону.

Зал будто вздохнул. Во всяком случае, так Никите Сергеевичу показалось.

Ну что ж! Сейчас он приведет всех в чувство!

На дворе стоял 1956 год. Проходило последнее заседание двадцатого съезда партии.

Охрипший и вдруг взвинтившийся голос докладчика снова стал долбить сидящих в зале. Никита Сергеевич уже не поднимал взгляда от листов бумаги. Однако тон его выступления изменился. Если еще несколько минут назад он зорко следил за залом, взвешивая реакцию делегатов на свои слова, то теперь перешел почти на скороговорку. Неясный страх вдруг стал ощущаться в каждом его слове.

Хрущев говорил о Сталине, о массовых репрессиях, о зверствах вождя, о культе личности.

Неожиданно докладчик сделал паузу. Он стал перебирать рассыпавшуюся по трибуне бумагу. И вот в его руках появился небольшой машинописный листок.

Взгляд Никиты Сергеевича застыл на этой бумажке. Видно было, что докладчик что-то напряженно и в то же время растерянно вспоминал.

Наконец его брови дернулись. Вспомнил!

Он торопливо выкинул руку с листком вперед.

— Вот!

Слушатели никак не отреагировали на его жест, с напряжением ожидая последующих слов.

— Когда волна массовых репрессий в 1939 году, — почти на крик перешел докладчик, — начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, Сталин направил 10 января 1939 года зашифрованную телеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомов внутренних дел, начальникам Управлений НКВД.

Хрущев многозначительно помахал бумажкой.

— Вот она! — выкрикнул он.

Пробежав взглядом по залу, словно предвкушая эффект от того, что он собирается сказать, докладчик наконец повернул листок к себе и стал его зачитывать.

— «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допу-

▲ Сергей Эс, автор

щено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод...»

Всю эту фразу докладчик выпалил на одном дыхании.

В зале стояло гробовое молчание.

Хрущев еще раз пробежался взглядом по слушателям и вдруг смешался. Что-то смутило его. Как-то не так молчали делегаты. Он покоился на бумажку и снова взмахнул ею.

— То есть... — начал было продолжать Хрущев и вдруг... осекся.

Сзади на его плечо легла чья-то тяжелая рука.

Что за наглость!!! Кто это?!..

Хрущев стал медленно поворачивать голову на подошедшего и...

Лицо докладчика окаменело в невероятной гримасе.

Рядом с ним стоял Сталин...

— Дай-ка, — негромко проговорил Генералиссимус.

— Дай познакомиться, — продолжил Сталин и взял из рук Хрущева телеграмму.

— М-да! — в голосе гостя с того света прозвучало разочарование. — Тоже копия.

Он всмотрелся в листок.

— А где же все-таки оригинал? — он покосился на неподвижного докладчика. — Сегодня мне показывали еще одну копию этой шифрограммы.

Гость хмыкнул.

— И вот незадача. Оригинала никто не видел, а копии две. И самое странное — на разных писюльках разные даты. Здесь написано 10 января, а на той стояло 27 июля 39-го года.

Сталин обратил пристальный взгляд на Хрущева.

— Какой оригинал настоящий?

Хрущев вдруг смертельно побледнел.

— Тот, — продолжил Сталин, — на котором среди других подписей членов политбюро должна была стоять подпись Хрущева, или этот, на котором подписи Хрущева быть не могло? Поскольку не был он 10 января еще членом политбюро...

Сталин сделал паузу.

— Копию какого документа выгоднее преподнести съезду? — вновь спросил он.

Хрущев вдруг стал терять равновесие. Он судорожно уцепился за трибуну.

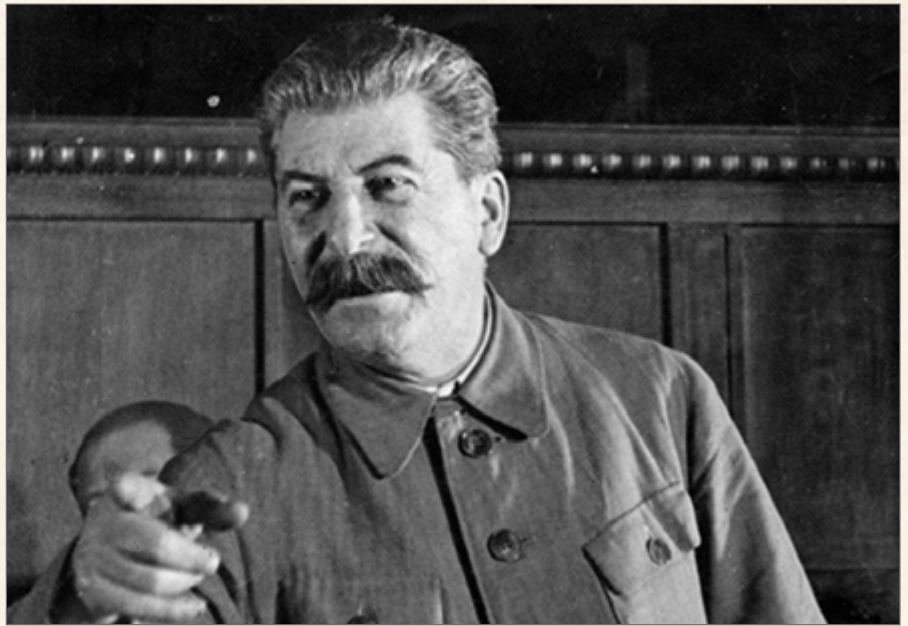
— Ну бог с ними — датами! — неожиданно смягчился гость. — Меня все-таки занимает оригинал. Где же, все-таки, он?

Докладчик, продолжая держать за трибуну, сделал шаг назад.

— Ну куда же вы? — проговорил Сталин. — У вас сегодня эпохальный доклад. Сегодня вы творите историю. Зачем же убежать?

В зале, наконец, началось шевеление.

— Товарищи! — отреагировал на движение делегатов Сталин. —

Вы здесь все партийные работники. Кто-нибудь из вас видел документы политбюро, которые начинались бы такой фразой: «секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам Управлений НКВД»?

По залу прокатился легкий шум.

— Какие-то нелады с партийной субординацией. Сначала стоят секретари обкомов, а потом уже крайкомов и ЦК нацкомпартий. Кого мы пишем в таких документов первыми? — он обратился в зал.

Среди делегатов опять пробежался шум.

— Нацкомпартий, — вдруг выкрикнул кто-то.

— Правильно, товарищ, — Сталин повел указательным пальцем в зал. — Я только уточню: после 36-го года на особо важных документах мы писали: не «секретарям нацкомпартий», а «секретарям ЦК компартий союзных республик».

В зале раздались возгласы.

Сталин бросил хмурый взгляд на Хрущева.

— И как сюда попали наркомы внутренних дел, начальники Управлений НКВД? Если мы высылаем документы в партийные органы...

Сталин вновь посмотрел в зал.

— Пишут: «для ознакомления наркомом внутренних дел», — опять кто-то выкрикнул из зала.

— Верно! — добавил еще один голос. — Для ознакомления...

Гость чуть заметно улыбнулся.

Хрущев сделал еще шаг назад, спрятавшись от Сталина за трибуну.

— От меня спрятался, — усмехнувшись, проговорил Генералиссимус, — а свой зад товарищам подставил. Вот напинают-то.

Хрущев как ошпаренный отпрыгнул назад к Сталину и юркнул в трибуну, втиснув ягодицы внутрь.

— И что за странная фраза? — по лицу Сталина скользнуло недоумение, — «буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата». Какая-то журналистская беллетристика, а не партийный документ.

Х-м! Если все же делить пролетариат на социалистический и капиталистический, то какой он в капиталистических странах?

Сталин покрутил бумажку.

— Наверное, все-таки, — проговорил он, — капиталистический...

— Мне думается, — Сталин перевел взгляд на Хрущева, — в 1939 году члены политбюро такой бы глупости не допустили.

М-да! И что-то не припоминается, чтобы в 1937 году ЦК разрешил пытки. Если ЦК принимает какое-то решение, то для этого собирается пленум, вопрос ставится в повестку

дня, проводятся прения, голосования. Ей-богу, не помню... Может, вы и тот документ зачитаете?

— Что это? — спросил Сталин в зал, подняв вверх бумажку.

— Фальшивка! Фальшивка! — закричали с разных сторон.

Сталин покачал головой.

Через некоторое время, когда шум стих, Генералиссимус негромко произнес:

— И это эпохальный доклад?

В зале началось движение. Делегаты повставали со своих мест. Многие стали передвигаться по проходам к сцене.

Наконец, у трибуны собралась плотная толпа.

Генералиссимус смотрел на людей.

— Ну здравствуйте, товарищи! — проговорил он.

— Иосиф Виссарионович! — заговорили со всех сторон. — Вы откуда? Вы живы?

Сталин, улыбаясь, кивал им.

— Жив, жив...

— Но как?... но кто?...

— Как же так? — спрашивали с разных сторон, — люди же плакали на ваших похоронах...

— Товарищи! — Сталин постарался произнести это как можно тверже, хотя слышно было, как его голос слегка дрогнул. — Давайте зайдем свои места.

— Нам предстоит сегодня очень серьезно побеседовать, — проговорил он.

Люди поспешно отхлынули от сцены. Некоторое время в зале царил суета, но, наконец, все успокоилось. На Генералиссимуса напряженно и внимательно смотрели сотни глаз.

— В то, что я расскажу, трудно будет поверить, — заговорил Сталин. — Но я и не прошу верить, точнее говоря, верить на слово. Слушайте мои слова критически. Вы здесь, чтобы работать головой, и сейчас я задам вам очень сложную задачу. Понимаю, что вы устали. Особенно после такого шквала лжи, которую на вас сегодня вылили, но соберитесь...

Сталин на некоторое время замолчал. Он стоял сбоку от трибуны и одной рукой опирался о нее. Видно было, что годы давали себя знать. Он не мог стоять, не облачиваясь, однако не уходил со своего места.

— В это трудно поверить, — еще раз негромко проговорил Сталин, — поэтому я расскажу вам все это как очень странный сон.

— Да, — он сделал свой характерный и очень знакомый людям жест в сторону зала, — именно как сон. Если и вы будете воспринимать это как сон, то мне самому все это легче будет рассказывать.

Случилось это в марте 1939 года. Вернее, буду говорить: не случилось, а приснилось.

Приснилось, как сидел я поздним вечером в своей комнате отдыха, которая расположена рядом с рабочим кабинетом. Прием посетителей уже закончился. Я никого не ожидал, и поэтому очень удивился, когда в комнату вошел неизвестный молодой человек лет тридцати. О нем никто не докладывал. Вошел он без сопровождения. Сразу бросились в глаза его странная одежда и прическа. Он был явно не из наших мест.

Молодой человек вошел, глядя прямо мне в глаза. На его лице была злость и решимость. Я удив-

ленно посмотрел на дверь, которую тот закрыл за собой.

Кто он? — подумалось мне. — И почему его пропустила охрана?

Он посмотрел на меня и усмехнулся.

— Не смотрите туда. Охрана ничего не ведает.

Я растерялся.

— Я прошел мимо нее, — сказал незнакомец.

— Кто вы? — спросил я.

— Твой судья.

Разумеется, меня удивило обращение на «ты», и я сразу почувствовал неладное.

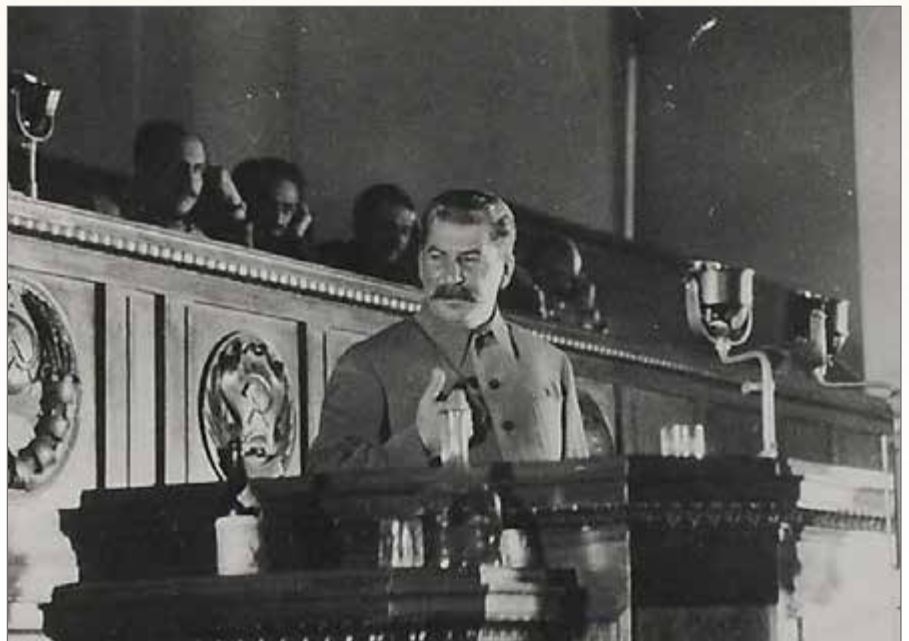
Затем этот молодой человек стал говорить мне, что он прибыл из будущего, чтобы казнить меня за совершенные преступления и предотвратить провалы первых дней войны.

В зале пробежался шум. Сталин выдержал паузу и сказал: «Я же говорю, давайте воспринимать это как сон...»

— Он объявил, что прибыл ко мне за моей жизнью.

Конечно, я воспринял это, как разговор против меня, в который оказалась вовлечена и моя личная охрана. Поэтому я не стал никого звать.

Это было бы бессмысленно делать. Коли чужак оказался здесь, значит, охрана точно не появится.

В принципе, в тот момент я прощался с жизнью. И как-то по инерции стал расспрашивать его, из какого будущего он к нам прибыл, и вообще...

В ответ он начал говорить потрясающие вещи.

Сталин качнул головой.

— Он сказал, что прибыл к нам из конца двадцатого века...

Генералиссимус на некоторое время замолчал. В его руке появилась, а затем исчезла трубка.

— Он сказал, что прибыл к нам из конца двадцатого века, — снова повторил он, — что к этому времени Советский Союз уже развален и что в этом развале есть и моя вина, поскольку я погубил миллионы честных коммунистов.

Я не сразу пришел в себя, но как только это произошло, я спросил, о какой войне он упомянул в начале нашего разговора, на что получил ответ, что это будет война с Германией и начнется она 22 июня 1941 года. Последнее высказывание опять выбило меня из колеи.

— И что, — спросил я, — эту войну мы тоже проиграем?

— Нет, — сказал он, — выиграем, но сделаем это ценой больших жертв. Завалим, — сказал он, — врага трупами.

Постепенно я стал брать себя в руки. Мне показалось странным, как он все это излагал. С одной стороны видно было, что он меня люто ненавидел, а с другой — говорил как бы от имени честных коммунистов. Я невольно обратил внимание на то, он говорит «выиграем», «сделаем», хотя молодой человек из девяностых годов не мог еще родиться к 1941-му году. У меня, конечно, мелькнула мысль, что наука будущего, наверное, действительно добилась таких невиданных результатов, что смогла создать машину времени, но на этой мысли я долго не задержался. Меня зацепили обвинения в мой адрес, которые были чудовищно нелепыми. Я просто не мог представить за собой такой вины, которая привела бы к миллионам жертв. Наука наукой, но с этим тоже надо было разобраться.

— Ну хорошо, — сказал я. — Если вы, действительно, коммунист, и, как я понял, чувствуете свою сопричастность к народу, прошедшему через войну, то вы не можете совершить действия, которые приведут к гибели большого количества людей, честно и искренне борющихся за новую жизнь.

Он насторожился. Я понял, что в его искренности не ошибся, и он готов меня выслушать.

— Мы находимся, — сказал я, — на завершающем этапе сбора информации о деяниях Ежова. У нас есть неопровержимые данные, что он готовит антикоммунистический переворот. Если вы сейчас меня убьете, то мое место займет его человек, и тогда страну зальет море крови.

Я увидел, что он переменялся в лице, и понял, что о Ежове он что-то знает.

— Ежова арестуют без вас, — сказал он.

— Нет, молодой человек, — возразил я, — вы, как пришелец из бу-

дущего, плохо представляете наше время. Обезвредить Ежова под силу только мне и Берии. С обязательной помощью Берии, — уточнил я, — Ежов еще обладает большой силой, у него создана разветвленная сеть из первых секретарей обкомов и крайкомов, еще совсем недавно он мог запросто арестовать меня на каком-нибудь партийном пленуме. В Политбюро положение нашей группы очень неустойчивое. После того, как полгода назад Ежов арестовал Чубаря, в ней осталось только шесть человек из пятнадцати.

Я увидел, что гость растерялся и понял, что если обо мне в будущем наговорили невесть что, то информация о Ежове дошла туда в неискаженном виде. Правильно говорит китайская пословица, что солнца рукой не заслонишь. Все перевернуть не получится.

— Да, — поникнув в голосе, согласился мой судья, — Ежова арестуют в апреле 39-го, а сейчас у вас март. Ваша смерть может помешать торжеству правосудия. Вам, действи-

тельно, еще нет адекватной замены.

Неожиданно он вскинул взгляд.

– Ежова я сам устраню, — сказал он, — сразу после вас.

Тут уж я разозлился.

– Молодой человек! — резко сказал я. — Что даст ваше героичество? Ежов окажется жертвой неизвестного убийцы? И при этом нетронутой останется вся его сеть! Которая будет способна к самовоспроизводству. Или вы хотите перебить всех поименно? И сколько вы будете мотаться по стране, оставляя за предателями ореолы героев? Нет уж! Лучше будет, если мы со своими негодяями разберемся сами, без помощи пришельцев!

Тут он окончательно сник.

– Мы с большим трудом, — продолжил я, видя, что инициатива переходит в мои руки, — сместили его с должности. Нами двигали только догадки. Теперь в руках у Лаврентия Павловича оказались все документы НКВД, а в них открылась ужасная картина...

– Хорошо, — сказал он, — сейчас я вас не трону. Но вам не уйти от возмездия.

– Смерти я не боюсь, — заметил я ему. — Однако хочу посоветовать вам, прежде чем устраивать самосуд, тщательно разбираться в ситуации. Я вижу, что вы знали, что Ежов будет арестован в апреле, но, не подумав, заявили убивать меня в марте. Вы говорили о скорой войне. А подумали ли вы, что перетряска руководства страны накануне ее грозит стране катастрофой?

– Но ведь вы расстреливаете лучших военачальников, ослабляете армию.

– А вы хорошо их знаете? Не подумали ли вы, что если они сейчас ходят в соратниках Ежова, то во время войны могут предать? И в каком случае жертв будет больше?

А потом я его спросил: «А сколько будет жертв в той войне?»

– Где-то около тридцати миллионов.

Цифра меня потрясла. Это же каждый шестой житель страны! Но не меньше шокировало «где-то около».

– Так вы еще и не знаете точных цифр?! — едва не потеряв самообладание, закричал я. — И на этом гадании выносите нам приговоры?!

Похоже, что этим я добил его окончательно. Во всяком случае, я увидел, что в своем намерении убить меня он сильно колебался.

– Ступайте к себе с богом! — сказал я ему. — Вы сказали, что в вашем времени будет уничтожен Советский Союз. Так что, я понимаю, у вас своих проблем по горло, чтобы вмешиваться еще и в наши.

Он молча кивнул. Мы посидели еще немного. Я предложил ему чаю.

– Нет, — сказал он, — спасибо! Отправлюсь к себе.

Он задал мне несколько вопросов. О чем, уже не помню. Что-то о нашей работе. Помню лишь, что мои ответы очень поразили его, хотя ничего особенного я не сказал.

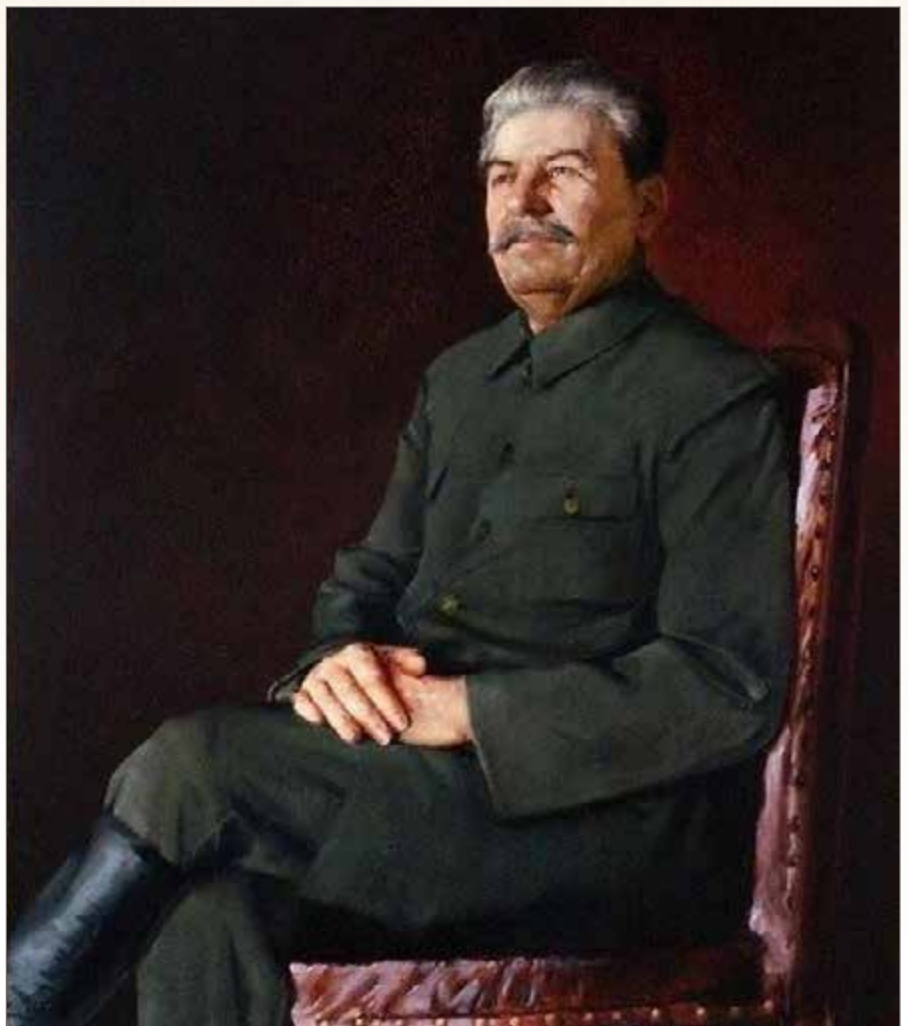
В свою очередь он рассказал мне, что я умру в 1953 году, что в 1956 году состоится съезд, на котором я буду объявлен главным злодеем в истории страны, а в 1991 году Советский Союз будет уничтожен.

– Страшную картину будущего вы нарисовали мне, — сказал я ему. — Я думал, что мы будем последовательно строить светлое завтра, а выходит, что история покажется вспять.

И тут я попросил у него разрешения совершить путешествие в будущее.

– Куда бы вам хотелось поехать? — спросил он.

– Раньше мне очень хотелось увидеть коммунизм, но если с историей случится такая катастрофа, то я попросился бы в ту точку, откуда она пойдет. Может, смогу предотвратить.

— Хорошо, — сказал гость. — Но теперь вы задали трудную задачу мне. Переправить вас не проблема. Но я должен буду перелопатить всю историю, чтобы найти эту точку.

Я пожал ему руку.

— Когда я разберусь в ситуации, — сказал он, — я дам вам знать. Вы окажитесь там, где история совершит свой надлом.

Сталин остановился, пошарил в карманах и достал трубку. Некоторое время у него ушло на то, чтобы ее раскурить.

— Он исчез из моей комнаты, опять минуя охрану. О его пребывании у меня никто даже не догадался.

Сталин опять сосредоточился на своей трубке.

— А я попал к вам, — наконец продолжил он. — Предварительно мне дали познакомиться с докладом Хрущева, который долго скрывали от народа и опубликовали только в 1986 году. Его спустили только в партийные организации. Широкая огласка могла привести к тому, что повышалась вероятность, что кто-нибудь обнаружит в докладе нестыковки, и люди поймут, что он базируется на фальшивках.

— А кстати говоря, — неожиданно задал вопрос Генералиссимус, — никто из вас не успел сообразить, почему фальшивое письмо, которое вам только что зачитал Хрущев, датировано июлем 1939 года? Я уже вам пояснил, почему на второй фальшивке стоит январь, но с чем может быть связан июль?

Он окинул взглядом зал. Делегаты молчали.

— Весной того года была разбита ежовская группа, которая, готовя переворот, уничтожила очень много людей. Ежов расставлял на высокие партийные посты заговорщиков, очищая для них места с помощью ложных доносов и арестов. А его сообщники, как по цепной реакции, множили его зверства по всей стране. Ежов лишь прикрывал этот страшный разгул. Приведу такой пример. Эйхе, письмо которого тоже приводится в докладе, очень жестоко расправлялся с коммунистами в Сибири, а Ежов прислал туда директиву, не препятствовать его действиям.

Только заменив Ежова, Берия остановил разгул казней. Много человек было возвращено из тюрем. И вот теперь делается попытка свалить инициативу самых жестоких ре-

прессий 37 и 38 годов на политбюро. Будто ЦК обеспокоился тем, что аресты, казни и пытки пошли на спад. А заодно и переложить вину с шайки Ежова на партию.

Я задаю вопрос, почему это делается сейчас? — Видимо потому, что не все ежовцы понесли ответственность. Кто-то сумел скрыться от правосудия, а теперь поднимает голову. Берия перед смертью начал выявлять этих людей, за что и был убит. Я не говорю: осужден и расстрелян. Я говорю — убит.

И ведь посмотрите, каким образом можно распознать ежовцев? Достаточно посмотреть, кто раскуривал маховик казней.

Вот какое письмо я получил однажды от спрятавшего здесь свой зад тогдашнего Первого секретаря компартии Украины Хрущева: «Украина ежемесячно посылает 17-18 тысяч репрессированных, — писал он мне, — а Москва утверждает не более 2-3 тысяч. Прошу Вас принять срочные меры».

Тогда я думал, что он просто усердствует и даже прямо написал ему однажды: «Уймись, дурак!» Но теперь я понимаю, что это было не усердие...

Сталин протянул руку к трибуне и взял несколько листов. Он покрутил их, не всматриваясь в бумажки. Его взгляд какое-то время блуждал мимо, пока не зацепился за что-то.

— Вы только посмотрите, что он пишет! — в голосе Сталина послышалась дрожь.

«В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин».

Я не стал бы обращать на это внимание, если бы он не задел Ленина.

На самом деле я говорил тогда, что чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на более острые формы борьбы, тем больше будут пакостить Советскому государству...

Думаю, любому непредвзятому человеку ясно, что из слов о том, что остатки эксплуататорских классов будут хвататься за острые формы борьбы, совсем не следует, что при продвижении к социализму классовая борьба должна обостряться, и что мы должны усиливать репрессии и все больше и больше сажать людей.

— Вообще с теорией надо быть крайне осторожным, — Сталин отбросил назад бумажки, достал из кармана платок и вытер пальцы. — Я как-то говорил, что без теории нам смерть, но и догматическое следование ей может оборачиваться человеческими жизнями.

Вот, например, начало Великой Отечественной войны. Нет, даже не столько этой войны, сколько предшествовавшей ей финской кампании.

Нас расслабила легкость, с какой мы одолели интервенцию в Гражданской войне. Нам тогда помог, действительно помог мировой пролетариат. Буржуазные армии были сильнее нас, однако они вынуждены были убираться восвояси, поскольку по всему миру прокатились выступления в защиту молодой Советской

республики. Враги побоялись, что продолжение войны с нами обернется для них внутренними революциями. И мы восприняли это как аксиому марксистской теории. Мы ведь тогда искренне думали, что любое военное соприкосновение капиталистического мира с социалистическим грозит капиталу революциями. Помните, в начале двадцатых мы ожидали, что революция теперь разразится и в других странах? Но она медлила, и кому-то захотелось подтолкнуть ее. Именно военным соприкосновением. Слава богу, ЦК сумел тогда трезво оценить обстановку и не поддавшись призывам горячих голов. Но нас обвинили в предательстве интересов мирового пролетариата и стали готовить первый внутрипартийный переворот. Руками преданных нашей общей идее, но заблудившихся коммунистов.

Вы помните, что финскую войну мы объяснили желанием отодвинуть границы от Ленинграда. Это, действительно, так. Но кто-то лелеял другие надежды. Отчасти мы поддались нажиму членов ЦК, которые все еще симпатизировали идее Троцкого о мировом революционном пожаре. Они утверждали, что как только наши танки появятся в Финляндии, пролетарии этой страны поднимутся против своего режима, и вместо нескольких квадратных километров территории мы получим на карте мира еще одну социалистическую страну. Разумеется, документально такие разговоры нигде не фиксировались. Не хотелось, чтобы наши стратегические задачи как-либо просочились нашему врагу. Переговоры о сдвиге границы, говорили некоторые, только усыпляют его бдительность. Именно поэтому многие ответственные лица и пренебрегли подготовкой к этой войне. Финал был страшным. Но не менее, чем наши потери, многих шокировало то, что финские пролетарии, сидевшие по ту сторону окопов, стреляли в бойцов Красной Армии. Это охладило нас. Но не до конца.

Затем был раздел Польши, присоединение прибалтийских республик. И снова кто-то ожидал востор-

женный прием со стороны трудового народа. И снова испытали разочарование. И даже перед войной с Германией поговаривали о немецком пролетариате — самом революционном в Европе, о колыбели марксизма, о Баварской революции, которая не могла не оставить свой след в его сознании...

Сталин на некоторое время замолчал, отвлекшись на почти погасшую трубку.

В зале царило молчание. Однако некоторые присутствующие делегаты напрялись. Они увидели, что Генералиссимус начал постукивать ногтем по мундштуку. Многие знали, что это могло означать, что он собирается с мыслями, чтобы сказать что-то очень важное.

— Почитав эту писанину, — Сталин кивнул в сторону листков доклада, — можно подумать, что достаточно было бы одного моего слова, чтобы осадить любые горячие головы. Весь доклад крутится вокруг культуры личности Сталина.

Это доклад труса и подхалима, который действительно боится любого слова вышестоящего начальника

и после его смерти, на чем свет стоит, начинает поносить усопшего, оправдывая свое лизоблюдство.

— Я соглашусь с тем, что культ личности был, но проявлялся он совсем не в той форме, как это намарано здесь.

Сталин неожиданно прервался, и изумленные делегаты увидели, как дрогнула трубка в его руке.

— Я знаю, что, когда меня хоронили, рядом с гробом несли на подушечке звезду Героя Советского Союза. Этим вы сильно оскорбили меня. Вы когда-нибудь видели эту звезду на моем кителе? Ведь все знали, что я никогда не признавал эту награду. В 1937 году мне стоило большого труда предотвратить переименование Москвы в Сталинодар. В 1949 году вопреки моим возражениям устроили пышные торжества в связи с моим семидесятилетием. Меня заманили туда только тем, что на день рождения съехались лидеры зарубежных компартий, а мне было о чем с ними поговорить.

Однако культ был. Хрущев говорит, что любое слово, высказанное вопреки моему мнению, могло обернуться арестом. Хотел бы спросить: я сам, что ли, приказывал арестовы-

вать? Ведь, насколько мне известно, сажали за это разных людей в разных уголках страны. Я вам что, бог вездесущий, чтобы везде все обо всем знать, и везде приказывать? Вот такие подхалимы и сажали. Такие мерзавцы и нагнетали по всей стране страх перед моим именем. Ходили, выслушивали, вынюхивали, чтобы при первой неосторожности сцапать человека. Я знал об этом, но никак не мог это остановить. Ну, где вы видели узурпатора, которого не слушаются подчиненные?

Сталин еще ненадолго прервался.

— Где вы видели узурпатора, — продолжил он негромко, — который ратовал бы за альтернативные выборы? Напомню, что мы намечали в декабре 1937 года так выбирать Верховный Совет. Чтобы не один выдвигался кандидат на место, а два или три, и чтобы выдвигать могли общественные организации. Но именно первые секретари обкомов, вроде Хрущева, на октябрьском пленуме того же года не дали нам с Молотовым провести это решение. И это называется культ?

Култ выражался не в том, что все меня боялись, а в том, что негодяи развернули репрессии против чест-

ных людей, прикрывая свои злодеяния именем партии и Сталина. Многие делали карьеру, соревнуясь друг с другом в славословии по моему адресу. Скажу больше: сами репрессии стали возможны, благодаря возводимому культу. Благодаря культу стали возможны карьерные взлеты таких людей, как Хрущев. Культ активнее всего использовался как раз нашими врагами. Бухарин однажды признался, что принуждал своих подчиненных в газете «Известия» расточать похвалы в мой адрес. К сожалению, теперь я должен констатировать, что при своей жизни не понимал всей опасности культивирования своей личности. Повсеместный культ я считал следствием недостаточной культуры людей. Люди, вскормленные молоком царизма, — думал я, — склонны относить все успехи и неудачи к результатам деятельности одного человека. Наши соотечественники еще не прочувствовали, что в стране действует коллективное руководство. Я четыре раза просил снять меня с должности генерального секретаря. Я кое-как добился упразднения самой этой должности. Вернее, после XVII съез-

да я просто отказался от титула «генеральный секретарь» и стал просто «секретарем ЦК», одним из членов коллегиального руководства наравне со Ждановым, Кагановичем и Кировым. Но на меня навесили чин Генералиссимуса. Я опять сопротивлялся. Должен сказать, что меня поставили в очень неприятную компанию с Чан Кайши и Франко.

Это в высшей степени подло, что, пытаясь сделать из меня изверга, в этом докладе приплели Крупскую и Ленина. Да, однажды я сделал выговор Крупской, после чего Ленин потребовал от меня извинений. Но должен напомнить, что больному Ленину был прописан покой и категорически было запрещено говорить с ним о политике. Но Ильич не был бы самим собой, если бы смирился с этим, он постоянно пытался вывести на такие разговоры свою жену, чтобы выведать у нее хоть какую-нибудь информацию. Умница Крупская держалась, как могла, но иногда допускала неосторожность и проговаривалась. И дважды после ее разговора с Ильичем о политике у того случался удар. Вот я и не сдержался однажды, в резкой форме

отчитал ее за развязавшийся язык. К слову сказать, ЦК поручил мне следить за тем, чтобы покой Ленина никому не нарушался. Но, конечно, отчитал я тогда Надежду Константиновну не потому, что выполнял поручение...

Быть может...

Сталин заглянул в погасшую трубку. Тут же рядом оказался дежурный секретарь, который предложил ему огонь.

Сталин поблагодарил подошедшего, но от огня отказался, спрятав трубку в карман.

— Курить вредно, — сказал он, едва заметно улыбнувшись. — Я всю жизнь курил и, вот, умер...

Некоторое время он промолчал, простояв с блуждающей улыбкой на лице. Затем его глаза неожиданно стали грустными.

— Извините, — проговорил он. — Вспомнились те времена.

— Быть может, — продолжил он прерванную фразу, — моя резкость по отношению к Надежде Константиновне объясняется моим кавказским происхождением. Я рос в среде, где не привыкли сдерживать эмоции. И кавказские женщины сызмальства закалялись в такой обстановке.

Другое дело — русские женщины. Я часто замечал их какую-то природную робость перед уроженцами юга. Будь на месте Крупской, например, грузинка, я получил бы хорошую порцию в ответ, и инцидент был бы исчерпан. Но, вот, русские женщины...

Я всегда преклонялся перед ними. Не знаю даже за что. Может быть, отчасти и за эту детскую растерянность перед резким словом. Вообще к русским людям у меня всегда было особенное отношение. Наверное, это тоже пришло ко мне от дедов. Я помню, как они уважительно относились к русским. Не у всех кавказцев это проявлялось внешне, но я помню их разговоры меж собой, помню, что они говорили, что с русскими на Кавказ приходят равновесие и спокойствие.

Наверное, нужно родиться кавказцем, чтобы по-настоящему понять русского человека. Многие из моих земляков, увы, воспринимают терпение русских, как слабость, и даже ведут себя вызывающе по отношению к ним. Но надо хорошо чувствовать этот великий народ. Он покоен до поры до времени. Если же разозлить русского человека... Будешь тогда от страха архалук на себе жевать...

Вы помните, какой тост я произнес на чествовании полководцев Великой Победы.

Многое крутилось тогда в голове, многое хотелось сказать: о нашей партии, о несокрушимой армии, о герое-солдате, о стойком труженике тыла, но я тогда произнес тост в честь русского человека...

Этим я сказал практически все, что было на душе, поскольку русский человек — он и солдат-герой, он и великий труженик, он и гениальный полководец, он и настоящий коммунист.

— Главный вопрос повестки дня съезда называется «О культуре личности» Я буду очень благодарен вам, если вы снесете все мои памятники, чего я не сумел добиться при своей жизни. Буду благодарен, если в Мав-

золее вы оставите только одного Ленина. Это, действительно, человек, повернувший колесо Истории. Я верю, что вы сможете дать взвешенную оценку этому явлению в целом, не сводя его только к личности Сталина. Снизу доверху. Я полагаю, что отношение к руководителю должно стать для работника любого уровня лакмусовой бумажкой на предмет его честности, предрасположенности к карьеризму, к способности идти по головам людей к цели.

— Однако... — Сталин неожиданно резко замолчал. Он начал машинально шарить в карманах. Вынул оттуда трубку, и тут же спрятал ее.

— Я хочу перейти к главному, — наконец, проговорил он. — Вы помните, что в начале своего выступления сказал вам, что у нас будет очень сложный разговор.

Сталин обратил хмурый взгляд на делегатов съезда, всматриваясь в многочисленные лица.

— Не для развенчания культа личности заварил Хрущев сегодняшнюю кашу. Ведь, почему-то три года назад он не поддержал предложение Маленкова, рассмотреть вопрос о культе личности.

В зале висела напряженная тишина.

— Не со Сталиным он хотел свести счеты.

Генералиссимус еще некоторое время промолчал. Его ноготь тихонько застучал по трибуне.

— Прочитав накануне текст доклада, вначале я подумал, что Хрущев просто решил отвести от себя лично вину за свою долю репрессий. А ведь эта доля поражает воображение. Сначала в Москве, а затем на Украине он истребил огромное количество людей. Он был одним из самых активных участников репрессий в команде Ежова. Да, именно в команде Ежова. В этом надо искать еще одну разгадку его мотивов. Мне вспомнилось, что в двадцатом году он был среди тех, кто поддерживал Троцкого. Вы помните, что в 27-м году троцкистам не удалось провести массовую демонстрацию своих сторонников. Тогда они собрались на свою тайную сходку

и решили подготовить переворот. Как оказалось, они задумали расчистить себе путь к власти террором и казнями. Мне думается, что отчасти на это их науськала пронюхавшая их планы германская разведка. Помните, как много тайн было связано с уходом из жизни Менжинского? На его место сел Ягода, который приступил к воплощению тайных планов троцкистов. Ягоду сменил Ежов. Нет, я не считаю всех сторонников Троцкого законченными врагами Советской власти. Многие искренне заблуждались. Не все были посвящены в истинные мотивы развернувшихся репрессий. Подлость троцкистских руководителей заключалась в том, что они уничтожали своих прозревших и просто разоблаченных соратников. Теми же самыми репрессиями. Кстати говоря, я был против казни Бухарина. Предлагал применить к нему ссылку. Он мог правильно переосмыслить свое положение. Но, увы, вопреки сложившемуся обо мне мнению, я был не всемогущ. Большинство проголосовало за казнь.

Хрущев мог быть участником этой команды — глубоко законспирированным участником. Его тайну унесли с собой в могилу и Троцкий, и Ежов, и Бухарин. Сегодня, — подумалось мне, — он, наконец, всплыл. Всплыл, чтобы претворить планы того заговора в жизнь.

Перед тем, как мне попасть сюда, мой гость из будущего ознакомил меня также со всеми делами о реабилитации репрессированных, которые последовали после двадцатого съезда. Скажу, что многие реабилитированы незаслуженно. Их дела не рассматривались во всей своей полноте, как того требует хотя бы чувство справедливости. Это был чисто политический акт. Общим списком оправданы и невинные жертвы, и действительные враги Советской власти. Это и дало мне повод подумывать, что руками Хрущева был просто осуществлен реванш троцкистов.

Однако, и это — только часть его мотивов.

Вдумайтесь, борьба с культом привязывается только к лично-

сти Сталина. Но культ создавался не мной. Значит, его действительные причины остаются не искорененными. И более того, борец с культом, под видом борьбы сам выстраивает свой культ. И он уже борется с системой, которая могла бы, действительно покончить с культом.

Я уже обмолвился здесь о том, что в 1937 году предполагалось провести альтернативные выборы в Верховный Совет. Но именно под предлогом обострившейся борьбы с врагами народа наше предложение с Молотовым было отвергнуто. Кому-то срочно понадобились тысячи врагов. Теперь нам совершенно ясно, кто размахивал жупелом этой борьбы. Первые секретари испугались за свои места. Ведь кому-то дорожки туда были расчищены головорезами Ежова. Зря, что ли старались?

Хрущев прекрасно помнит, как прижали нас к стенке секретари крайкомов и обкомов, составившие костяк ежовской команды. Как решил прощупать нашу группу Эйхе, первым приславший телеграмму с требованием повесить

лимит на расстрелы. Мы не могли не отступить, поскольку могло последовать уже подготовленное обвинение о нашем предательстве дела Ленина (помните, после вступления в Лигу наций?), чтобы у Ежова появился повод арестовать и ликвидировать всю нашу группу. Я виноват перед тысячами людей, которых сгубили эти лимиты, но в случае нашего исчезновения, счет на жертвы мог пойти на миллионы. Фактически на территории страны развернулась настоящая война. Мы теряли людей, как в настоящей войне — войне, которая велась против страны и партии под изуверским прикрытием имени Сталина. В этой войне были свои полки — по ту сторону фронта к троцкистам примкнули все враги нашей власти: и мечтавшие о реванше бывшие беляки, и лишившиеся награбленного эксплуататоры и кулаки, и почувствовавшие вкус наживы нэпманы, и действующие по приказам из-за границы агенты. В этой войне были и свои орудия, свои снаряды и пули — доносы, аресты, казни и ложь. Мы шаг

за шагом одолевали врага в этой войне. Вышинский, став в 1935 году прокурором, добился пересмотра решения о высылке из Ленинграда «социально чуждых элементов». Вы помните, что после убийства Кирова НКВД очистил город от бывших дворян, сенаторов, генералов, интеллигенции. Двенадцать тысяч человек были лишены политических и гражданских прав, многие осуждены по надуманным обвинениям. Политбюро, где тон задавала наша «пятерка», поддержало протест прокурора. Большинство лишенцев смогли вернуться в Ленинград, с них сняли судимости и обвинения, восстановили в избирательных правах, отдали невыплаченные пенсии. В 1936 году тот же Вышинский добился отмены судебных приговоров по закону «о трех колосках», от которого пострадал целый миллион крестьян! Этот миллион крестьян теперь уже мог участвовать в первых выборах в Верховный Совет. И тот же Вышинский, имя которого в будущем превратят в символ репрессий, в 1937 году настоял на пересмотре дел инженеров и техников

угольной промышленности и потребовал реабилитации всех, кто проходил по «делу о Промпартии». Тем и другим вернули ордена, звания и, само собой, право избирать и быть избранными. В 1938 году после Хрущева руководить московским горкомом был поставлен Щербаков, при котором уже никто из работников Моссовета, МК и МГК, райкомов не пострадал. Щербакова даже обвиняли в том, что он очень неохотно и очень редко давал согласие на репрессии.

Я уже сказал, что их снарядами была ложь. Вину за репрессии валили на тех, кто их останавливал. Я с большим изумлением узнал, что Вышинскому припишут фразу, что признание обвиняемого является лучшим доказательством. Он говорил как раз обратное...

Устранив Ежова, мы постепенно добирались до его исполнителей. Они несли заслуженное наказание. В 1953 году Берия набрал материалы на Хрущева и других преуспевших в репрессиях преступников, но произошло то, что произошло. Они опередили, убив его...

Вы, наверное не знаете, что, придя к власти, Хрущев основательно вычистил архивы, уничтожив огромное количество документов.

Сталин заметно разволновался. И вдруг зал охнул: Генералиссимус покачнулся. Сзади мгновенно оказались два человека, которые подхватили его под руки. Люди в зале вскочили со своих мест. Тут же на сцене появились еще три человека, которые торопливо несли большое кресло.

Увидев их, Сталин предупредительно поднял им навстречу руку. Несущие кресло остановились в недоумении и растерянности. Замер и зал.

— Товарищи! — воскликнул Сталин. — Ну что же вы! Опять культ разводите! — Он сделал попытку улыбнуться. — Принесите мне стул, пожалуйста. Только со спинкой. Чтобы можно было навалиться. Спину тяжело держать.

Когда рядом появился стул, Генералиссимус с облегчением сел на него и машинально достал трубку. Так же машинально он раскурил ее.

— Почему же коммунисты не остановили эту войну?

Генералиссимус замолчал, надолго задумавшись. Молча и неподвижно сидели и делегаты.

В зале висела напряженная тишина.

— Я имею ввиду рядовых коммунистов, партийные массы, которые составляют основу партии. Члены политбюро — отнюдь не боги. Многие наши поступки диктовались непреодолимыми обстоятельствами. Я уже говорил, что мы стояли под дамочным мечом. Любой отказ запросам от областных секретарей мог привести к перевороту в руководстве с непредсказуемыми последствиями. И хотя свою долю в нашу общую победу руководители партии сумели внести, однако основные наши надежды были обращены в партийную гущу. Оттуда мы хотели получить здоровые импульсы.

После съезда вы разъедетесь по домам, вернетесь к рядовому партийцу. Что это за человек? Почему он — основа нашей партии — не смог противостоять злу? Чего ему,

кроме горячего желания служить нашему делу, не хватало? Почему много рядовых коммунистов оказалось послушными игрушками в руках злодеев?

Многие искренне заблуждались. Верили разговорам о том, что в стране кишат враги народа, верили каждому слову своих продавшихся партийных руководителей.

Рядовым коммунистам, убежденным ленинцам не хватало самой малости — образования.

— Да, как это ни звучит странно — именно образования, — проговорил Сталин после некоторого молчания. — Той самой осознанности своих действий, высокой политической культуры. Перефразируя известное выражение, можно сказать: наган в руке был, а Ленина в башке не было.

Именно поэтому я всегда настаивал на развертывании полномасштабной партийной учебы. Именно этой цели служил подготовленный при моем участии «Краткий курс истории ВКП(б)». Одной из основных стратегических задач нашей группы, так и не осуществленных, было освобождение партийных органов от несвойственных им хозяйственных задач. Слияние партии и государства губительно для партии. Она становится трамплином для бесталанных карьеристов, которые разлагают ее изнутри. Она отвлекается от своих коренных задач и, в конце концов, становится неспособной их решать. Я знаю, что в мае 1953 года было все-таки принято постановление о лишении дополнительного денежного содержания, или так называемых «конвертов», крупных партийных руководителей. По уровню реальных зарплат они ставились на порядок-два ниже, чем служащие госаппарата того же ранга. Проводили это в жизнь Маленков и Берия. Партия могла бы полноценно переключиться на идеологическую работу. Она перестала бы быть приманкой для карьеристов и недоучек, как этого хотел Ленин. Однако Берия был убит, Маленков отодвинут, и практически спустя три месяца Хрущев восстановил партий-

ные привилегии. Он же воссоздал пост Первого секретаря партии.

Сталин снова замолчал. На какое-то время он сосредоточился на трубке.

— Извините, — продолжил он, — я постоянно сбиваюсь, перескакиваю с темы на тему. Но я, ведь, специально к выступлению не готовился... Да и не молод я...

— Сегодня, сейчас, в этом самом зале, — проговорил он, взглянув на трибуну, — вы являетесь живыми свидетелями того, как у нас совершается внутрипартийный, точнее говоря, антипартийный переворот. Через сорок лет, когда вырастут два поколения, воспитанные на антипартийном докладе Хрущева, произойдет переворот антигосударственный. СССР прекратит свое существование.

Сталин опять на некоторое время замолчал. Все увидели, как по его лицу от волнения пошли красные пятна. Тут же появился дежурный секретарь со стаканом воды. Генералиссимус машинально взял стакан и, не отпив, так же машинально поставил его на трибуну.

— Теоретики марксизма еще долго будут ломать головы над нашим периодом истории. Как могло такое произойти? Почему рабочие действовали вопреки своим коренным

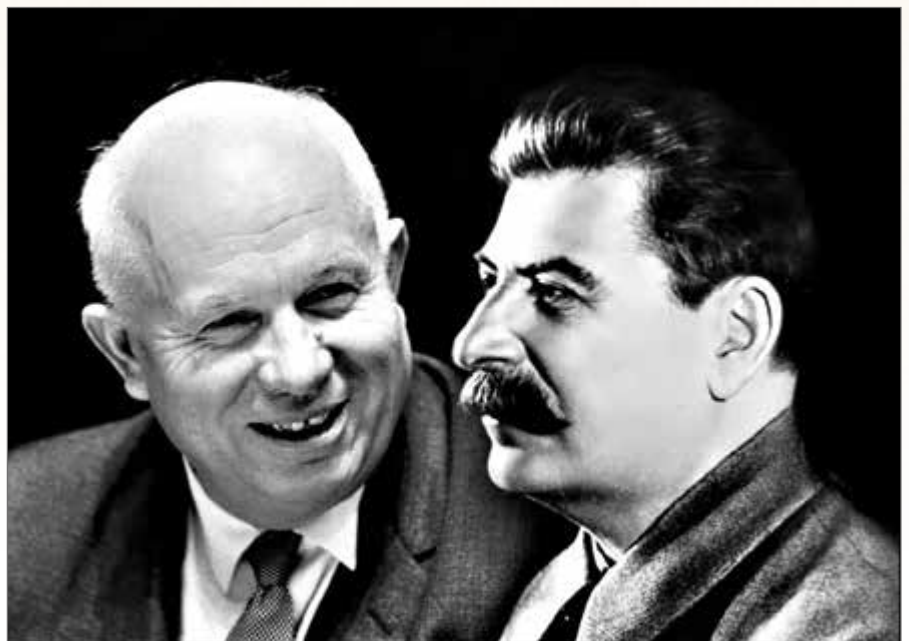
классовым интересам? Предательство верхов можно объяснить, но почему в девяностых годах на улицах не появились, как в 1905-м, баррикады?

— Я попытаюсь это объяснить по-своему. Но начну с другого примера.

Немецкий рабочий стал оккупантом нашей земли. Спрашивается, где был его коренной классовый интерес? Думаю, пролетарский классовый интерес испарился, как только Гитлер пообещал каждому немцу участок земли в России и рабов. На нашу землю ступили люди, которые видели себя будущими рабовладельцами. Это и был их новый классовый интерес.

Когда однажды Бухарин провозгласил «обогащайтесь!», это тоже было размытием классового интереса рабочих масс. Хотя и неумышленным. Люди, прошедшие через времена нэпа, обогащение понимали только в нэпманском смысле, то есть рабочему фактически было предложено стать мелким буржуа. Мы не могли не отреагировать на смертельно опасный для страны посыл, исходящий из высшего партийного руководства.

Как я узнал от своего гостя из будущего, оказавшись на грани политического банкротства, Хрущев объявил, что к 80-му году будет по-

строен коммунизм. Возможно, что он сделал попытку вдохновить людей, но получил обратный эффект. Произошло новое размытие классового интереса. Рабочему пообещали скорое торжество общества неограниченного потребления, и он увидел себя потребителем, таким же паразитом, как и любой эксплуататорский класс.

Как я понял из рассказов гостя из будущего, в самом худшем варианте все это повторилось с Советским Союзом в девяностые годы. Людям пообещали акции и ваучеры. Они увидели себя акционерами, совладельцами заводов и фабрик, владельцами земельных участков, то есть капиталистами и рантье. Вот вам и подмена коренного классового интереса. Произошло то же вторжение. Но если в сорок первом в нашу страну вторглись иноземцы, то теперь разорили государство его собственные граждане. Именно разорили. Поскольку все капиталистами быть не могут. Кто-то должен стоять за станками. А за станками люди, мнящие себя буржуями, стоять либо не будут, либо будут делать свое дело из рук вон плохо, чураясь его. Страна неминуемо покатится к катастрофе.

— Казалось бы, многих репрессированных троцкистов можно понять, — Сталин опять переключился на новую тему. — Они были искренни в своих намерениях. Ну, посудите сами: Ленин критикует Лигу наций, а Сталин вступает в нее. Ленин называет американский империализм главным врагом Советской власти, а Сталин берет его себе в союзники. Марксисты говорят о мировой революции, а Сталин... А Сталин вместо диктатуры пролетариата предлагает альтернативные выборы...

— Ну разве нельзя назвать, — проговорил он, волнуясь, — Сталина предателем?

И снова на некоторое время воцарилось молчание.

— Можно! Если следовать теории, как библии, в которой нельзя изменить ни одного слова.

Но наша жизнь строится не по библии, и теория постоянно требует корректив.

Однако и коррективы бывают разными: и правильными, и ошибочными. Ленин вводит нэп, чтобы спасти экономику, Бухарин говорит «обогащайтесь», обрекая ее этим на крах.

Как видите, ситуации бывают непредсказуемыми. Одно и то же слово ведет к разным последствиям. И потому я вновь говорю, что единственной гарантией для рядового партийца не стать игрушкой в руках обманщиков является учеба. Мы вступаем в партию не для партбилета. И раз уж взваливаем на себя такую ответственность, то должны каждодневно изучать ситуацию, соотносить ее с теорией. Учиться должны все: и млад, и стар. Ответственные партийные работники — в первую голову. Вчера ты в чем-то добился успеха и заостенел. А ситуация изменилась, и твои методы начинают давать обратные результаты.

Но как учить людей, миновавших молодой возраст? Как посадить за парты тех, кто марксизм осваивал на полях сражений, в царских тюрьмах и ссылках?

Ничего другого, кроме периодического обращения к теоретическим трудам и новому практическому опыту, природа не выдумала. Пусть кому-то и кажется, что время, отведенное на прочтение одних и тех же книг, убивается впустую, но знания, соотносимые с новой реальностью, по-новому откладываются в голове, приходят в систему. Мне самому очень многое дало написание «Краткого курса истории ВКП(б)». Работая над этой книгой, многое перечитал, переосмыслил, увидел в новом свете. Полагаю, что каждый

общепартийный лидер в течение своего пребывания на этом посту должен написать свой «Краткий курс истории партии». В каждом времени он будет свой. Полный курс пусть пишут академики, но «Краткий курс», как руководство к действию для каждого коммуниста, правильно напишет только партийный руководитель. Считаю ненормальным, когда лидером партии становится человек, не написавший ни одного теоретического труда. Партия должна быть целиком сосредоточена на идеологии. К этому ее обязывает ответственность за рабочий класс. Рабочий класс без своей партии слеп. Как видим, ему очень легко привить чуждый ему классовый интерес.

Товарищи! Время, отведенное мне на сегодня, заканчивается. О многом хотелось бы поговорить. Не хотелось опускаться до полемики с гадким докладчиком Хрущева, но поскольку в будущем его окрестят «эпохальным», частично пришлось это сделать. История, в конце концов, расставит правильные акценты. Смывает грязь. Не такая уж хрупкая махина — Советский Союз, чтобы можно было его легко уничтожить. Уверен, он поднимется. Как и отрезвится, в конце концов, потерявший политические ориентиры рабочий класс. Главное, чтобы у него была партия, которая сможет правильно осознать и сформулировать его коренной классовый интерес. Товарищи, коммунисты! Помните — на вас лежит ответственность за государство, построенное Лениным, за первое в мире государство рабочих и крестьян!

Вот, наверное, и все...

Делегаты съезда разошлись глупо за полночь.

А утром пришедшие мыть зал уборщицы с большим трудом выкурили из трибуны всеми забытого Никиту Сергеевича. ■

ЧТОБ МИРНО ЖИТЬ

*В канун трагедии великой,
Когда я ехал вдоль полей,
Мне песня грустная напелась
Про клин из белых журавлей.*

*Сейчас едва ль не стало модой
В суете насущных дел
Победу вспоминать и дедов,
Забыв жестокий их удел.*

*Как без винтовок и патронов,
Под шквалом стали и огня,
Родную землю оставляли
Стыдясь родных, себя кляня.*

*Ну почему в который раз,
Поверив козням Сатаны,
Мы оказались не готовы
К началу подлой той войны?*

*Как много жизней положили,
Чтоб повернуть все вспять
на Волге,
Чтоб пол-Европы прошагать,
А что имеем мы в итоге?*

*Сейчас плюют нам вслед поляки,
Прибалты, венгры, чехи,
финны
Болгары, как всегда, предали,
А что пришло из Украины?*

*Испанцы — что они забыли
В полях далёкой им России
Как инкам головы рубили?
В галерах золото вывозили?*

*Когда ж уроки извлекать
Научимся из войн жестоких?*

*И где и как нам написать,
Что нет друзей у нас в Ев-
ропе.*

*Чтоб мирно жить — быть
сильными должны,
Навечно исключить беспеч-
ности порочность
Тогда, быть может, в них жела-
нье пропадёт
Ещё хоть раз проверить
нас на прочность.*

ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ,
ветеран военной разведки

А ВОЛКИ ГОРАЗДО ДОБРЕЕ ЛЮДЕЙ...

*А волки гораздо добрее людей,
Намного порядочней в стае.
И, ради местечка себе потеплей,
Друг друга они не съедают...*

*И людям учиться пора бы у них,
Не прятать оскал лицемерно,
И не предавать ради целей своих,
Живя, как шакалы и стервы...*

*А волки — они человечней людей.
Их верность не купишь деньгами...
И, жизнью отважно рискуя своей,
Не страшно им быть вожаками.*

*А люди, увы, прогнаться спешат,
Вкус денег нутром ощущая...
А волки растят настоящих волчат
И слабость себе не прощают...*

*А люди людей называют зверьми,
Не зная, что звери, возможно,
Друг друга в сердцах обзывают людьми,
Сильней обозвать невозможно...*

*Ведь люди мечты предают и друзей,
Им рабство свободы дороже...
А, волки гораздо умнее людей.
Их зайцев доход не тревожит...*

*Не смотря в медведя они кошелёк
И не голосуют за белок.
А вот человек зачастую жесток,
Ведь жаден, завистлив и мелок.*

*В толпе одноликой, в безумной толпе —
Людей, что похожи с волками,
Не встретить, ведь в жизни они
и в судьбе
Остались себе вожаками.*

*От мнений зависит чужих и идей —
Ну разве же это не пытка?
Вот волку тепло от волчицы своей,
А людям от золота в слитках...*

ИРИНА
САМАРИНА-ЛАБИРИНТ

